

Евгений
ШЕПЕЛЬСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Евгений ШЕПЕЛЬСКИЙ

ИМЕЮ ТОПОР —
ГОТОВ
ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

Ни темных, ни светлых... Там, где прошел варвар

ИМЕЮ ТОПОР —
ГОТОВ
ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

Евгений ШЕПЕЛЬСКИЙ

**ИМЕЮ ТОПОР —
ГОТОВ
ПУТЕШЕСТВОВАТЬ**

Ленинград
издательский дом

2013

Оформление обложки *Станислава Дудина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Шепельский Е.

Ш48 Имею топор — готов путешествовать. — СПб.: Издательский дом «Ленинград», 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-516-00016-4

Что? Представиться? Ну, можно и представиться. Фатик Джарси, варвар с гор Джарси, герой. Героические дела? Идите вы! Давно не занимаюсь этой ерундой, и даже за большой гоно-рар вы не сдвинете меня с места. Я мирный торговец в одном приморском городе: продаю дешево, покупаю дорого, нажил кучу долгов и ворох проблем. Но прошлое не отпускает. Все началось с того, что хитрож... хитроумные эльфы, скупившие долговые расписки моей конторы, оставили меня буквально без штанов... Целью их интриги было принудить меня отправиться вместе с ними в поход, от которого зависела судьба порабо-щенной империи.

А теперь... Э-э, простите, надо бежать: под мышкой у меня эльфийка, а на ободранном хвосте — гильдии убийц, магов, охотников за головами и имперский смертоносец — головорез и чародей в одном флаконе. Если кто-нибудь из них заговорит с вами — я побежал во-он туда!

Ах да, еще я пропил фамильный топор!

Победа — любой ценой?

ББК 84.445

ПРОЛОГ

Мужчина и женщина стояли на придорожном холме. Луна очерчивала их тонкие силуэты.

Город перед ними сверкал мириадами огней.

— Все трое в Хараште, — сказала женщина тихо.

— Наследник... Малефик... И жертвенный агнец... — изрек мужчина задумчиво.

Женщина вздрогнула.

— Заставить раскрыться одного, спасти другого, пожертвовать третьим... — прошептала она слова, похожие на заклятие. — Обмануть двоих ради высшей цели... Одного на трон, другого на смерть...

— В твоем голосе звучат сомнения, — сказал мужчина.

— Дело не в этом. Сегодня я видела его...

— Наследника?

— Жертву. Я решилась еще раз заглянуть в Плетение Нитей, и там...

Внезапно женщина прикрыла глаза, простерла руку вперед и глубоко вздохнула.

— Сеющий Пагубу наконец получил тревожные вести!

Мужчина чуть слышно выругался.

— Ты ощущаешь его?

— Как всплеск... Слабый всплеск багровой боли... Я не смогу указать место. Он умело закрыт, его могущество по-прежнему сильно. Но он получил вести, это несомненно!

— Получил и встревожился, — улыбнулся мужчина. — Колеса завертелись. Пути назад нет. Что с нашей гончей?

— Уже близко. Он торопится... Далеко оторвался от своих людей. Первое время в городе он будет действовать один.

— Очень хорошо... — проронил мужчина. — Что ж, во имя прошлого и будущего, во имя тех, кого еще можно спасти... Постой. Ответь — что ты увидела в Плетении Нитей?

— Шанс.

— У жертвы появился шанс остаться в живых? А у нас?

Женщина не ответила. Она отбросила со лба длинные волосы, обнажив острое ухо.

— Что ж, — сказал мужчина. — Коли так... Тем лучше. А теперь — нам остается делать дело. И лгать. Много лгать. Но ведь эльфы не лгут. — Он рассмеялся неприятным вибрирующим смехом.

Сходя с холма вслед за женщиной, мужчина зацепился носком сапога за корягу и расквасил нос.

1

Кажется, в дверь конторы били сапогами.

— О-о-ой... — Удары отзывались в моей голове острой болью. — Кто? Кого принесло?

Я сбросил ноги со стола, встал, пошатываясь. Для надежности оперся о столешницу. До двери было шагов семь. Но как пройти их, как не упасть?.. Глаза застил туман, во рту... изо рта... Короче, своим дыханием я мог опьянить дракона.

— О-о-ой. Ох... — Гритт, до чего погано... Что же я вчера пил? *Уракамбас*, кольнуло воспоминание, отвратный гномий уракамбас! И не пил — хлебал со слезами на глазах. Олник все же уговорил «чутьочку попробовать». Ну по-

пробовал, а потом оно само пошло — отвратный горлодер с горьким привкусом, уракамбас как нельзя лучше соответствовал нашему с Олником настроению.

Вообще-то, гномий самогон людям яд. То есть поначалу он идет хорошо, ощущения — самые радостные, но где-то через час... Это даже не помутнение рассудка, а полная его потеря. Плачешь, смеешься, несешь всякий бред. Утром наступает расплата. Хреновое самочувствие — полбеды, главное — невозможно вспомнить, что ты делал вечером. Это зелье ухайдакает даже варвара с чугунной головой и богатырским здоровьем. Ну да, я тонко намекаю на себя. Простой обыватель, раз хлебнув этой дряни, вряд ли заправит на место глаза.

Что-то холодно стоять на полу. Неужели я... Ну да, так оно и было: я стоял босиком. Я оглянулся в поисках ботинок, с трудом поворачивая голову. Да-а, бардак в нашей конторе еще тот. Кто-то выпотрошил книжный шкаф вместе с картотекой клиентов, а какую-то книгу разорвал по листику и устелил ими пол. Присмотревшись, я узнал мелко нашинкованный grossбух. Толковое сведение дебета с кредитом. Но кто... Олник или я? Хорошо хоть трельяж не разбили... Так, сперва ботинки. Может, я бросил их за один из шкафов или за тумбочки?

Я попытался добраться до шкафа, что был поблизости, но первый же шаг завернул мир в цветную спираль.

Нет, так я далеко не уйду. Проверю позже, когда немного уляжется. Я снова оперся о край стола, отдышался, повертел шеей, склонился вниз и ужаснулся увиденному.

Боги, когда я в последний раз мыл ноги? Особенно правую, это же позор!

Мне понадобилось несколько долгих, ужасно долгих мгновений, дабы понять, что вчера я опрокинул на себя чернильницу. На левую ногу чернил попало меньше, на правую — больше, ну а основная часть впиталась в штаны.

Несказанное облегчение.

Бум! Бум! Бум!

Сквозь пыльное окно просачивалось солнце, в приоткрытую форточку тянуло свежестью, *уличной* свежестью — смесью запахов мартовских котов и всяческих отбросов: в нашем районе Харашты так пахнет свежий воздух.

Ага, вот куда я дел ботинки! Выбросил в окно. Сначала один, затем другой. Вчера под окнами истошно зывал к даме сердца кот-полудурок. Этот паразит был начисто лишен голоса и очень настойчив. Правый ботинок его не успокоил, левый, увы, тоже. Теперь ищи-свищи, у обуви уже новый хозяин.

Бум! Бум! Бум!

А вот головой стучать не надо, дверь дубовая, мало ли что. Я решил высказать эту мысль вслух, но горло было словно забито песком.

Бум! Бум-бум!

Никого... кха-а-а... никого нет дома! Пока нет.

Я поискал взглядом кувшин, в котором обычно хранилась вода для поливки фикусов. Кувшин отыскался на полу — россыпь мелких черепков, явно потоптанных ногами. Фикусы, посаженные Олником от сглаза, тоже исчезли. Ох, что он теперь скажет? Боги, а какой пошляк красным лаком для ногтей намалевал на двери прегнусную бородавчатую задницу тролля и накарябал под ней: «Вся жизнь — дерьмо!»? Я с содроганием узнал собственный почерк. Потом содрогание уступило место ужасу, я даже подался вперед и чуть не загремел на четвереньки.

— *Великая Торба!**

Видите ли, вместо задницы с подписью на двери должен был красоваться мой топор, фамильная реликвия джарсийских варваров клана Мегарон. Славный топор, топор, с

* *Великая Торба* — элемент верований варварских кланов Джарси. Предполагается, что в неведомые времена Великий Творец повывтряхивал из этой Торбы на поверхность нашего мира все живое. Лично мне всегда казалось, что таким образом он просто избавился от живущих в Торбе паразитов.

которым мой дедушка Трамп охотился на троллей, а затем, уже в годах, позировал самому Дамбару Хараштийскому. Красивая получилась статуя (Дамбар назвал ее загадочно: «Мощь простоты»), жаль, голова отбилась, когда ее свозили с гор на телеге.

Железные скобы, которые держали топор, разорвал какой-то мерзавец.

Бычья сила у парня! Так вот запросто разорвать скобы, которые даже я... Потрясенный внезапной догадкой, я осмотрел свои ладони. Содранная кожа была мне ответом.

Та-ак, кутеж определенно удался.

Ну и где топор? Нет-нет, я не мог выбросить его в форточку, я бы лучше сам выбросился. Бедная моя голова набита туманом и пульсирующей болью. Куда делся Олник? Может, он что-то помнит?

Бум-бум!

Я оглянулся, мельком увидел под столом остатки пиршества: косточки да огрызки, и пять бутылок из-под эля. Боги, значит, был еще и эль!

Двигаясь, будто зомби, разгребая руками густой воздух, я глянул за стол. Там был только сломанный стул (мое кресло пропало!) и обломки расписных горшков для фикусов. Фикусы мы, очевидно, выбросили в окно вместе с землей.

Я выругался: ни топора, ни напарника, ни кресла, ни фикусов. Здравствуй, прекрасный новый день!

Бум!

— Отпирайте немедленно!

Звонкий женский голосок. Чуть истеричный, но уху приятный, есть такие голоса — не теряют звучности и красоты, даже когда их хозяева не в духе.

— Отпирайте, не то я вам устрою!

Запирал ли я вчера дверь? Кажется, нет.

Бессмысленно было ее запирать, ведь формально мебель в конторе уже не принадлежала нам.

Я покосился на свое отражение в зеркале, увидел плечистого босоногого детину с красными глазами и очень не-

дружелюбным выражением помятого лица. Гм, да. Бывало и хуже, вот только когда?

— Отпирайте!

— М-м-м... Это самое... Дорогая, дерните ручку на себя!

Дверь резко распахнулась. Словно вихрь, в комнату влетела высокая девица. Стройная, худощавая даже чрезмерно. Олник, не склонный к сантиментам, сказал бы, что она тощая как палка. Утиный нос, слишком большой рот с тонкими губами — она явно не была красавицей. Нет, все-таки была. Красота таилась в глазах, серых, как грозовое небо, и бездонных, как пропасть. Пышные, чуть волнистые волосы ниже плеч были цвета золота, в них играл солнечный луч... Боги: плеч, луч! Да я, никак, с похмелья заговорил языком поэтов-романтиков? Тьфу! Трижды тьфу! Я холодно напомнил себе, что такие волосы весьма ценятся в Галидорских горах: тамошние гоблины делают из них парики, которыми украшают верхушки каменных идолов. Волосы обычно добываются вместе с головой, и плевали гоблины на серые бездонные очи. Волосы — идолу, мясо — в котел, такие дела.

Девчонка явно собиралась скандалить, но мой вид, кажется, ее перепугал. Я спешно запахнул рубашку: нечего смущать ребенка ошибкой молодости, срамной татуировкой на груди. Увы, похмельную щетину я смог бы спрятать, разве что повязав под носом платок.

Она открыла и закрыла рот, потом собралась с духом и выпалила:

— Что за манера запираяться! Вы знаете, что...

— Ни черта я не запирал. Дверь была открыта.

Она возмущенно засопела, пытаясь поджарить меня взглядом. Впрочем, крыть было нечем, ведь не додумалась же дернуть ручку на себя!

— Это вы — Фатик Джарси?

Я задумался.

— Минутку, минутку... Я, несомненно... Фатик, да. Меня зовут Фатик! Фатик Мегарон Джарси. А дедушку моего

зовут Трамп Пустая Башка. Он меня сам воспитал! Я, представьте, совершенно не помню родите...

Я неосторожно качнулся в ее сторону, и она мгновенно сморщила носик:

— Вы — пропойца, поддавала! Ко рту свечку поднеси — вспыхнет!

— Нет, я несчастный работяга! Видите, даже спать остаюсь на работе. А Олник Гагабурк мой деловой партнер. У нас с ним контора на паях... — Я сглотнул горький ком. — Была.

Она вскинула голову:

— Знаю, пропили!

Я хотел возразить, указать на нашу тяжелую долю, на общий экономический упадок Харашты, на поборы со всех сторон, но смог вымолвить лишь жалкое:

— Простите за бардак.

— У вас... У вас здесь... — Она задумалась, подбирая нужное слово: — Свинарник!

— Честное слово, не хотели...

Я попытался сказать, что мы, в общем, нормальные ребята и в обычные дни не пьем, не пляшем на столах и не швыряем ботинками и фикусами в кошек. Что вчера мы отмечали безвременную кончину нашей конторы, а такое событие — оно не каждый день случается. Я даже сделал драматический жест и сказал первую фразу (не-что неразборчиво-похмельное, «хрфы... мныыы... нааа»), но перед моими глазами вдруг возник прямоугольный бумажный лист, отягощенный малиновой сургучной печатью.

— Вам известно, что это?

Она прихватила лист двумя пальцами, как нашкодившего щенка. Я всмотрелся, с усердием вытянув шею.

— Очевидно, постановление суда...

— Которое касается вас! И не смейте, не смейте его трогать! — Свернутый в трубку, лист убрался в плоскую сумочку на ее боку.

Я попытался изобразить смущенную улыбку:

— Ну вы знаете эти суды. Нас не ознакомили во время...

— Вас не было ни на одном заседании!

— Вольный город Харашта против конторы «Силь, Мар и... ик!.. Иллион»? — Я виновато кивнул. — Ну какой же он вольный... Тут у нас олигархическая талассократия... Ик!.. Простите!

Ее ноздри затрепетали. Э-э, ну да... Мне следовало прибавить: «...за перегар». Простите за перегар, прекрасная незнакомка. В нашу следующую встречу я буду свеж и весел.

— Мы... э... как раз вовсю вкалывали в это время, пытались найти средства для погашения долгов. Мой партнер, например, хотел занять у собственного папы, а он живет далеко, в горах Зеренги. Мы послали гонца, но, как говорят, по дороге его загрызли волки. Ужасная трагедия.

— Избавьте меня от подобных рассказов! Вы должны были убраться еще вчера! Убраться насовсем и не устраивать тут...

Она гневно сверлила меня взглядом. Я сконфуженно переступил с ноги на ногу. Нет, положительно, в ней было нечто такое, этакое... Злиться на нее я не мог, и мне — поверьте — действительно стало стыдно за себя и окружающий нас беспорядок.

— Учтите: оргии у нас не было! Тризна по усопшей конторе, не более того... А какое сегодня число?

— Двенадцатое мая!

— О! Вы, очевидно, правы. Нас не должно здесь б-быть...

— Но вы-то здесь!

— Ну да, мы здесь. Я, вернее...

Черт, куда запропастился этот Олник? И где, во имя всех злобных богов преисподней, мой фамильный топор?

Я икнул, устыдился и прикрыл рот ладонью. Рубашка, конечно, тут же распахнулась. Девушка увидела татуировку и нервно отступила назад. На ее щеках выступил румянец — *восхитительный* румянец, должен сказать. По выражению ее лица я понял, что мои акции, и без того хлипкие, рух-

нули в самую глубокую пропасть, дно которой никогда не освещает солнце. Пожалуй, легче отпечатать новые, чем выуживать старые оттуда.

— Нет-нет, это не то, что вы... — Я запахнулся. — Никаких осложнений на голову! Сумасбродства молодости. Я же потомственный варвар, не забывайте! Лет двести тому мои предки обитали в пещерах, совершали набеги на цивилизованные страны, похищали и насиловали жен...

Глаза у нее стали *большие*. Шок и трепет! Что же я несу? Я ведь должен расположить ее к себе, чтобы нам дали спокойно уйти, не вчиняя новых исков, а вместо этого...

— Убедительно прошу меня извинить, ик!.. леди, простите, не знаю вашего имени! — Я сделал паузу, но она не посчитала нужным представиться. Я с трудом изобразил полупоклон, мимоходом оглядев ее полосатые штанишки в обтяжку, сапожки из мягкой кожи, длиннополую плотняную куртку с накладными карманами. Неброская одежда для Харашты. И вкус, несомненно, есть, но очень уж скромный. И — я только сейчас заметил — она не пользовалась косметикой, совсем. И золота не носила, и прочих украшений. Духи, однако, были — невесомое облачко.

— Мне привратник сказал...

Элидор, старый хрыч!

— ...что никуда вы не убрались!

— О да, мы...

— А между тем второй этаж вместе со всей обстановкой с сегодняшнего дня принадлежит мне!

Вот, пожалуй, с этих козырей ей и нужно было начинать.

2

Яханный фонарь!

Значит, вот он, этот загадочный «кто-то», скупивший все наши векселя. Хрупкая девушка с утиным носом... Хорошая пощечина от богов.

— Ве... весь этаж? — Наверное, я выглядел жалко в этот момент. Даже наверняка. Если бы у меня были собачьи уши, я бы поджал их. Несмотря на внешнюю хрупкость, было в этой девушке что-то властное, твердое, как алмаз, и, кажется, безжалостное.

— Весь. — Она пронзила меня взглядом. Обладай он материальной силой, меня — точно вам говорю — прищипило бы к стенке. Во всяком случае, туман в моей голове окончательно развеялся.

— И... Значит, вы тот... та, что купила контору Джабара? И общий склад? И примерочную? И обе подсобки?

— Он задолжал побольше вашего. Слесари ждут внизу. Сразу после того, как вы... уйдете, мы поменяем замки. И чтоб без этих ваших штучек! Я наводила справки и знаю, что вы накоротке с городскими ворами! Так вот: только посмейте, вы меня поняли? — Тонкий пальчик с коротким лакированным ногтем закачался у моей физиономии.

— Позвольте нам забрать хотя бы некоторые вещи...

— Ничего! Ни единой!.. — Она покрутила головой. — Ни единого осколка. Ни одной бумаги. Я знаю, что приставы, которых вчера отправили для описи имущества вашей конторы, попали в скверную историю! Проще говоря, какие-то темные личности избили их до потери сознания, раздели и сбросили в сточную канаву!

— Что? Не может быть! Что вы говорите! Какая ужасная новость!

— Не прикидывайтесь дурачком, Фатик Джарси!

— Но я... — Я развел руками, отчего татуировка вновь открылась. — Харашта — опасный город. Вы знаете, не далее чем позавчера тут был ограблен сам патриарх Атрея Зигмунд Керван! — Я умолчал о том, в каком именно заведении с патриарха стрясли лишний жир. — Надеюсь, с приставами все в порядке? То есть — ну они... э-э... *живы*?

Эмоции легко отражались на ее подвижном лице, на сей раз это было неподдельное сочувствие: брови изломились, углы рта опустились.

— Разумеется!

Угу, мне это тоже известно. Джабар хорошо поработал.

— Я оплатила их лечение из своего кармана, и теперь внизу ждет новая судебная команда. И только посмейте... вы поняли? — посмейте прихватить хотя бы швабру, и я вам устрою пышные похороны!

Весь этаж. Контора. Склад. Подсобки. И приставы внизу. А мы думали сегодня убраться без особой спешки, прихватив кое-какие вещички. Джабар успел сбежать, он ведь не пил уракамбас. А я пил. Вдобавок где-то посеял фамильный топор.

Я нахмурился, стараясь выглядеть не слишком свирепо.

— Похоже, выставляете нас буквально без штанов, добрая фея.

Добрая фея с готовностью кивнула:

— Теперь я вижу, что вы сами довели свои дела до ручки и не заслуживаете милосердия. И не надо передо мной лебезить!

Лебезить, называя ее «доброй феей»? Небеса! Я закатил глаза к потолку. Женщины без чувства юмора — это особенно тяжелый случай. Глупая — да, истеричная — пускай, но вот когда нет чувства юмора, от такой дамы я улепетываю во все лопатки.

— Ну, э... отдать швабру, не такое уж большое милосердие, леди. Возможно, именно с этим инвентарем я уже сегодня буду искать низкооплачиваемую, постыдную для мужчины работу.

Добрая фея снова кивнула. Золотистые волосы качнулись, и сквозь раздавшиеся прядки выглянуло заостренное ухо.

Эльфийка!

— ИИИХХХ-ХХХУУУ! — Мы подпрыгнули одновременно, причем девушка отлетела к самой двери, легко, как пушинка. Бледные пальцы ухватили воздух за плечом, но рука сразу опустилась. Интересно, что она там обычно носит? Дрессированного крокодила? Говорящего попугая? Или большую пудреницу с зеркальцем?

Интригующий чих повторился в платяном шкафу. Там кто-то завозился, потом раздался громкий стук, и низкий, злой голос проревел:

— Откройте, проклятые идиоты! Я сейчас... о-о-охх, начну буяннить! *Эркеши махандарр!**

Моему рассудку понадобилось всего пару мгновений, чтобы узнать голос старого друга.

— Олник, минутку! — Я повернулся к девушке и мягко, почти без нервов пояснил: — Мой напарник. Какой-то негодяй запер его в шкафу, а он боится темноты, вообще-то.

Тарабб-бам!

Могучий удар сотряс шкаф. Створка выпятилась. Я рванулся вперед, преодолевая головную боль и тошноту, и успел повернуть ключ, выпуская узника.

На пол выкатился короткошей массивный гном, пахнущий лавандой и перегаром. Волосы стрижены под горшок, бороды нет. Это всегда приводило наших клиентов в недоумение — как это, гном и без бороды. Олник охотно рассказывал, как однажды, спасая детей из горящего сиротского приюта, раз и навсегда потерял в пожаре бороду. Настоящая история была куда заковыристей. В ней фигурировали две гномши, лживые обещания жениться, обжигающая ревность и флакон магической бурды, называвшийся «растворителем». Страшная женская месть свершилась однажды ночью; с тех пор Олник начал бояться темноты, женщин и магии.

— Кто меня запер — я того убью! — Здоровенные красные ладони звонко расплющили откормленную моль. — Фатик, если это ты... *А-а-атхи-и-и!*

Я молча указал на него пальцем. На груди гнома, прицепленная к пуговице крикливо раскрашенной рубашки, болталась помятая бумажка с такими словами:

* Расхожее гномье ругательство, дословный перевод которого заставит покраснеть самого бранчливого матроса. Человеческий аналог... Гм. Пускай будет «Черт поberi!»

«Помятка Фтику: зпри миня в шканф на плюч, когда мьи глаза седут к перина осице. Иначе уйду буянить. Спасибо Олнк».

Отцепив бумажку, Олник созерцал ее несколько мгновений, беззвучно читая по складам. Потом озадаченно дернул себя за оттопыренное ухо.

— Вот так-так! Это же мой почерк. Эркешш... Выходит, я вчера просто... погоди! — Он пришел в волнение. — А было... Я не пытался просунуть в форточку собственный зад?

Тысяча лет позора! Я боялся оглядываться на девушку.

— Не было! Вот этого не было — точно. А ты не помнишь, куда я дел свой топор?

— *А-а-апчхи-и-и!* Нет, это не от лаванды... А, твой топор? Не помню. — Гном деловито оглянулся через плечо, заметив наконец девушку. — Ишь, какая шмара. Нету, все! Мы разорились и уже не торгуем! Фатик, скажи ей, никаких корсетов, духов и губной помады!

Лицо девушки напряглось, рука вновь метнулась к плечу. Великая Торба! Дело принимало дурной оборот. То есть оно и раньше было не очень светлым, но после опрометчивой реплики гнома мы стремительно скатились в такое место, где восходит только черное солнце. На всякий случай я загородил товарища своим телом.

— Мой напарник, Олник Гагабурк-второй*, сын Джока Репоголового из Зеренги. Олник, познакомься, это *новая владелица* нашей конторы и вообще второго этажа, даже того чулана, где Элидор держит раскладные койки. Скажи «привет», дубина! — Я отчаянно жестикулировал за своей спиной, одновременно доверительно глядя на девушку. — Манера поведения моего приятеля слегка шокирует, леди, но поверьте, в душе он добрый малый и сейчас за все изви...

* Близнец носил то же имя, только с приставкой «первый», поскольку явился на свет раньше. Да, у гномов туго по части фантазии.

Я прервался, ибо за моей спиной родился новый громоподобный чих. Потом Олник звучно поскреб в затылке и изрек:

— Да ведь это аллергия! Мой нос учуял эльфку!

Эльфку? Эльфийку? Аллергия? О боги, как я мог про это забыть!

Э

Я вдруг ощутил настоящую потребность слинять куда-нибудь подальше, ибо перворожденная посмотрела на меня таким пронзительным взглядом, что... Обвинение и детская обида, вот что сквозило в ее глазищах.

Я бы сказал, что от волнения у меня пересохло во рту, если бы там не было сухо еще с ночи.

Олник, друг мой, когда-нибудь я тебя утоплю!

Эльфийка! Так вот, значит, откуда у девушки такое... м-м-м... деликатное телосложение.

Минутку, я кое-что проясню насчет эльфов, чтобы вы яснее представили себе ситуацию в целом.

Так вот, среди них выделяют три, э-э, группы. Оседлые культурные, не совсем культурные кочевые (эти разъезжают на фургонах, играют на музыкальных инструментах, поют, немного гадают и воруют лошадей), и наши, местные, «чащобные эльфы», что населяют юго-западные отроги Галидорских гор. Последние известны в Хараште как «бич божий», «паскудники» и еще под десятком нелестных прозвищ. Больше ста лет назад их привел в горы какой-то духовный лидер, расселил в анархические коммуны, после чего благополучно скончался, кажется, от укуса горного клеща. Лишенные пастыря, эльфы удивительно быстро одичали, всего за полстолетия утратив весь шик, красоту и загадочность, присущие Дивному народу. Возможно, виной тому были анархические убеждения, или неупорядоченность быта в сырых пещерах, поразившая почти всех эльфов радикулитом, чахоткой и разными видами лихо-

радок. Короче говоря, лютни сменили барабаны, шитые золотом одежды — шкуры горных баранов, луки тонкой работы — грубые копья, а мудреные чары превратились в плохо действующие ругательства. Певучий язык оскудел, характер безнадежно испортился; доминирующими чертами в нем стали надменность, агрессия и ксенофобия, в том числе и к своим благополучным собратьям. Вульгарные дикари — вот кем стали чащобники. И вот уже вторую сотню лет, как они обеспечивали крестьянам в Долине Харашты полный комплект неприятностей, доходя иной раз в своих набегах до стен нашего города. Пища, рабы, предметы обихода, алкоголь — этим скрюченным мерзавцам годилось все, что можно отобрать и унести. Синдики Харашты не раз пытались выбить их из горных ущелий, но куда там! Хитроумные ловушки, узкие тропы и привычное отсутствие взаимодействия (на человеческом языке это называется: «Пусть *они* идут первыми, а мы прикроем с тыла!») между армиями синдикиков делали чащобных эльфов неуживимыми.

В конце концов, хараштийские картографы начали обозначать ареал обитания чащобников кровавыми пятнами с подписью «Эльфы! Опасно!», а синдики, по слухам, согласились выплачивать эльфам дань, что, впрочем, не уберегало земли Харашты от набегов. Вот так и вышло, что чащобные эльфы бросили тень на весь эльфийский род, по крайней мере, в хараштийских пределах, а крестьяне могли устроить самосуд любому эльфу, попавшему им в руки. Кочевые эльфы проезжали Долину Харашты, устраиваясь на ночлег вдали от деревенок. Что касается оседлых — в нашем мире всего одно эльфийское королевство, это Витриум у границ несчастной империи Фаленор — то они случались в Хараште, хм, *мельком*.

Нет, если у оседлого или кочевого эльфа есть деньги, в городе с ним будут иметь дело, хотя остроухому придется держать ухо востро и, разумеется, не забредать на любой из базаров Харашты. Там, если излагать события предельно сжато, может случиться следующее: *крестьяне-*

узнавание-отрезанная-голова-мы-не-плохие-люди-но-поймите-нас-тоже-сын-и-эту-башку-и-позови-мату-будем-праздновать.

Истины ради: и кочевые, и оседлые эльфы не особенно стремятся в Харашту, считая ее тлетворным и пакостным местом, общемировой клоакой и рассадником венерических заболеваний. «Помойка у моря» и «Отрыжка злых богов» — это самые приличные выражения, которыми они ее величают. Приезжих, точнее, приплывших из Витриума эльфов я встречал в Хараште очень редко, и все это были мужчины (их можно отличить от женщин по особо надменному выражению лица) — торговцы листьями *арцеллы* и разными диковинами. Тут надо бы отвлечься и сказать, что после узурпации фаленорского престола герцогом Тавро Вортигеном эльфам Витриума стало трудно проводить свои флотилии вдоль имперского побережья, и минуло уже года три с тех пор, как в Харашту заплывал последний эльфийский корабль.

Как вы могли бы догадаться, эльфийку в Хараште я встретил впервые.

Не скажу, к какому из двух цивилизованных племен принадлежала девушка, но она прикрывала уши, а значит, кое-что знала. Она благоухала, но слишком сдержанно, а ее одежда была вполне человеческой. (Не говорю уже о том, что она нашла общий кошелек, тьфу ты, язык с местными судьями.) Нет, она не была случайным гостем в Хараште. Скорее наоборот.

Гм, какая же забота привела эльфийку в нашу без меры унавоженную метрополию? Чего она хочет? Скупила второй этаж, чтобы устроить там салон красоты? Цех по разделке селедки? Фабрику поддельных реликвий? Артель, клепающую праздничные колокольчики? Сомневаюсь, что она посвятит меня в свои планы.

Ах да, про аллергию, если вы еще не устали от назойливых пояснений. Ну вы сами, небось, знаете, что между гномами и эльфами существует труднообъяснимая вражда. Это как кошки и собаки, антагонизм врожденный, впечат-

танный намертво. При этом каждый десятый гном с незапамятных времен рождается с аллергией на эльфов, — что значит чиханье и насморк, когда остроухий рядом. У многих эльфов, замечу (впрочем, эти сведения не проверены), от соседства с гномами развивается смертная тоска, чреватая самоубийством. Ну и у всех эльфов от звуков гномских йодлей начинается неукротимая рвота. Это безотказное оружие гномы Шляйфергарда использовали издревле, выставляя на флангах армий лучших певцов, и оно действовало до тех пор, пока эльфы Витриума не додумались заливать уши воском. Увы, наши, чащобные эльфы настолько... хм, *очеловечились*, что гномье пение действовало на них как слабая щекотка.

Вот вроде и все пояснения.

Кстати, хотел бы я посмотреть на эльфийку, которой нравится, когда ее презрительно кличут «эльфкой».

В общем, со всеми этими соображениями я подобрался, ожидая самого худшего. Шансы избежать драки были довольно зыбкими.

Но ничего страшного не случилось: девушка быстро овладела собой. Уголки ее губ стали жестче, а потом на них расцвела царственная улыбка.

— Значит, это ваш напарник? — Сказано это было в стиле: «Стало быть, вы держите дома ручную вошь?»

Я пожал плечами, за спиной демонстрируя Олнику кулак.

— Ну да, а что тут такого? Хороший честный парень, я с ним познакомился в тюрьме...

Серые глаза мазнули по мне, и я ощутил, как на мой лоб наклеивают ярлык: «Развратник, насильник, убийца!»

— Пустяковое дело, — попытался исправить ситуацию Олник, наконец-то учуявший неладное. — Фатик всего лишь лошадь украл. Ну, там, вломил кое-кому... А я так вообще сидел ни за что! Это же Фрайтор, там законы дикие!

Я промолчал, в смущении переступая босыми ногами. Да, то был Фрайтор, одно из последних приключений, будь они неладны! Но не рассказывать же девчонке, как меня

кинул наниматель — гроссмейстер рыцарского ордена Чоза Двурогого Аерамин А.О. Фаерано... Гритт, то был один из случаев, когда моя варварская природа взяла свое, и я погнался за гадом в слепой ярости и, кажется, завывая, чтобы вырвать его лживое сердце!

Не догнал, не вырвал, попал в тюрьму, отсидел.

Приключения оплачиваются плохо, вот что я вам скажу.

Да что там, приключения оплачиваются очень, очень хреново! Приключения калечат, преждевременно старят, делают алкоголиком, импотентом, лишают семьи!

В задницу приключения, яханный фонарь!

Нет, не буду оправдываться. Да и вряд ли я еще раз увижу эту эльфийку. Пускай останусь для нее насильником, грабителем и убийцей. Не сопляк, не какой-нибудь карманник, уже хорошо.

В некоторой степени, это было стоическое решение.

Я сделал к Олнику пол-оборота и энергично скривил ту часть лица, которая была невидима эльфийке.

— Нас выселяют, Ол. Будь добр, извинись перед новой хозяйкой этих апартаментов за «эльфку».

Это называется «гамма чувств». То есть когда на лице при сильном потрясении отображаются эмоции совершенно противоречивые. Вот примерно это и произошло с моим другом. Затем он слегка позеленел — то ли от приступа аллергии, то ли от досады. Глядя куда-то в землю (а точнее, в кучу мусора, что покрывала пол), он проговорил с пугающей монотонностью:

— Эльфка покупает нашу контору... А я-то думал, похмелье — это худшее, что будет ожидать меня сегодня утром. — И громко: — Простите, миледи, я был не прав! *А-а-атчхи-и-и!* — И шепотом мне: — Дамочка уже представилась? Показала бумаги? Ты уверен, что это не разводка? — Он добавил что-то неизустное, что читалось только по глазам.

Но он все-таки понял, как понял это я, что раз «миледи» соизволила подняться наверх, оставив приставов

внизу, значит, у нас есть шанс разойтись мирно. Убратся, в смысле, уйти свободными, на своих двоих, на все четыре стороны без проблем. И с гордо поднятыми головами, как и полагается двум неудачникам на бизнес-поле Харашты (умолчим о том, что подобных неудачников чаще находят в подворотнях с перерезанными глотками). Вообще, когда права собственности переходят из рук в руки посредством выселения, может случиться... всякое. Если выселенец ершист, команда приставов пополняется троллями, а уж те «в порядке исполнения служебного долга» могут устроить вам внезапное недомогание, скоростной спуск по лестнице и даже обзорный полет из окна.

Но эта девушка, похоже, была не чужда добродетели. Да-да, у приезжих случаются острые приступы этого недуга. Обычно он проходит через месяц-два, когда они убеждаются, что слова «добродетель» и «Харашта» могут соединяться разве что противоестественным образом.

Короче говоря, я кивнул, не забывая следить за выражением ее лица. Складка между ровных тонких бровей эльфийки мне не очень нравилась.

— Не задирай хвост, Ол. Мы спокойно...

Но он уже решил прокрутить ситуацию до конца и включил план номер девять: сел на пол, уронил голову на руки и запричитал:

— Молю, испытайте сочувствие к нашим проблемам! *А-а-апчи-и-и!* У меня родственники, сорок ртов, дедушка инвалид!

Ненавижу план номер девять! Но... Иногда он срывается, особенно с женщинами. Здесь нужен напор, здесь нужно все проверить очень быстро.

— Дедушка? О Небеса! Я не слышал, что случилось?

Он поднял голову, на его глазах блестели слезы (а изо рта, добавлю, выхлестывала мощная струя перегара).

— Я не хотел, не хотел говорить, тебе и без того пришлось тяжело последний месяц! Страшный обвал в Джу-

товых пещерах! Чтобы спасти, пришлось отнять обе ноги!
И что теперь? Дети!.. Сорок ртов лишились кормильца.
Остался один кормилец — я!

— О Небо, о Великая Торба!

— Поднять их, дать воспитание, чтобы они не пошли по кривой дорожке и не попали в лапы воров и распутников! Но мы разорены!.. Я разорен! Я нищ... Тебе хорошо, Фатик, уйдешь в матросы, а я... Я займу место дедушки! Тяжкий труд в забое! Три года — и хана! Угольная пыль! Они же не знают, что у меня слабые легкие! — По гномьим щекам покатались слезы, чуточку мутные от бродившего в крови алкоголя.

Я сочувственно кивнул.

— Ну а что тебе остается? Опять преступная стезя?

Он яростно покачал головой, разметав шлейфы слез, потом вдруг надул щеки и содрогнулся, выпучив глаза. О да, мне ли не знать, что резкие движения головой с похмелья вызывают тошноту.

К счастью, Олник справился и уже через мгновение пришел в себя:

— Нет, как можно? Я же дал зарок!.. Но деньги... кровь этого жестокого мира! Я сойду в шахту, эркешш махандарр! Я сгину там, но не брошу сирот!

Он шустро вскочил на колени и простер к эльфийке руки.

— Пока мы еще здесь, можно, милая госпожа, я спою в честь вашей красоты? У меня отменный бас-тенор, он усладит ваши... уши.

*Милые эльфы, о, милые эльфы!
О Миллитрилланиэль!
Когда уплыли на закат вы,
В лесах умолкла птичья трель!*

Замечу между строк, что бас-тенор у него и правда был неплохой. Во всяком случае, за исполнение мне краснеть не пришлось.

Потом — верите или нет — он заплакал и согнулся пополам: впрочем, это был, кажется, незапланированный поклон — Олника, я уверен, здорово тошнило.

Я посмотрел на девушку, прикинувшись агнцем. Ее взгляд уткнулся в гнома, словно тот был... ну не знаю, дикувиной зверушкой, выставленной в балагане. Обычно эльфы тщательно скрывают свои эмоции, эта же девушка... В общем, на ее лице было то самое живое любопытство, что свойственно по большей части людям (ну и гномам, конечно, тоже).

Олник воспринял ее взгляд как знак одобрения собственных потуг.

Кряхтя, он приподнялся и подскочил к шкафчику с прозрачной витриной, где стояли его наградные кубки — пять штук, все из серебра. Их мы думали вынести сегодня утром по-тихому, как последний резерв...

Щелкнули дверцы, Олник сграбастал кубки и прижал к груди.

— Вот взгляните, *милая эльфийка!* Это мои награды! Знали бы вы, за какие заслуги они мне достались на фестивале гномской культуры и сочувствия *Бургх дер Гозанштадт!** Вот этот — за опекунство над домом ветеранов! Этот — за взносы в фонд моральной солидарности! А вот этот...

Гравированные надписи на кубках были исполнены на гномском двусложном футарке, и я сомневался, что эльфийка сможет их прочесть. Кубок «за опекунство» был присужден Олнику за победу в скоростном пожирании пирожков, а «моральную солидарность» он получил на конкурсе «Сострой-ка пострашнее рожу!». Добавлю, что мой напарник весьма гордился этими призами.

* *Жрун года (гномск.)*. Этот летний фестиваль в Зеренге после воцарения среди гномов матриархата стал абсолютно пресным. За последние триста лет в его истории насчитывается всего восемьсот драк и примерно двести убийств. А раньше... эх, да, были времена!

Он продолжал трещать, атакуя острые уши эльфийки разваристой лапшой. Я испугался, как бы в припадке красноречия он не затянул йодль — вот этого, я думаю, эльфийка бы нам ни за что не простила.

— И вот я прошу самую малость, миледи, если мне будет дозволено взять хотя бы три кубка...

— ПОШЛИ ВОН ОБА!

Вот тут я даже присел, а Олник с перепуга выпустил кубки. По-настоящему разгневанная эльфийка — то еще зрелище. Глаза у нее, как бы это сказать, *загорелись*, а с растопыренных пальцев готовы были сорваться молнии. Ну то есть мне так показалось — у страха глаза велики, даже если это страх и глаза варвара.

Олник отступил на шаг и быстро отвесил девице поклон. Проигрывать надо с достоинством да еще постараться, чтобы достоинство не пострадало.

— Тогда мы тихонько пойдем, прекрасная леди, — изрек он, расшаркиваясь. — Не думайте о нас плохо.

Она презрительно фыркнула.

Олник подумал и родил сентенцию, от которой я чуть не схватился за голову.

— Это не мы, это жизнь такая тяжелая.

Я чуть не отвесил ему пинка.

— Вон отсюда. И вы не возьмете ни крошки.

Она уже говорила спокойно, однако в голосе звучала сталь. Я кивнул, Олник кивнул тоже. Она отодвинулась от двери, освобождая выход, и только сейчас заметила, что за срам на ней нарисован. Клянусь вам, ее ухо само пробилось сквозь локоны! Острый кончик воспламенился, ну просто как свеча.

— Это *он* сделал! — заявили мы с Олником хором, показывая друг на друга.

Эльфийка молча спрятала ухо, откинув пряди со лба. Лоб у нее был высокий и... Гритт, ну сколько можно? Я снова поймал себя на том, что просто люблюсь девушкой.

— Убирайтесь.

— Миледи, вы разрешите мне хотя бы обуться?

Она окинула меня взглядом — снизу вверх. Лицо ее выразило презрение и жалость. На миг она заглянула мне в глаза, потом сделала неопределенный жест рукой, который я истолковал как согласие.

Смущаясь, я одернул штанины:

— Это чернила. Я вчера не свел дебет с кредитом и немного вспылил. А мои ботинки... Они пропали... *загадочно*.

После чего я присел и открыл обувное отделение платяного шкафа. Рылся я там долго, выгреб паука, горсть пыли и кожаные шлепанцы — они, я это хорошо помню, от прежних хозяев остались. Попутно я успел заглянуть в сам шкаф — топора там не было. Да собственно, я и не надеялся его там найти — никогда и ни за что, даже в самом глубоком опьянении, я бы не сунул фамильный топор в платяной шкаф. И никогда не похоронил бы его под грудами мусора. Значит, топор был где-то в другом месте, вне конторы. И это было хорошо — поскольку формально он принадлежал эльфийке. Иначе говоря, у меня оставался шанс заполучить его обратно.

Я выпрямился и, сгорая от стыда, сунул ноги в проклятые шлепанцы. Они были на два размера меньше, чем надо, и расписаны цветной абстракцией.

— Кхм-м...

— Подлецу все к лицу, — заметил Олник, приоткрыв дверь.

Не глядя на девушку, я вышел в коридор.

— Прощайте, добрая фея, надеюсь на плавное течение ваших дел.

— А также на хорошего мужа с плеткой, — добавил гном шепотом.

Она произнесла что-то на эльфийском мне в спину. Нечто певучее, с интонациями, которые заставили меня вздрогнуть.

Небо, почему я не знаю эльфийского? Почему этот проклятый гном его не знает?

Я не ответил, и мы пошли по коридору, скрипя половицами. Она осталась в комнате. На полпути к выходу мой напарник повернулся, смачно чихнул и изрек:

— Худая-то худая, но я уверен, второй размер груди у нее есть!

Хорошо, что он не сказал этого громко.

4

По лестнице мы спускались не спеша, главным образом потому, что нас кренило в стороны, как моряков, ступивших на землю после годичного плавания.

В холле был только привратник; он устроился за пыльной конторкой и смотрел на нас, как... Глаза у него были неприятные, короче, а сам он напоминал расплывшуюся жабу, наряженную в балахон тусклой расцветки. Говорили, старый пень промышлял когда-то среди кроубских пиратов, но прямых доказательств тому не было, вот разве что одноглазый попугай, верный спутник, все время сидел на его левом плече, мерзкими ругательствами приветствуя каждого гостя. Что удивительно, всех, кто покидал «Благопристойный дом Элидора», попугай сопровождал длинным молчаливым взглядом, словно запоминая на будущее. Элидор, замечу, все еще владел третьим этажом своего дома, где были устроены комнаты свиданий. Он, кажется, даже ночевал за своей конторкой, во всяком случае, я не замечал, чтобы конторка долго пустовала.

Когда мы подошли, старый кретин издал звук, похожий на голодную отрыжку.

— Изумительное утро, господа! — Он пододвинул книгу регистрации, раскрытую на середине, и любовно погладил шершавые листы. — Ох, я забыл, ваши росписи уже *не нужны!*

Грязно-белый попугай на его плече что-то крякнул.

Можно, я не буду озвучивать истоки нашей вражды?

— И тебе утро доброе, — буркнул Олник.

Подавив ругательство, я улыбнулся Элидору открыто и дружелюбно, как родному дядюшке, имеющему на банковском счету миллион.

— Прекрасный день для начала новой жизни! Элидор, могу я напоследок узнать... Вчера, э-э, ночью, или, скажем, поздним вечером, может статься, вы видели... Я выходил куда-нибудь?

Он воззрился на меня удивленно и кивнул.

— Не выходил, а выбегал, я уж решил, что ты прирезал своего приятеля и делаешь ноги!

Олник негодуяще фыркнул.

— Гритт!* — Меня окатила ледяная волна подозрения. — Я, что, выбегал не с пустыми руками?

— У тебя был во-от такой пакет, завернутый в женские панталоны с рюшами. — Элидор развел руками, отчего попугай на его плече заметно покачулся. — А я был уверен, ребята, что вы распродали все панталоны, корсеты, духи и бижутерию за бесценок. Ан, выходит, остались крохи. Наверное, берегли для себя?

Ах ты!..

Иногда убийство — это отличная штука, чтобы восстановить душевное равновесие и снова взглянуть на мир сквозь розовые очки. Впрочем, я сдержался, прикусив губу и ущипнув себя за руку. Барахолка всего в квартале отсюда. Там сотни лавок, в каждой из которых у вас, не торгуясь, примут краденое даже в три часа ночи.

— Минутку, я вернулся... не с пустыми руками? — Голос мой предательски дрожал.

— Ага, с бутылками в охапке. При этом ты рыдал и упросил меня назвать тебя распоследней сволочью. Я назвал, просьба-то пустяковая.

— Поздравляю, Фатик, ты пропил фамильный топор, — без особой радости заметил гном.

* *Гритт Проклинатель* — демон, великий ненавистник всего сущего. Присутствует почти во всех основных религиях Северного и Южного континентов.

Фамильный топор за какие-то бутылки с элем!

Гритт, вот она, конечная точка падения! Пропасть нищеты и позора, откуда прямая дорожка — в тюрьму и на виселицу. Так обычно кончают герои, не вовремя свернувшие с предначертанного пути. Кто там говорил, что приключения оплачиваются плохо? Может быть, зато ты берешься за дело, которому обучен с детства. Так нет, понадобилось тебе свернуть в сторону цивилизации, идиот! Варвар-коммерсант, каково? Бездарный коммерсант с пустыми карманами. И даже если я отыщу топор, на какие деньги его выкупить? Может, продать себя или Олника в рабство?

Ой, как же мне стало худо!

Напарник, кажется, прочувствовал мое состояние: он кашлянул и дернул меня за рукав:

— Пойдем-ка наружу. На квартире у меня осталась кубышка... Мы слегка подправим здоровье, а потом обмозгуем, как выудить твой топор.

Вот же шельмец! А ведь говорил, что истратил все до гроша!

Мы вышли.

Снаружи моросил мелкий дождь, и, словно издеваясь, сквозь рваные тучи проглядывало солнце.

Изумительное утро!

В этот миг на меня обрушился воз битого камня:

— ЗДРАВСТВУЙ, ФАТИК!

Я уже говорил, что в приставы частенько набирают троллей. Так вот, их было двое (рост — за семь футов, коричневые служебные робы прилегают), и одного я хорошо знал, потому как он доставал меня уже месяц. Троль — существо крайне неприхотливое и выносливое, способное работать круглые сутки без отдыха. Вот почему их охотно нанимают частным образом, чтобы капать на мозги должникам и тем, кому просто *нужно* капать на мозги с какой-то целью. Ну а поскольку тролль формально находится на государственной службе, нападать на него чревато. А, и еще: тролли умеют говорить громоздким басом, когда захотят.

— ГРАФИНЯ ШЛЕТ ТЕБЕ ПРИВЕТ...

Великая Торба!

— И СООБЩАЕТ, ЧТО РЕШИЛА ПРЕДОСТАВИТЬ ТЕБЕ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ВСТУПИТЬ С НЕЮ В БРАК.

Дамы высшего света обычно развратны как кошки и столь же верны, они любительницы легких приключений, не способные связать себя серьезными отношениями. На это я и рассчитывал, заводя роман с графиней Марлиной дар Конти (поверьте, я привожу ее полное имя вовсе не с целью похвастаться!). В этот раз я ошибся. Она оказалась упорна, умна и до краев наполнена добродетелью. Увы, у меня не было к ней чувств. Короче, это была ошибка, за которую я расплачивался уже месяц. Боги, да за последние пять лет я только и делал, что ошибался!

— Доброе утро, Шкерт. Передай графине, что я умер.

— Я ПЕРЕДАМ, ФАТИК! — Большая зеленая голова с ушами-трубочками наклонилась, маленькие глазки цвета базальта моргнули, нижняя челюсть захлопнулась с лязгом и грохотом.

— Спасибо.

Наличие мозга у тролля не доказано, ибо после смерти тролль сразу превращается в камень (который дробят на булыжники, чтобы мостить ими улицы, замечу), и даже если разрубить ему башку, умирает, разбрасывая вокруг каменную крошку. В целом же, как предполагают ученые, мыслительный процесс тролля протекает где-то в объемном кишечнике.

Но это несущественно. Существенным было то, что без топора я не мог разрубить Шкерту его дурную башку.

Сверху послышался шум: кто-то открыл окно, к моим ногам посыпался разный мелкий мусор.

Девчонка выдвинулась наружу по плечи, быстро, решительно, и я было испугался, что она отдаст приказ троллям нас задержать. Несмотря на облик увальней, эти существа достаточно быстры и ловки, к тому же научены колошма-

тить людей, соразмеряя удары со своей мощью — то есть так, чтобы не изувечить.

Но нет, она просто выглянула на звук камнепада. Несколькими мгновениями мы смотрели друг на друга, и меня почему-то смутило, что она может разглядеть намеки на лысину на моей макушке. (Да, герои тоже лысеют, поверьте! Герои мужского пола, я имею в виду.) Потом я развел руками и, показав на Шкерта, качнул головой:

— Я не собираюсь жениться!

Ну вот зачем я ей это сказал?

Окно захлопнулось.

— Я ПЕРЕДАМ, ФАТИК!

— Заодно скажи графине, что я выпил горькой, упал с моста и уплыл на закат.

— Я ПЕРЕДАМ, ФАТИК!

И еще этот идиот, готовый повторять за мной буквально!

— Графиня обидится, наверно, — сказал напарник, когда мы двинулись прочь. — Кстати, ты мог бы попросить у нее денег... под обещание свадьбы. Ты такой видный кавалер!

— Заткнись, будь другом. — Этот хитрец прекрасно знал, что *такие* обещания не пустой звук для варвара, живущего по этическому кодексу Джарси.

— Марлина — хорошая женщина, — подумав, сказал Олник, — она подарила мне шикарный набор для бритья на прошлое День рождения! Она не забывает твоих *настоящих друзей*, а это дорогого стоит! Тебе будет с ней хорошо, а я мог бы вести ваши финансовые дела...

— Эдак через месяц у нас с Марлиной окажутся одни подтанники на двоих.

Он отмахнулся.

— А с этой девкой... эльфкой... Мягко ты с ней. Тебе надо было по-своему, по-варварски: «Идьи сюда, жэнщина!» Ну как-то так.

— Да-да, — кивнул я. — «Парьяботить весь мир, убить мужьчин, заковать в цепи их женьщын и увидьеть их слезы!» — Так любил сказануть мой старый знакомец-недруг из

конкурирующего клана Джегер, здоровенный лоб Крутель по кличке «Отступник». Тоже варвар, только с мечтами о мировом господстве, отринувший этический кодекс Джарси. С прикусом у него было что-то и с дикцией, а что касается мозгов, то они с детства были свернуты налево. Боги, Небо, да откуда такие берутся? Говорят, он сейчас правит одним из Черных королевств на краю Южного Континента и исправно плодит маленьких мулатов в своем гареме, за что получил от местных почетное прозвище Черный Пахарь. Конечно, не мировое господство, но уже кое-что, хотя я никогда не понимал этого глупого пристрастия к жестокости и власти. «Йя жыву, йя убываю, йя радостный!» К черту!

— А вот еще можно было бы тебе на ней жениться, взять побольше денег и слинять!

Я глубоко вздохнул, жалея, что не могу оторвать Олнику бороду.

Туман с моря еще стелился над мостовой, накрапывал дождик, и вообще было чертовски неуютно. Куртку я забыл дома, рубашка застегивалась только на две пуговицы, короче, я слегка продрог.

А гному хоть бы хны; они вообще с холодом на «ты», негодяи.

Проклятые шлепанцы издавали назойливое «хлоп-хлоп!» и жали ноги. От свежего воздуха кружилась голова.

Некоторое время мы двигались молча («хлоп-хлоп!»), покачиваясь в унисон. Внимания мы не привлекали: в бедных кварталах Харашты и без нас хватало разнообразных босяков.

Наконец Олник поглубже вдохнул и («хлоп-хлоп!») с неподдельным пафосом изрек:

— Варвар в тапках — это не *шокерно*!* Женись на графине, она купит тебе малиновые сапоги из крокодильей кожи, а заодно поможет выручить топор!

* *Шокерно* — таинственное слово-паразит, происхождение которого так и не удалось установить. Предполагают, что это одно из *путешествующих слов* — из тех, что свободно просачиваются сквозь складки миров и влипают во все языки.

— А безбородый гном — *шокерно*? — огрызнулся я. — Гритт! Клянусь, я возьму ее в жены при условии, что ты будешь стирать пеленки нашим детям, а их я планирую не меньше пяти!

Он немного подумал («хлоп-хлоп!») и сказал:

— Тогда нам остается трескать затируху из лежалой муки и плакать над разбитой жизнью. Честно — я не знаю, где еще взять оборотный капитал для новых дел. Наша репутация никогда еще не падала так низко...

Я хмыкнул:

— Вот разве что объявить тебя пророком и создать новый культ? По крайней мере, в глупых прихожанках у нас не будет недостатка. Еженощные оргии, мешки денег...

Ну это я сказал ради красного словца, зная, что патент на пророка тоже изрядно стоит, а беспатентных мессий гоняют почему зря. К тому же после событий с патриархом Керваном на рынке религиозных афер наступил серьезный спад, и распоследний клоун в балагане имел сборы куда больше самых популярных культистов.

— Да-а-а... — Перспективы впечатлили напарника.

— Ну а ты думал! Научись летать или светиться в темноте, и народ к тебе потянется.

— Правда? Не, я с чудесами не очень-то...

Наша квартира была довольно далеко, мы затратили на дорогу больше получаса («хлоп-хлоп!», пешим порядком) и успели слегка проветриться, но зато не переругались, благодаря мне, разумеется.

У подъезда «Доходного дома Гримба» (три этажа, мансарда, чиненная нашими руками крыша) царила суета. Грузчики выносили чьи-то манатки, бесцеремонно бросали их в грязь. Рядом с кучей пожитков виднелись возки старьевщиков (целых три штуки), запряженные осликами. У возков переминались тролли-приставы в таких же, как у Шкерта, коричневых робах; руководил ими какой-то человек. Кроме того, присутствовала изрядная толпа зевак из хараштийских низов.

— Не свезло какому-то бедняге, — вздохнул я. — Глянь, не мы одни сегодня пострадали.

Олник что-то буркнул и внезапно замер на месте, будто его пришибло.

— Вешалка... — простонал он, вытянув дрожащую руку в направлении барахла. — Шкафчик с резьбой от папочки Джока... Мои парадные штанишки... Набор для бритья! Книжки-раскладушки про богатыря Фарумрета! — Он гулко сглотнул. — Они выносят *наши вещи*, Фатик! — Напарник оглянулся на меня, безумно вращая глазами, потом заурчал и вприпрыжку кинулся вперед. В глазах его была слепая жажда убийства.

Ей-богу, они выносили наши вещи. Я увидел связку своих конспектов по философии и истории. Недешево мне обошлись эти курсы в Научной Академии Харашты, конспекты были по-настоящему *золотыми*, а их бросали в грязь, как мусор!

Я заспотыкался следом, пытаюсь прибавить ход в этот скользкий момент, и, разумеется, поскользнулся. Когда я приподнялся, гнома держали под микитки два тролля. Мой напарник болтал ногами и изрыгал площадную брань.

Великая Торба! Но я недаром посвятил массу времени тому, чтобы искоренить в себе варварские замашки. Там, где дикий собрат Кругель (или мой сводный брат, варвар Шатци) ринулся бы в бой с ревом, идиотским взглядом и прочими полагающимися дрючками, я, простой городской житель Фатик, ковыляя и потирая отбитую коленку, приблизился к человеку, который руководил троллями. Это был средних лет господин с узким лицом и взглядом сытой крысы. И мундир у него был серый, недоставало лишь хвостика.

Государственный адвокат при исполнении.

На сей раз документов, уткнувшихся мне под нос, было несколько. В глазах зарябило от красных печатей и строчек, которые начинались со слова «статья», а заканчивались «взыскать в пользу истца», причем вместо имени истца везде был проставлен таинственный «Имярек». *Едрическая*

сила! Значит, векселя были не только у девчонки! Или она разделила затраты на суд и адвокатов *с кем-то*.

В общем, это не имело особого значения. Важен был результат: за долги суд отобрал не только контору, но и нашу квартиру со всем барахлом!

Воистину, изумительное утро!

В каком-то ступоре я глядел, как увлакивают наши вещи — на каждой стояла кровавая печать хараштийского суда. Олник что-то бубнил и дрыгался, пока троллям это не надоело — ему сунули кулак под дых, отчего цвет лица напарника приобрел оттенок спелой сливы, и бросили у стены.

Я задрал голову, с тоской рассматривая окна нашей мансарды. Две замечательные комнаты, крыша, правда, снова протекает, и половицы просели, но...

В приоткрытом окне мелькнула золотистая шевелюра. Эльф!

У меня возникло чувство какой-то нереальности происходящего. Нет, совпадения, конечно, бывают, но чтобы два эльфа сразу...

Расталкивая зевак, я ринулся к крыльцу, но человек-крыса быстро заступил мне дорогу:

— Господин новый владелец апартаментов не хочет с вами встречаться!

Над головой засопели тролли.

Встречаться? Ах ты... Боги, немедленно верните мой топо-о-ор!

Но я взял себя в руки, поверьте, я это умею. За пять лет в Хараште я вытравил из себя варвара по капле, приобретая навыки умелого лавирования в потоке городской жизни. Бушевать и качать права сейчас неразумно. Вот придет ночь, тогда...

Однако ситуация выглядела паскудно. Они сплавляли старьевщикам даже мою библиотечку, а там были такие редкие книги!

Я присел рядом с гномом и подождал, пока он очнется. Наконец взгляд Олника прояснился.

— Ве... вещи! — простонал он. — Шкафчик папочки Джока! Кубышка!

— Забудь про кубышку, Ол. Есть дела посерьезнее. — Придерживая его рукой, я кратко описал ситуацию.

Он ухватил суть сразу:

— Выходит, кто-то копает под нас?

— Или просто два эльфа шутики ради придумали раздеть нас до исподнего. Ты часто встречал в Хараште эльфов, которые занимаются такими делами?

— Даже одного не встречал.

— Вот именно.

Гнома слегка затрясло от злобы.

— Пусти, я им сейчас устрою!

Я молча показал на троллей и человека-крысу, другой рукой упираясь напарнику в грудь.

— Ну-ка пройдемся и все обмозгуем.

Однако даже этого нам сделать не дали.

Уже у самого края толпы мы были внезапно схвачены под руки и увлечены на поперечную улицу. Там нас грубо ударили об стенку (я потерял левый шлепанец, отчего совсем не расстроился).

— Молчааать. Слушшшать!

Я бросил быстрый взгляд на физиономии налетчиков и понял, что без топора пока лучше не рыпаться.

У обоих была красновато-бурая кожа с зачатками мелкой чешуи там и тут, лысые приплюснутые головы без ушей, широченные рыхи, рты с острыми зубами и выкаченные зенки желтушного цвета.

Братья Гхашш, парочка оргов*, существ настолько редких, что говорили, будто они прибыли из другого мира. Или что их выперли из другого мира за мерзкий нрав, что, в общем, не важно. На них были кожаные плащи до пят, какие носят в борделях дамы, предоставляющие услуги определенного сорта. Под плащами, насколько я знал, скрывались разнообразные острые игрушки. Но орги обычно

* Нет, они не родственники оргов, даже близко.

обходились безумной физической силой и страхом, который внушал их облик.

— Хозяин хоччет васс вииндеть.

Подкатила черная карета с занавешенными окнами, дверцы распахнулись, и нас забросили внутрь, как чушки корабельного балласта. Плавно покачиваясь на хороших рессорах, карета тронулась в путь под цоканье копыт.

— Эркешш махандарр! — простонал мой напарник с пола.

Какое-то безумное выдалось утро, вы не находите?

5

Цок-цок, цок-цок. Подковы звонко стучали по мостовой, однако возница не слишком торопил коней.

Я знал, куда нас везут и зачем.

Нас везли для *серьезного разговора*.

Братья Гхашш работали на Митризена по прозвищу Моя Денежка, главного *по долгам* в Хараште. Нет, он не был ростовщиком, подлым займодавцем. Он просто скупал чужие долги, расписки и векселя, и умел так воздействовать на должника, что тот продавал последнее, чтобы рассчитаться. И лишь в исключительных случаях горемыку везли для разговора с самим Митризенем. Но чтобы это случилось, не только сумма, но и строптивость должника просто обязаны были достичь неизмеримых с нашими величин. Говоря откровенно, я был слегка ошеломлен, и несколько более чем слегка — раздражен. Внутри меня постепенно закипал вулкан.

Дорога заняла с полчаса. Все это время братья пялились на нас с лавки напротив, подпирая головами потолок. Взгляд у них был один на двоих — желтый, пустой и немигающий, а пахли они как два бродячих кота, случайно упавших в корыто с помоями.

Я знал их по именам, вернее, по кличкам, которые они получили в преступном мире Харашты: Слепая Кишка и Мертвый Язык. Первого за глаза называли Милашка-Очаровашка,

поскольку говорил он фальцетом (производственная травма, удар троллей дубины по темечку), и постоянно нес такую ахинею, что уши вяли. Второй хрипел, сипел и присвистывал. По этим признакам их и различали, поскольку в остальном они были похожи, как две ладони. Мертвый Язык — за главного, но в драке оба равно опасны.

За время пути Мертвый Язык не проронил ни слова, а Милашка-Очаровашка осчастливил нас несколькими поразительными откровениями. Итак.

Почесав под мышкой:

— Я был слишком доступен, они этого не ценят.

Звучно икнув, так что карета просела:

— Смерть от одиночества как сломанная кукла с зашитыми глазами.

(От этой сентенции Олник уставился на меня с ужасом.)

Сунув палец в ушное отверстие и основательно там поковыряв:

— Ночью я выхожу на кладбище и слушаю безмолвную музыку звезд.

И наконец, вообще без повода:

— В этом мире нельзя больше жить!

Тут он был прав, только «мир» следовало сменить на «карету»: от запаха близнецов тяжесть бытия начинала казаться действительно невыносимой.

Но вот мы прибыли: карета остановилась, и нас вытолкали вшаей.

Высокая ограда из серого камня и стальные ворота с парой нависших горгулий выглядели не очень ободрающе. Мы были в районе пригородных имений. В очень, очень тихом районе.

Братья выбрались наружу, и Мертвый Язык дернул рычаг звоночка:

— Жрат!

Очевидно, слово являлось паролем, поскольку ворота без промедления распахнулись, и волосатый громила, похожий на приبلудного пса, жестом велел заходить.

Кто-то из братьев деликатно пихнул меня в спину.

У меня ныла коленка, пустой желудок скребся о ребра, а в горле бушевал суховей. Я хотел жрать, я хотел пить, я был разъярен как бык. Вообще, человек я отходчивый и долготерпеливый, но всему есть предел.

Стуча зубами (я продрог, если вы помните) и шлепая босой ногой, я прошел внутрь. Олник двигался за мной, напряженно сопя.

Мы обогнули представительный особняк — действительно красивый, цвета беж, с башенками, стрельчатыми окнами и колоннами по периметру фасада. За ним находился небольшой холм, покрытый изумрудной травой. На вершине холма красовалось газебо, иначе говоря — беседка, слегка увитая плющом. Стойки из красного дерева поддерживали черную лаковую крышу. Подножие холма опоясывали кусты роз с набухшими бутонами. Два зеленых гоблина с садовыми рукавицами выше локтя деловито удобряли кусты, черпая компост из тележки, в которую был впряжен третий гoblin, зеленый, как неспелая вишня.

Милая и пристойная картина.

Думаю, гоблины вдобавок сторожили особняк по ночам. Зеленые гоблины достаточно смекалисты, умеют обращаться с простым оружием вроде пращи и дубинки, не будят своих хозяев лаем, а что касается денег, то стоят они гораздо дешевле породистых собак и куда медленней стареют.

По дорожке из плоского желтого кирпича мы поднялись в газебо. Не скрою, наряду с прочими чувствами меня терзало любопытство: о внешности Митрилена ходили самые противоречивые слухи, большей частью брехня. Те же, кто видел его воочию, держали язык за зубами.

Он сидел на банкетке за круглым мраморным столом, перебирая какие-то бумаги — хрупкий человек со склоненной головой и длинными седыми волосами. Тонкие кисти рук выглядывали из рукавов невзрачного серого халата.

Моя Денежка медленно ворошил бумаги восковыми пальцами с заостренными ногтями.

Братья замерли перед столом, зажав нас между собой, как двух щенков. Розовый мраморный пол охлаждал мою левую ногу. Олник шмыгал носом и вертелся, будто ему приспичило.

С потолка на цепях свисало несколько вазонов с какой-то пышной растительностью, а рядом с самим Митризенем покачивалась клетка, где обреталась редкостная витриумовская канарейка*; она изредка посвистывала на какой-то модный мотив.

Сервировочный столик на колесиках стоял неподалеку: их милость гроза кредиторов только что закончили принимать пищу. Ага, вот почему возница не торопился — пока мы ехали, Митризен завтракал. Хотя по тарелкам этого не сказать — блестят, словно их отмыли. В одной сложены какие-то черешки вишневого цвета. Я напряг память и вспомнил: арцелла. Эльфийский лист, которому приписывают разнообразные полезные свойства. Не знаю насчет свойств, ни разу не пробовал это чудо — я не безумец, чтобы платить огромные деньги за простой зеленый листик. Эльфы, знаете ли, не дураки нажиться на людях... До блокады Харашты пиратами Кроуба лист арцеллы стоил у нас два полных золотых реала (неслабо, прямо скажем), а после... После она исчезла с рынка. Однако Митризен, видимо, каким-то образом ухитрился получать эльфийское чудо, благо, лист арцеллы при должном хранении мог оставаться свежим около месяца. От скуки я пересчитал черешки и обомлел: главный по долгам в Хараште накушал на тридцать золотых реалов.

* Витриумовская канарейка примечательна своей памятью. Достаточно проиграть при ней мелодию, как она ее запоминает и воспроизводит от случая к случаю. Водится только в эльфийских лесах Витриума и не является объектом экспорта. Браконьеры ловят ее на свой страх и риск, а эльфы соответственно ловят браконьеров — без особого страха и риска.

— *А-а-апчхи-и-и!*

Я незаметно толкнул напарника локтем: «Тут же нет эльфов, ты чего расчихался?»

Тишина. Не поднимая головы, Митризен шелестел бумагами, перекладывая их, сортировал, что-то подчеркивал острым ногтем. Так прошло несколько минут. В конце концов, мне захотелось свернуть эти бумаги трубкой и зачихнуть ему в задницу.

— Предупреди вы нас заранее, я бы надел чистую рубашку и побрился.

Не слишком остро, не шибко оригинально, но не говорить же: «Да оторвись ты от бумажек, козел!»?

Движение бумаг по столу замедлилось. Руки Денежки дрогнули, голова поднялась...

— *А-а-апчхи-и-и!* Фатик, это же...

Я испустил протяжный вздох:

— Эльф!!!

Это был, наверное, самый уродливый эльф из всех, существующих в природе. Острый загнутый вверх подбородок и крючковатый нос впечатляли не меньше, чем красная плешь ожога на половину лица. Под трагически изломленными бровями сверкал хрустальной бирюзой единственный зрячий глаз, неестественно большой и слегка выпученный, с острым, как иголка, зрачком. Второй — плоский как блин — затянула мутная пленка: то ли бельмо, то ли последствие ожога. Да, эльфы живут вечно, но не застрахованы от увечий. А бывают увечья, исцелить которые и магия не поможет. Кстати, волосы у него были на самом деле седые, только на висках сохранились золотистые прядки.

Я смотрел на него, пока он изучал нас в своей замедленной манере (Олник успел дважды чихнуть и один раз высморкаться в огромный клетчатый платок). Наконец Митризен уперся в меня взглядом. Его око напоминало глазок, пробуравленный в другой, чуждый всему живому мир. Дуэль взглядами продолжалась считанные секунды. Мне стало не по себе, мурашки пробежали по телу, и я от-

вел глаза первым. Этого он и ждал, кивнув удовлетворенно. На бескровных губах появилась легкая улыбка. Уверен, он ломал так каждого, с кем ему доводилось встречаться. Дело тут было не в магии или гипнозе, а... Внутренняя сила и уверенность в себе, понимаете? Он ломал взглядом любого, вытаскивая наружу его сомнения и страхи, и это было неизбежно, как наступление зимы (или лета, если вы не любите холод).

— У гнома аллергия на эльфов, если не ошибаюсь. — А голос оказался неожиданно мягок. — Не страшно, пусть чихает.

Не страшно?

Я судорожно сглотнул.

— Никак не соберусь с мыслями, — и это он сказал в форме доверительной беседы, с мимолетной улыбкой, обнажившей ровные зубы. — Подумайте вот о чем. — Он вдруг сложил ладони домиком, так что острые ногти соприкоснулись со стуком кастаньет. — Наш город в ужасном состоянии. Дороги разбиты, канализация требует капитального ремонта, дома разрушаются. Мэры округов воруют, судьи берут непомерные взятки; одним словом, коррупция процветает. То и дело происходят расовые волнения... Кроубские пираты блокировали морские пути с подачи Фаленора. Тавро Вортиген... Знаете такого? — Он спросил это так, словно Вортиген был не диктатором Фаленорской Империи, а мелким воришкой-задрюстанцем из Ночной Гильдии.

— Лично не знаком, — сказал я.

— Но в Фаленоре бывали?

Допрос? Хм.

— Много раз. Бывал даже в Адварисе.

— Красивая столица...

— Мрачное место.

— Да? — Эльф сделал неопределенный жест ладонью. — Мне показалось иначе... Впрочем, много времени прошло... Что, говорят, небо над столицей теперь закрыто облаком пепла?

— Так точно, сэр. Это колдовское облако... Подавитель любой магии, кроме магии смертоносцев Вортигена и *скованных чародеев*. На улице нужно носить специальную маску, сэр. Пепел все время сыплет с неба. Силы же чародеев питает постоянная гекатомба... А над городом чудовищным цветком распустилась колдовская Крепость Вортигена, проросшая прямо из дворца Гордфаэлей...

Митризен рассеянно покачал головой:

— Что вы говорите? Она все еще растет?

— Я был там семь лет назад, сэр, и о том, что происходит в Адварисе сейчас, могу судить с чужих слов. Говорят, Крепость по-прежнему растет, растет не только наружу, но и *вглубь*, и в стороны, прорастая колдовской плотью на улицах города.

Олник громко чихнул. Митризен вздрогнул и щелкнул пальцами.

— Так бишь, о чем я? А, блокада! Оставим, оставим Фаленор его *владельцу*... Блокада... Северные королевства, лишённые отныне морских торговых путей, и Фрайтор скоро объявят войну харашийскому Мегасиндикату. Горные эльфы шалют... гм, гм... — Он сделал паузу, во время которой его глаз блуждал где-то в районе моего лба. — Рассуждая метафорически, наш город сейчас напоминает место, куда сливают отходы. Там темно и плохо пахнет. И в это время люди, серьезные бизнесмены, сворачивают свои операции, не имея возможности получить деньги с векселей, потому что *другие люди* не могут расплатиться с долгами! Тогда зачем они делали заем? Они же видели, что город последние пять лет неизбежно клонится к упадку? Не понимаю...

Это была преамбула. Амбула прозвучала без промедления — все тем же голосом, гладким, как шелк (забыл добавить — грянуло очередное «А-а-апчхи-и-и!»):

— Видите ли, господа... Некоторая часть ваших векселей... гм, окольными путями осела у меня.

Будь я на тридцать лет старше, я бы ухватился за сердце, точно вам говорю! Часть векселей? О боги, о Небо, о

преисподняя! Эти векселя, похоже, плодятся как крысы в канализации!

— Дело вот в чем. — Его голос зажурчал, составляя жуткий контраст с бирюзовым оком, которое сверлило почему-то только меня. — Это та часть векселей, что не была выкуплена единым лицом, ныне владеющим всем вашим имуществом, включая квартиру.

Единым лицом? Да тут впору заподозрить всемирный эльфийский заговор!

Канарейка перехватила лапками жердочку и чирикнула на мотив популярной песенки «Шагаю я по улице, имел я всех в виду!»

— Ими успел завладеть некий человек, предоставивший эти векселя мне.

Олник издал страшный утробный звук, чтобы замаскировать одновременно чих и ругательство.

Человек? Проклятые загадки проклятого эльфа!

Я сделал выдох, потом глубокий вдох, чтобы справиться с потрясением:

— Но мы банкроты! У нас забрали все нажитое! Забрали имущество! Квартиру — и ту отобрали!

Митризен легонько кивнул, на его ужасном лице заискрилась улыбка.

— О, юриспруденция Харашты! Квартира была записана на подставное имя, но у вас и ее отобрали. Лицо, которое действует *против вас*, многое знает и умеет. Ваши знакомые из Ночной Гильдии знают не так много, иначе они рассказали бы вам, что после первого заседания суда прошло второе, *закрытое*, на котором в пользу кредитора было отчуждено все ваше имущество, даже то, которым якобы владеет дедушка этого гнома. Я же сказал: судьи Харашты берут непомерные взятки. Так что теперь в публичный реестр прав на недвижимость, гм, занесено другое имя. Впрочем, моих векселей все это не касается. Я, как вы понимаете, работаю с долгами вне юридического поля.

Угу, это я понимал. «Вне юридического поля» было легким эвфемизмом таких выражений, как «Гони моне-

ты, тварь!», «Хочешь, чтобы тебе голову расшибли и руки сломали?» и «Не отдашь — прирежу».

— Мы понимаем, сэр.

Иногда я могу быть подчеркнуто вежливым, особенно когда внутри у меня разгорается пожар, а по сторонам стоят болваны, способные открутить мне голову двумя пальцами.

Митризен улыбнулся.

— Что ж. Значит, мне не понадобится растолковывать *некоторые вещи*.

Он, похоже, имел в виду пытки, побои и иные способы убеждения.

— Мы понимаем специфику вашей работы, сэр. — Я поймал себя на том, что пытаюсь уклониться от его взгляда.

— Отлично. В Фаленоре вам не понравилось?

Гритт! Чего добивается этот шакал?

— Сэр, я уже говорил: Фаленор — место мрачное, а Адварис попросту страшен... В последний раз я едва спас своего нанимателя от имперского смертоносца Внутреннего Круга... — Воспоминание накрыло жаркой волной. Белобрысый смертоносец, чье лицо закрыто стальной личиной... Вряд ли это существо можно было назвать человеком даже отчасти. Набитая магией тварь, быстрая, опасная, невероятно выносливая и живучая, вместе с отрядом обычной стражи гнала нас до самых предгорий Джарси. — Империей правит узурпатор-безумец. В нем часть демонской плоти, полученная в результате ритуала черной магии...

— Да-да, да-да, — перебил Митризен. — Угу, угу, угу. Плоть демонов, конечно, да... — Острый ноготь указательного пальца проткнул воздух. — Вы — Фатик Мегарон Джарси с гор Джарси из клана Мегарон. Сирота, воспитанник Трампа Грейхоуна по прозвищу Пустая Башка. У вас есть брат... Есть ли у вас младший брат, Фатик Джарси?

— Сводный, сэр. Он младше меня на два года. — Интересно, к чему эти вопросы?

— Мне печально понимать, что вы в некотором роде правы, — родил Милашка-Очаровашка.

— Угу, конечно, сводный, — буркнул Митризен, погрозив своему рабу пальцем. — Шатци Мегарон Джарси. Шатци... — Эльф покатал слово на языке. — Ничего не могу поделывать: имя — дурацкое.

«Да и сам он — дурак», — мог бы прибавить я.

Олник чихнул.

— Сэр... — Я набрал воздуха в легкие, балансируя на краю амока. — Мой дедушка нахватался иностранных слов... в путешествиях. Имя «Шатци» означает «сердечко».

Я не стал говорить, что мое имя на одном из языков Южного Континента означает «слон купается». Дедушка Трамп любил пошутить.

Митризен хмыкнул, скорее, даже твякнул, как такса.

— Выше вас на целую голову и по-прежнему практикует.

Ну вот зачем упоминать, что он выше меня?

— Да, сэр, практикует успешно, он, по сути, самый успешный дедушкин ученик.

— Угу, угу. А вы мелковаты для варвара...

Дать бы тебе в репу, эльфийский огрызок!

— Выше вас ростом... А что же вы забросили клановый промысел?

Зачем тебе это?

— Не люблю приключения, сэр. В них есть привкус кретинизма.

Митризен картинно вздернул бровь.

— Очень, очень интересно. Сколько вам лет, Фатик Джарси?

Да на кой тебе это?

— Точно не знаю, сэр. Дедушка отыскал меня в предгорьях Джарси, на имперской стороне после битвы вольных баронов и армии Вортигена, на вид мне было около десяти. О том, что было до того, как меня нашли, я ничего не помню: дедушка сказал, меня тогда здорово огрели по голове.

— Угу, гм... — Эта уродливая пародия на эльфа снова о чем-то задумалась.

— Сэр, вы говорили, кажется, про векселя?

— А? — Митризен словно очнулся от глубокого сна. — Да-да, да, конечно, векселя. *Ваши* векселя, господа.

— Да, сэр, наши векселя!

Митризен склонился над бумагами, что-то подчеркнув ногтем большого пальца.

— Таким образом, господа, ваш долг *мне* составляет сейчас семь тысяч пятьсот тридцать один реал золотом.

— Ско... — выдавил Олник. Мое восклицание вышло непечатным.

— Столько, сколько я насчитал, и ни медяком меньше. Долги теперь мои и проценты по ним начисляю я. Крайний срок выплаты — послезавтра.

— Эркешш махандарр!

— Великая Торба!

— Это пахнет, как чечевица отчаяния! — внес свою лепту Милашка-Очаровашка и зазвякал какими-то железками под плащом.

Лицо Митризена затвердело, стало как кусок хрусталя, заляпанного киноварью.

— Есть несколько вариантов развития событий, — провозгласил он. — Плохой, очень плохой и немножечко скверный. Первые два вам не понравятся, а на третьем я остановлюсь подробнее. Не бойтесь, мне прекрасно известно, что финансово вы... не слишком благополучны...

— Олник, солнышко восходит!

— Что? — Моя Денежка напрягся. Братья Гхашш бестолково завертели головами. Но Олник все понял и даже не повел ухом. За пять лет моей мирной жизни солнышко восходило всего несколько раз, беда была в том, что оно почти не поддавалось контролю.

Я сглотнул песок, внезапно забивший глотку:

— Я имею в виду, у нас было тяжелое утро, сэр.

— А при чем тут солнышко?

— Оно восходит, сэр. Становится теплее. Меня доставили к вам в одной рубашке, я мерзну. Но уже теплее. Скоро станет совсем жарко.

Митризен нахмурился. В его взгляде засквозила угроза содрать с меня кожу. Беда, однако, была в том, что я над ним не издевался!

— Простите, у нас было тяжелое утро, сэр.

И снова наши взгляды скрестились, но на сей раз я превозмог себя и не отвернулся. Ему это не понравилось, он заерзал, в движениях появилась суетливость.

— Я оглашу третий вариант. Кгм... Третий вариант — замечательный, — заметьте, только что он говорил — «немножечко скверный», — и разом решит все проблемы для вас и... для меня. *Я гарантирую это.* Вы, Фатик Мегарон Джарси, без промедления женитесь на графине Марлине дар Конти.

Женить меня на графине!!! Вот чего он хочет, подлец! Нет, не он — она. Не бывать этому. Не быва-а-а-а...

И тут я взорвался.

Для амока не нужна мотивация, но с варварами Джарси все не так. Наш амок всегда мотивирован, мы никогда не впадаем в беспричинное буйство. Если вы помните, мне капали на мозги с самого утра, и три месяца подряд дела у нашей конторы шли не особенно гладко. Ну а эта, последняя капля довела меня до нужного градуса.

Гхаши, стоявший рядом со мной, получил ребром ладони в горло — единственное по-настоящему уязвимое место на теле орга. Он хрюкнул, не опрокинулся, но покачнулся, и я свалил его прямым ударом в челюсть.

В этот миг Олник, не придумав ничего лучше, кинулся в ноги второму оргу. Представьте: злобный кот атакует слона. Слон не почувствовал, а моего товарища отбросило в сторону. Что-то вопя, Олник прокатился мимо меня, задев головой столик на колесиках.

Начало боя не внушало оптимизма.

В состоянии амока я почти не мог себя контролировать. Тело решало само. Справедливо рассудив, что без оружия мне с органами не совладать, оно выбрало самую уязвимую цель — Митризена. Но я успел заметить только мелькнув-

шую тень — одноглазый эльф бойко нырнул под мраморный стол.

Оскалившись в зверской ухмылке, я схватил его за края, чтобы отбросить легко и непринужденно. Увы, ножка стола оказалась приделана к полу.

— Вылезай, сволочь, гад! — заревел я, пытаюсь выдрать стол из креплений. До простой идеи наклониться и вывести Митризена, мой амок не додумался.

Стальные руки обхватили меня, вздернули в воздух и бросили. Со страшным грохотом я врезался в стойку из красного дерева, разломил ее надвое и вылетел на травяной склон. Боли не было, надеюсь, у газебо тоже. В состоянии амока варвары Джарси не чувствуют ни боли, ни сентиментальности. Мы делаемся безжалостны к врагам. Ну почти.

Я подхватился на ноги, фыркая, как тюлень. В беседке перемещались темные фигуры, похожие на призраков. Гритт, я вам покажу сейчас театр теней! Под ноги попала какая-то деревяшка. Я наклонился и завладел обломком стойки длиной фута в четыре. Не слишком ухватисто, зато увесисто. Ну все, комедианты, теперь выход маэстро!

Одна из теней выдвинулась на свет — Гхашш.

Я вломил ему от всего сердца и справа, и слева, и по темечку. Прежде чем осесть громоздкой тушей, он думал несколько мгновений. Перепрыгнув тело, я ринулся в газебо и тут же вылетел назад. Оттуда надвигался второй орг, успевший обнажить пару зловеще изогнутых клинков. За его плечами Олник висел на Митризене и трепал его за палец, как терьер. Таинственный скупщик долгов прыгал, как прима-балерина, задевая вазоны с цветами. Он оказался до обидного мал ростом, просто какая-то блоха в халате.

Обломок стойки против клинков не годился, это знал даже мой амок.

Я кинул деревяшку в противника и склонился над поверженным оргом. Брызнули отлетающие пуговицы. Под плащом у Гхашш лоснилось черное обтягивающее трико,

а оружие удобно расположилось на петельках и кольцах плащевой подкладки.

Два слегка изогнутых меча из синеватого металла с ажурными круглыми гардами, стальная колотушка для отбивания мяса на длинной рукоятке, огромные ножницы для стрижки овец, пара острых крючьев с цепями, упакованными в специальные кармашки, целый набор метательных ножей, подвешенных наискось. Походный набор живодера.

Мой амок выбрал клинки.

Они с визгом выскользнули из колец, обтянутые кожей рукоятки удобно поместились в ладонях.

— Я грабил кар-р-раваны!

Я приподнялся вовремя, чтобы отбить атаку Милашки-Очаровашки. Несмотря на удар по кадыку, говорил он без особых затруднений.

Мы скрестили мечи. Гхашш наносил могучие, но не очень умелые удары, и вскоре — проклятие, я не знаю, прошли минуты или мгновения! — я обнаружил, что, оскальзываясь на мокрой траве, тесню его обратно в газебо. Клинки сталкивались, выбрасывая фонтаны лиловых искр. Я не чувствовал веса оружия, не сожалел о топоре, к которому привычнее мои руки. Милашка-Очаровашка был не слишком подвижен, вдобавок он путался в тяжелых полах расстегнутого плаща.

Внутри мы продолжили, действуя размашисто, так что щепа полетела от оставшихся стоек, а вазоны осыпали мрамор землей. Неподалеку Олник подмял Мою Денежку и, кажется, пытался выдрать из его седой шевелюры клоч. Уши Митризена обнажились — одно было большое и острое, как обычно у эльфов, второе — скукоженное, закругленное и красное.

В какой-то момент меч орга удачно разрубил клетку: целехонькая канарейка выпорхнула оттуда под трагический вопль Митризена:

— Малютка Бетси!

Надо же, он все-таки к кому-то привязан.

— Непреодолимые обстоятельства! — доложил Митризену Слепая Кишка. — Инферно!

В этот момент мой амок провел удачную связку, и правый меч клюнул орга под ключицу. Гхашш застыл, будто напоролся на стену, нелепо растопырился, обнажив клыки в гротескной ухмылке. Момент был удачен, и мой амок выбрал его, чтобы отрубить оргу левую руку.

На самом деле я отсек только кисть; она отлетела в траву вместе с клинком. Кровь орга была красной.

Гхашш тупо посмотрел в никуда, выпустил второй меч и привалился к уцелевшей стойке.

— Эмоции переполняют меня, — удивленно сообщил он. — Неужели нельзя поделикатней? Какая мрачная атмосфера. — После чего сполз на пол.

Крыша беседки закрипела, оседая на бок. Однако труп па заигралась: не пора ли дать занавес?

Точку в представлении поставил гном. Пока я разглядывал Милашку-Очаровашку, этот озорник усадил Митризена на обеденный столик и пинком отправил вниз по склону, прямо в колючие, удобренные компостом кусты.

6

— Между нами говоря, я считаю, ты должен был на ней жениться. Мы бы сейчас как сыр в масле катались, а я...

— Заткнись, не вспоминай об этом.

— А все твой амок. «Солнышко восходит!» Можно подумать, нельзя было пару часов пересидеть в темноте!

— Не ной. Сам-то хорош: вон как избил слепого.

— Он был одноглазым, не ври! Я только укусил его за палец и выдрал клоч волос.

— А также унизил, спровадив в кусты на обеденной тележке.

— Эркешш махандарр! А кто разворотил газебо и отхватил оргу лапу?

— А Малютка Бетси? Зачем он выпустил на волю канарейку? По ночам еще холодно, бедная птишка околеет.

— Не-а, местное воронье заклует ее быстрее. Да они уже ее прикончили, я считаю.

— Гритт!.. Тогда другое дело.

Да не введут вас в смущение наши острофы — оба мы понимали, что дело швах, и если вовремя не уберемся из города, петь реквием по нам будут уже скоро. Но кто быстро бегают, того потом медленно несут. Сначала мы обсудим наши скорбные дела и поедим, нет, перво-наперво — выпьем. А затем я проверну одно серьезное дело... в черте города.

Выбравшись за ворота особняка (на том, как я разогнал гоблинов, избил и разул привратника, останавливаться не буду), сначала мы двигались тихо, чтобы не светиться, потом, пройдя за городскую черту, ускорили шаг, стараясь по возможности держаться переулков. Мы миновали площадь Дружелюбных Хтонических Божеств (несмотря на дождь, с общественной трибуны бесплатных пророков вещал какой-то безумец: «Коварно и жестоко зло!.. Возьмемся за руки, друзья, чтоб не...» — остальное я прослушал), улицу Честных Предсказателей и квартал Правдивых Магов. Затем, петляя и вжав головы в плечи, перебрались через бульвар Веселых Монашек, известный также как Дом Рисковых Сводней. С некоторых пор здесь нам были не рады.

Город давно проснулся, улицы кишели людьми и не-людьми; экипажи, паланкины и одинокие конники торили дорогу в шумной многоликой толпе. Простучала по камням раззолоченная гербовая карета синдика Абри Оча, надзирающего за игорными домами Харашты. Карета катила резво, синдик куда-то торопился. Герб, однако, не мешало бы заново позолотить или как минимум протереть от пыли (желательно — языком самого синдика). Немного погодя нам встретился дорожный рыдван Нороса Тикинна, из крыши которого торчала дымящая печная труба. Усатый толстогузый синдик перемещался с комфортом даже на

малые расстояния и путешествовал обычно в компании двух-трех наложниц лет, эдак, семнадцати.

— Не спится всякой швали, — процедил Олник.

— Ты просто не любишь тех, кто много работает и хорошо зарабатывает, а после — правильно отдыхает! — дежурной цитатой ответил я.

Мы вышли на бульвар Озабоченных Вдов, направляясь к набережной. Мои ноги, обутые в чужие сапоги, двигались с удивительной резвостью. В боку жгло, но при вдохе я не испытывал режущей боли — верный признак того, что ребра целехоньки и не трутся отломками. В плаще Милашки-Очаровашки я чувствовал себя полным идиотом — он малость волочился по булыжникам и был свободен в плечах; впрочем, на улицах города хватало типов, одетых куда более экзотично. Зато под плащом я спрятал два гхашшевых клинка и другие штучки, а еще он здорово спасал от мороси. Ну а в его кармане болтался кошелек привратника.

— В сторону! В сторону!

Мимо, раскачиваясь на рессорах, пронеслась узкая карета с гербом Торгару Дрима — синдика, что заправлял рыбными промыслами.

Олник проводил карету взглядом:

— Что-то происходит... Никак, у них общий сбор?

— Не исключено, — сказал я. — Вдруг да переселят жадность и выплатят пиратам выкуп за снятие блокады... Слыхал последнюю шутку?

— А?

— Встретить трезвого гнома — не к добру!

Мой напарник сплюнул, а я хмыкнул. Этой шутке было примерно тысяча лет.

Тучи разошлись, выглянуло солнце. И как эти Гхашши не варятся в своих плащах, а?

Постепенно мостовая стала щербатой, бугристой и замусоренной, дома вокруг — обшарпанными и низкими, а у горожан появились заплатки на одежде. Потянулись кварталы дешевых мебелирашек и сомнительных лавок,

мы миновали полупустой рыбный рынок и вышли на набережную возле портовых складов.

Раньше это место называлось Морской Биржей, тут кипела особенная, энергичная жизнь, крутились большие деньги. Ныне морская торговля умерла: корабли стояли на приколе, лес мачт с зачехленными парусами вызывал уныние. Обнищавшие моряки, грузчики и судовые маклеры, ожидая снятия блокады, постепенно превращались в бродяг и торговцев краденым барахлом. Биржа теперь называлась Поющая Помойка.

За сторожевыми башнями гавани серебрился водный простор. Там, на траверзе Харашты, виднелись пять черных точек: пираты Кроубского Архипелага надежно блокировали наш город. Пираты — люди и орки из союза Ледяных племен. Орки таскали на головах рогатые шлемы, за что их называли «рогачами». Людей Кроуба называли просто — ублюдками. Гнусная братия под водительством Хартмера Ренго — лидера Вольного Братства Кроуба и, конечно же, человека.

Сейчас покидать гавань отваживались лишь малые каботажные суда вроде почтового бота коротышек, и то — по ночам.

Мы начали проталкиваться в толпе, и тут же какой-то малый проорал мне в ухо:

— Вкурите благовонную смесь заморских дымов! — и ткнул мне под нос коробочку, забитую прошлогодним прелым сеном.

Другой, расхлюстанный небритый тип, вцепился в рукав моего плаща с нутряным воплем:

— Дай деньгу, а то поцелую!

Я замахнулся на него, и он отстал.

— Женщины! Женщины! Лучшие женщины! — увидав нас, закричал сутенер. — Гоблинские шлюхи, троллихи по вкусу!

Я погрозил ему пальцем и словно невзначай приоткрыл полу плаща, чтобы он узрел рукояти мечей.

Из галдящей толпы вынырнул еще один человек — молодой оборвыш с блестящими глазами безумца. В разо-

рванной мочке его левого уха когда-то качалась серьга моряка.

— Бог этого мира мертв! Мертв! — провыл он мне в лицо.

«Какой из пятидесяти?» — хотел спросить я. Придумают тоже — мертв. Если посмотреть на дерьмо кругом, сразу становится ясно, что ни один из пятидесяти официально разрешенных богов Харашты никогда не оживал.

Я отстранил юродивого, сдвинул с пути, но он увязался за нами, полоща мои уши возгласами:

— Мертвый! Мертв! Бог этого мира умер!.. Зато она — жива!

Хм. Кто такая — она?

— Отстань, друг, добром прошу, — сказал я.

Но он не отстал, он пошел сбоку, сверля безумным взглядом и обдавая волнами перегара.

— Черная тьма грядет!

Надо же. Очень черная тьма? В каких краях тебя так перекособочило, приятель?

— А ты! Ты-ы-ы! — Он показал на меня грязной трясущейся рукой.

Я остановился, взглянул на него в упор. Обычно этого хватает, чтобы дурачки отвязались.

Не сработало. Он перекосил рот и крикнул:

— Над твоей головой крылья тьмы и смерти! Ты понесешь в своем поясе погибель всего мира! Близок час распада и гибели! Ты сожжешь белую смерть и сбросишь ее в пропасть!

Я шагнул к нему и двинул под ложечку. Он упал, стукнулся скулой о булыжник и затих, слабо дергая ногами.

— Жить будет, — уверенно сказал Олник, обошел страдальца и отвесил ему назидательного пинка. — *А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!*

Гритт!

Я быстро оглянулся кругом. Мне показалось, в пестрой толпе мелькнуло что-то золотистое.

— Олник?

— А?

— Хочется чихнуть?

Мой напарник шмыгнул носом.

— Не-а.

Проклятие!

На нас не особенно глазели: подумаешь, оттузили юродивого. Я еще раз осмотрелся: хитро, нагнувшись якобы для того, чтобы стряхнуть пыль с сапог. Черт, ни одного эльфа в толпе... Не становлюсь ли я параноиком? Ну на кой ляд я сдался эльфам, а?

* * *

Священник какого-то мелкого божка в одном зеленом подряснике исполнял *Танец-моей-трезвости** у дверей харчевни Лысого Арти. Явно, был на тризне по почившему богу, а может, праздновал смерть конкурента своего божества.

Не сговариваясь, мы перешагнули его и протиснулись в двери, миновали питейные комнаты и прошли в обеденный зал, место в полуподвале настолько темное, что на каждом столе горело по свече. Завсегдатаи шутили, что полумрак — это специально — дескать, толком не разглядишь, из чего приготовлены блюда, которыми тебя потчуют. Но на самом деле кормили в харчевне прилично — исключительно по той причине, что в ней любили собираться члены Ночной Гильдии, которых Арти боялся как огня.

Даже сейчас, когда бывшая Морская Биржа переживала не лучшие времена, у Арти хватало посетителей.

Мы сели в самом темном месте — под заляпанным сажей окном и заказали аперитив в виде пяти кружек эля. За соседним столиком трепались бывшие морские купцы.

— Слыхали? Полный конец торговли!...

* Танец исполняется исключительно ползком и только в том случае, когда у вас полностью отказывают ноги. Мычание и вой — компоненты желательные, но не обязательные.

— Синдикат не хочет выплачивать выкуп...

— Нам крышка...

— А Синдикату? Придут северяне, подомнут Харашту и все берега...

— Да пусть приходит хоть кто, лишь бы навел тут порядок! Воры на ворье, ворами погоняют!

— Вортиген и Кроуб...

Дальше можно не слушать, все и так ясно. Выкупа еще нет и, наверное, не будет, город блокирован. Из торговли — только сухопутные перевозки. Проклятая жадность Синдиката!

Когда тарелка с жареным мясом опустела, я отхлебнул эля и позволил себе немного расслабиться. Сразу ощутил, как сводит мускулы, пальцы рук ноют и дергает отбитый бок.

Дав волю эмоциям, я слегка выругался.

Олник оторвал взгляд от блюда (гномы, знаете, любят приналець на еду) с остатками жаркого:

— Горюшко-горе! Они оставили моего дедушку без квартиры!

— Угу.

— Я вот думаю, ты зря не прикончил Митризена и всю его челядь. Через час каждая собака в этом городе будет вынюхивать наш след.

— Пусть он сначала приведет в порядок своих псов и себя заодно, — буркнул я.

Напарник протер блюдо корочкой хлеба.

— Вот чего он нам никогда не простит — это Малютку Бетси. Эркешиш махандарр!

— Ага, заметет нас в совок и выбросит на помойку. А вдогонку найдет проклятия Вечного Насморка и Сумрачного Лупоглазия. Черт подери, Ол, расписки! Что ты сделал с нашими расписками? Помнишь, я крикнул тебе...

— Съел. — Он похлопал себя по животу. — Так надежнее, чем рвать на кусочки. И чихнул — гляди! — всего один раз!

— А сейчас, — я повел взглядом из стороны в сторону, — сейчас в носу не свербит?

— Не-е. Вот разве что я насыплю в нос хлебных крошек... — Его глаза сверкнули в полутьме. — Слушай, а ведь это выходит, теперь вся Долина Харашты для нас опасна?

Я кивнул:

— Выходит, да. Правда, не знаю, как Митризен захочет расправиться с нами... Вариантов больно много: Гильдия Убийц, Правдивые Маги, Свободные Охотники да свои же подручные...

За столом повисла тоскливая пауза. Купцы ушли, зато компания неподалеку что-то шумно праздновала, сотрясая харчевню взрывами хохота.

Олник вздохнул:

— Если бы только эти панталоны хорошо продавались!

— Ты забыл про бракованные корсеты, из-за которых вся наша репутация осыпалась, как осенние листья.

Он посмотрел на меня взглядом побитой собаки:

— Но кремы-то были хорошие!

— Ага, стало быть, это из-за кремов полквартала Веселых Монашек приходило, чтобы напялить корсеты нам на головы? Это из-за кремов в задницы и животы их клиентов впивался китовый ус? Это из-за кремов мы прятались на чердаке у Марлины, как летучие мыши?

Он потупился и шмыгнул носом.

— Я думаю, может, мы переборщили с рекламой, назвав эти корсеты сверхнадежными...

Угу. Сверхнадежные корсеты подарили Монашкам и их клиентам по-настоящему *острые* ощущения.

— Яханный фонарь, Ол! Я говорил — карлики не могут шить пристойные корсеты! Они вообще не могут шить корсеты! А ты — полцены, полцены!

Он что-то залепетал, готовый тянуть слезливую канитель бесконечно, но я прервал его взмахом руки:

— Уймись и думай о сегодняшних делах. Если мы не уберемся вовремя, нас найдут по кусочкам. Гритт! Мне-

то всегда открыт путь в горы Джарси. Вернусь к дедушке Трампу, покаюсь и снова примусь за старое... Буду охранять караваны, сопровождать паломников и всякую шваль... — Меня передернуло. — Главное, обходить Харашту стороной. Но тебя-то не возьмут в наш союз, хоть зарежешься. Разве что выбивать половички общинного дома...

Он подпрыгнул на лавке.

— Вот еще, нужен мне ваш тухлый варварский союз! Не пойду! Уеду во Фрайтор, куплю ферму и буду разводить гадюк. В наше время на качественный свежий яд всегда найдется покупатель.

Ага, как же. Это всего лишь означало, что он вернется в Зеренгу к папочке Джоку и мамочке Опунции. И к дедушке, которого лишили квартиры. А кто будет пороть его за одолженные и просаженные деньги — мать или многочисленные сестры — было не столь важно. В гномьих семьях суровые нравы и вдобавок строгий матриархат, так что накажут его в любом случае.

— Эркешш... Крепко же мы сели на мель! Какие у нас еще... ну варианты?

— Пока без понятия. Выберемся из города, там посмотрим. Тебя не привлекает идея вечного нищеводства? — Я невесело рассмеялся. — Но сначала я хочу дождаться темноты и потолковать с эльфийкой.

— Ты... *С кем?*

— Наша утренняя гостя, это с нее все началось. Я наведу контору, чтобы с ней потолковать. Не будет в конторе, отправлюсь на квартиру. И — я уверен — она будет или там, или там.

Олник подавился элем, путив его через нос.

— Ты что, хочешь ее... *чик?* — Он провел пальцем по горлу. — Если так, я участвовать не буду!

— Не мели ерунды, я просто хочу с ней поговорить.

— А-а-а... Но... но Митризен...

Я навалился на стол, сбавив голос до шепота:

— Придется рискнуть. А теперь я кое-что тебе поясню. Чтобы раздеть нас до панталон, эти загадочные *некто-*

эльфы хорошо потратились на взятки. Гритт! Я уверен, что они переплатили за наше имущество втрое, если не вчетверо. Где здесь профит, объясни мне? Лично я его не вижу, разве что предыдущий владелец конторы спрятал под половицами клад.

— Кла...

— Уймись, я шучу. Я хочу понять причину, я хочу понять мотив!

— Клад, как же я раньше не додумался! Спрятан под половицами...

— Уймись. Я не вижу причин, разве что месть по личным мотивам. Только вот кому — тебе или мне?

— Клад. Гм. Шкатулочка с бриллиантами!

— Не возьму в толк, кому мы наступили на хвост. Бизнес есть бизнес, но больших прибылей у нас отродясь не бывало...

— Но могут быть и золотые слитки! *Золотце!*

— Олник, я сейчас огрею тебя кружкой!

— О, эркешш! Я буду думать молча... Под половицами или в стенах?..

— Положим, мы перешли кому-то дорогу, и этот кто-то, вместо того чтобы просто нас пристукнуть, решил сломать нам и без того разбитую карьеру, опустить на дно общества без возврата... Гритт! Слишком тонкая игра для Харашты! Загадки в полутьме... Я бы поверил в козни графини, но после разговора с Митризенон ясно, что она не при делах. То есть при делах, но с другой стороны.

— С филейной части. Ты за нее держался, счастливец! Формы графини — о-о-о!

— Заткнись. Дай-ка сообразить... Митризен упомянул *единое лицо*... Так вот: наши эльфы — либо исполнители чужой воли, либо сами и являются этим лицом!

Ну вот, усердные размышления принесли свои плоды. Я, конечно, тугодум, но с логикой у меня все в порядке.

— Э-э, не понял: одно лицо на двоих?

— Фигурально выражаясь.

— Э-э... — Напарник, кажется, наморщил лоб. — То есть выражаясь ругательно?

Я вздохнул:

— Все наше имущество записали на кого-то одного, разумеешь?

— А, в этом смысле, ага... И все-таки клад — отличная мысль! Даже обычный набор старых серебряных вилок...

Я бы его, наверное, убил, но внезапно от галдящей компании, которая уже собиралась уходить, отделилась исполинская тень и плавно перетекла к нашему столу. За клинок хвататься не пришлось — я вовремя учуял запах чесночного соуса. Он да величина тени подсказали — явился мой сводный брат Шатци, любитель мериться размерами мечей и свершенными подвигами, гордость нашего клана. Оболтус, габаритами чуть больше платяного шкафа, всегда слегка раздутый от самодовольства...

Когда-то я занимался его воспитанием. Теперь при каждой встрече он пытался воспитать меня на свой, варварский способ.

По древнему обычаю Джарси он был одет в безрукавку из шкуры барса (в полумраке выделялись светлые пятнышки) и меховые штаны до колен. Вместо топора он пользовался двуручником, который таскал за спиной, обернув широкими полосами кожи, благо варварам Джарси в Хараште дозволялось носить неопечатанное оружие в открытую. Замечу, что двуручный меч — крайне несподручная и громоздкая штука, однако в лапах Шатци он казался тростинкой.

— А я все думаю, кто тут сидит, хе-хе-хе!

— А я все думаю, кто тут звенит стальными бубенцами, — откликнулся я.

Хохотнув, братец шлепнулся на край скамьи Олника. Результат превзошел все ожидания — мой напарник взлетел к потолку, затем сполз прямо в объятия Шатци, который не преминул потрепать его по голове.

— Ну ты глянь, как живой! Фатик, тебе еще не надоело таскать повсюду марионетку? Ха-ха, закопайте меня под плинтусом!

Отплевываясь, Олник вырвался и перебежал на мою сторону.

— Эркешш... *Дларма тогхирр**!

Шатци разразился хохотом, от которого на столе задрезжала посуда. Я промолчал, скрипя зубами, хотя Олник и тыкал меня локтем в бок.

— Да-а, все по-старому, — заключил брат, отсмеявшись. — Киснешь в городе, торгуешь чем попало, в кармане ветер свищет. Чем занят сейчас? Ты, случайно, не докатился уже до сбора подаваний? Великая Торба, я гляжу, видок-то у тебя задрипанский, хо-хо, хе, хе!

Проклятие, он видел в темноте как кошка. Я промолчал. В другой раз я, может, не сдержался бы и огрел его лавкой по башке (просто дружеское приветствие варваров, ничего личного), но сейчас затевать бучу было не с руки. Нужно терпеливо пересидеть его словоизвержения, и все. Тем более компания братца собиралась уходить.

Он еще раз окинул меня взглядом, блеснув квадратной челюстью.

— Да, знатно ты прибарахлился!

— Пожалуйста, не рассказывай никому, что нас здесь видел.

Брат снова рассмеялся, добавив громогласно:

— Как скажешь, Фатик! Я слышал, у тебя небольшие проблемы с кредиторами?

Он знал, как меня поддеть, сукин сын!

— Все уже решено.

— Вот оно что! То-то рожа кислая, будто в помоях купался! А у меня все отлично. Получил новый заказ отвести кучку каких-то хмырей... Угадай, куда?

— Неужели в ад?

— Ха-ха! В Дольмир. К самому Облачному Храму, к Оракулу! Прикинь, а? Далеко, конечно, две тыщи миль с гаком, тем более пираты закрыли морские пути, так что

* *Дларма тогхирр*! — еще одно гномье ругательство. Вам лучше не знать, что оно означает.

из Харашты не отплыть. Сперва будем добираться посуху через Фрайтор, Арконию и Мантиохию до самого Ридондо. Трюх-трюх на лошаденках! — Он снова хохотнул. — Но зато оплата — пальчики оближешь! В отряде неплохие ребята и девушки... — Он сделал паузу, такую фальшивую, что в любом хараштийском театре его закидали бы тухлыми яйцами. — Я вот подумал... Не хочешь присоединиться? Ну будешь замещать командира... Не кашу там варить, Гритт упаси! К слову: у меня в отряде есть горячая девчонка, Талин, м-м-м, она любит зрелых мужчин и пока одинока...

Еще одна рваная пауза, достойная тухлых яиц и гнилых помидоров. И ведь знает, что в Дольмир к Оракулу я отправлюсь, только когда к моему затылку приставят заряженный арбалет.

Черт, я оказался прав насчет ада. Давнее воспоминание больно кольнуло. Дольмир... Храм... Оракул... Смерть.

— Считаешь, дело чистое, а? Все идут добровольно?

— Еще бы! Все обговорено. — Он покачал над столом громадным кулаком. — Они у меня зде-есь! Задумают купить рабынь — бошки им проломлю, это я сразу сказал. Не-е, там подвоха нет, а кто из них решит сигануть в яму Оракула — мне плевать. Доведу до места, получу расчет и счастливо оставаться!

А ведь у него все получится, я уверен. Он был патологически удачлив, удачлив вопреки, удачлив там, где целая сотня фатиков расшибла бы себе лбы. Это выводило меня из себя больше всего.

— Спасибо, Шатци, я завязал с походами навсегда.

Он, хмыкнув, словно и не ждал иного ответа, обдал нас запахом чеснока и осторожно встал.

— Выхожу сегодня вечером. На обратном пути заеду к дедуле. Что ему передать?

— Скажи, я пришлю ему с оказией шерстяные носки.

— Все шутишь, да?

— Шучу.

— Джальтана про тебя спрашивала...

Гм!

— Не хочу о ней говорить. Что-то еще, Шатци?

Его молчаливая тень с огромной крестовиной меча покачивалась у стола еще какое-то время. В конце концов он отвалил, выдав напутствие:

— Мой тебе совет — измени что-то в своей жизни. Например, заведи вместо гнома кошку.

Я удержал Олника от прыжка и крика:

— Не сегодня и не сейчас.

Мы посидели немного в унылом молчании, хотя после воплей Шатци нам полагалось драть из харчевни Арти все лопатки. Свеча прогорела почти до самого дна. Вдруг Олник, подозрительно захлопав, спросил:

— Фатик, ты думаешь, мы по правде безнадежны, как коммерсанты? Совсем-совсем безнадежны?

Я без раздумий кивнул:

— Сказать откровенно, Олник, да.

В этот самый миг у стола материализовалась новая тень — маленькая и кособокая.

— Это ты Фатик Джарси? — полуутвердительно сказала она. — У меня для тебя письмо.

7

Я пригляделся:

— Здорово, Кривошлеп. К чему официоз? Мы что, с тобой незнакомы?

Тень приосанилась, поглубже натянув блестящую кожаную кепку с длинным козырьком — знаком своего цеха.

— Я при исполнении. Ты Фатик Джарси? У меня для тебя письмо.

— Это я уже слышал, давай.

— Ты Фатик?

— Великая Торба. Да, я — Фатик!

И ведь не отдаст, пока не скажешь.

Кривошлеп был представителем народа коротышек, не карликов, прошу заметить — именно коротышек. На «карликов» этот *народец* обижался смертельно*, предпочитая именовать так гномов, хотя самый зачуханный гном был выше самого рослого карлика на полголовы. При этом коротышки были дальними родственниками гномов, каковой факт обе расы яростно отрицали. Иногда мне казалось, что все до одного карлики выходят из утробы матери сразу пожилыми, морщинистыми и краснолицыми, с унылым взглядом и ощущением абсолютной тщеты бытия. Свои настоящие имена и само название они держали в тайне по каким-то загадочным религиозным причинам. В Хараште они основали Посыльную Гильдию, короче, бегали на посылках, отличаясь безупречной честностью и тем, что знали в городе все входы и выходы.

С Кривошлепом я был знаком давно, по старым делам, мы, можно сказать, были не приятели, но знакомые.

Он начал копаться в сумке, висевшей на животе. Олника он демонстративно не замечал, мой товарищ платил ему тем же.

— С утра тебя ищу. Велели передать сразу, как отойдешь от своей квартиры, но тебя увезли Гхашш.

Небеса, я решил, что ослышался.

— Ищешь... с утра?

— Ну да, видел, как тебя закинули в экипаж, увезли.

— Увезли и привезли, как только *солнышко взошло*. Кто велел передать?

— Мне запретили говорить.

Вот так, и не выбьешь из него. Будь проклята цеховая этика.

— Давай письмо.

— Минуту. — Он подступил ближе к источнику света. — А потом наши сказали, что видели, как ты крадешься по

* Разумеется, за глаза их называли карликами. Я не был исключением.

кварталу Рисковых Сводней, и... Долго же я тебя искал, хорошо, что знаю места, где ты любишь бывать.

— Гритт!

Он наверняка перерыл весь город и запросто мог при- тащить за собой хвост. Я молча переглянулся с Олником. Мой напарник кивнул и сделал двумя пальцами жест убе- гания.

— Мне доплатить за поиски?

— О нет! — Кривошлеп протянул конверт вместе с бланком для подписи и карандашиком. — Твои поиски уже оплатил хозяин письма.

Яханный фонарь!

Пока я распечатывал прихваченное сургучом письмо, карлика и след простыл. Внутри конверта лежал прямо- угольник дорогой мелованной бумаги, на которой безупречно ровным почерком было выведено всего несколько строк:

«Фатику Мегарону Джарси, также известному как Бешеный Топор.*

Приветствия!

Ответы на все вопросы вы получите сегодня в восемь ча- сов вечера. Приходите в «Кахавную Г-Кренделя» на бульваре Славного Гро. Там вы назовете метрдотелю свое полное имя, и он проводит вас в номер восемь (номер восемь! Во-се-мь. 8). Вас будут ждать в номере восемь.

Пожалуйста, не опаздывайте.

Запомните: номер восемь!»

Вместо подписи красовался зигзагообразный росчерк, похожий на описание приема шпажной атаки.

Номер восемь. Надо же, повторили столько раз, будто я безмозглый идиот. Или варвар. Хорошо, что не изобразили в картинках, куда мне идти.

* Дурацкое прозвище, от которого я неудачно пытался от- креститься все пять лет жизни в городе.

Сквозь смрад харчевни мой нос учуял исходящий от бумаги тонкий аромат.

Это были ее духи, ее запах. Небеса!

Мои мысли спутались, внезапно окрасившись в пастельные тона заката. Значит, письмо написала она...

— Гритт! — Я встряхнулся. Кажется, последние кружки эля были лишними.

Гм, если вспомнить, какими глазами смотрела на меня эльфийка и что она при этом думала... Ага, тупой варвар. Это она не видела еще моего сводного брата, вот кому надо малевать письмо в картинках. Но, возможно, сегодня мне представится случай доказать, что голова на моих плечах отнюдь не пустышка.

Итак, западня? Ну нет, к чему громоздить столько несуразностей. Но на всякий случай я прибуду во всеоружии. Интересно, сколько их там будет, этих эльфов: пара-тройка или *много*?

Письмо вырвали из моей руки: Олник, склонившись к обмылку свечи, читал недолго, всего минут пять, до того самого момента, как свеча окончательно погасла.

— Мы идем в кахавную Г-Кренделя? Это там, где наши поставили *механизм* в прошлом году! Батюшки, вот радость-то! У Г-Кренделя лучшие пирожные с заварным кремом!

А этому мерзавцу лишь бы радоваться.

— Про тебя в письме ни слова.

— *А-а-апчхи-и-и!*

— Вот-вот. Там будут эльфы, так что запасись платками или забей в нос пробки.

— А-а-апп... — Он зажал нос, бросив письмо на стол. — Эйфка? Пам пудет па памая эйфка! Запери псмо! Пся кахава наспарку!

— Ты прозорлив.

Кахава... Мерзкий горький напиток из молотых зерен какого-то богом проклятого северного кустарника. Гномы его обожали. Аристократия Харашты сходила по нему с ума. Он был модным, он дарил вдохновение, он

отгонял сон и стоил недешево. Его холодный настой с кардамоном аптекари использовали как рвотное. Впрочем, обычная, заваренная с сахаром кахава действовала на меня так же.

Мне подумалось, что эльфы, каким-то образом прознав обо мне решительно все, задумали на сегодня день издевательств. Сделать так, что хуже и быть не может. Все-таки — кто-то на меня ополчился. Но кто и почему? На все вопросы будет дан ответ в кахавной Г-Кренделя. Очень надеюсь на это. И пусть только попробуют влиять и глумиться. Варвар, вытравленный мной по капле, стремительно возвращался.

Устрою кровавое месиво, гр-р-р! Убью врагов, возьму в плен их женщин, заклею, закую в цепи! И не пытайтесь остановить меня!

Я спрятал письмо в карман штанов.

— Будем надеяться, в кахавной можно выпить вина.

Из харчевни мы ускользнули через заднюю дверь. Арти возился на кухне, блистая лысиной, и мы кивнули ему с заговорщицким видом. Дела Ночной Гильдии, понимаете ли. Секрет! Теперь, если нас будут искать, он вряд ли расскажет, что мы вообще посещали сегодня его тошниловку. Хотя после воплей Шатци уматывать через заднюю дверь не имело особенного смысла, но береженного бог бережет.

В лавке знакомого старьевщика я сменял с доплатой кожаный плащ на пристойную, недавно украденную одежду горожанина, неплохую фетровую шляпу и приличные ботинки. Олник тоже слегка приоделся и пустил поперек глаза черную повязку, чтобы его не узнали собратья. Оружие мы разделили, правда, жуткие крючья я выкинул. Таким образом, Олнику достались молоток и страховидные ножницы, мне — клинки и швыряльные ножи. Мечи поместились в наплечной суме; в ее горловину я втиснул гриф разбитого о чью-то голову ситара. Теперь я был самый настоящий странствующий бард (меланхоличное выражение лица прилагается).

На последние гроши я побрился в подпольной цирюльне у зеленых гоблинов и, разругавшись с ними в хлам, вытребовал, чтобы меня в кредит обрызгали лучшим одеколоном из их обширной коллекции украденных парфюмов.

Не знаю, зачем я это сделал. Раньше я просто предполагал мыться.

До самого вечера мы болтались по задворкам Харашты, стараясь нигде не задерживаться надолго, чтобы нас не вычислили. Тем не менее постепенно у меня родилось и окрепло ощущение, что за нами следят. К семи часам, когда начали сгущаться сумерки, у меня нестерпимо чесалось между лопатками — верный признак слезки, свойственный только варварам Джарси (или вшивым бродягам). Но сколько бы раз я ни оборачивался — то резко, то хитро, выглядывая из-под локтя, засечь в толпе золотоволосую ищейку мне не удалось, более того, ощущение неотступности одного-единственного взгляда не пропадало даже тогда, когда я в упор разглядывал толпу! Этот взгляд словно скользил поверх голов, временами падая откуда-то сверху.

— *Барановая оя*, — констатировал Олник, едва я в очередной раз крутнулся вокруг собственной оси. — Лично я ничего не вижу и не чувствую.

Я смолчал. Этот нахватавшийся модных словечек гном не разглядел бы и слона под собственным носом.

По влажной мостовой уже расползлся туман, когда мы вышли на улицу Честных Предсказателей, откуда было рукой подать до бульвара Славного Гро. Здесь царил сумрак, фонари либо не горели вовсе, либо слабо тлели, создавая атмосферу легкой таинственности. Из приоткрытых дверей лавок неслись низкие напевы, слышался шелест гадальных карт, в воздухе плыл дым мистических благовоний. В витринах богатых заведений сверкали разнообразные кристаллы, скалились натертые фосфором черепа невиданных существ, а в одной неподвижно и без всякой видимой опоры, скрестив ноги и руки, завис в воздухе тощий человек в набедренной повязке.

— Гадание на семенах бешеного огурца! — тут же устремился к нам первый зазывала. — Самое модное гадание в этом сезоне!

— Слизни судьбы! — воровато оглядываясь, зашептал второй, кидаясь наперерез. — Прозрите будущее по их следам на кирпичной кладке!

Третий просто упал перед нами и начал биться в корчах, словно невзначай подвигаясь к дверям своего заведения.

Мы торопливо свернули в узкий переулок, где под стенами на тряпках сидели местные парии, юродивые, припадочные, короче, те, кому не хватало денег на содержание лавки; они освещали пространство перед собой углями, тлеющими в жаровнях. Еще немного, и мы на месте.

У самого выхода на бульвар кто-то дернул меня за полу куртки.

— *Артан мар, октан го!* Ты! Вижу-у-у!

Низенькое тщедушное создание в отрепьях, чье лицо скрыто под несколькими слоями ткани. Оставалась лишь щель для глаз, в которой я ни черта не мог разглядеть. Так одеваются прокаженные или жулики, которые не хотят, чтобы их узнали и избили за липовые пророчества.

— Вижу-у-у! Вижу! Вижу-вижу-вижу!

— Отстань, денег нет. — Вдоль позвоночника поползли мурашки. Я попытался стряхнуть прилипалу, проволок его по мостовой, опрокинув чью-то жаровню.

Глухой, хриплый старушечий голос поразил меня откровением:

— Ты варвар.

Гритт! Второй юродивый... за день! Я застопорился, отодвинул напарника рукой. Юродивые, они иногда на самом деле *видят*. Вот только я не желаю слушать, что именно они видят в моей судьбе. Или — желаю? Почему остановился?

— Тот самый, вижу-у-у! Кхе-кхе!..

Тот самый? Что за?..

— Слепец! Кхе-кхе... Твоя игра началась. Колеса завертелись, пружина спущена, шестеренки... Кхе-кхе... Тебя

раздавит, если вернешься! Твоя судьба, и не перечь... Гибель и начало мира в твоём поясе! Длинный путь. Война. Ты пройдёшь. Кхе... Бойся клыков смерти и старых знакомых! О, они уже взяли след! Настало время охоты!

Бить старушку как-то не с руки. Я ускорил шаг, волоча её за собой.

Внезапно её руки разжались, и я выскочил на бульвар. Олник вывалился следом, ругаясь на чем свет стоит.

Ненавижу предсказания в виде мелкой крошки. Игра, колеса, пружинки, клыки да ещё война с охотой... Что-то неохота мне идти на войну, прямо скажем. Вместо того чтобы выразиться четко и ясно: мол, уматывай из города, придурок, уматывай, теряя портки, иначе будет худо, тебе плетут вот такую заумную околесицу да ещё дразнятся слепцом. Хорошо хоть, бесплатно.

И пояс. Что ж это за гибель такая, в моём поясе?

У меня снова зачесалось между лопатками, и я оглянулся. Переулочек тонул в полумраке, только пара угольков светила на земле багровым. Это были *просто угольки*, из переулка никто не смотрел. Сверлящий взгляд был направлен на меня... сверху. Словно бы с крыши. Но кто или что будет прыгать за мной по крышам целых полгорода? Эльфы? Зачем этим шустрякам скакать по крышам, если я и так направляюсь в их ловушку?

Прав напарник — у меня очевидная *барановая оя*.

— Ты понял, о чем оно трендело? — осведомился гном. — Лично мне ничего не ясно. Может, я дурак?

«Не исключено», — хотел ответить я. Но вместо этого сказал:

— Какие-то шестерни и пружины. Я думаю, она — или оно — свихнутый часовщик.

— Не бывает часовщиков — не гномов! А оно — ни разу не гном!

— Может, встречаются гномокарлики? Ты можешь проверить: вернись и размотай её лохмотья!

Олник поперхнулся.

— Знаешь что, пошли быстрее, мы опаздываем!

К заведению Г-Кренделя мы приблизились вовремя, перед этим изрядно пропетляв в толпе в попытках затеряться. Худо дело: кто-то упорно вел меня взглядом. Не помогли даже забеги в местные магазинчики, которые торговали *шоковой одеждой* по грабительским ценам.

Входить или нет — то есть совать ли голову в пасть тигра, этот вопрос меня уже не заботил. Я чертовски устал, проголодался, озлобился и был готов порвать на части кого угодно. На всякий случай я спрятал в рукаве метательный нож, а Олник приготовил молоток, сунув его за пояс, под куртку.

Кахавная была помпезным сооружением на два этажа и вся блестела от зеркал и позолоты. Полагаю, будь мы в той же одежде что и с утра, швейцар не пустил бы нас внутрь. Эльфы, выбросив меня на улицу в обносках, разумеется, об этом не подумали. Для них главное эстетика, красота, а какая красота может быть в обычной харчевне? Конечно, они выбрали заведение покруче.

Метрдотель напоминал бородатого павлина. Он окинул нас суровым взглядом, зачем-то подозрительно принюхался ко мне (понятия не имею, чем это от меня пахло!) и повел нас вдоль общего зала, где в центре сверкал надраенной медью *механизм* — музыкальная машина гномов размером с тридцативесельный баркас. Скрипя, будто ржавая якорная цепь, она наигрывала песенку «Преступное наслаждение». Олник успел прожужжать мне все уши об этом чуде. Бросаем монетку в щель, дергаем стальной взводной рычаг и — наслаждаемся скрипом и скрежетом искусственной музыки. Богема Харашты за столиками вокруг восхищенно внимала адскому скрежету, потягивая кахаву из фарфоровых чашек. От запаха этой дряни меня затошнило.

Кабинеты располагались в альковах, задернутых розовыми шторами. Над каждым висела большая позолоченная цифра.

Метрдотель посторонился, мы просочились за шторы, толкнули дверь восьмого номера и вошли.

Я был готов ко всему, даже увидеть в кабинете Митризена.

В кабинете никого не оказалось.

Какой сюрприз.

Может быть, я ошибся номером?

8

В глубокой тишине из-за пояса Олника вывалился молоток и с грохотом приземлился на полированный паркет.

— А где все? — осведомился мой приятель, суетливо подбирая оружие.

Роскошно обставленный, ярко освещенный масляными лампами кабинет был пуст, на столе — никаких яств, если не считать за таковые бумажные салфетки.

— Эркешш... Мы туда попали?

Туда? Несомненно, мой друг, несомненно.

Я негромко рыкнул сквозь зубы. Кажется, эльфы удачно выписали меня на роль шута.

— Я ценю хорошую шутку, но кому-то сегодня будет очень больно.

На грохот молотка вломился метрдотель — он, весь из себя сыщик, явно подслушивал под дверь. За ним маячила пара дюжих вышибал в костюмах «вырвиглаз» (расцветка — розовая в желтую крапинку). Вид Олника с зубчатым молотком наперевес вызвал у троицы кратковременный ступор.

— Мы приглашены для приватного концерта, — быстро сказал я, демонстрируя мешок с обломком ситара. — Может, слышали про знаменитых странствующих бардов «Два-Сапога-Пара»? Так это мы и есть. Я исполнитель романтических баллад, а мой друг — единственный в мире гном, который играет на молотке для отбивания мяса. Нельзя измерить деньгами то, что он делает, это настоящее высокое искусство!

Метрдотель задумчиво открыл рот, но я атаковал его быстрее, чем он собрался с мыслями:

— Заказ на сегодня, похоже, отменен. Да, приятель, нас, по всему, обманули. Пусть этому гному выбьют второй глаз, если я когда-нибудь еще поверю молоденькой блондинке вот с такенным носом! Не требовал задатка, видали такого идиота?

Его лицо дрогнуло. Вот вам и ответ: номер заказала эльфийка. Ну погоди, добрая фея! Не тебе, так твоему подельнику сегодня будет худо! Привяжу его за блондинистые патлы к дверце кареты и пущу коней вскачь, если он, конечно, мужчина. Заезд через всю Харашту с остановкой у рынка. Вот крестьяне обрадуются!

Окатив метрдотеля презрительным взглядом, я щелкнул напарнику пальцами:

— Чешем отсюда, маэстро!

И мы почесали. Проходя по залу, я осмотрелся из-под шляпы: а ну как шутники-эльфы притаились за одной из массивных колонн и злорадно прыскают в кулак?

Эльфов я не засек.

— Плакала моя кахава, — тяжело вздохнул напарник, когда мы вышли на улицу.

— Рыдала, — подсказал я.

— Я не совсем понял, Фатик, нас что, обманули?

— Узнаем в конторе.

— Эркешш махандарр!

— На всякий случай — приготовь к бою колотушку.

— Но я же на ней игра...

Сила внушения — великая штука!

Мы торопливо покинули бульвар Славного Гро и углубились в кварталы вечернего города. Я знал близкий путь через подворотни — этим путем добираться до конторы примерно полчаса. Варварская часть моего «я» немного запуталась в чувствах, хотя на поверхности плескалась самая настоящая ярость. Опасайтесь дразнить варваров, друзья, серьезно вам говорю!

От тряской ходьбы ушибы разболелись, в голове застучали молоточки. Еще я заметил, что меня слегка кренит

в сторону. Гритт! Эдак я отдам концы без всяких усилий Митризена. Да, варвары не железные, они сделаны из стали. Просто сталь, зараза такая, часто трескается.

Олник шел молча, сопя, как обиженный ребенок. Он, видите ли, не получил кахавы. Тьфу!

Небо очистилось, и луна ярко освещала помойку, по которой мы, хм, перемещались. Из бедных кварталов и раньше редко вывозили мусор, а ныне, с упадком экономики, перестали вывозить вовсе. Местами его скопилось столько, что он погреб под собой не только мостовую, но и стены домов. Местные протапывали в нем тропки, как в первом снегу. Прекрасные уголья для охоты на крыс.

Тут я снова почуял *тот самый* взгляд. Совсем уже близко.

Чертовщина, в подворотне никого не было! Ну разве что сотня-другая крыс паялилась на нас отовсюду.

— *Барановая ойя* лечится плохо, если вообще лечится, — тут же ввернул мой напарник.

Вот только я знал, что это не паранойя.

Мы свернули на пустынную улочку, освещенную скудными огнями. Она круто задиралась вверх, благодаря чему мусор на ней не задерживался, скатываясь туда, откуда мы пришли.

Это случилось за нашими спинами.

Грохот кровельной жести слился с яростным кошачьим воплем. Концерт «Вечерняя кастрация» в одном сольном номере. Затем с высоты двух этажей плюхнулся сам кот — рыжий ободранный засранец, а рядом со звуком «пламп!» упало *нечто*. У него были заостренные кожистые крылья и тело обритой мартышки, которой вдобавок купировали хвост.

Кот изогнулся, втянув вислое брюхо, и боком-боком попятился к стеночке. Серая тварь немного превосходила его габаритами. Из острых плеч торчала тупорылая башка с выпуклыми, близко поставленными глазами, передние лапы были непомерной длины. Тварь подпрыгнула, пы-

таясь взлететь, но левое крыло свисало, как мятая тряпка. Тогда она выпустила когти из всех четырех лап — замечательные когти, похожие на иглы, которыми ушивают глаза покойников.

Кот прижался к стене и зашипел. Тварь распахнула пасть, вернее сказать — растянула, как змея, когда пытается сожрать что-то крупное. Поверьте, у меня самого челюсть отвисла. Короче говоря, это была уже не пасть, а настоящая дырища для поглощения кошек. На клыках твари заиграл желтый свет фонаря.

— Цок-цок-цок! — застучали по мостовой загнутые когти.

— Дохлый зяблик! — прошептал гном. Это значило, что он не просто испуган, но и удивлен, притом что после детства, проведенного в пещерах Зеренги, моего товарища удивить было трудно.

Я метнул нож, который держал в рукаве куртки. Он скользнул по плечу твари и упал на булыжники. Зато второй, из нагрудного кармана, воткнулся ей в горло. Отличный бросок, если учесть, что я целил в сердце.

Неплохие ножи у братьев Гхашш, неплохие. Утром я прикинул баланс и даже всадил парочку в уцелевшую стойку газебо, пугая челядь Митризена. Как хорошо все-таки быть дальновидным!

Кот умчался дикими прыжками, не сказав и слова благодарности. Олник подбежал с молотком наперевес, но тварь была мертва — она лежала на боку, запахнувшись крылом, выпученные глаза помутнели, из раны сочилась кровь цвета дегтя. В общем, отвратное зрелище. Я побрезговал извлекать нож, не стал даже пинать тварь мыском ботинка.

Крылья смерти надо мной...

А ведь прав оказался юродивый парнишка. Прав. А я его избил.

— Видал когда-нибудь такую штуку?

— Эркешш... Разное видел, но такое — впервые.

— Аналогично, дорогой Гагабурк.

— Дохлый зяблик! Может, возьмем с собой да скинем алхимикам? Я знаю парочку, они дадут хорошую цену! Это же этот, как его, *раритет*!

Я пожал плечами, чувствуя себя до странности легко, словно сбавил разом десять годков.

— Хочешь — бери. Только заверни в свою куртку. Если будешь волочить тварь за крылья, даже в полночь соберешь толпу зевак.

Олник поскреб в затылке, рассматривая дегтярную лужу:

— Тогда пускай тут остается.

Внезапно я понял, почему мне так легко.

Взгляд пропал.

Я быстренько сложил два и два: значит, вот она, ищейка. Теперь ясно, почему взгляд упорно следил за мной сверху. В двух словах я объяснил это напарнику.

— Эркешш махандарр!

— Но я не думаю, что это Митризен.

— Эльфы!

— Не знаю. Может, те, о которых трендел свихнутый часовщик. Что-то там про след и охоту. — «И про крылья», — мог бы я добавить. — Я не думаю, что он имел в виду наших эльфов. Пошли быстрее, у меня скверные предчувствия. В этом городе заваривается какая-то каша.

— Что-что? — Гритт, я позабыл, что до гномов не всегда доходит смысл человеческих пословиц.

— Гуляш из зеленых гоблинов. В этом городе кто-то варит гуляш из зеленых гоблинов.

Олника чуть не вывернуло на мостовую.

* * *

Я все время ускорял ход, в безлюдных местах срываясь на бег. Меня распирала агрессия. Мне вдруг очень захотелось встретиться с тем кулинаром, который решил сварить из гоблинов гуляш. Может, то был один из эльфов, мо-

жет — кто другой, в любом случае контора служила точкой отсчета. Больше я не буду добрым и терпеливым, о нет. Опасайтесь злить варвара... А, я это уже говорил. Ну тогда так: опасайтесь делать из варвара марионетку.

«Дом Элидора» таил в себе угрозу, и лелеял ее, предлагая всем заглянуть на огонек. Да, окна были освещены, и из входной двери, настежь распахнутой, между прочим — падал клин света. Вроде все открыто, никакой тебе загадочности, но я чутьем варвара ощутил опасность.

Мы остановились передохнуть на другой стороне улицы.

— У нас свет, — заметил мой приятель, перетащив повязку на другой глаз. — Видимо, мы дома.

— Угу, Джабар тоже дома. Приготовь молоток.

Пара ножей заняла нужные места. Торбу с мечами я взял наперевес, распустил завязки. Одно движение — и горловина свободна.

В прихожей Элидор — все в том же сальном балахоне — рыдал за конторкой.

Какой сюрприз. Во мне почему-то таилась надежда увидеть его с распоротым горлом. Но рыдающий тоже сойдет, побольше горя и страданий, мы, варвары, все такие кровожадные.

— За-за-за что? — Блеклые глаза старого хрыча были полны скорби и жалости.

Перед ним на крышке конторки лежал, растопырив лапки, пиратский попугай. Кто-то умело свернул ему шею, так что клюв смотрел в направлении задницы, кстати, плешивой, ибо попугай — то ли от недоедания, то ли потому, что у него не было даже плохонькой подружки — любил щипать оттуда перья.

Умилительная картина. Неизвестный сделал то, на что у меня три года не хватало решимости.

— Дозвезделся, — оценил ситуацию мой товарищ и выудил из-под одежды молоток. — А я всегда говорил — нельзя верить эльфам! Двуличные любители птичек и природы! — Страховидные ножницы Олник положил на

конторку. — Вот, дарю: можешь отчекрыжить ему голову и лапы, а потом сварить супешник.

— Они наверху? — Я не стал уточнять, кто это — они и сколько их. В таких ситуациях предпочитаю действовать экспромтом, чтобы никакие сомнения не остановили... э-э, раздачу. То есть — выяснение обстоятельств. От нерешительности всегда страдаешь больше, чем от спонтанных действий, эту премудрость я давно усвоил.

Элидор кивнул:

— О-очень плох... плохие люди. Злые.

Да в мире вообще мало добрых людей, Элидор, вот прямо сейчас поднимемся и немного изменим баланс в лучшую сторону.

Ступеньки пронзительно захрустели под ногами. Отвратительно громкие звуки! Сам дом, казалось, вымер: все обитатели, зачувяв опасность, попрятались как мыши. Бедные кварталы — они такие: до стражи далеко, жители сами решают свои проблемы. Я нес мешок в левой руке, пальцы правой сжимали рукоятку ножа. Настоятельная потребность дать выход кровожадным инстинктам варвара распирала мою грудь. Не амок, нет, тут все было осознанно. Пять лет жизни в городе канули в небытие, в глубине души я себя ненавидел.

Они таки выставили часового — на счастье, он, сучая, отирался у дальнего торца коридора. Все двери закрыты, на стене тускло тлеет масляный светильник. Мирная картина.

Из-за нашей двери раздался приглушенный звук, похожий на болезненный стон женщины. И звук плача. И звук пощечины.

Гритт!

Я устремился вперед, нещадно скрипя трухлявыми половицами. Часовой обернулся, и я его узнал — Пан Кралик из Свободных Охотников, одетый, будто скучающий франт с бульвара Славного Гро. М-да, настоящий день говеных сюрпризов.

Свободные Охотники — сущие отморозки, которые берутся за любую грязную работу, попирая неписанные законы

преступного мира. Лишь бы заказчик платил. Организация у них маленькая, но спаянная железной дисциплиной, и абы кого туда не берут. Чтобы туда попасть, нужно... Короче, обозвать их подонками общества — значит выписать им индульгенцию.

Я бросил в Кралика нож, пытаюсь предупредить его возглас. Попал в плечо, хотя целил в глаз. К Охотникам — никакого снисхождения. Он упал на колено и заорал:

— Один! Десять! Пять!

На тайном языке Охотников это означало примерно следующее: «Дорогие соратники, при первой же возможности соблаговолите выйти в коридор, ибо непредвиденная опасность может помешать осуществлению наших злодейских планов».

Ну не получилось внезапно, ну что теперь поделаешь.

Я страхнул торбу с мечей, пинком отправив обломок ситара в лицо Кралику, после чего развернулся и с грохотом вышиб дверь в нашу контору. Она косо повисла на петлях, но происходящее внутри ускользнуло от моего внимания: в коридор упал новый прямоугольник света. Кто-то открыл дверь из конторы Джабара, огрев Пана Кралика по лбу — звук был гулкий, словно ударили в бубен.

Завывая, в наше заведение юркнул Олник. Ну на его счет я спокоен: гномы — настоящие доки в смысле потасовок в замкнутых пространствах, их маленький рост здесь только на пользу. На какое-то время я обезопасил свой тыл.

— *Дзынь-драм-бам-ба-бам!* — Олник начал круто, расколотив наш трельяж. Тьфу ты, уже не наш — эльфийки.

Из конторы Джабара выскользнул коренастый человек с молочно-белой короткой шевелюрой. В руках тонкая шпага, оружие аристократов и... не аристократов. Ну в общем, с этой штуковиной надо уметь обращаться, если не хочешь сломать ее в первом же бою. Камзол, штаны и короткий плащ — все сдержанных тонов. Глаза у него были красные,

как у летучей мыши. Альбинос. Лет тридцати пяти, с резкими складками у носа и рта.

Я не сразу понял, что с ним не так.

А потом...

В моем горле застыло рычание.

Глупая шутка. Чья-то неумная шутка...

Имперский смертоносец. Ах ты ж гребаный ты нахрен!

«Ай-ай-ай», — как сказал бы мой приятель, вор Джабар, перед тем как развернуться и дать деру.

Увы, бежать мне было не с руки.

Смертоносец — один из псов личной гвардии Вортигена, человек, измененный черным колдовством раз и навсегда. Нет, уже не человек — тварь, полудемон. Умелый боец и мощный маг, способный плести чары быстрее обычного чародея, а уставать от применения магии — куда меньше, чем обычно полагается в нашем мире. Примесь демонской крови изменила его облик и искорежила душу.

Внешний Круг, Фатик, тебе повезло!

Смертоносцы Внутреннего Круга в Адварисе — личные телохранители и приближенные Вортигена — были искажены настолько, что носили на лице маски. Один из них гнал меня до самых подножий Джарси, черт*, я об этом уже говорил... Твари Внутреннего Круга — не люди в полном смысле этого слова. Сильные мрази... Как воины и как маги. А вот смертоносца Внешнего Круга я однажды прибил...

Получилось однажды, получится снова, э, Фатик? Эх, топор бы мне в руки!

Я сжал рукояти мечей.

Смертоносец Внешнего Круга.

Всего один противник.

Один ли?

Молись, Фатик, молись всем пятидесяти богам Харашты, чтобы смертоносец был один!

* *Черт* — название мелкого демона.

Он смотрел на меня целую вечность, будто узнал старого знакомого. Затем кивнул, словно и правда узнал, и пошел в атаку.

Шпага рассекла воздух, мы скрестили клинки. О да, он орудовал этой хреновиной умело даже в тесноте коридора. Вдобавок его шпага была длиннее моих мечей, зато у меня было на один клинок больше. Некоторое время мы фехтовали, как заправские дуэлянты, топая так, что с потолка сыпалась штукатурка. Из нашей конторы раздавались крики, рев, вопли, ругательства на гномьем и громовые «*Апчиху!*»: Олник, хвала Небесам, крепко держал оборону.

Альбинос рубился молча, стиснув узкий рот. Я вышивал перед ним крестиком, жалея, что не могу закрутить клинки мельницей.

Наконец я понял, что его способности в фехтовании — вровень с моими, и весело осклабился.

— Утрись, сопливец, — бросил я.

Его перекосило. Щеки окрасились малярийной желтизной. Он оскорбился, чувствительный. Я скорчил особо отвратную рожу, отпрыгнул назад и отсалютовал ему правым клинком. Но он уже взял эмоции под контроль. Дуэль продолжилась с переменным успехом, однако время было на его стороне — из нашей конторы в любой миг мог выскочить его поделник и присоединиться к атаке, кроме того, смертоносец почти не устал. Нашей уютной камерной атмосфере начало остро недоставать порции свежей крови. Желательно — из горла альбиноса.

Внезапно я заметил, что губы смертоносца шевелятся, а пыльцы левой, свободной руки описывают в воздухе замысловатые кривые.

Что в магии хорошо (на мой, исключительно на мой взгляд), так это то, что заклятия и прочие дрючки нельзя применить с ходу. Чтобы связать и бросить даже простенькое заклятие, нужно пыхтеть и готовиться, пыжиться, приседать, камлать, короче, выполнить чертову кучу манипуляций, может, даже испачкать от напряжения подштанники, а после —

вырубиться от усталости, ибо любое заклятие пожирает бездну сил. Уж таков закон магии нашего мира.

Однако смертоносцы плетут заклятия много быстрее простых магов, а устают — куда меньше.

У меня было очень мало времени. Увы, я просто не успевал выбрать удачный момент для контратаки. Даже отвлеченный плетением магии, альбинос оставался опасным бойцом, и лезть на него безрассудно было смерти подобно.

Гритт, нужны решительные действия, хотя бы вот даже — драпануть назад по коридору и спрятаться за углом. Не будь рядом напарника, я бы так и поступил, позорно, но лишних свидетелей нет, а своя жизнь дороже гордости. Швырнуть в него меч? Прицельно не выйдет — клинки Гхашш изогнуты. Эх, где ты, мой топор? Уж я бы...

Я сдвинулся к стене и левым клинком сбил светильник.

Повезло! Хо, должно же было мне сегодня повезти хотя бы раз? Светильник кувыркнулся в сторону альбиноса, расколовшись на две половинки; масло горячей плетью хлестнуло смертоносца поперек лица и груди. Он закричал на высокой ноте, отбросил шпагу, развернулся и метнулся в контору Джабара, прежде чем мой правый клинок нанес фатальный удар.

Масла в светильнике было немного, и почти все оно досталось моему противнику.

Я задержался на миг, топча ботинками горящие капли. Когда я, кашляя, вбежал в комнату, альбинос, размахивая руками и вопя, бился о закрытое окно. От смертоносца валили клубы удушливого смрада, но пламя ему почти удалось погасить.

Оконные переплеты у моего приятеля сделаны на совесть, из прочного дуба. Но от мощных ударов они трещали. Стекла давно осыпались наружу.

Сильна, тварь!

Я прыгнул вперед сквозь пляшущий дым, заноса правый меч для удара. Бить в спину подло, да? Он смертоносец, плевать.

Я почти достал его ударом в шею, меч даже колыхнул его волосы, но за миг до ранения альбиносу удалось проломить переплеты и выброситься в проем.

Он упал, перекатился через голову, затем вскочил — неимоверно выносливая тварь! — и, прихрамывая, дымя, побежал вверх по улице, по блестящему булыжнику мостовой, стаскивая камзол на ходу.

— Ай-ай-ай, — пробормотал я, скопировав интонации Джабара. — Мы его потеряли.

Как бишь говорил юродивый, которого я избил?

«Сожжешь белую смерть и сбросишь ее в пропасть»? Гритт! Так и вышло.

Я пожалел, что не дослушал предсказание до конца...

— Фатик! — Голос Олника не обещал райских кушей. Ситуация в нашей конторе требовала присутствия варвара, как сказал бы какой-нибудь крючкотворец, то были «обстоятельства неодолимой силы».

Великая Торба, быстрей бы закончился этот день!

9

Но день отвратительных сюрпризов еще не закончился.

Я обернулся на вскрик гнома — как оказалось, вовремя: ко мне, осклабясь, двигался Пан Кралик с длинным кинжалом в лапе. В левом плече торчит мой нож, лоб украшает шишка занятой конфигурации, похожая на что-то среднее между сливой и плодом авокадо.

Вот жадюга, ребята! Казалось бы — два подарка уже есть, так нет, все ему мало.

Одинокая свеча на деловом столе Джабара перекосила, вытянула тень Охотника, превратила кинжал в здоровенный меч.

Крик товарища спас мне жизнь, ибо придержал удар, которым Кралик собирался развалить мне голову (да, я знаю, у меня там пустош, но это же моя голова, черт

возьми!). Я изогнулся, отбивая кинжал с полуразворота, и едва не вывихнул кисть. Удар отдался резкой болью в руке, правый меч отлетел к стенке. Гритт! Кажется, мои возможности на сегодня исчерпаны.

Кралик усмехнулся, острое кинжала рассекло струю дыма. Блеснула позолоченная дужка рукояти.

— Ыссуда...

— Фатик, *эркеши твою махандарр!*

В нашей конторе происходило что-то нехорошее.

Я парировал несколько ударов левым клинком, глядя в налитые кровью глаза Охотника. Он был на взводе, как обнюхавшийся грибной пыли наркоман. Это мешало ему атаковать эффективно. С другой стороны, я тоже не в лучшей форме: правую руку дергает, в горле свербит от дыма, затылок раскалывается. Вы удивитесь, но варвары — тоже люди, хоть и сделаны из ста... Ах да, я это уже говорил.

— В стену замурую, — пообещал я Кралику. Он зарычал в ответ, яростно размахивая оружием. Мы не прыгали, не ходили кругами, а скорее топтались, почти не сходя с места.

Улучив момент, я отбил кинжал как мог далеко и, шагнув вперед, изо всех сил впечатал кулак в подбородок Охотника. Он отлетел к двери, но удержал равновесие, начал выпрямляться, пытаясь одновременно просветить меня насчет любовных походов моей матери. Тут-то я его достал, лечебным уколom навсегда избавив от мирской суеты.

Будем считать, я рассчитался за попугая.

— Фатик!

Гритт! Полминуты на то, чтобы затоптать тлеющее масло...

* * *

Дела в нашем заведении обстояли скверно. А когда я говорю «скверно» — это значит хуже некуда, прячься, кто может, и все такое прочее.

Начну с небольшого плюса: у нас появился новый предмет мебелировки — стул. Ножки с затейливой резьбой, высокая фигурная спинка. Не помню, где Джабар его украл, но, кажется, уволок из богатого дома. В общем, это был отличный увесистый стул, со всех точек зрения — замечательный, поставленный перед нашим столом, на место для посетителей.

К стулу, лицом к двери, была привязана эльфийка. Та самая вздорная девица с утиным носом. Светлые волосы растрепаны так, что видны порозовевшие кончики ушей, к хрупкой шее приставлен нож, тускло блестящий в свете масляной лампы.

Великая Торба!

Олник хорошо поработал, и последствия его работы я не стану расписывать подробно. Он наглухо вырубил двоих, а третьему, Арсу Бревису из Охотников, превратил ухо в отбивную, украшенную ямками от зубчиков молотка. Но Бревис был на ногах, и он держал нож у горла девушки. Олник застыл рядом, готовый прихлопнуть негодяя колотушкой. Увы, в этом случае нож Бревиса прервал бы нить ее жизни (иногда я выражаюсь высокопарно, особенно в непростых ситуациях).

Пат.

Бревис — громадный детина с нежным девичьим румянцем — вздрогнул, и нож дернулся, царапнув шею эльфийки. Взгляд метнулся ко мне.

— А, продавец хреновых корсетов...

— Но кремы-то были хорошие.

— Купчишка ты мизерный, пшел вон отсюда...

Я смолчал, переводя дыхание. Посмотрел на эльфийку.

Лицо девушки было в ссадинах и кровоподтеках. Щеки мокры от слез, глаза открыты, неподвижно смотрят в потолок. Из моей груди исторглось глубокое, какое-то нутряное рычание, даже я сам испугался. Редко, но бывает, когда я боюсь самого себя.

— Фатик! — прохныкал мой товарищ, через лоб которого протянулась длинная царапина. — Я все сделал как

надо... *А-а-а-апчихи-и-и!* Если бы не... *Гномья курва**, это все аллергия!

На девушке был бежевый вечерний костюм, белые бриджи и высокие шегольские сапожки. В самый раз для верховой езды. Или для кахавной Г-Кренделя...

Я начал перемещаться вперед, хрустя остатками трельяжа. Кстати, весь прочий мусор был выметен. Эльфы — знатные чистюли.

— Назад! И опусти ковырялки!

Мечи Гхашш уткнулись остриями в пол, но с места я не сдвинулся. Шесть ярдов — серьезное расстояние, вряд ли я сумею что-то предпринять. Вся надежда на переговоры — или на удачу. Жаль, что после такого рыка мне уже не разыграть безучастие.

— Между прочим, у этой девицы прорва денег.

Он посмотрел на меня, как на идиота:

— Яханный фонарь! Наши заказы нельзя перекупить!

Я знаю, приятель, но почему бы не попытаться? Спрос не ударит в нос, верно?

— Кстати, насчет заказа... Пояснишь в двух словах?

— Как только, так сразу.

— Митризен?

Он не двинул и бровью, зато дернул шеей — боль в расплюсненном ухе наверняка была адской.

— Уйми своего гнома.

— Он не мой, он сам по себе. Это гном-отщепенец. Никто не хочет иметь с ним дела, он же постоянно чих...

* *Гномья курва* — ругательство еще более грязное, чем *эркешиш махандарр*. Согласно поверьям гномов, гномьи курвы существуют на самом деле; они живут в самых глубоких и недоступных местах гномьих пещер. Их облик не поддается описанию, но он, без сомнения, мерзок. Эти существа похищают молодых гномов мужского пола. Что они с ними делают — неизвестно, но живым от гномьих курв еще никто не возвращался. Считается, что все гномьи курвы — женского пола. Неудивительно, если вспомнить, что у гномов матриархат.

— *А-а-апчхи-и-и! Г! Но! Мья! Кур-р-рва! Фатик!*

Бревис вздохнул.

— Он отойдет, ты отойдешь, я разрежу веревки, возьму девочку и свалю, и всем будет хорошо.

Стало быть, мы ему не нужны, и это не Митризен. Я оказался прав насчет гуляша из гоблинов. Впрочем, это малое утешение. Я не мог дать ему уйти. Кажется, девочка нужна ему живой, хотя...

Он был не дурак, этот Бревис. Словно прочитав мои мысли (наверняка упражнялся в физиогномике на беззащитных гномах!), он пояснил с обезоруживающим бесстыдством:

— Я могу ее убить, но лучше прихвачу с целым горлом. Получу больше денег.

Пат.

И тут я увидел за его ногами шевеление. Из-за стола на брюхе медленно-медленно выползал второй эльф, похожий на привидение, подхватившее бледную немочь. В рваной, забрызганной кровью блузе, с обрывками веревок на запястьях. Значит, эльфийка была не первой жертвой, верно, господин очевидность?

Никогда бы не подумал, что так обрадуюсь при виде эльфа, однако ж — обрадовался. Олник тоже увидел эльфа, но я предостерегающе кашлянул и подвигал мечом, чтобы отвлечь Бревиса.

— Минуту, я дам тебе уйти, но сначала расскажу историю-крохотульку. Девушка в красной шапке, пирожки и волк как отражение твоих комплексов и тайных желаний.

— Чего? — Бревис был обескуражен. Еще бы, когда я, пытаясь разобраться, насколько я варвар и можно ли с этим что-то сделать, явился к доктору-мозгоправу и выслушал от него подобную муть, я был не просто обескуражен. Скажу прямо: доктору досталось несильно. Говорят, после поездки на воды (целебные источники у подножия Джарси, которые держал мой клан) у него даже пропал нервный тик.

Я начал излагать историю, растягивая ее лишними узорами и виньетками, а также возгласами: «И тут!», «А вдруг!» и «Внезапно!». Кажется, я потерял чувство времени, поскольку проклятый эльф полз слишком медленно. Я говорил и говорил, излагая все, что успел поведать мне подлец-доктор перед тем, как мои амок и чувство прекрасного выкинули его из окна.

— Девочка... — ошеломленно пробормотал Охотник.

— Ясен пень, ты ее не знаешь! Здесь вся суть в том, что сделал волк девушке в красной шапке, что она указала ему путь к дому своей бабушки? А та взяла и дала себя съесть. Ответ на этот вопрос и покажет нам всю меру твоего морального падения!

От этого пассажа даже эльф замер, видимо, размышляя над ответом. У Бревиса отвисла челюсть.

Но все прекрасное когда-нибудь кончается. На словах: «А пирожки в корзине? Это же явный намек на наши тайные желания. Обжираясь мучным на ночь или предлагая пирожки беззащитным старушкам, мы культивируем в себе варварскую жестокость к ближнему своему!» Бревис с трудом вернул начавшие расползаться в разные стороны глаза и зарычал от злости. Вот же, проникся сказкой! Сейчас изобразит серого волка в момент пожирания бабушки.

Тут-то его и настигло проклятие эльфов. Избитый бедняга мертвой хваткой вцепился в лодыжки Бревиса и отчаянным рывком опрокинул Охотника на пол!

Я проткнул мечом его затылок.

Никакой жалости к Охотникам.

— Молодца, эльф!

— *А-а-апчихи-и-и!*

Я кинулся к девушке (не думаю, что ей пошла бы красная шапка), но между нами ужом втиснулся эльф.

— *Тион отваэ...* Я сам!

Пошел вон, холоп? И это вместо «спасибо»?

Я отступил, разглядывая надменный профиль: даже избитый, в порванной блузе и измаранных пылью штанах, эльф умудрялся сохранять вид кичливый и заносчивый.

Его дрожащие бледные пальцы (клянусь, ногти были с маникюром!) начали дергать тугие узлы. Одновременно эльф что-то щебетал на своем языке, девушка отвечала спокойно, хотя у меня было опасение, что она расплачется. Великая Торба, мне бы такую выдержку!

Ладно, полдела сделано, теперь — еще одна задача: вывести эту парочку из заведения Элидора и доставить по ночному времени домой. Не думаю, что Охотники знают их адрес. По крайней мере, делаю на это ставку. А там, уже в безопасности, в тишине и покое, я задам им несколько интересных вопросов...

Внезапно за моей спиной раздалось ритмичное постукивание, словно полуночный дятел пробовал о стенку нашего заведения клюв.

Вернулся смертоносец!

Я сделал стремительный оборот, поднимая мечи в напрасной попытке защититься: клинок наверняка летел мне в лицо. Или в живот. Или в любую другую часть тела.

Лучше бы так и было. Забив в ноздри какую-то ветошь, чтобы фильтровать эльфийский запах, этот подлец Олник спешно простукивал стенки кулаком!

— Фто? — недовольно пробурчал он в ответ на мой взгляд.

— Здесь нет сокровищ, Ол. И никогда не было.

Мой товарищ икнул, из правой ноздри выпала ветошка.

— Как так? Но ты же сам, сам меня сюда заманил, сказал, что тут где-то *золотце* спрятано!

— Соврал. Нет тут сокровищ, я простучал все полы и стенки еще в позапрошлом году.

Гном охнул, щеки-яблочки налились румянцем:

— И знаешь, кто ты после этого?

— Да, твой единственный близкий друг. Вытащи тряпку из носа, сбегай к Элидору и спроси у него какой-нибудь выпивки. Денег не давай, просто скажи, что мы рассчитались за погубленную жизнь попугая.

Он наморщил лоб:

— А мы рассчитались?

Острием меча я указал на мертвых Охотников:

— Более чем. Более чем. Погоди, это еще не все. Потом — только не хлещи из бутылки! — потом попробуй отыскать для нас экипаж. Действуй быстро, у нас мало времени.

— Дохлый зяблик!.. Экипаж??? В нашем квартале? Посреди ночи?

Я пояснил терпеливо:

— Один... Охотник бежал. Он шустряк, выпрыгнул из окна. Я не знаю, сколько у нас времени в запасе, прежде чем он нагрянет с подельниками и все пойдет по второму кругу. Только теперь они прихватят арбалеты и напялят под рубашки кольчуги. А наши эльфы сами далеко не уйдут. Либо экипаж, либо лошадь, либо я не знаю что. Я не унесу двоих на закорках! Имею в виду — далеко не унесу.

Его передернуло.

— Эркешш... Зачем вожжаться с эльфами? Мы спасли их шкуры, и хватит с них! Я им еще припомню шкафчик папочки Джока!

Я покачал головой (между нами — она кружилась, в затылок бухала кровь):

— Ты помнишь, у меня к ним вопросы. Давай, найди экипаж.

— Ночью, в нашем квартале, экипаж?

— Вывернись наизнанку.

Он надулся и сделал большие глаза:

— Ну спасибо тебе, товарищ!

Я выдержал паузу, затем пожал плечами:

— Ладно. Я за экипажем, а ты можешь возиться с эльфами, если испытываешь желание прочихаться до кровавого поноса.

Он думал несколько секунд:

— Знаешь что? А забирай их себе насовсем!

И умчался.

Вот так. Если хочешь, чтобы гном что-то для тебя сделал, припугни его эльфом.

Между тем избитый перворожденный продолжал впустую мусолить узлы. Сил в его теле оставалось немного, зато гордости набралось бы на всю Харашту. Я молча отодвинул Его Надутость в сторону и рассек веревки. Девушка обмякла на стуле, тяжело дыша и глядя перед собой. Из лопнувшей губы сочилась кровь. Подонки били ее по лицу, но не так долго, как эльфа. Вот его обработали на совесть, так что физиономия отекала, а глаза стали как щелочки, а когда он потерял сознание, бросили у окна и принялись за девушку. Мы прибыли своевременно, что ни говори. Кстати, эльфу надрали острые уши, и они стали красными, как свекла.

Эльф снова меня отпихнул и начал растирать девушке запястья.

Интересно, он ей кто — муж или близкий друг? Может, все-таки брат?

Хм, откуда у меня эти мысли?

— Здесь будут Охотники, совсем скоро. — Мой голос почему-то прозвучал виновато, будто я отчитывался о заваленной работе. — Я собираюсь вывести вас отсюда.

Я удивился, когда ответила девушка:

— Мы... слышали. Вам... хорошо заплатят, Фатик Джарси.

Гритт! Все время забываю, что меня держат чуть ли не за бандита с большого тракта!

— На вас сделан заказ, — уточнил я. — Охотники как клещи, они не отцепятся. Где вы живете? Вы сказали им, где ваш дом?

— Нет. Поместье Бренка на Холмах...

Проклятие, ну конечно, эльфы умудрились снять целую виллу в богатом квартале! Одно хорошо, отсюда до Холмов не очень далеко. Но сколько времени пройдет, прежде чем Охотники узнают про съемщиков виллы?

— Охотники не останут. Завтра днем, самое позднее — завтра вечером вам нужно бежать из Харашты. Вы меня слышите?

Они промолчали. Я дал им еще несколько минут, чтобы прийти в себя. Сам в это время обшаривал карманы

Охотников. Все они были мертвы. Гномы знают толк в обращении с боевыми молотами. И с не боевыми коло-тушками тоже. Когда я сунул в карман кошелек третьего Охотника, эльфийка негодуяще ахнула:

— Что вы... делаете?

Дьявольщина, я умудрился еще больше замараться.

— Собираю арендную плату за беспокойство. Только не говорите, что ваши кошельки все еще у вас в карманах. Хотите получить их назад?

Вместо девушки (да, снова презрительное молчание!) ответил эльф:

— Наши кошельки унес Сколдинг Фрей. Беловолосый.

Какой сюрприз. Он знал имя смертоносца. Ладно, все вопросы побоку. До времени.

— Вы сможете спуститься вниз?

Эльф взглянул на девушку. Та кивнула, попыталась встать. Он поддержал ее, хотя сам шатался, как тростинка под ветром. Короче, встав на ноги, они зашатались оба. Эльф посмотрел на девушку и что-то спросил.

— Я в... па...ряаяядкеее... — Она закрыла свои чудные серые глаза, обмякла и завалилась вперед. Хорошо, что я успел ее поймать. Но ее собрат был тут как тут и ухватил девушку за талию.

— Я ее понесу!

О-о, да пожалуйста!

Он не смог ее даже приподнять и сам едва не отрубился. Тогда я всучил ему мечи и взвалил девушку на плечо. Не скажу, что по весу она была как тростинка, но ее податливая тяжесть доставила мне много приятных ощущений. Да, это эгоистично звучит, но, согласитесь, *некоторые* приятные ощущения я сегодня попросту заслужил.

Эльф зыркнул букой и пошел рядом, заплетая ногами. Да ничего я с ней не сделаю, успокойся! Я не тот варвар, о котором ты думаешь. Я не граблю караваны и не насилую девственниц! Тьфу ты, я вообще никого не насилую!

От двери Джабара по половицам коридора к тускло освещенному выходу на лестницу протянулись две цепочки кровавых следов. На ступеньках следы были тоже. И в холле. Черт, откуда они взялись?

Элидор выглянул из своей квартиры под лестницей, в руке фонарь. Впервые за три года старый хрыч смотрел на меня с великим уважением и не менее великим испугом.

— Мы отомстили за твою птицу.

Он медленно кивнул.

— Мне Олник ска... сказал. А по-после... Один из них прополз мимо меня на коленках... Я смотрел, он и по улице так же... Ч-что ты с ним сделал, Фатик?

Кралик, живучая сволочь! Как сумел прокрасться мимо меня без стонов?

— Маленькое кровопускание, плюс немножко сломал обе ноги. Опасно злить варваров, Элидор!

Он спешно захлопнул дверь, тряся подбородками.

Улица была пуста, Олник еще не подсутился с экипажем. Мы немного подождали. Потом еще немного. Эльфийка на моем плече размеренно дышала и иногда шмыгала носиком. Наконец у меня стали сдавать нервы, а эльф в изнеможении прислонился к стене. Внезапно из-за ближайшего поворота раздался нарастающий грохот, и оттуда выкатилась деревянная двуосная тачка с ободранными бортами. В качестве тягловой силы использовался один знакомый мне гном, он гнал тачку перед собой в ритме галопа, так что она подскакивала на булыжниках. Он до того ее разогнал, что с трудом затормозил возле нас, ухватив за ручки.

— Только тачка, эркеш! Никаких упряжек в округе! Все как вымерли, может, у лошадей сап, у кучеров бубонная чума, а сами экипажи сожрали древоточцы. Ну чего смотришь, клади их в тачку и понеслись!

— Надеюсь, это не тележка золотаря.

— Увел у зеленщика Гекко, ну у того хмыря, что отказался продлить нам кредит. Сбил колотушкой замок, и пошло оно все! Ну ты спишь там, Фатик?

Ад и пламя! Ну и что мне оставалось делать? Я уложил обоих эльфов в тачку, спрятал между ними клинки, обмотав их куском ткани. Девушка была без сознания, эльф — близок к обмороку.

— Достал выпивку?

— Только бутылочку уракамбаса. Оказывается, я вчера подарил ее Элидору. Убей меня, не помню. Он еще сказал, что я плакал и лез к нему обниматься. Тьфу, тьфу! Можно, я отхлебну глоточек?

Опять гномий самогон. Меня передернуло. С другой стороны, дух от него такой, что медведь окосеет. Это хорошо.

— погоди. — Я отобрал бутылку, ножом скovyрнул пробку и щедро обрызгал страдальцев-эльфов, прижав горлышко пальцем. — Не кричать! От вас должно нести выпивкой. — Надеюсь, меня услышали. Я плеснул себе на воротник, хорошенько сполоснул горло и выплюнул горькую отраву на мостовую. Больше никогда не буду пить, до конца недели — уж точно. — Держи, Ол. Нет, ты сперва полей себе на голову, остальным прополощи рот, чтобы запах впитался, а уж потом глотай, если охота. Мы — загулявшие горожане, ясно? Двоих совсем ноги не держат. Олник, если покажется стража, начинай выделявать кренделя и горланить кабацкие песни.

— «Моя милка загуляла и от эльфа понесла» сойдет?

— Кхм. Лучше выбери что-то без участия эльфов.

Олник насупился:

— Как скажешь. А если стража нас все-таки остановит?

— Ну мало ли... Скажем, что пришибли двух чащобных эльфов и везем их домой, э-э, чтобы съесть. — Я звякнул кошельками в кармане. — Да ладно, просто откупимся. В первый раз, что ли, а, в первый раз?

Я затенил эльфийские лица парой трофейных шляп, и мы покатили. Только представьте себе: глубокий вечер, полная луна, редкие огни фонарей выблискивают на мокрых булыжниках, местами стелется туман, ничего так кар-

тина. Но только на этом полотне не должно быть никакого варвара, везущего двух провонявших бормотухой эльфов на подло украденной тачке!

Пожалуй, на этом месте я дам занавес.

10

Утро, да-да. Здесь полагается написать что-то про то, как я проснулся, почесался, оделся, прошелся по комнатам виллы Бренка, разглядывая интерьер, может, поел и вспомнил остаток вчерашнего вечера.

Вчера все прошло без сучка, без задоринки. Мы не встретили на нашем пути ни Охотников, ни стражи. Даже незаметно миновали частную охрану Холмов (прошел маленький дождь, и охранники, как надлежит всяким халтурщикам, попрятались в норки). Должен добавить, что охрана набиралась по большей части из отставников Ночной Гильдии. Таким образом, обитатели Холмов платили Гильдии за то, чтобы молодые зубастые воры обходили их владения стороной, а Гильдия обеспечивала потерявших квалификацию собратьев достойной заменой пенсии.

Мне пришлось растолкать эльфа, чтобы он указал путь к вилле, потом я растолкал его еще раз, чтобы он назвался и позволил челяди нас впустить. У Бренка прислуживали коротышки. Видели бы вы их глаза, когда я ввез новых хозяев на тачке! Их глаза еще больше расширились, когда они учуяли аромат гномьей сивухи. Даже поджарые псы, ночные охранники виллы, и те, скуля, попятились от тачки, не дожидаясь окрика «Свои!».

— Господа загуляли, — сообщил я, толкая тачку по широкой аллее, обсаженной кустами розмарина. — Что делает с приезжими наш распутный город!

Виллу окружал обширный парк, мощеная дорога тянулась к самому дому. Во тьме ночной выделялся треугольный подсвеченный фронтон с массой лепных фигур. Я кое-как подтащил тележку к портику, под свет

огромных масляных ламп на треножниках, затем с помощью Олника перенес обоих эльфов в их апартаменты на втором этаже. К этому времени я уже вымотался как зараза, так что соображал не очень хорошо, однако запомнил, что эльфы спали в разных комнатах. Впрочем, это ни о чем не говорило, может, таковы эльфийские обычаи — даже в браке не спать в одной постели, чтобы меньше мозолить друг другу глаза и вообще не портить нервы: все-таки вечный брак — это не шутки, тут, рано или поздно, у опостылевших супругов может возникнуть желание прирезать друг друга.

Внутренняя прислуга тоже состояла из карликов. Дворецкий был пожилой, он не задавал лишних вопросов, только от вида гнома его слегка перекосило. По его знаку (и по моей просьбе) слуги принесли все медикаменты, которые нашлись в доме. Я умею перевязывать раны, я умею их даже зашивать, так что эльфы... Но это не те подробности, которые стоит предавать огласке. Да, в одно из мгновений из меня выполз самый настоящий варвар. Гритт! У эльфийки были стройные, обворожительно красивые ножки! И... боги, Олник не ошибся — у нее таки был второй размер!

Забудьте. Слышите? Забудьте то, что я только что наплел! По крайней мере, постарайтесь забыть. Вы ничего не слышали, а я ничего не видел, лады?

Пульс у обоих нормальный, жар как будто не намечается, так что я счел свою работу на сегодня выполненной.

— Пусть кто-нибудь дежурит под дверями, — сказал я. — Воды принести или еще что...

Дворецкий давал уклончивые ответы, но даже по его умолчаниям я понял, что в доме нет других эльфов. Тем лучше. Я попросил принести что-то пожевать (Олник уже давно самостоятельно шарил на кухне, громогласно сообщив, что он гость и близкий друг хозяев) и заснул в прихожей на диване, с куском пирога в руке.

Утром я проснулся поздно, уже одетым, чесаться не стал, ибо не чесалось, по вилле почти не бродил, ибо повсюду за мной следовали вежливые надзиратели из прислуги.

На второй этаж мне и вовсе запретили заходить, а на вопрос: «Все в порядке у хозяев?» карлики только пожимали плечами. Старый генерал Бренк хорошо вымуштровал слуг. Клинки Гхашш, правда, никто не отобрал, тем не менее я вновь ощутил себя марионеткой. Как-то там поживает девица со стройными ножками? Раны ее поверхностны, уверен, с ней все в порядке. А вот братцу ее — или все-таки мужу? — тому, конечно, досталось, и если он сумеет сегодня разглядеть сквозь заплывшие веки хоть что-то, это будет чудом.

Сам я чувствовал себя не сказать, чтобы свежо, но и ног не волочил. Варвары — они выносливы.

Мой напарник проснулся раньше и пропадал где-то в направлении кухни. Пару раз я слышал его возбужденный голос, сопровождаемый волнами удушливой кахавной вони. Боги, за кахаву он готов брататься хоть с коротышками, хоть с эльфами, поправ вековой антагонизм! Слаб гном, слаб!

Еду мне принесли на подносе — пирожные с земляничным вареньем и заварным кремом, свежие кексы и... полный кахавник распроклятой кахавы. Я чуть не вывернул его на голову коротышки.

Скрипнув зубами, я попросил воды.

Олник явился, когда я запивал последний кекс водой. Вид цветущий, щеки горят, однако что сотворили с мирным гномом невиданный сервис и мерзкий напиток! И главное — он не чихает! Неужели кахава — антидот от эльфийского запаха?

— Твитто, дворецкий, сказал, что у хозяев для тебя разговор!

— Какое совпадение, и у меня для них разговор. Интересно, чей разговор важнее?

— Они примут тебя сразу после купальни.

— Очень мило. Утреннее купание эльфов. Надеюсь, они уже пригласили художника?

— Нет, купальня приготовлена для нас!

Небеса! Однако тонкие намеки толщиной в бревно.

— И, это... — Олник замялся. — Тебя просили предупредить, чтобы ты больше не мазался теми адскими духами, коли они у тебя еще имеются.

— Адскими?

Олник развел широченными ладонями:

— Так мне сказали.

И тут я вспомнил, что обрызгался в подпольной цирюльне гоблинов лучшим одеколоном. Гритт! Когда же она успела учуять, если почти все время была без сознания? Дважды Гритт, я думал, ей понравится! Будь проклято эльфийское обоняние! Будь проклят мой вкус, вернее, его отсутствие!

— Ладно, считай, я услышал. А ты, похоже, готов предать всех на свете за единственный полный кахавник.

— За три, — уточнил мой сияющий приятель. — И еще за пирожные с заварным кремом.

Купальня располагалась в подвале. Вернее, в подвальном помещении, роскошно отделанном розовым полированным мрамором. Мы отмокли в медных надраенных ваннах с горячей водой, которая подавалась по трубам из огромного бака над угольной печкой. Должен заметить, что водная процедура пришлась очень кстати. В предбаннике мы обнаружили, что шустрые карлики подложили нам чистое белье. Мне достались шелковые панталоны оттенка спелой малины — любимого цвета хараштийской аристократии.

Эльфы!

Мы вновь поднялись в прихожую. Там уже маячил Твитто, готовый проводить меня наверх. Я сделал ему знак подождать (да, я люблю вертеть прислужой, которой у меня никогда не было!) и спросил Олника:

— Напомни, какой сегодня день?

Товарищ наморщил лоб:

— Пятница, тринадцатое.

— Ой, ё!

— Чего? У нас, гномов, это самый счастливый день в году, ну не считая дней затмения. Но затмения — они

бывают редко, особенно в пещерах. А ты к чему спрашиваешь?

— Думаю, где может отираться Джабар по пятницам.

— Ну он же разорен. Значит, у любовницы. Должен же кто-то его утешать.

— Тьфу ты, совсем об этом забыл! Вот что: напяль шляпу, чтобы лицо не светить, и сходи к его единственной любви. Если там его нет, сходи ко второй единственной, ну и потом к третьей, помнишь ту даму с огромным бюстом, который словно незрячие огры лепили?

Олника передернуло:

— Не напоминай! До сих пор в кошмарах снится.

— Вот-вот! Ежели его там нет, значит, он в Ночной Гильдии. Пятничный пароль, надеюсь, прежний — «Подайте убогому!».

— А если он поменялся?

— Тогда тебя выгнутят. Но тебе все равно придется туда войти. Кричи, мол, нужен Джабар и точка, разыграй припадочного. В крайнем случае прикинься его внебрачным сыном.

— Найду, и?

— Тащи его сюда, лучше в закрытом экипаже. — Я порылся в кармане и вручил Олнику наименее увесистый из кошельков Охотников. — Будем мозговать пути отхода из города. Скажи, дело срочное, касается четырех человек.

— Одного, вернее.

— О, небо! Хорошо: двух эльфийских особей, варвара и педантичного безбородого гнома. По дороге не пей. Твитто, передайте на улицу — пусть этого гнома выпустят и впустят. Он должен привести важного человека.

Морщинистое лицо коротышки осталось неподвижным.

— Как велит госпожа.

Угу, стало быть, всем заправляет эльфийка.

— Гритт! Но выйти-то он может?

— Выйти может.

— Ну и отлично, а с госпожой решим позже. Давай, друг мой, труба зовет!

Олник помедлил.

— А наверху, может, есть кахава?

— И эльфы, чтобы ты хорошенько прочихался. Для разговора пригласили меня одного.

Он исчез.

Оставив клинки Гхашш на диване (так, видите ли, повелела госпожа), вслед за дворецким я поднялся по крученной, застеленной багряным ковром лестнице с золочеными поручнями. Пройдя по коридору с портретами на стенах (они изображали победы Бренка при Повии, Турне и Хлебберине и составляли общий цикл «По колено в крови»), мы остановились у массивных двустворчатых дверей. Твитто распахнул их за особые ручки, прибитые точно по росту коротышек.

— Госпожа! Господин!

Они сидели в глубоких креслах у прогоревшего камина, украшенного гербовым щитом с набором оружия, сидели, идеально вписываясь в интерьер. Сноп солнечных лучей падал из высоких окон на золотые волосы и бледные лица без малейших следов ран и побоев.

Несколько мгновений я разглядывал эльфов, стараясь ничем не выдать своего замешательства. Нет, это таки были мои эльфы — добрая фея с утиным носом и желчный гордец с надменно задранным подбородком. Оба смотрели на меня, не мигая, — это вообще свойство эльфов, долго смотреть и не мигать. Ни дать ни взять — две алебастровые статуи. Возможно, они могут так же долго не дышать под водой, не есть, не пить, не спать, не заниматься любовью. Не знаю. Ненавижу хитровылепленную эльфийскую загадочность!

Они были одеты в одинаковые, темных тонов костюмы, неброские, слава Небу. Уши... эти острые эльфийские уши у обоих спрятаны под прической; волосы одинаковой длины зачесаны назад.

Дворецкий тихонько притворил двери за моей спиной.

Я вышел на середину комнаты и пристально взглянул на эльфийку.

— Ну добрая фея, и к чему вы все это затеяли?

Ее взгляд дрогнул, она отвела глаза, чтобы потом посмотреть на меня требовательно и жестко. Совсем не та задорная наивная девчонка, что накинулась на меня вчера утром.

— Нам нужен герой.

Опять и снова! Ну и что ей на это ответить?

Я чуть не послал ее к чертовой бабушке.

п

Собственно, после такого ответа необходимость в большинстве вопросов отпала. Оставалось выяснить кое-какие детали, сунуть эльфу кулак в морду, красиво распрощаться с доброй феей и уйти.

Вот только я собирался вывести их из города.

Поэтому я сдержался. Не забывайте — я вытравливал из себя варвара пять лет. Кто-то скажет: Фатик решил спасти эльфов из-за красивых глаз девчонки. Я отвечу: возможно. И еще я скажу: не лезьте не в свое дело, пожалуйста. И деликатно поинтересуюсь: «Вам зубы во рту не мешают? Может, есть лишние? Могу бесплатно удалить».

Перед эльфами стоял красивый такой столик, круглый, с фарфоровым чайным сервизом, двумя маленькими чайниками и подносом с пирожными. Кресло перед столиком пустовало, приглашая меня сесть.

Угу, сейчас.

Я прогулялся по каминному залу, гордо выпятив грудь, демонстративно бросил взгляд за гардины, пробарабанил пальцами по стеклу шкафов, забитых книжками в золоченых переплетах. Бара не нашел. Видимо, старый хрыч Бренк был трезвенником.

Зато я отыскал стул, определил его на место кресла так, чтобы держать взглядом собеседников и двери, оседлал и гордо возложил скрещенные руки на спинку. Думаю, эльфы верно истолковали суть моих манипуляций.

— Сразу говорю, забудьте, принцесса.

— Простите? — выгнула брови эльфийка.

— Вы ошиблись адресом. Мое геройство сдохло.

— И все же мы хотим вас уговорить.

— Ваше сродство и ностальгическая благодать варваров... — начал эльф, но девушка остановила его чуть заметным жестом.

— Я Виджи Альтеро, он — Квинтариминиэль*. И я не принцесса.

— Принца иметь за счастье я, — показал на себя эльф без всякого, впрочем, пафоса. Лицо у него было треугольное, худое и желчное, с брюзгливо оттопыренной нижней губой. Как гласят легенды, с прожитыми столетиями у всех эльфов делаются такие лица. Они прямо-таки кричат: «Вечная жизнь — скверная штука! Сплошные разочарования!». И в принцах эти самые эльфы могут ходить сотни и тысячи лет, — все зависит от того, когда скovyрнется папаша-король** (либо когда сам принц, устав ждать, его скovyрнет, что чревато гражданской войной, между прочим). — От головных визгов коронного совета Витриума — приношу вам удовлетворенность за дрянную историю спасения. Мы чествуем вас спасибо без виднокрая. Ешьте кекс!

Это, значит, он предлагал мне угоститься пирожными. Ишь, еще один родич Милашки-Очаровашки! Хорошо, что добрая фея говорит на нормальном Общем.

Я мысленно сплюнул через левое плечо. Кажется, говорит.

— Мы приносим вам благодарности, Фатик Джарси, — кротко произнесла девушка. Ее глаза обладали способностью мерцать и увеличиваться в размерах, очаровывая, обволакивая. Но не на того напали! Видал я девиц и по красивее.

* Да, меня тоже раздражают непроизносимые многосложные эльфийские имена! Скажу больше: я их ненавижу!

** О системе государственной власти Витриума я расскажу вам, как только окажусь в самом Витриуме.

— Ага, — сказал я. — Всегда рад помочь хорошим людям. А теперь расскажите, на кой ляд вы затеяли всю эту бучу.

Эльфийский принц с убийственным именем промолчал, источая равнодушие ко всему миру, или, по крайней мере, той его части, что носила имя Фатика Мегарона Джарси, а Виджи налила себе из чайника какого-то дымящегося настоя с ароматом душицы. Ее руки немного дрожали; тонкие запястья в обрамлении белых кружев казались прозрачными. И еще одна деталь: ее волосы потускнели — уже не блестящее, а старое золото. Гритт, видимо, такова плата за исцеление магией, или эльфийскими лекарствами, или чем там они исцелились.

Она отпила из чашечки и вскинула голову:

— Нам нужен варвар с гор Джарси. Лучший из лучших. И это вы, Фатик.

Я хмыкнул:

— И чтобы заполучить его, понадобилось сдернуть с меня последние штаны?

— Простите, Фатик. Наше дело настолько важно, что пришлось пойти на крайние меры, чтобы... — она помедлила, — вас *вскрыть*.

— Разделать как тролль черепаху, если точнее. Бросить в сточную канаву и плюнуть вслед, ага.

— Только не сердитесь, умоляю! Вы углубились корнями в Харашту, спрятались под панцирь от прежней жизни, покинув клан Мегарон, чего до вас не сделал ни один варвар! А ведь испокон веков все члены кланов Джарси были странствующими героями! Суровые и молчаливые...

Я громко расхохотался.

Где она понаслушалась этих баек? Спокон века основным занятием кланов Джарси был «перевальный бизнес». Если ты живешь в горах, через которые постоянно снуют торговые караваны, почему бы тебе не трясти с них умеренную пошлину, а? Если нет золотишка — поворачивай оглобли. Будешь борзеть — получишь по рогам. Заодно мы оберегаем торговые пути от набегов коричневых гоблинов

с севера. А так мы ребята мирные... Если нас не трогать. Да, какой-то мудрец две сотни лет тому распространил среди Джарси этический кодекс, который снизил нашу агрессию, сделал... Гритт, я не подберу другого слова — *благородными*? Даже мой сводный брат, оболтус Шатци, несмотря на то что на голову слаб, никогда не унизит женщину, не опустится до завоеваний и кровавого разбоя. «Йя жыву, йя убываю, йя радостный!», — каким же надо быть болванищем, чтобы так говорить!

А насчет суровых и молчаливых: девочка, таких трепачей, как варвары Джарси, еще поискать!

Эльфы смотрели на меня неподвижно и молча. В глубоких глазах Виджи застыло выражение детской обиды.

Ад и пламя!

Ладно...

— Старейшины посылают во внешний мир лишь немногих, — сказал я, с неудовольствием ощутив в своем голосе извинительные нотки. — Представьте, если бы по континентам шлялась куча варваров Джарси... Для нас бы и работы столько не сыскалось... Небо, на эти дела всегда подряжали лучших из лучших. Мы работаем, приносим деньги для клана... И так сложилось, что дедуля Трамп в свое время выбрал меня...

Виджи быстро кивнула:

— Вы были лучшим!

Ад!.. Ну зачем я пустился в пояснения, а?

— Был... в свое время. Сейчас момент упущен.

— Вы стали отщепенцем, вы превратились в... *торговца*! — Она сказала это вполголоса, точно боялась меня оскорбить.

— Спрыгнули на извилистый путь! — добавил принц, словно моя дорога и впрямь пролегла через лабиринт портовых борделей.

Я поскреб в затылке, с трудом сохраняя спокойствие.

— Понимаю, к чему вы клоните. Но про меня лучше говорить «коммерсант широкого профиля». Угу, я прогулялся по миру, набрался опыта, ран и заноз. Постепенно

мне расхотелось быть героем по найму, да и возвращаться к простой клановой жизни — тоже. Я, знаете, *поумнел*.

Принц с непроизносимым именем что-то чирикнул на эльфийском. Виджи не ответила, неподвижно глядела на меня. Ее глаза... знаете, если бы я писал стихи, я бы сказал — «ее глаза манили». Бывает такое, нечасто, но бывает: встретил женщину и понял, что при удачном раскладе она станет твоей спутницей жизни навсегда. Угу. Только жаль, что я встретил... *Гритт ее гребаную маму!*.. Встретил эльфийку.

Спокойно, Фатик, не кипятись.

— Я был торговцем, букмекером, выкупил доли в гостинице и парочке харчевен, держал бригаду грузчиков в порту, когда на всем этом погорел, начал торговать, всем, чем только можно... Такая жизнь мне по нраву, в торговых делах порой опасности больше, чем в самой серьезной переделке моей *старой* жизни. Мне проще взять новый кредит и открыть магазин нужных мелочей «Мыло да веревки по низким ценам!», чем снова приняться за старое.

Я замолчал, хотя мог бы добавить, что всякий раз бил мимо цели. Я покупал дорого, продавал дешево, мне нравилось разнообразие в делах, и все шло отлично и разнообразно, пока я не скатился на самое дно.

Она всплеснула руками:

— Вы занимались этим, чтобы избыть себя прежнего!

Я кивнул:

— Ага. Я этого и не отрицаю. Я твердо знаю — я не варвар и не герой и не хочу ими быть. Это не мое ремесло. Я потратил пять лет, пытаясь стать другим человеком. В Хараште процветают такие врачи, *мозгоправы*, очень дорого у них лечиться. И опасно к тому же, поскольку многие башкой трогаются от такого лечения. Так я даже у них лечился. Знаете, что за чушь они городят на первом же приеме? Один начал загибать про девочку и волка, а второй с порога заявил: во всех моих разладах, дескать, виновата моя деспотичная мать! А какая у меня мать? Дедушка Трамп нашел меня пацаненком у подножия гор Джарси...

На имперской стороне, когда Вортиген еще не успел прибрать к своим рукам весь Фаленор и пытался скovyрнуть вольных баронов.

— *Гливин тенель ольвиэль тау!* — вдруг бросил принц, отчего-то взволновавшись.

— *Валлинир кло!* — резко ответила эльфийка и оттопырила пальчик: дескать, сама знаю. — Говорят, вы вообще не помните своего детства, Фатик?

И эти туда же!

— Кто говорит?

— Мы навели справки...

— О, Гритт! — Я выпрямился на стуле, хрустнув позвонками. — Все, что было до того, как меня нашел дедуля — да, не помню. Черная ночь, крыло нетопыря. Дедушка шутил, что я родился на поле сражения, ха! У меня была приличная резаная рана на темечке. Шрам можно до сих пор нащупать... Меня шарахнули по балде чем-то острым и напроць отшибли всякую память. Яханный фонарь, я всегда думал, что меня сперли и выбросили ваши сородичи, кочевые эльфы, когда драпали от этнических чисток.

Эльфы обменялись взглядами. Ну простите, что задел ваших родственников, ребята. Не судите строго, я снова стал варваром, да.

— Остаток моего сознательного детства — тренировки с луком, пращой, мечом и топором. Я освоил топор прежде, чем толком научился читать. Из меня лепили варвара, героя... Знаете, при всей красоте нашего этического кодекса, он не запрещает нам насилия, он лишь направляет нашу агрессию в нужное русло. Мы можем при случае... прищемить недругу пальчик. Но беда в том, что насилие — любое насилие — я терпеть не могу.

— Но этот город полон насилия, боли, страданий и беззакония! И вы жили здесь... пять долгих лет!

— Бросьте. Беззаконие тут узаконено. Если не дразнить местных заправил и стражников, большей части боли и страданий можно избежать. Выживание в городе побуждает думать головой, а не спинным мозгом. А еще здесь

есть постоянные кров, стол, женщины, друзья, бани, цирюльни, врачи и противоблошинные заклятия по умеренным ценам — то есть такие штуки, которых очень и очень недостает в походах.

Я умолк. Эльфийский принц смотрел на меня искоса, задрав левую бровь. Глаза Виджи мерцали. Проклятый женский магнетизм, она, что, не может его притушить?

— За пять лет вы отказали двенадцати нанимателям, приложив максимум сил для того, чтобы навсегда уничтожить свою репутацию героя! А ведь вам предлагали огромные деньги!

Ну и откуда она знает столько подробностей? И какие еще сюрпризы у нее в рукаве?

— Так и есть. Ненавижу приключения. От них растут волосы на ладонях.

— Простите?

— Я говорю: ослепнуть от них можно!

Она не поняла. Принц понимал на Общем лучше, чем изъяснялся на нем. Он закатил аристократическую бровь на середину лба, заставив меня хмыкнуть: неужто в отрочестве эльфийских мальчиков пугали примерно теми же штучками?

— Но ведь раньше... мы изучили вас, Фатик!.. вы отстаивали интересы своих клиентов до последнего!

Изучили? Надо же... Наверняка читали клановую летопись у дедушки Трампа!

— Дурацкий этический кодекс Джарси.

— Неправда! — Она разгорячилась, как вчера утром, щеки, правда, не покраснели. — Героизм и отвага, вот ваши настоящие имена!

— Героизм болвана и отвага идиота. Недруги Джарси называют это «глупостью героев».

— Вы тверды в стремлениях и предельно щепетильны в некоторых вопросах. И хотя вы склонны к алкоголизму...

(Наглая ложь!)

— ...и обираете трупы убитых вами врагов...

(Эльфы всегда в белом, надо же!)

— ...и даже побывали за решеткой...

(Знала бы ты, девочка, из-за какого прощелыги я туда угодил!)

— ...но вы лучший. Вы тщательно придерживаетесь контракта и верны своим нанимателям. Вы вытаскивали их из безнадежных ситуаций, зубами, ногтями выцарапывали победу. Вы нестигаемы, вы проходите там, где увязнет любой другой герой!

— Гритт! — Я подпрыгнул, опрокинув стул. Ей все-таки удалось меня довести! — Ну-ка, девочка, попробуйте вообразить, каково это, восемь лет заниматься не своим делом? Делом, к которому тебя готовили с детства хорошие, правильные учителя, которым ты *обязан*! О да, мы, варвары, суровые мужчины! Мы ежа убьем голым задом! Мы молча собираем ссадины и шрамы, безропотно живем собачьей жизнью в походе, мужественно мерзнем, страдаем от жары, жажды, голода, вшей! Восемь лет я работал героем по найму, вытирая сопельки своим клиентам! О-о-о, сколько же их было. Скучающие аристократы, маги-самоучки, свихнутые жрецы древних культов и целые команды искателей приключений!.. Подавай им тайные знания, дерьмовые артефакты, мифические богатства и святилища древних богов, в которых, между прочим, всегда воняет летучими мышами!.. Но это в конце, это те цветочки, которые созревают позже ягод. А ягодки — это путь из одной точки в другую. Он почему-то всегда малопроеходим и тернист. Вы никогда не огребали троллшей дубиной по темечку, чтобы потом заикаться полгода? А стрелу в задницу не получали? Не шастали месяцами по каким-то выселкам, воняя, как бродячий козел? А суп из жаб не приходилось хлебать?

— Лягушачьи лапки... — заикнулся принц, но я наставил на него палец:

— Притухни! А вы никогда не забредали на земли всяких расовых меньшинств, которые — вот сюрприз так сюрприз! — именно на этих землях оказывались злобным кровожадным большинством? Почему кровожадным? О, сущий пустяк: вашему клиенту, какому-нибудь задри-

панному, скучающему дворянчику, приспичило разыскивать на их землях старинные сокровища! Вот вам этический кодекс Джарси, оберегай клиента, ага. Но меньшинства-то в своем праве, они не виноваты, что на их земли забрели полудурки! Великая Торба! А сколько раз меня нанимали циничные мрази, чтобы использовать втемную и обстрелять свои грязные делишки? В последний раз из-за такого подонка я угодил в тюрьму во Фрайторе! А разные твари, которых меня звали истреблять? Монстры и нечисти, и прочие, что лишь прикидывались нечистями и монстрами, чтобы выжить? О, я б вам показал, куда меня кроутер цапнул, но шрам на таком месте, которое я только любимой женщине показываю. Ладно. Но хуже всего — это свихнутые на религии паломники, что пытаются обратить тебя в свою веру да еще отказываются платить, когда приводишь их на место!

Допускаю, что говорил и жестикулировал я нервно, поскольку оба эльфа подобрались в креслах. Но я уже перекипел. Вновь оседлав стул, я подвел черту рассуждениям:

— И вот в конце, даже если поход завершился... ну неплохо, никакого удовлетворения. Только досада и пустота, и мысли, что наш этический кодекс — однобокая дурацкая штука, которая не учитывает и десятой доли сложностей мира. Угу, для такой жизни меня тренировали, но это не мое. Мне тошно хвастаться подвигами в общинном доме, мне тошно слушать про чужие подвиги, мне тошно совершать геройства по найму. Согласитесь, в этом присутствует драма. И потому в один прекрасный день я не вернулся в клан Джарси, а пришел в Харашту, чтобы вести другую жизнь. И не намерен возвращаться ни за какие коврижки... И не вернусь, так что зря вы это затеяли.

Тут я, как вы понимаете, замолчал, с удивлением отметив, что финальной реплике не хватает уверенности. Моя речь проняла эльфийского гуся, он сидел с остекленевшими глазами. Взгляд Виджи был исполнен сочувствия.

— Однако вы несчастливы и здесь.

Гритт, она читает мои мысли?

— Да плевать. Я адаптировался в этом обществе. Удивлены, что варвар знает такое слово? Ха! Я выучил еще много умных слов. Я начал другую жизнь, думал разбогатеть без всяких походов, со временем жениться, завести детишек.

«Завести жену и кучу ребятишек, а потом повеситься», — так говаривал мой дедушка в припадке особо дурного настроения. Он никогда не был женат, и родных детей не имел, и дожил до восьмидесяти крепким, как дуб. И таким же непреклонным.

— Но вы так и не нашли себя, Фатик.

Великая Торба! Мне стоило усилий не выругаться.

— Это уж мое дело, где и как себя искать.

Виджи сказала торжественно:

— Мы предлагаем вам путешествие, в котором вы найдете себя.

12

Другой тон и другой взгляд, глубокий, взрослый, в этой эльфийке будто жили два разных существа — задорная и нестерпимая девица без чувства юмора и умудренная годами женщина (увы, годы не умудрили ее по части юмора тоже). Или... или же это были слои изощренности, которыми она пользовалась, чтобы достичь своей цели, чтобы простак Фатик на нее запал, и... Ох, женщины! Имя вам коварство!

Я привстал, ноздри уловили ее аромат. Легкий, но пьянящий... Какими духами пользуется эта девчонка?

— То есть вот так просто, да? Все для моего удовольствия?

— Некоторые эльфы способны видеть будущее, — пояснила Виджи с чуть заметной улыбкой. — Его возможные варианты. Вы понимаете?

Когда же ей надоест принимать меня за тупицу?

— Раньше я немного заикался, но на слух пока не жалуюсь.

— О! — Она бросила на меня озадаченный взгляд. Ну никакого чувства юмора.

— Продолжайте, прошу вас. — Видали, каким я стал галантным? Некоторые девушки способны вить из мужчин веревки одним обаянием, не прибегая к... ну к постели.

— Будущее, за редкими исключениями, имеет несколько вариантов развития событий. — Она сделала паузу, словно ожидая, пока я прожую эту нехитрую концепцию. — Это путешествие будет выгодно для вас и спасительно для нас. Если мы отправимся в путь без вас, мы, возможно, погибнем, а ваше будущее в таком случае... Оно будет коротким и безрадостным.

Видали? Предсказания! Да за двое суток мне отсыпали предсказаний выше крыши!

Однако, Фатик, напомнил внутренний голос, предсказания юродивого парнишки сбылись.

А я его избил, а мой приятель добавил, м-да...

— Ожесточенный воин с жестким баритоном и лысиной и плешь! — ввернул принц. — Беременный славой и нереспектабельный нисколько. Задумчивый варвар из деревни. Ешьте кекс!

— Ну-ка, родной, переведи, — привстал я, сжав кулаки. — Я — что? Беременен? У меня лысина?

— Вы знамениты, известны своей репутацией! — спешно привстала Виджи. — И у вас нет лысины!

В ее речи явственно проскользнуло невысказанное: «...пока».

— А, эвфемизм, — смекнул я с тоской и кровожадно уставился на принца. — А про лысину я еще с тобой поговорю!

Эльф вздрогнул и кивнул:

— Ешьте кекс!

Нет, это он не угощаться пирожными предлагал. Тут наверняка что-то другое. У бедняги очевидные проблемы с Общим. Гм, как же он вел диалог с судебными исполнителями? Хотя... деньги, деньги, еще раз деньги. Вот универсальный язык нашего мира. Я уставился на него, но

Квинтра... Гритт как там его?.. эльф смотрел на меня голубыми глазами — чисто агнец. Сразу не поймешь: издевается или... Все-таки какой мерзавец учил его Общему языку?

— Нам срочно нужны булочки варвара! — изрек принц, не мигая. — Булочки варвара и его ручной меч.

Мой кулак уже был готов врезаться в его настырную челюсть, но эльф вовремя похлопал себя по руке, и я сообразил, что речь идет о моих бицепсах.

Я погрозил ему пальцем. Если он и дальше продолжит так погибать, мне не понадобится переводчик в лице Виджи. Я просто разорву эльфа в клочки.

— Ручной меч, говорите? — Я успокоился, присел. — Хо! Да не такой уж он и ручной. А вообще-то я предпочитаю топор. Фамильный топор моего дедули Трампа. Виджи!

— Фатик?

Ну почему мое имя в ее устах звучит для меня сладкой музыкой?

— А есть ли шанс, что в этом походе отбросят копыта все его участники, включая меня?

— Такой шанс есть всегда.

— Уже хорошо.

Она переглянулась с принцем, скрестила ноги (с моего поста открывался прекрасный обзор на ее ножки!) и совершенно домашним, *не эльфийским*, естественным движением налила в чашечку какой-то дымящийся напиток. Я заметил, что наливала из другого чайника, не из того, где была душица.

— Выпейте.

Я принял чашку с блюдцем, по чистой случайности тронув прохладное запястье девушки.

— Что это?

— Просто чай.

Я отхлебнул. Действительно, чай, терпкий и вкусный.

— Вот видите. Мы могли бы подсыпать вам яд, «Тоскливые сумерки» или «Медленный закат», и принудить вас идти, чтобы дать противоядие лишь в конце дороги.

Я поперхнулся. Чай, только что приятно обжигавший горло, застыл в желудке ледышкой.

— Но мы не сделали этого. Мы хотим быть честными с вами. Нам нужно, чтобы вы пошли добровольно. Вы можете нам и разберетесь в себе, я это *знаю*.

Я сдавленно зарычал.

— Гритт, если это откровенность, тогда меня зовут Орвилехто Матургарнен, и я подгорный король Шляйфергарда*, сиюю сейчас на каменном троне, а вокруг меня пляшут голые гномши из моего личного гарема! — Я брякнул чашку на столик. Положительно, эти эльфы способны дать фору самым матерым аферистам Харашты! — Честность? Контора, квартира, два судебных заседания за нашими спинами!

Что-то из сказанного мной нашло глубокий отклик в душе эльфийского принца, поскольку глаза его округлились, и подозреваю, это было не из-за моих слов о суде.

Виджи сказала спокойно:

— Сейчас, наедине с вами, мы откровенны. Мы просто срезали остатки пут, которые удерживали вас в городе.

— Заодно и контору Джабара прихватили! Он-то в чем виноват?

— Не считая гнома, он ваш единственный друг. Мы были вынуждены создать ему проблемы, чтобы вы не пытались искать у него помощи. Да, это было жестоко, жестоко, но необходимо. Теперь вы свободны, вас ничего не держит

* Любвеобильный гномий король, в древности павший жертвой заговора своего гарема. Разорвав Орвилехто на части (говорят, попадались кусочки размером с яблочное зернышко, и ни одного — крупнее плода абрикоса), они установили в Северном Шляйфергарде власть, известную как «Гуманная коллегия Жриц Рассудка», и тут же обязали всех мужчин носить килты. С этого момента матриархат (и килты) со скоростью чумы распространился по всем гномьим царствам. «Плач по Орвилехто» — тайная песнь гномов-мужчин, гимн диссидентов запретного сообщества «Мужской пивной союз».

в Хараште. Вообще ничего. К тому же кое-кто разрешил нам это сделать.

— Яханный фонарь! Кое-кто? Это кто еще такой, кое-кто? Назовите мне имя этого подонка, чтобы я свернул ему шею, когда поймаю!

— Ваш дедушка Трамп.

Очень не люблю, когда меня бьют под ложечку, особенно когда это делают женщины с дивными серыми глазами.

— Де... де... дедушка?

Виджи кивнула:

— Разумеется, мы были у вашего дедушки, он ведь по-прежнему глава клана Мегарон.

— Ручной меч потребовался нам неотложно, — задумчиво молвил принц. — Много кровавых деяний, чтобы сократить врагов для нашей общей благодати... Гений клана Мегарон принял нас в лучшем виде. Бог-ужасный, что стало, когда мы спросили про лучшего!

Я непроизвольно дернулся в его сторону, эльф подобрал ноги. Гритт, пора привыкнуть, что эльф говорит как идиот, принять это как данность. Ну не как идиот, но близко к этому. Лучше бы говорила одна Виджи.

— Он назвал мое имя?

— Да, бог-ужасный и плешь! Трамп Грейхоун упал бранясь и в корчах! Ибо воистину — первозданный благой варвар!

— Ваш дедушка, — подхватила Виджи, — до того расстроился от нашего вопроса, что сломал подкову голыми руками, весь побелел и рухнул на пол кузни. Он хрипел, на губах его появились клочья пены. Мы думали, он умер. Но его отпоили чем-то хмельным, он тут же сел и сказал нам, что его лучший воин, его лучший воспитанник, это вы, *подлый отступник из клана Джарси*. Затем он дрожащими руками написал вам письмо, прямо на наковальне.

— И где же это письмо?

— Его отобрал Сколдинг Фрей... человек, которого вы вчера упустили.

— Вернее — смертоносец Внешнего Круга.

Они переглянулись.

— Мне приходилось бывать в Адварисе, добрая фея, — мягко сказал я. — Значит, отобрал, и я не...

— Но я процитирую по памяти. — Виджи набрала воздуха в грудь и полузакрыла глаза. Ее мелодичный голос воспроизвел строки, адресованные дедушкой Трампом непутевому внуку.

«Будь ты проклят, малолетний дрищ, отступник, позор всех кланов Джарси, да поразит тебя Небесная кара! Чтоб ты сдох, как вшивая собака, чтоб проняла тебя чума, чтоб ты жрал одну саранчу и запивал слезами бешеных волков!

Пожалуйста, если можешь, помоги этим эльфам, они порядочные люди.

Да, я разрешил им снять с тебя штаны и высечь!

Проклинающий тебя дедушка Трамп.

Чтоб ты в канаве захлебнулся!»

Мне захотелось напиться до чертиков и спрятаться под одеяло: дедушка, ох, дедушка, он всегда любил ругаться витиевато.

— Он сказал, что это пятое письмо, которое он отправляет с предполагаемыми клиентами. Вы отказали всем.

— Шестое. И я отказал всем. — Мой голос предательски дрогнул.

— В общем, это ваш дедушка надоумил нас так с вами поступить. Он сказал, что вы заблудились впотьмах, что нужна хорошая встряска, чтобы направить вас к свету.

Ну погоди, Шатци, узнаешь, как доносить дедуле про состояние моих дел, пр-р-имерный ученик!

— Раз уж вы посетили наш медвежий угол... В общинном доме наверняка изнывала без заказа пара лоботрясов... Да, кстати, вам стоило нанять моего сводного брата, Шатци. Он как-то освободил целую колонию рабов... хм, рабынь, предназначенных для продажи... — А потом напился, мог бы я добавить, и застрял пьяным в главном каземате коло-

нии на три дня для дел, не вполне совместимых с кодексом Джарси.

Эльфийка покачала головой:

— Нам нужен лучший — вы.

Что-то в ее рассуждениях меня не устраивало. Ну сами посудите, зачем столько мороки ради меня одного?

— На деньги, что я стою (*и которые не всегда получаю с клиента, следовало бы добавить*), можно нанять целый отряд.

Виджи взглянула на меня остро:

— У нас уже есть отряд. Он ждет неподалеку от Харашты, в таверне. Нам нужен человек, который поведет нас вперед. Нам нужны вы.

— Ваше благополучие ничто по сравнению с нашей благодарностью! — вскричал принц, глядя на меня буккой. — Правдоподобно или нет, но наша гуманность чревата богатством, и колебания подразумевают слабость духа! Ешьте кекс!

Не уверен, но меня, кажется, только что обвинили в трусости. Может, проявить свои варварские качества и дать ему в глаз? И все-таки какой такой кекс он имеет в виду, хотел бы я знать?

— Мы заплатим в пять, в десять раз больше вашего обычного гонорара, — сказала Виджи. — Вы навсегда сможете отойти от дел...

Я сумрачно взглянул на эльфийку. Сейчас деньги интересовали меня меньше всего.

— Давайте-ка сперва покинем город. На вас сделан заказ. Охотники — крайне неприятная и дотошная публика, рано или поздно они выйдут на ваш след.

Плечи Виджи поникли.

— Вортиген опередил нас. Предатели есть и в наших рядах.

— Расскажите мне о вашем деле. Кто вы, почему вас преследует смертоносец.

— Дело темное и важное! — заявил принц. — В смеси Фаленор, Витриум и плешь!

Гритт, сейчас я выброшу его из окна вместе с Фалено-ром, Витриумом и плешью!

— Слушайте, не парьте мне мозги! За вами охотится нелюдь Вортигена... — Я посмотрел в глаза Виджи. — Как бишь его?

— Сколдинг Фрей.

— Внешний Круг, верно?

— Да...

— Он раб Вортигена, его пес, убийца и падальщик. Вчера мне чудом удалось его одолеть, но эта тварь бежала. Он силен и опасен, и он снюхался с Охотниками. А я — запомните! — не стану помогать вам втемную. Ясно, что вы играете против Империи. Но я хочу услышать подробности. Говорите мне — что, как и почему.

На щеках Виджи показался едва заметный румянец.

— Мы расскажем вам все, когда вы дадите нам слово возглавить отряд. А пока — мы будем вам очень благодарны, если вы поможете нам покинуть пределы Харашты.

Я хмыкнул и поднялся. Пинком опрокинул стул и во-друзил на край мягкого сиденья ботинок.

— Боюсь, за пять лет я подрастерял свои навыки. — И вновь моему голосу не хватило выдержки, черт по-дери!

— Вчера вы доказали, что все навыки при вас.

— Я упустил двоих. — Мне следовало бы добавить, что Пан Кралик убрел в плачевном состоянии, а смертоносец... Скажем так, мне *очень* повезло. — Объясните хотя бы намеком... Обиняками! Почему вас преследует тварь?

— Мы расскажем вам все, когда вы дадите слово возглавить отряд, — ровным голосом повторила Виджи.

Упорная девица!

— Дайте мне время подумать.

Я начал ходить по залу, вернее — бродить, замедленно перемещаться туда-сюда. Я на самом деле размышлял, и думы мои мне не нравились, поскольку я был на грани капитуляции. Ах эльфы, эльфы, перворожденные... Вы подстроили мне медовую ловушку. Неужели — сознательно? Угу,

иногда ради женщины мужчина может пойти на многое, даже — сыграть вслепую. Особенно когда обстоятельства ненавязчиво толкают в спину.

Обстоятельства, подстроенные эльфами, Гритт!

«Не будь дурнем, Фатик! — сказал внутренний голос. — Тебя приманили и водят за нос».

«А шел бы ты!», — сказал я.

Остроухие тактично меня не замечали. Они смиренно пили чай или тот напиток с душицей. Принц ел кекс, тьфу, закусывал пирожными. За окном, которое смотрело во внутренний двор, среди мраморных статуй обнаженных богинь таскали тяжелые хвосты удивительно молчаливые павлины. Может, они знали, что их языки — дорогой деликатес, и не стремились напоминать об этом своими голосами.

Будущее безрадостно, да? А что там толковала пророчица? Началась охота. Но не за мной же. Значит, она увидела, что я пойду с эльфами, которых преследуют Охотники! Вот оно что, Фатик, и, похоже, от судьбы ты не удерешь и не спрячешься. Да, я пойду, пойду с ушастыми как миленький. Снова эти странствия, осточертевшие костры, комары, похлебка, а в конце — призрачная надежда найти самого себя, как и обещала мне Виджи. Но как же все запутанно! Ну почему я не имею дубового лба, как мой сводный братец? Этому подлецу везде хорошо, а вот мне...

Я настолько погрузился в размышления, что утратил чувство времени, и очнулся, когда тени статуй уже изрядно удлиннились. Эльфы сидели в тех же позах, и я позавидовал их терпению. Вот Олник, например, даже не пей он за это время пива, уже раза три сбегал бы на двор.

Ладно, сделаю еще одну попытку.

— Расскажите о вашем деле, добрая фея. Куда будем топтать? Сколько народа в отряде? Есть ли снаряжение?

— Вы идете? — Глаза эльфийки загорелись.

— Я скажу да, когда выведу вас из Харашты.

— А мы расскажем все, когда вы дадите слово отправиться с нами в путь.

— Гритт! Сначала *вы* расскажите, куда и зачем намылились!

— Дайте слово, что отправитесь с нами! — Из нее опять полезла упрямая девчонка.

Я сдавленно зарычал:

— Великая Торба, я должен знать о цели похода!

— Дайте слово.

— Никакого слова, пока не узнаю, куда и зачем нужно идти! Я больше не играю вслепую!

— Наши цели благи, дайте слово.

Уж не знаю, сколько бы мы препирались и кто первым сдался, если бы в каминный зал с воплями не вбежал Твитто. Его строгая черная ливрея сбилась, лицо, и без того красное, напоминало хорошо проваренную и очищенную свеклу.

— Госпожа, они прорвались! — пропищал он. — Они уже в прихожей и сейчас будут здесь!

13

В своих путешествиях я пару раз встречал песчаные смерчи, яростно-быстрые и смертельно опасные — горе тому путнику, что встанет у них на пути. Так вот эльфы двигались быстрее смерча. Оба практически одновременно, похожими жестами, словно близнецы, выхватили из-за спинок кресел одинаковые мечи. С сухим шелестом хищные узкие клинки, чем-то неуловимо напоминающие змей, покинули ножны; эльфы промелькнули мимо смазанными тенями, ветерок колыхнул мои волосы. Ни Твитто, ни меня не задели — готов поклясться! — нас вежливо обогнули.

О как! И зачем, скажите на милость, таким ухарям нужен какой-то герой?

Я схватил стул и расшиб его о стенку, ухватил ножку из железного дерева. Дубинка в умелых руках — тоже оружие, а я на все руки мастер. Твитто за спиной что-то горестно крикнул о порче хозяйского имущества. Эй, друг, я тебя

понимаю, но опасная ситуация требует смелых решений. Опять же, имущество не мое.

— Эльфы оплатят! — крикнул я из коридора.

Вниз, к Охотникам. Если они тронули девушку... Впрочем, скорее, это она их сейчас тронет.

Вчера... Хм, как я понимаю, вчера эльфы не взяли с собою мечей. И то верно: кто же пропустит в кахавную с оружием? Однако в конторе...

Но я уже скатывался по лестнице, путаясь в собственных ногах. Тревожная мысль мелькнула и пропала. Держитесь, эльфы, я на подходе! У Охотников кольчуги и арбалеты, они запомнили вчерашний урок, смогут ли ушастые противостоять негодьям? И сколько Охотников набилось в дом?

— Фати-и-ик! — вдруг заорали в прихожей. Голос был мне знаком.

Я спрыгнул с последних ступеней, занеся дубинку для удара, готовый ломать и крушить.

Передо мной застыли четыре живые статуи, соединенные росчерками золотистых клинков. Не считая стонущих по углам коротышек, в холле больше никого не было. Двое — это мои эльфы, еще двое — гнусные на вид бродяги в отрепьях и розово-синюшных язвах, один — невысокий, другой — еще меньше, плечистый карапет. На его переносице болтались перекошенные очки с круглыми зелеными стеклами. Угу, знакомая картина: пода-а-айте слепому, хромоту от рождения и мешком из-за угла стукнутому. Оба замерли в нелепых раскоряченных позах, будто на полном скаку из-под них выдернули коней. У первого в руке неплохой на вид костыль со свинцовым набалдашником, чтобы глушить зазевавшихся прохожих, у второго — тяжелая клюка, чтобы нащупывать путь, тоже весьма надежная дубинка. Понятно, чем они карликов расшвыряли.

Я перевел дух. Нет, это не Охотники, те слишком горды, чтобы так маскироваться. Сгоряча мне почудилось, что эльфы нанизали нищевродов на клинки, но это было не так. Виджи успела прихватить запястье принца, и его меч завис

над головой обладателя костыля, зарывшись в пегие космы. Меч доброй феи — точнее, его острое было приставлено к горлу карапета. Оба нищих боялись шелохнуться.

— Фати-и-ик! — простонал поддельный слепец. — Скажи им, это же я, Олник, твой товарищ и друг. *А-а-апч-хи-и-и!*

Меч Виджи дрогнул и опустился. Она убрала побелевшие пальцы с запястья принца.

— Это... ваши друзья.

— Ну и реакция у вас! — уважительно присвистнул первый «калека», окидывая эльфов плутоватым взглядом. — Фатик, ты уверен, что именно они нуждаются в спасении? Сначала нужно спасти мои штаны.

Я переглянулся с Виджи и указал на «калеку» ножкой стула:

— Позвольте представить вам Джабара, известного еще как Благородный Вор и Его Величество Трезвость. Джабар, поверь, эти господа нуждаются в твоей помощи. И мы с Олником тоже.

* * *

— Ну и накрутили вы дел, ребята. Охотники вас ищут, ищет стража и лично капитан городской стражи Керрит; Митризен вас ищет, графиня тебя, Фатик, ищет, перешла от слов к делу, говорят, приказала тебя схватить, связать и доставить пред ее очи. Чем же ты ее так поразил? Давай колись, оглоед! Она ведь намерена женить тебя насильно.

Я передернулся: только не это! Гордый варвар, брошенный связанным на брачное ложе! А что скажет дедушка? Нет, лучше подохнуть от чумы!

— Весь город гудит. События приобрели неслыханный масштаб, если вы понимаете, о чем я. Неизвестно, за кого обещано больше денег — за вас с Олником или за милостивых господ эльфов, *умыкнувших мою контору*. К вам пришлось добираться под маскировкой, повезло, что я знаю почти всех, кто охраняет Холмы. Плохо — что и Охотники

их знают. И пусть Гильдия с Охотниками на ножах, золото делает стражу Холмов сговорчивой, так что положение у вас шаткое, *господа*.

Мы вновь собрались в зале на втором этаже, все, кроме Олника, который убежал на кухню тешить свою утробу. Джабар, маленького роста, с вечно озабоченным выражением на круглом лице, расположился на подоконнике с ногами. Липовые язвы он не содрал, привычный к таким неудобствам. Мысленно я поблагодарил его за то, что он ограничился только поверхностной маскировкой, не вылив на себя унции «аутентичного канавного экстракта номер восемь», иначе сидеть с ним рядом и даже в отдалении было бы невозможно. Через его щеку протянулся настоящий шрам (результат близкого знакомства с обыкновенной кошкой) — главное сокровище, помогавшее соблазнять женщин (рассказы о мужественных схватках прилагались). О, эта загадочная женская душа!

С Джабаром мы были схожи в одном: к нам липли неприятности, и все дела у нас шли наперекосяк, это был несомненный и исключительный дар богов, в общем, на этой почве мы и сдружились, сдружились по-настоящему.

Я занял пост у дверей, привалился к косяку, царапая клинком Гхашш красную паркетину.

— Хочешь сказать, кто-то из тех, кто нас ищет, уже... знает адрес?

Он усмехнулся в глаза эльфам, подмигнул Виджи. Присутствие ушастых рождало в нем целый ряд противоречивых эмоций, которые ясно читались во взгляде.

— Значит, моя контора к вам усвистала? Небось, хотели открыть в нашем городе бизнес, ага? И тут — *внезапно* такая незадача! Чем же вы насолили Охотникам, а?

Я пошевелил ботинком обломки стула из парротии. Железное дерево — прекрасный материал для дубинок. Подобрать бы обломок и зазвездить Джабару промеж блудливых глаз, чтобы прекратил ерничать.

— Морган, ответь на вопрос. Адрес уже известен кому-то?

Вместо ответа он скорчил зверскую рожу.

— Видишь ли, Фатик, тебе и гному я готов помочь бесплатно, хотя, сам знаешь, мои бухгалтерские книги сверкают голым задом. Но эльфы... М-м, разобраться бы еще, кто из них валет, а кто дама... Олник сказал, они заплатят мне за помощь, голубки. Эй, и не смотрите на меня так, будто хотите высосать душу!

Эльфы сидели ко мне вполоборота, и я заметил, что оба одновременно вздрогнули. Гм, даже невозмутимые эльфы способны разозлиться, если их умело довести до кипения, а Джабар словно действовал по классическому рецепту «Как правильно раздраконить агнца и умереть в муках».

— Мы заплатим вам золотом, Морган Джабар, — сказала Виджи ровно.

— Благодарность эльфов велика, коль заслужена правым делом, — проскрежетал принц. — Но огульно называть нас упырями-душепивцами опасно для вашего бытия. — И он красноречиво подвигал рукоятью меча, зажатой между колен.

Уели! Джабар на миг спал с лица.

— Нам хотелось бы выбраться из города, — добавила Виджи. — С наименьшими потерями, если возможно. — Не менее красноречивым жестом она коснулась рукоятки своего клинка. — Вы поможете нам? Мы заплатим вам много, очень много. Мы заплатим золотом.

Джабар поглядел на меня. Я провел большим пальцем поперек шеи, мол, кончай выпендриваться, товарищ, эти ушастики — не глиняные куклы.

Мой приятель хлопнул себя по колену.

— Эх, считай, уговорили! — Ухмыляясь, он соскочил с подоконника. — Но учтите, это будет вам стоить. *Едрическая сила!* Значит, прекрасная, укрепляющая прогулка за пределы Харашты. А дальше?

— И дальше, — это сказал уже я. — Нужны четыре коня и ишак для гнома.

— Гном и ишак — сочетание красоты и изящества, хоть сейчас малюй картину.

— Это да. Кому известно про поместье Бренка, Морган?

Его Величество Трезвость оглянулся с озабоченным видом.

— А бара тут нет? Я бы выпил.

— Нет.

— М-да, полезно для печени... Кому известно? Да кажется, всем. Вы, ребята, фактически в осаде. Вы что, думаете, я зря сюда в таком тряпье явился? Зря перелезал стену на задворках вместе с твоим кургузым напарником? Он, между прочим, пыхтит и матерится хуже портового грузчика.

Осада? По моей спине пробежали мурашки. Проклятие, я истратил на разговоры слишком много времени. Нужно было с раннего утра хватать эльфов в охапку и драпать. Да только я думал, они будут совершенно разбиты от вчерашних пыток. С помощью Джабара, который знал в городе все входы и выходы, я хотел незаметно переправить эльфов за стены Харашты. Но сложилось так, как сложилось. Теперь бы нам благополучно сбежать с виллы Бренка...

Я хмуро взглянул на Джабара:

— Поясни насчет осады.

— Недалеко от ворот виллы поджидает карета, черная, с занавешенными окнами. Это, как ты понимаешь, пара митриzenовых уродов.

— Гритт!

— Олник сказал, ты вчера прищемил одному из них пальчик, похвально. Кроме *существ* Митризена, у стен виллы расположились еще три шайки, которые старательно не замечают друг друга. Одна — это, несомненно, Охотники, я узнал Мозли Жукомора...

— А крепыша, у которого волосы будто обваляны в муке, ты там не разглядел?

Джабар прищурился:

— Знакомец?

— Вчера обменялись любезностями, но не до конца. Опасный фехтовальщик и колдун. Он — наниматель Охотников.

— Нет, не видел, нет. Приметная фигура, я бы запомнил.

Я уловил боковым зрением, как Виджи пошевелилась в кресле. Сколдинг Фрей, гм... Эльфы перекинулись друг с другом парой фраз на своем языке. Дорого бы я дал, чтобы его понимать!

— А другие банды?

— Во второй — не ясно кто. Может, одетая в цивильное городская стража, может, целый балаган клоунов, что, в общем, одно и то же. Третья — это, сдается мне, переодетые гвардейцы графини: выправка, она, знаешь, бросается в глаза. Гном сказал, утром никого из них не было... Охрана Холмов, ясно, у виллы и носа не кажет. И знаешь, чего ждут все эти отморозки?

Я кивнул:

— Отмашки.

— Вот-вот. Генерал Бренк слишком крупная фигура, чтобы вломиться на его виллу с бухты-барахты. Каждая из сил отправила к нему гонца. Он, если правильно помню, в монастыре Атрея под городом, замаливает грехи.

— В женском монастыре, — уточнил я, скрестив на груди руки. — И не замаливает, а нарабатывает, чтобы было в чем каяться. По особому благословению патриарха Кервана, которое стоит немалых денег.

— Иди ты!

— Модернизация культа Атрея, новая ветвь, открыта лишь для богатых, чтобы они могли обрести прижизненную святость. Так нам рассказали девчонки из квартала Рисковых Сводней, бывшие воспитанницы монастыря.

— Язви его в душу, Бренк — святой! А бывают святые с триппером?

— Я думаю, все зависит от даров во славу культа. Чем весомей дары, тем шире взгляды на святость у клира.

Виджи негромко кашлянула. О да, мы отвлеклись от темы. Джабар лукаво подмигнул доброй фее, воспламенив во мне желание разбить ему челюсть. Никак не уймется! Она же не в твоём вкусе, приятель, приглядишься: у нее что, есть пятый размер?

— Я понял, Джабар: так или иначе, какой-нибудь шайке улыбнется удача.

— Вполне вероятно. Деньги или связи, или шантаж — но разрешение они выцарапают. Тогда одна из банд ворвется сюда и попытается пустить вас на мыло. Другие не будут мешкать и под шумок ринутся следом. Будет очень много шума и крови, а при особой удаче кому-то и голову отрежут.

— Бог-ужасный! — вскричал принц. — Мы не боимся мечами щелкать! Но кровавые оргии, пожалуйста, без нас!

— Мы намерены избежать большой крови, — стиснув кулачки, перевела Виджи.

Гритт, *человеколюбие эльфов!* Они не хотели убивать, даже чтобы спасти свою жизнь! (Будь на моем месте Джабар, он бы заменил восклицательные знаки на презрительные троеточия.) А вот я... Великая Торба, мне нужен топор, мой топор!

Джабар задрал брови, язвы сместились, придав лицу комично-устрашающий вид:

— Ну если поразмыслить хорошенько...

— Давай короче, — оборвал я. — Есть идеи?

— Идеи? Я всегда ими полон.

— Ну?

— Мы устроим «бегство вонючек». Как тебе такой вариант?

Я содрогнулся. Все, что угодно, только не это! Когда-то я облился гильдейским экстрактом номер восемь для одного дела... О, это был истинный кошмар, вдобавок у меня не оказалось под рукой антидота, и пришлось две недели прятаться в лесу, питаясь кореньями и дичью, пока запах не выветрился. Но этого времени хватило, чтобы среди окрестных земледельцев расползлись слухи о том, что лес проклят, в нем, дескать, пахнет адом. Но я-то варвар, человек суровый, а каково придется тонкочувствующим эльфам?

— Гритт! Хочешь сказать, обольемся «канавным экстрактом номер восемь» и преспокойно выйдем наружу?

Он скорчил рожу.

— Восемь? Восемь, мой друг? Ты сказал — восемь? Восемь — детские игрушки. Кто выпустит нас при таком раскладе? — Он похлопал по небольшой сумке, спрятанной в лохмотьях на боку. — У меня тут «аутентичный экстракт номер два», мы зовем его в Гильдии *бодрячком покойник*. Вот это, скажу тебе, аромат! Сшибает с ног за десять ярдов. Если им облиться, не помазав над верхней губой антидотом, сам перейдешь в мир иной.

— О нет!

— О да!

— Эльфы не выдержат! Они... хрупкие существа! — Никогда бы не подумал, что буду защищать эльфов да еще такими словами, однако ж... — Да что ты скалишься, приятель? Ах ты... — Ну конечно, это была его месть первожденным. Смешки и ухмылки, мне стоило раскусить его раньше. Вот же сукин сын, у него был другой план!

Он замахал руками:

— Ладно, ладно. Забыли. Ну ясно, Джабар обставит дело иначе. Я, заруби на носу, *профессионал*! Узнав от Олника расклад, я быстро пустил слух среди городского дна, что на вилле Бренка вас нет, что вы отираетесь несколько южнее, в имении пророка Маурицио Дохли. Но тс-с! — это страшная тайна, доступная только избранным.

— То есть об этом уже треплется весь город.

— Вот-вот.

Я переглянулся с эльфами. Они ничего не понимали. Еще бы!

— И немного времени пройдет, прежде чем эти слухи поползут до банд, которые нас обложили.

В глазах Джабара был смех.

— Ну да. Фактически, я думаю, они уже откочевали, пока я с вами игрался. Достаточно сделать это одной шайке, как остальные потянутся следом, чтобы не упустить инициативу. Затем начнутся переговоры с главарями, забегают посыльные, — времени нам хватит, чтобы зачать и родить. Ну а влезть к Дохли официальным образом еще сложнее,

чем сюда. У Бренка останутся соглядатаи, тухлые придурки, гоблины там, гномы, да простит меня твой друг.

— Нам все-таки придется убивать, — произнесла Виджи.

Джабар ухмыльнулся и сделал ребячливое антраша, приземлившись на паркет с грацией пантеры.

— Зачем же, *моя милая*? Никаких боевых задач! Мы выйдем отсюда преспокойно и даже вынесем часть ваших манаток. Нам даже не придется обливаться экстрактом. Хотя вашей небесной красотой придется пожертвовать... на время. И еще — мы пустим под нож кое-какие вещички. Обставим все правдоподобно, да-да. Наши локомоции, конечно, не оставят без внимания, но максимум, что случится, это пара-тройка «хвостов», которые мы обрежем раньше, чем доберемся до Гильдии.

В двух словах он объяснил свой план. Я был потрясен. Воистину, все гениальное — просто.

— Недаром я обошел вокруг виллы вместе с гномом, старательно бросаясь в глаза и повсюду делая знаки, что вилла Бренка — моя добыча, — прибавил Морган, раскладывая на чайном столике ножницы, клей, краски для грима. — Я займусь ушастыми, а ты, Фатик, бери Олника и карликов — и за работу: корнайте и клейте одежонку. — Он стянул через голову свой балахон, оставшись в сером воровском трико с множеством нашитых карманов. — Вот образец. У Олника второй. Здесь главное — глянь-ка — большие лоскуты одного цвета, только они бросаются в глаза, остальное достаточно просто измять и порезать.

— А костыли? — уточнил я.

Джабар махнул рукой:

— Слишком много добычи, три «меня» их выбросили; ну а свой я прихвачу обязательно, негоже терять орудие ремесла. Да, *господа эльфы*, нам придется уговорить трех коротышек на небольшую авантюру. Если они заартачатся, Фатик, пригрозь, что открутишь им... Впрочем, давайте просто скажем, что сожжем дотла усадьбу!

* * *

На виллу Бренка проникли двое воров. И вышли двое. Только с четырех сторон усадьбы одновременно.

14

Спектакль удался, отдельные зрители даже увязались за актерами, видимо, желая вызвать их на бис. Когда в пустынном петляющем закоулке рядом с площадью Хтонических Божеств собралась почти вся труппа, самый восторженный из поклонников (это был серый, будто вываленный в городской пыли гоблин) высунул голову из-за угла. Я тут же долбанул его под ухо рукояткой меча. Он успел разглядеть две группы тройняшек-оборванцев в ужасных язвах, отчего, кажется, сошел с ума за миг до удара. Навсегда запомню его удивленные глаза, он даже вскинул руку, чтобы их протереть. Да уж, бывает. Но это тебе не пригрезилось, дурачок. Нас действительно шестеро.

Втащив тело в переулок, я оглядел беглецов. Два карлика держались теперь в отдалении от гнома, а сам Олник, давясь чихами, отошел подальше от эльфов. Те замерли подобно статуям, положив мешки с вещами к ногам. Кто из них кто? Гритт, у обоих одинаковые волосы и стати. А вот это точно принц — больно *язвительное* у него лицо, хотя язвы у нас у всех одинаковые — Джабар постарался, но этот вздернутый подбородок и взгляд, который словно обращен внутрь себя...

Я посмотрел на другого эльфа:

— Добрая фея?

— Я здесь, господин Джарси, — отозвался язвительный «принц», тряхнув пегими волосами, которые Морган скрутил в замысловатую прическу.

— Гм-м... Мнэ-э... — В ее голосе мне послышались нотки разочарования. Гритт, как будто я ее мама, которая может

различить чадо даже под тонной грима! Но уже хорошо, что она отзывается на «фею», гм, очень хорошо... Плохо, что она называет меня по фамилии, очень плохо. — Как все прошло?

— Благодаря выдумке вашего товарища нам удалось ускользнуть. А наши благородные проводники, — жест в сторону коротышек, — прекрасно знают город. Скажите, куда мы отправимся теперь?

Я бросил взгляд на карликов, которым Джабар пририсовал темные очки с дужками, отчего они стали похожи на сов, глядящих из дупла в полночный час, и сказал едва слышно:

— В Ночную Гильдию.

— Простите?

— В Гильдию воров, иначе говоря.

Тут даже принц задрал брови. Эльфы быстро перекинулись несколькими фразами на дивном языке (Олник в отдалении выпустил целый залп чихов), и Виджи сказала строго:

— Мы туда не пойдем.

Чистюли! В белом! О нет, нет, нет!

— Едрическая сила!

А ведь я догадывался, что так и будет.

Я сделал глубокий вдох и, прикрыв глаза, посчитал до десяти. Милые, изящные эльфы... Все замечательно, я их люблю, нет, зачем их топить? И бить морды тоже не надо. Милые, изящные эльфы... От Виджи исходит дурманящий аромат, не знаю, это духи или так от природы пахнут все эльфийские женщины? Милые, изящные эльфы...

Я слегка успокоился и начал подыскивать нужные слова (жаль, матерные были противопоказаны), чтобы убедить строптивцев.

— Учтите следующее. Гильдия — это единственное безопасное для вас место. Вы понимаете смысл выражения «Горит земля под ногами»? Так вот у вас горят под ногами все улицы Харашты!

Вид у эльфов оставался суровый и непреклонный, насколько его возможно было изобразить под фальшивыми язвами. Виджи ответила твердо:

— Мы не пойдем туда, Фатик Джарси! Это скверное место разврата, место нищеты людского духа, место тьмы и порока. Мы туда не пойдем.

Я скрипнул зубами. Мне захотелось перебросить Виджи через колено, содрать штаны и хорошенько отшлепать по непреклонному и, несомненно, эльфийскому заду, а принца, чтобы не вмешивался, прибить двухдюймовыми гвоздями к кирпичной стене. Интересно, как там все устроено, в эльфийских черепушках? Они не сумасшедшие, нет, они не глупцы, не болваны, не идиоты, — они просто выходцы из эльфийского леса.

— Ага, а еще в Гильдии вышивают бисером и продают реповый соус.

— Соус из репы? — уточнил принц, свистнув носом. — Я млею от мысли! Это несъедобно!

К нам сунулся какой-то прохожий, судя по голубому хитону и благообразной лоснящейся харе, пророк с лицензией. Увидев нас, сотрясся всем телом. Я сделал страшное лицо и взмахнул клинком:

— Свалил отсюда во имя Великой Друуны!

Он ретировался.

Я обернулся к эльфам. Они стояли незыблемо, принц переплел на груди руки. Картина — «Невинные в язвах». Чудесно!

— Поймите же, Гильдия — это не Управление Налогов и Сборов, это не Мэрия и не Главное здание Синдиката, — вот там воистину стены плачут от боли, ужаса и бесстыдства сидящих там воров. Что, если человек называет себя вором явно, он хуже того, кто является вором по сути, а сам рядится в белые одежды? Кто из них дальше ушел по стезе добродетели? Великая Торба! А сами, вы сами разве не давали взятки судьям, чтобы прихватить нашу с Олником собственность?

Это подействовало, я даже разглядел, как щеки Виджи начали легонько розоветь. Принц опустил руки и что-то неодобрительно произнес на эльфийском.

— А Бренк, на вилле которого вы жили? Вы знаете, что он подавлял крестьянские бунты и наемничал в дальних странах? Вся его вилла построена на крови! Но вы же ею пользовались! Так у кого белее панталоны? Вы порицаете очевидное, но даже кончика носа не хотите сунуть в глубь вещей!

Они переглянулись, принц опустил руки и что-то вполголоса сказал. Он был похож на желтый марципан, покрытый разноцветной плесенью. Виджи замедленно кивнула, не сводя с меня взгляда. До них, кажется, дошло. И слава богу!

— Не упустите редкую возможность совершить экскурсию по местам, которые недоступны простым смертным... и бессмертным! — поднажал я. — В Гильдии интересней, чем в цирке, поверьте.

— Что такое... цирк? — невинно поинтересовалась Виджи.

Воистину, эльфийская принцесса! Когда-нибудь она меня вконец доконает.

В этот миг в переулке нарисовался Джабар, за которым пыхтел загримированный Твитто. Дворецкий решил сам участвовать в деле, не из-за монет, подозреваю, он хотел убедиться, что мы уйдем и, не дай карликов бог, не вернемся, чтобы поджечь виллу. Да, пришлось его припугнуть именно этим, такие уж мы кровожадные, вор и варвар.

Джабар оглядел нашу компанию и усмехнулся.

Много эльфов собиралось
В славном городе Подонске... —

обронил он.

— Простите? — не расслышала Виджи.

Ох, эти острые эльфийские уши!

Но Джабара было не пробить:

— Я говорю:

*Много эльфов собиралось
В славном городе подрасться!*

Я ухмыльнулся про себя.

Морган кинул на меня взгляд:

— Приключение что надо, никогда так не развлекался! Все гладко сошло, я и не ожидал. — Он бросил взгляд на гоблина, который начал шевелиться у стены, и отвесил ему жесткого пинка. — А я *обрезал* свой «хвост». — На воровском арго это значило, что он убил соглядатая. — Все, двигаем. Брысь отсюда во имя Великой Друуны! — гаркнул он на прохожего. — Не видишь, тут съезд партии великанов!

Я быстро рассчитался с карликами. Не ножом под ребро, как вы могли бы подумать, а полновесными реалами. Твитто взял свою долю лишь после того, как я пригрозил, что в противном случае вернусь, сожгу виллу, а его посажу голым задом на тлеющие угли.

Я жестокий варвар.

Мы подхватили манатки и двинулись в путь растянутым, чтобы не бросаться в глаза, караваном оборванцев. Джабар указывал дорогу, я и Олник шли замыкающими. Виджи двигалась передо мной, и я представлял, как плавно покачиваются ее бедра под бесформенным балахоном. Увы, эльфы проявляли скверную артистичность: даже в облике нищевродов их походка была горделива, хоть им и пояснили, что ноги следует приволакивать.

Эльфийка так плавно покачивала бедрами в моих фантазиях, что во мне возникло горячее и несколько противоестественное для варвара Джарси желание нарядить ее в костюм наложницы — шальвары, браслеты с бубенчиками и полупрозрачный лиф. Ступни, разумеется, оставить босыми. На шею — жемчужное ожерелье в форме ошейника... *Идъи сюда, жэницина! Хачу танец живота!* О, нет!

— Ну и чеко ты фыяснил? — поинтересовался мой друг, зажав нос пальцами.

Умеет вовремя расколотить мои фантазии, шельмец!

— Они хотят нанять меня для похода. Я склонен согласиться. В Хараште мне оставаться нельзя. К дедушке я не вернусь. Как-то все удачно сложилось, ты не находишь?

И подозрительно — мог бы я добавить.

— Гномья курва! За город?

— Ну ясно, не за молоком сходить на базарчик. Далеко, думаю, очень далеко.

— А... а как фе я?

— Ну я намерен выторговать для тебя местечко, если ты не боишься вычихать свои легкие. Если останешься, отдам тебе свой гонорар, иди куда хочешь.

Олник надулся:

— Пойду с тофой и паста!

— Паста-то паста, а как же аллергия?

Он подумал.

— Я буфу ифти с подфетренной стороны.

Мы порядочно проваландались по всяким задворкам: Джабар вел нас самыми безлюдными местами, чтобы не привлекать внимания стражи и возможных шпионов. Жаль, нельзя нанять экипаж — ни один кучер в здравом уме не подвезет пятерку прокаженных. Да что там, он и одного-то не подвезет. Наконец, по краешку перейдя Парк Трех Сироток, мы увидели цель нашего пути.

За ветхой каменной стеной возвышался массивный храм, отчасти скрытый лесами. Его зеленоватый изразцовый купол напоминал головку репейника, которую со слепо немного пожевала корова. С южной стороны купол подпирали неошкуренные бревна и каркас чьей-то кровати. Покатая крыша, похожая на плечи гиганта, была утыкана дымоходами.

Недостроенный храмовый комплекс был выкуплен Гильдией лет сто назад у каких-то разорившихся культистов и с тех пор находился в состоянии ремонта и переделок.

У приоткрытых железных ворот сидел седовласый, облаченный в кипенную хламиду старик. Шляпа с заострен-

ной тульей, длинный посох и молочно-белая борода придавали ему вид степенный и величавый. Он неподвижно глядел в пустоту, как и полагается слепому, а перед ним стояла корзина для подаваний. Подавать полагалось исключительно монеты, ибо корзина была накрыта крышкой с узкой прорезью. Возле корзины на шесте, воткнутом между булыжников, висела деревянная табличка. Надпись, исполненная белой краской, гласила:

Остановись, прохожий!

Пожертвуй на строительство храма в честь Горма Омфалоса!

Горм Омфалос — наш бог! Построим храм вместе!

В Гильдии это называлось «сбор денег на пиво», а надпись на табличке соскабливали и заменяли в соответствии с тем, какой культ в Хараште находился на пике признания. Добавлю, что сбежать с корзиной было бы затруднительно, поскольку на время сбора денег она крепилась к мостовой болтами.

Дав знак подождать, Морган подошел к старику и перекинулся с ним парой фраз на воровском аргю. Слепец степенно кивнул и устремил взгляд в пустоту. Его зрочки прекрасно реагировали на свет, ляп, известный немногим. Думаю, зрение у него было превосходное.

— Сижу на жопе ровно, — сказал он гулко. Это значило — не все в порядке, и в поле его зрения попали фигуры, которые он склонен отнести к «подозрительным». Переодетые стражники, еще кто-то.

Джабар вернулся к нам. Покачал головой.

— Лучше зайдем с тыла, чтобы не привлекать особого внимания тех, кто снаружи и *внутри*. Гильдия бурлит, да-а, вы разворошили городской муравейник, паршивцы!

Мы зашли с тыла, со стороны каретного двора, пройдя вдоль стены, поросшей у основания мхом и сорняками. Как и всякое порядочное, солидное заведение, Ночная Гильдия имела несколько тайных входов и выходов. Покосившийся

домик стоял через дорогу от Гильдии, на его двери под сенью двух кипарисов висели таблички: «Ассоциация помощи пострадавшим», «Альянс взаимовыручки», «Третья церковь восьмого пришествия», «Школа филантропов», «Божественный мундус» и «Кредитный союз “Без возврата”».

У членов Гильдии специфическое чувство юмора.

Когда мы прошли внутрь Гильдии сырым тоннелем, я облегченно вздохнул: первый этап плана выполнен!

А вот второй... Впрочем, тут все дело за Джабаром.

15

— Карлики!

— Карлики?

— Угу, карлики. Карлики, пигмеи, коротышки, называй их как хочешь.

— Змеюшки, — чавкая мясным пирогом, вернул Олник.

— Короче, вам помогут карлики. Поскольку все выходы из города под надзором, а перелезть городскую стену впотьмах тоже не очень-то безопасно, вы и *ненаглядные* уйдете морем.

— Морем? Гх-м... — Похоже, наступил день тупого варвара, иначе зачем я все время переспрашиваю? — Но порт-то закрыт. Пираты Кроуба сидят у Харашты на макушке!

— Сидят. Но вы уйдете морем.

— Как?

— На почтовом самоходе карликов.

— На самоходе? — Черт, а ведь верно. Как я об этом раньше не подумал?

Джабар промокнул лицо полотенцем и усмехнулся:

— Ага. Порт закрыт, но Посыльная Гильдия рискует ходить вдоль берегов. Срочная почта, мелкие грузы для управителей провинций. Бот у них с низкой осадкой, ему

не страшны мели. В случае опасности они прижимаются к берегу, пиратам их просто так не достать.

— Самоходы, малоходы, тьфу! — Олник заерзал на стуле. Таинственный *механизм*, который приводил в движение гребные колеса бота, вызывал у всех без исключения гномов Харашты злую ревность. Они пытались построить нечто подобное, но пока, за исключением одного взрыва и двух трупов, никаких подвижек не было.

Я подавил ругательство. Вот еще гном заартачится для полного комплекта, и можно сушить весла.

— Придется плыть, Ол.

Он уставился на меня взглядом побитой собаки.

— Ага, блевать от карликов и чихать от эльфов. Эркешш махандарр!

— В море обычно блюют от качки.

— Нет у гномов морской болезни, все наши хвори — от змеюшек и эльфов! Ай, делайте, что хотите, все равно пропадать! — Он уставился в окно, подтянув, однако, к себе блюдо с пирогом.

С высоты второго этажа открывался вид на пленэр, где старейшины Гильдии вырабатывали у подмастерьев гимнастические навыки на макетах домов и заборов. Да, что ни говори, а гибкость, ловкость и прыгучесть нужны вору как воздух, даже если вор — маленький противный гoblin с выпученными глазами. Как и быстрые ноги, добавлю. У стены учились стрелять из легких арбалетов, а неподалеку от окна несколько подмастерьев, одетых в пестрые рясы, монотонно гнусили: «Подайте смиренным братьям!». «Глаза долу! — шпынял их наставник. — Мягче тон, вы же не отбираете деньги, идиоты, а просите».

— Вы тут пересидите пока, а я сбегая договорюсь с коротышками, — продолжил Джабар. — Твой знакомец Кривошлеп знает высших чинов в своей конторе, я думаю, все у нас получится. Уйдем в сумерках. Само собой, мне понадобятся эльфийские день... — Он рванул нож из-за голенища сапога и прыгнул к двери, распахнул ее пинком. Вгляделся в темный коридор бывшей

келейной. — Померещилось, что ли?.. Мозгами я с вами двинулся, вот что.

Я тоже выглянул, держа правый клинок Гхашш нижним хватом, чтобы использовать рукоять как дубинку. Слабый аромат мистических благовоний, кажется, впитался в эти мрачные стены навсегда.

Пусто. Из-за дальнего поворота выбрел одноногий, битый жизнью серый гоблин в рванине, с табличкой на груди: «Подайте слепому ветерану!». Постукивая деревянной ногой, приблизился. Джабар спросил его, не видал ли он чего подозрительного. Ответ был невразумительный: «Бегают тут всякие, туда-сюда, туда-сюда, много народа, мало воздуха, туда-сюда». Ничего конкретного из гоблина выпытать не удалось. Народец они вообще-то туповатый, не настолько туповатый, как зеленые гоблины, но много тупей, чем гоблины коричневые. Тогда Морган, кивнув, посоветовал гоблину заменить реквизит.

Глянув на табличку, «ветеран» схватился за голову, отстегнул протез, отвязал здоровую ногу и, прихрамывая, бросился назад по коридору.

— Набрали любителей, твою мать, — скривился Джабар, пряча нож. — Даже в такой мелочи лажают. Наверняка не сдавал экзамен, а просто сунул взятку. В какую дыру катится этот мир?

— *А-а-атчхи-и-и!* — А это вернулись из купальни мои эльфы. Принц был насуплен, а фея, напротив, оживлена. Ее волосы налились золотым цветом и — мне не почудилось, нет — разбрасывали по стенам чуть заметные блики.

Она показалась мне прекрасной, как анг...

Забудем.

Олник немедленно ухватил пирог и сбежал в другую комнату.

Культисты, отгрохавшие храмовый комплекс, не являлись поклонниками аскезы, так что «келья» Джабара носила это имя чисто условно. Пара просторных прибранных комнат с коврами, кладовка, своя купальня. Для полного счастья не хватало лишь отнорка к подземному ходу.

— А может, и не послышалось, — задумчиво обронил мой друг. — Сидите здесь и не суйте нос дальше коридора. Я шепну кое-кому, за вами присмотрят, в случае чего — выведут наружу тайным путем. Пароль: «Три звезды». Как услышите, можете смело отпирать — это мой человек. А дверь пока закройте, вот ключ.

Пояснив ситуацию эльфам, я передал Джабару несколько увесистых мешочков с золотом.

Принц выступил вперед и отвесил Благородному Вору кивок.

— Наши молитвы и до свидания, — молвил он. — Вы мужественный в стиле круглых сосков.

Джабар округлил глаза:

— А?

— Он желает тебе удачи. Не пытайся его понять, — сказал я.

Мой друг задумчиво козырнул ушастым и был таков. Я же отправился в купальню, чтобы смыть греховные язвы, а заодно и побриться.

Черта с два я бы брился, не будь рядом эльфийки.

* * *

Время тянулось невыносимо медленно. Эльфы, поев, сидели будто статуи, мы же с напарником были как на иголках, в замкнутом пространстве действуя друг другу на нервы. Наконец Олник, которому надоело чихать и сморкаться, ушел сначала в купальню, а потом, прихватив свечу, с видом великомученика заперся в кладовке.

— Я все запомню! — пообещал напоследок.

Обязательно, еще и запиши, чтобы эти жалобы выбили потом на твоём могильном камне.

Я прохаживался возле дверей, дергался от каждого шороха и поглядывал на клинки Гхашш, разложенные на столе. Несколько раз напомнил эльфам не светить блондинистыми патлами в окно. В который раз попытался узнать у Виджи о цели похода, но наткнулся на «Сперва дайте слово!».

Зря я назвал ее доброй феей.

Анекдотов они тоже не понимали. Вот они, недостатки высокой культуры!

В конце концов эльфы удалились в другую комнату, а я, разыскав бутылку яблочного эля, перо, бумагу и ингредиенты для чернил, за несколько минут сочинил письмо на родину.

«Дорогой дедушка Трамп, как твоё здоровье? Как ты знаешь, я оказался (“си” зачеркнуто, дописано “ся”) потеряян для клана, за что ты проклял меня проклятием шести несуществующих мук и всеми прочими проклятиями, и сказал, что меня вдобавок постигнет кара небесная в виде пожизненного брака (о чем я, признаться, и сам мечтаю). Но я знаю, что у тебя доброе сердце (вписано “д”). Прошу восстановить меня в клановом союзе для одного дела, которое обещает многа (“а” смениено на “о”) денег, почета и славы.

Не признаю себя придателем (“при” на “пре”), остаюсь верным и любящим внуком!

Пятница, 13-е, подписано:

Раска... и... ва... ю... щийся за письменным столом Фатик Мегарон Джарси по прозвищу Бешеный Топор (ненавижу!).

P. S.

Пользуешься ли ты теми шерстяными носками (“о” зачеркнуто, вписано “а”, снова зачеркнуто “а”, вписано “о”), что я передал тебе с оказией?»

Деньги, почет и слава, какая, однако, брехня! Впрочем, уверен, дедушка примет это за чистую монету. Главное, чтобы у него отлегло от сердца. Надо было еще вписать, что напоследок я завоюю себе королевство, усядусь на трон и напялю корону. Яханный фонарь!

Про топор я умолчал. Ничего, если дело увенчается успехом, попытаюсь заказать кузнецу дубликат и вернуть его в клан: если верно притравить металл кислотой, на-

нести руны, которые я помню, как свои пять пальцев, то от настоящего топора будет не отличить. Обман, конечно, еще тот, но и я не прежний простодушный варвар, а ложь во спасение — она всегда во благо.

Я свернул письмо конвертом и запечатал воском. Отправлю вместе с карликовой почтой, их дилижансы (нормального размера) добираются даже к нам в захолустье.

Близился вечер. Однако где же Джабар?

Я выглянул в окно и чуть не проглотил язык. По двору в сопровождении нескольких темных личностей вышагивал... альбинос.

Ах ты ж гребаный ты нахрен!

Значит, шорох не примерещился Джабару. Или какой-то резвый шпик все-таки выследил нас от самой виллы.

А как же вражда меж Гильдией и Охотниками?

Выглядывать в окно было ошибкой. Имперский смертоносец оказался натаскан в областях, сопредельных с магией. Чтение мыслей, эмпатия и тому подобное плюс гипноз. Он сразу уловил, что на него смотрят, и запрокинул голову, пригвоздив меня к полу взглядом кроваво-красного глаза.

Конечно, это был Сколдинг Фрей. Его лицо наискось перепахала вздутая полоса багрового ожога. В правой глазнице царила полночь. Глаз... вытек, нижнее веко скукожилось, верхнее Фрей, кажется, срезал.

Взмахнув рукой, смертоносец что-то сказал и встряхнул опаленными волосами.

Наверное, предавал меня анафеме.

Я быстро зажмурился и отпрянул от окна, показав Фрею нужный палец.

Гритт!

В этот миг снаружи начали деятельно ковыряться в замке.

Обложили, сволочи...

— Тревога!

Я подхватил оба меча, и, пока раздумывал, опрокидывать ли стол для баррикады, рядом оказались мои эльфы.

Да уж, их нельзя назвать сонными тетерями. Скорее они как пантеры, которые в обычное время движутся медленно и грациозно, экономя силы для стремительной охоты. Виджи оказалась на шаг впереди, наполовину закрыв меня своим телом; клинок ярко блеснул в ее руке.

Эй, эй, куда это годится?

Я скользнул в сторону, и тут дверь распахнулась.

— *Три звезды-ы-ы! Три!*

— Джабар!

В проеме с ключом в руке застыл мой приятель: волосы взбиты, на щеке царапины, ворот шелковой блузы надорван, забрызган кровью.

— Быстро. Вещи. За мной!

Эльфам не потребовалось повторять дважды. Они собрались за считанные секунды, даже не растрепав волосы. Вещевые мешки в одной руке, обнаженные мечи — в другой, ножны на перевязи — за спиной. Мы гурьбой вывалились в коридор и уже навестились бежать, когда Моргана осенило:

— Стойте, а гном?

Гритт, как же я мог забыть о напарнике?

Из кладовки, где заперся Олник, доносилось посапывание. Сукин сын утомился и заснул. Я дернул ручку — заперто!

— Олник, вставай! Горим!

Никакого результата. Спящий гном — это пятая стихия, стихия абсолютного спокойствия. Если есть что-то более спокойное, чем спящий гном, так это — пьяный спящий гном, поверьте, я знаю.

Ну что ты будешь делать! Его Величество Трезвость начал ковырять отмычкой в замке.

— Едрическая сила, изнутри вставлен ключ! Буди этого придурка, у нас нет времени!

Я заколотил по двери каблуком.

— Олник, в городе чума, в кладовке крысы, к тебе приехала твоя мамочка!

С тем же успехом я мог бы обращаться к дорожному камню.

— Святые небеса! — возопил Джабар. — Что он себе думает, этот идиот?

— Он не думает, он спит, — простонал я. — На нем можно зерно молотить, не проснется.

У Джабара вытянулось лицо.

— Нас вот-вот накроют, грош цена будет тогда всем моим потугам, понимаешь, Фатик?

Это я понимал.

Кладовка имеет солидный замок и крепкую дверь, вышибить ее на раз-два не удастся. Как же быть? Видимо, придется бросить товарища на произвол судьбы, вернее — на произвол Джабара. Он позаботится, если приплатить денег. Да простят меня боги, но это — единственный выход. Может, в Гильдии Олник обживется, станет настоящим побирушником или вором...

Под окнами раздались отрывистые слова, похожие на команды. Джабар с руганью принял к оконной решетке.

— Балто, ах ты жирный ублюдок! Волкодавы из стражи в Гильдии! А я полагал, сюда подтянули только Убийц...

— Стражники — здесь? — А еще Убийцы. Я ощутил холодок между лопатками. Почти полный комплект, не хватает только Правдивых Магов.

Джабар сплюнул.

— Деньги творят чудеса. А большие деньги творят большие чудеса. Ха, просто здорово! Кто-то подкупил Балто и наверняка еще парочку наших старейшин*: с этой демократией Гильдия гниет изнутри; нет чтобы как раньше — один глава, а кто против — тому голову с плеч. Чую, нас погубит коррупция! — Он бросил на меня исполненный злого отчаяния взгляд. — Твои эльфы — просто чертов ком неприятностей, как и ты! Да сделай же что-нибудь с этим конченым гномом! — заорал он, потеряв всякое терпение.

* Ночная Гильдия после Великого Переворота, сместившего Короля, управлялась коллегиально. Основными результатами такого управления явились бардак и прогрессирующая коррупция.

Я вмазал по створке кулаком. Последняя попытка.

— Олник, бесплатное пиво! Кончается бесплатное пиво!

Дверь открылась мгновенно.

— Иду! — В глазах моего друга была смертельная жажда. Даже вампир, коротавший в темнице тысячу лет на одном воздухе, воспоминаниях и изредка тараканах, не сравнится по части жажды с гномом, которому предложили бесплатное пиво.

Вместо долгих пояснений я отвесил ему подзатыльник.

— За мной и быстро!

Мы направились по сумрачному коридору. Я и Джабар впереди, за нами эльфы, позади — гном, изготовивший к бою колотушку. Он так обиделся на подзатыльник, что думать забыл про аллергию. Каменный пол глушил шаги. Встречный народ испуганно влипал в стены, завидев блеск оружия. Джабар что-то кричал им на арго.

Я знал, что вся территория Гильдии спаяна переходами, своеобразным лабиринтом, а в каждом здании соответственно есть несколько отнорков к подземным ходам плюс люки, лазы и прочая потребная для выживания воров мелочь; в общем, это запутанная тайная система, которую вряд ли раскроют перед посторонними даже за очень большие деньги.

Или раскроют?

Сколько стоит наша поимка? Неужели *настолько* много? И чем готовы рискнуть наши враги? И сколько их участвует в облаве?

Путь пролегал через учебную часть. Мы двигались быстро, но не бежали, и я успевал заглядывать в полуоткрытые беленые двери. Там, в бывших кельях, на манекенах, усеянных колокольчиками, подмастерьев учили уводить кошельки, других натаскивали потрошить сундуки и с лету сортировать добычу, третьих обучали хитрому искусству взлома. Нерадивых тут же, на месте, предавали розгам. Подмастерьев было много — получить образование в Ночной

Гильдии считалось престижным, и немало родителей мечтали устроить туда свое чадо.

Впрочем, ничего нового я не увидел.

На одной из дверей крупно было написано: «Лекторий», а ниже — я задержался на миг, чтобы прочитать — было прилеплено объявление.

Магистр Веселин Котятко по кличке «Попаданец» снова с нами!

Цикл лекций:

«Щебет с каторги, или Будь умным и не попадайся!»

Начало: восемь часов, суббота.

Приглашаются только воры высшей категории.

Внимание!

Запрещено проносить пиво и иные спиртные напитки!

Гм, вот как, уже магистр. А ведь только недавно был бакалавром. В Гильдии ученая степень считалась по числу отсидок.

Но на самом деле мерзкая кличка «Попаданец» прилипла к Веселину, ибо он упорно утверждал, что попал к нам из другого мира. В остальном он был нормальный, но слегка с пришибленным видом парень. Я думаю, он толкал эту бодягу, чтобы понравиться девушкам. Они исправно велись на байки про другой мир, полный самоходных карет, летающих кораблей и каких-то болтливых ящиков с движущимися картинками. Совершенный бред, вы не находите?

Иногда на него нападала тоска, и он, — я сам видел — рыдая, начинал посылать небу проклятия: «Они обещали, что я стану здесь великим магом! Они обещали!».

Какие забавные фантазии.

Не знаю, кто такие были *они*, но Веселина крупно обманули. Свою карьеру в Хараште он начал с воровства лепешек, за что и получил первый год каталажки. В тюрьме магии не обучали. Сидельцев в обучение к магам тоже не

брали. Замкнутый круг. Трагедия. Ночная Гильдия распахнула перед ним свои объятия. Ну а Попаданец, словно оправдывая свою кличку, продолжал упорно попадаться. Это была, выражаясь языком людей Востока, его *карма*.

Лучше бы он оставался в своем выдуманном мире, честное слово.

Мы миновали столярную и токарную мастерские; за удивительными станками потерявшие квалификацию ветераны вытачивали отмычки, ломики, дубинки, тут же пробовали их на замках, шкафчиках и муляжах голов.

Я оглянулся на эльфов. У них были озадаченные лица. Да, экскурсия, пускай и беглая, все-таки удалась. Жаль, не получилось лекцию прослушать.

Джабар вел нас одному ему известным путем. Вот дверь, скрытая в глубоком алькове... Ее захлопнули перед самым нашим носом! Громыкнул засов. Морган чертыхнулся, выбирая новое направление.

— Готовьтесь к драке! — процедил он.

Теперь мы уже бежали. Новый коридор. Внезапно прямо из потолка скользнула шипастая решетка, способная своим весом переломать бедренную кость. *Бам-м!* Путь закрыт.

Джабар изрыгнул целый шквал ругани.

— Назад, назад...

Мы повернули назад.

Дверь, которую только что так невежливо захлопнули, медленно приоткрывалась. В проеме обрисовались темные фигуры, блеснуло оружие.

— Вот они!

Жаль, у меня не было арбалета, чтобы выстрелить на голос.

Джабар замер, тяжело дыша, кинул взгляд по сторонам и вломился в ближайшую дверь.

Это был один из складов, где хранился реквизит. Старый вахтер приподнялся из-за стола, но Джабар бросил ему что-то на арго, сгреб со стола ключи и провернул в замке.

— Теперь быстро.

Гуськом мы начали продвигаться мимо стеллажей, на которых лежали разнообразные причиндалы для воровского и нищевородского ремесел, стояли болванки с разнообразными париками, ну в общем, там было много всяких интересных штук, но — надеюсь, вы поймете и простите — у меня нет времени их описывать. Народу тоже было порядочно, Джабар что-то кричал им на арго; кажется, в Гильдии намечался нешуточный конфликт.

Тот самый гoblin, зажав под мышкой ножной протез, озадаченно вертел в руках две таблички: «Подайте безному!» и «Я — мать троих детей!».

Джабар раздраженно указал на первую табличку:

— Вот эта, идиот!

В пространстве, образованном торцом стеллажа и стеной, он произвел некую манипуляцию, раздался щелчок, и панель, замаскированная под стену, отъехала в сторону, бросив нам под ноги широкий клин света.

Мы, точно пробки из бутылки, выскочили в один из дворов Гильдии под вечернее небо. Сбоку навис колоссальный, мрачный храм, окаймленный на высоте второго этажа рядом алебастровых статуй в нишах. Статуи изображали каких-то отвратительных существ, напоминающих оргов. Их руки были растопырены, будто готовились разорвать жертву. От руки к руке тянулись веревки, на которых сушилось разнообразное белье и, в частности, многочисленные панталоны воровской братии, а кто-то — видимо, самый ушлый, вялил таким же образом рыбу.

Ярдах в тридцати виднелось здание трапезной, а ныне — общественной столовой Гильдии, приземистое и закопченное.

Джабар кивком показал на трапезную:

— Туд...

Звеня по плитам подкованными сапогами, из-за угла храма вышел Сколдинг Фрей. На его боку красовалась тяжелая сабля. Проклятого альбиноса сопровождал десяток

сутулых фигур в колпаках и попугайски раскрашенных мантиях.

Правдивые Маги. Самые настоящие, старые и не очень, но каждый — с бородой, которую обязан носить по уставу.

За ними, быстро передвигаясь, появились еще несколько человек, одетых в серое. Невысокие, смуглые, в одинаковых облегающих шапочках из черной кожи, с длинными кинжалами в руках — не Убийцы и не Охотники. Новые отморозки для нашего города?

Позади всех маячил седовласый декан Виллановус — старейший и самый уважаемый карманник Харашты.

Имперский смертоносец пронзил меня таким взглядом, словно я украл у него невесту, венец и священника одновременно.

— Прикончить его!

Клянусь вам, он имел в виду меня. *Только* меня.

И никаких вам пафосных речей.

Изрядно я ему насолил.

16

Прикончить, надо же!

Я швырнул торбу под ноги и вытянул оба клинка. Значит, будем пробиваться с боем. Другого выхода я не видел, мои идеи кончились. Судя по молчанию спутников (ругань гнома я не считаю), их мысли тоже не блистали оригинальностью.

Я крутанул мечи и зарычал как надо, по-варварски, в глубине души чувствуя, что мне не хватает самоуверенности. Эх, где ты, мой топор? Не готов я без него путешествовать, совсем не готов.

Серые выстроились в ряд, перекрыв нам дорогу к трапезной. Их было, пожалуй, человек десять. Раскосые глаза и смуглая кожа обличали выходцев с Южного Континента.

Позади, мелко семена и заметая мантиями пыль, чародеи быстро образовали полукруг, взяв друг друга под локоток. В центре полукруга был обгоревший альбинос, крайние маги положили руки ему на плечи. Сейчас спляшут!

Только ничего смешного в этом не было. Как я уже говорил, волшебство в нашем мире вершится медленно и требует огромных сил, иногда просто несоизмеримых с эффектом от заклęcia. Произнести заклęcie может каждый дурак, обучившийся в магической школе, а вот связать его энергетическими нитями, чтобы оно сработало — на это нужно время. Много времени и еще больше — жизненных сил.

Правдивые Маги были вязальными крючками, ускоряющими исполнение заклęcia Сколдинга Фрея, а также — его энергетической подпиткой. Он наверняка здорово выложился сегодня ночью, чтобы затянуть раны, и не рисковал лезть в рукопашную. Я не знал, какие чары у него на уме, однако вперед он пустил людей в сером. Значит, смертоносец собирался обеспечить им магическую поддержку, скорее всего, не очень сильную, чтобы самому остаться на ногах.

Вопрос: кого нам атаковать поначалу? Вернее, не так — кто из нас рискнет пробиться сквозь строй серых, чтобы вломить Фрею, а заодно и чароплетам, прежде чем смертоносец спустит заклęcie с поводка? Он слишком далеко, чтобы прицельно бросить в него нож.

С боков, точно тени, возникли мои эльфы. Виджи снова заступила мне путь, резвая девчонка! Страх в ней не было и на столечко. Гритт, почему я не родился в эльфийском лесу?

Фрей мазнул по ушастым взглядом и снова уставился на меня. Издалека казалось, что в его левую глазницу вставлен хорошо отшлифованный рубин. Очень... хм, злой рубин.

Я подался в сторону, различив напряженное лицо Джабара. Рядом баюкал колотушку мой гном.

— Вчерашний знакомец, — определил Его Величество Трезвость. — Ты не сказал, что выбил ему глаз.

— И вышвырнул из окна твоей конторы. Живучий, сволочь.

— Злопамятный.

— Ага... Олник! На тебе белобрысый! Выруби его раньше, чем он бросит заклятие!

— Дохлый зяблик... *А-а-атчхи-и-и!* Но как?

— Гритт, когда начнется свалка, прошмыгни как-нибудь... Не мне тебя учить! Если справишься, пиво за мой счет на весь год. Пей — хоть залейся.

Он вскинул на меня горящие глаза:

— Сделаю!

А ведь сделает. Главное — обеспечить гному должную мотивацию.

— Бог-ужасный... — проронил принц.

— Молчать, — отрезал я, сдвигаясь так, чтобы прикрыть своим телом Виджи. — Когда начнется, бежать за мной.

Серые начали выдвигаться вперед.

Ну скрестим пальцы на удачу.

— Пробиваемся к тра...

Тут-то все и случилось.

Ну то есть не все, половинка.

Распахнулись боковые двери храма, и по выщербленным ступенькам во двор сбежали люди в черных блузах Гильдии Убийц (черный — это не столько романтично, сколько немарко, особенно когда твоя профессия связана с частым кровопусканием). За ними, топоча, явились орги. Оба-два, свежие, как огурчики, такие же лысые, красномордые и пучеглазые. Мертвый Язык обзавелся новым плащом, в руке держал клинок с синеватым отливом. Видимо, братец поделился с ним оружием.

— Мест нет, все занято! — с ходу проревел Милашка-Очаровашка, увидав людей Фрея. Он потряс черной, кажется, залитой смолой культийкой. — Я не потерплю! Почему плохая погода?

Надо полагать, вчерашние раны не прибавили ему рас-судка.

Последним из ворот выбрался магистр Ночной Гильдии Веселин Котятко — чахоточного вида мужчина лет сорока. Подобно Виллановусу, что отирался за спиной Фрея, он сопровождал тех, кто его подкупил. Какая прелесть.

Убийцы и Гхашш расположились между нами и людьми в сером. Декан и магистр обменялись нервными репликами. Я расслышал что-то о «старом хрене на ножках» и о «хворой тюремной крысе»; дуайены Гильдии не испытывали друг к другу приязни. Джабар прошелся насчет обоих тоном гробовщика, у которого сбежала пара покойников.

Большей частью, Убийцы тарасились на меня. Эльфов, по-моему, они вообще игнорировали. Я поежился. Не люблю быть в центре внимания, хоть режьте. Тьфу, и резать меня не надо! Маленькие арбалеты в руках некоторых Убийц мне особенно не нравились. Из такого можно легко застрелить человека, всадив с близкого расстояния стрелу в горло или глаз.

Однако интрига усложнилась. Но картинке недоставало цельности. Ее обеспечило прибытие новых действующих лиц: за нашими спинами раздался густой топот и лязг, и из-за другого угла храма высыпал отряд городской стражи. Надраенные кирасы с цветным гербом Харашты (вставший на задние лапы хорек, задирающий курицу), острые пики, круглые щиты, физиономии одна свирепее другой... Впереди рысил капитан Керрит, второй человек в страже после синдика-управителя — здоровенный малый с лицом, напоминающим натянутую на парикмахерскую болванку задницу с глазами. Опытный служака, слегка нервный, впрочем. Шлем нахлобучен по самую переносицу, в заплавленных глазах — отвращение к окружающей действительности.

Еще на бегу у него отвисла челюсть, а когда он разглядел общую картину, то побагровел, как петушиный гребень.

— Эт-то кто? Эт-то где? П-почему, я вас спрашиваю? А я уже ничему не удивлялся.

За спинами стражи виднелся пузатый ректор Балто — очень уважаемый человек, видный специалист по взлому сейфов.

Захлопали окна, пробитые в стене храма: простые гильдийцы заинтересовались происходящим. Балто, Котятко и Виллановус наперебой обвиняли друг друга в продажности. Чистые святые души. Джабар, нервно оглядываясь, покрыл отборной руганью их всех. А потом настала звенящая тишина, наполненная тяжелым дыханием стражников.

Воистину — нам всем, даже тупоголовым Гхашш, нужно было оценить обстановку.

Я стал в непринужденную позу, опираясь на левый клинок; на лицо — само спокойствие. Но какой же вулкан во мне клокотал!

Хлопнуло еще одно окно на третьем этаже. В полутьме обрисовался крючковатый подбородок. Митризен! Вот как, даже он покинул свое логово, чтобы...

Для комплекта не хватает только Охотников. Где-то они бродят, хотелось бы знать?

Ладно, нашей команде отрезали пути к бегству. Впереди — Убийцы и Фрей. Позади — Керрит. С боков — стены: храмовая и наружная, перелезть через которую без подручных средств может разве что великан. Как я уже сказал немного раньше, идеи мои исчерпались. Я попадал во всякие передряги. Но ни разу — в такую, когда моя скромная персона стала бы объектом интереса такого разного, но одинаково недружелюбного народа. От открывшихся перспектив голова шла кругом. За пять лет в Хараште я нажил неприятностей меньше, чем за эти два дня.

Так, минутку, меня помогают Митризен, графиня, Сколдинг Фрей, Свободные Охотники, Правдивые Маги, Убийцы и городская стража. Не слишком сложно для вас? Митризен настроен против меня лично (ну и против гнома в частности), графиня желает мне добра, Свободные Охотники — стремятся отплатить за кровь своих поделельников. Фрей — темная лошадка, он использовал Охотников так же, как сегодня Магов и этих серых, чтобы добраться до

эльфов, но я спутал все карты. Теперь я — его кровный враг, а эльфы — это после, после... Графиня узнала, что я настучал Митризену, и стремится оградить меня от опасности. Митризен, больше не полагаясь на крепкие лбы своих оргов, кликнул подмогу из Гильдии Убийц. Не думаю, что они прикончат меня прямо здесь, скорее доставят к нему на виллу, чтобы... Гритт!

Слишком все запуталось в этой истории. Надо свалить из города, чтобы обрубить концы. Таким образом, я оставляю позади Митризена, графиню, кровожадного альбиноса, Убийц, Магов и Охотников. А эльфы — Охотников и Сколдинга Фрея (знать бы еще, чего он от них хочет). Эх, эльфы, эльфы — ведь это вы обрушили на меня лавину...

А капитан? На кого работает он?

Керрит сам дал мне ответ на вопрос.

Он отдышался и выудил из правого кармана просторных форменных штанов миниатюрный портрет в овальной рамке, а из левого — клочок розовой бумаги с вензелем графини дар Конти на тыльной стороне.

— Так, ты — как там тебя, ни с места! — Он глянул на меня, сверился с портретом, потом скосил глаза на бумажку. — «Фа-тик Джар-си...» Рост... опустим. Вес... опустим... «Телосложение — мощное. Грудь — волосатая...» Гм, гм... «Глаза — карие, взгляд глубокий, пронзительный...» Тьфу, тьфу!.. «Подбородок... мужественный...» Тьфу, тьфу!.. «Особые приметы — красавчик...» Тьфу, чтоб ей провалиться, этой бабе!

Краем глаза я заметил, как брови доброй феи приподнялись, она метнула на меня странный взгляд. Видимо, удивлялась, как это кому-то пришло в голову назвать варвара красавцем от души и без пыток. Впрочем, что взять с человеческих женщин! Я ухмыльнулся, перенося свое внимание на альбиноса. Все-таки он был здесь самым опасным игроком... Не считая меня.

— Стоять смирно! — продолжал гнуть свое капитан. — Ты, как там тебя, этот, пойдешь со мной, голубок!

— Протестую! — тут же взревел Милашка-Очаровашка.

— Он нашшш, нашшш, — добавил Мертвый Язык, выходясь над Убийцами, как черный менгир с охряной верхушкой. — Нашшша плоть, нашшше мясо!

Гритт! Я вспомнил крючья, спрятанные под плащами оргов.

— Не возражать! — взревел Керрит. — Урою, цуцики! Он пойдет со мной!

Эльфы приняли защитную стойку, одну на двоих — ноги чуть согнуты, клинки — горизонтально, рукояткой от груди. Острие меча Виджи направлено на Убийц и Фрея, принца — на стражников. Я зажат между эльфами! Ненавижу, когда меня зажимают, разве что... пусть это сделают две эльфийки. И, Гритт, это я должен их защищать!

Забыл добавить, что Маги, Убийцы, Ночные и стражники ненавидели друг друга. При этом у каждой группировки имелся свой покровитель в Синдикате, что делало ситуацию чрезвычайно запутанной, поскольку Убийцы вовсе не боялись стражи, а Маги — Убийц, ну и так далее по кругу. Ситуация усложнялась тем, что у высших чинов Ночной Гильдии хватило глупости пустить всех этих козлов в свой огород, и простым мазурикам это не нравилось.

Один из Убийц вдруг громко прошелся насчет стражи, и понеслось: обе толпы начали перегавкиваться через наши головы, как стаи собак. Их было примерно равное количество, по полторы дюжины. К воплям очень быстро присоединились воры, которых подзуживал Джабар. О, он знал, что делать! С его губ слетали перлы вроде «Конец нашим моральным ценностям!», «Глядите, до чего мы докатились, мы, честные люди!» и «Позор на наши совместные седины!».

Раскусив, что пахнет жареным, дуайены Гильдии быстро ретировались под улюлюканье из окон.

Крючковатый подбородок Митризена застыл у окна.

Петушинные бои на расстоянии — забавная штука, если только ты смотришь на них из безопасного укрытия. Увы, мы были на переднем крае.

Я дал знак эльфам и сам начал пятиться к наружной стене. Гном не отставал, а Джабар, закончив с криками, присоединился к нашей команде. Нам было нужно пространство для маневра. Увы, торбы мы бросили в центре двора — прощай, эльфийские вещички!

Глаз альбиноса сверкнул, он что-то неслышно сказал Магам. Их строй колыхнулся, поворачиваясь в нашу сторону, сухие пальцы рук начали производить мелкие движения, ни дать ни взять — хор пауков, ткущий совместную паутину. Серые сгрудились на флангах. Теперь между мной и смертоносцем не было преград. Похоже, он решился использовать магию для прямой атаки.

Обстановка между тем накалялась. Во дворе потихоньку становилось слишком тесно для всех нас. Плотные валы отборной ругани гуляли туда-сюда, как по океану. Над ними белой чайкой взмывал дискант Милашки-Очаровашки:

— Плевал я на вас всех с колокольни! Плевал я на вас всех с колокольни!

Молчали только серые да Маги. Первые застыли, ожидая приказаний, вторые, потряхивая козлиными бородами, плели заклятие.

Мы с альбиносом обменялись быстрыми взглядами. Его лицо исказилось в... Кто бы мне сказал, чем мерзкая усмешка отличается от отвратительной ухмылки, а?

Нет, Олнику теперь, конечно, не добежать...

Я заметил, что Виджи держит меч в левой руке, пальцы правой при этом производят знакомое плетение. Магичка, надо же! Думаю, она плела контразаклятие.

Успеет или нет? А если успеет, выстоит ли ее заклятие против совокупной силы дюжины магов и имперского смертоносца? Вряд ли... Тогда... Эх, если бы я смыслил в магии!

— Олник, — сказал я, когда чутье варвара подсказало мне, что сейчас начнется.

— *А-а-атчхи-и-и!*

— Приказ отменяется.

— Чавось?

— Ты не успеешь добежать.

— Но я...

Кипение достигло апогея.

Настала... э-э, зловещая тишина (я умолчу про мрачные тучи).

Ее нарушил скрип тайной панели, сквозь которую мы явились. Из проема, моргая, как огромная заспанная сова, выглянул давешний гоблин. На груди его висела табличка: «Я — мать троих детей!».

Панель снова скрипнула.

Через миг во дворе Гильдии родился хаос всеобщей драки. Убийцы схлестнулись со стражей, а к серым и Магам из храмовых ворот устремились люди Джабара, вооруженные мечами, кинжалами, дубинами и костылями. Защелкали арбалеты Убийц; стражники прикрылись щитами и, сомкнув строй, двинулись на врага. В меня не стреляли. Кажется, Митризен приказал взять Фатика Джарси живым.

— К трапезной! — гаркнули мы с Джабаром в унисон.

Прежде чем строй Магов рассыпался, Фрей вскинул руку, чтобы метнуть в нас заклятие, но из окна храма — очень своевременно и метко — на его голову обрушился некий предмет. Брызнула кровь и осколки черепа. Тьфу ты, брызнуло вино и осколки бутылки. Альбинос зарылся лицом в пыль.

К нам, умело огибая островки хаоса, устремился один из серых людей. Виджи отбила удар длинного кинжала, но серый не снизошел до поединка: он сделал подсечку, и эльфийка, охнув, упала на локоть. Кинжал серого устремился ей в горло.

Я прыгнул, напроць забыв о ноже, который дремал в рукаве. Серый замешкался, выбирая между двумя целями. Ха, он подарил мне это мгновение: клинок Гхашш пронзил ему горло. Он странно дернулся, словно откуда-то из-под

земли его садануло молнией. Добрая фея была не промах: она всадила клинок в печень серого одновременно с моим ударом.

Однако!

На площади взбился вихрь пыли, из которого высывались искаженные, заляпанные кровью лица и руки с оружием. За моей спиной лязгнуло; стражники или Убийцы решили попробовать на вкус эльфийскую сталь. Оглушительно чихнул гном.

Гритт, а мне почему-то казалось, что привести эльфов в Гильдию — толковая затея.

— На-а-аших бьют! — проорал Джабар.

— Бьют, эркешш махандарр! — внес свою лепту Олник.

— Брать живым, шкуру не портить, замариную! — орал Керрит.

— Ненавижу быдло! — гремел Милашка-Очаровашка. — Уважайте чужой труд, имейте совесть!

Я живо представил, как эта тонкая, интеллигентная натура рука об руку с братцем пробивается сквозь толпу ко мне, с душой, исполненной надежд на горячую встречу, и заторопился. Эльфийка привстала, с гримасой боли держась за локоть. Пальцы, сжимавшие меч, побелели.

Не говоря ни слова, я поднырнул, закинул ее на правое плечо и понесся к распахнутым дверям столовой. Понесся сквозь оглушительные *«бам! шмяк! тресь!»*, сквозь пыль, вслепую отмахиваясь левым клинком. Теперь тело девчонки казалось пушинкой. Ну э, зубастой пушинкой: придя в себя, она заколотила по моей спине кулачком.

Я задел кого-то лезвием, взметнулся шлейф крови, сломал Убийце нос краем гарды. Правый клинок Гхашш лежал на плече; локтем я удержал эльфийку под коленки.

Из столовой с поварешками и мясными тесаками спешили куховары Гильдии. Я счастливо обогнул их, метнулся в распахнутую дверь, украшенную памяткой *«Не воруй хоть здесь!»*, и оказался на кухне. Сзади прогремели кастрюли, и вопль:

— Эркешш махандарр, я чуть не обварил свою престель! — возвестил, что Олник благополучно запрыгнул следом за мной.

Я опустил эльфийку на пол. В следующий миг с меня слетела голова.

Я не ожидал, что сила женской пощечины может быть настолько велика. Наверное, потому, что покамест никто из женщин меня не бил. Убить — это да, убить пытались.

— Не смей больше так делать! Никогда.

Она яростно смотрела на меня, золотые пряди разметались, открыв кончики пламенеющих ушей.

Чисто женское проявление эмоций. И это вместо «Спасибо!».

С другой стороны, она ведь могла меня заколоть: тонкий клинок из золотистого металла все еще был в ее руке.

17

Мы торопливо пробирались по узкому коридору, что был завален пустыми ящиками, корзинами и прочим барахлом. Джабар впереди с масляной лампой, как истинный светоч, эльфы в середине, мы с Олником — замыкающие. Под мышкой я держал гхашшевы клинки, в другой руке нес еще одну лампу. Хотя это было нецелесообразно — моя щека сияла ярче самого яркого фонаря, цветом... м-м-м... малиновой фуксии.

Виджи шла прямо передо мной. Тонкий силуэт и развевающиеся волосы... Меч на перевязи за спиной... Опасная девушка: тому, кто ее разозлит, мало не покажется.

Эльфийка, магичка, умелый боец, просто красавица!

А я, дурень, на нее запал.

Двигались в молчании, сквозь спертый воздух, наматывая на себя целые скатерти паутины, свисавшей с крепей. Коридор пролег под храмовой площадью. Над головами топталось стадо слонов, осыпая вниз струйки пыли. Трухлявые неошкуренные горбыли, которыми были обшиты

стены и потолок, ходили ходуном. На площади продолжался кабацкий скандал, я даже расслышал рев Милашки-Очаровашки:

— Освободить проезд! Вас здесь не стояло! Быдло! Быдло!

Как все-таки хорошо, что мы вовремя улепетнули отсюда.

Олник чавкал жареной курицей, украденной с гильдийской кухни. Он успел вломить парочке стражников, сам не получил и царапины: не так легко попасть пикой в вертого гнома.

— Там же было написано: «Не воруй хоть здесь!» — сказал я.

— Правда? — с набитым ртом пробурчал гном и на секунду задумался. — Была такая надпись? Ну ты знаешь, я медленно читаю и плохо вижу. Эркешш, я заглянул в один котел: там варились во-от такенные клецки с маком! *А-а-атхи-и-и!*

Охламон влегкую доведет до бешенства даже тролля, обращенного в камень. Жаль, он не нырнул в этот котел с головой.

Несколько раз сбоку мелькнули ступеньки вверх, но Джабар вел дальше. Звуки побоища смолкли, воздух стал сырым, мы, очевидно, спустились еще ниже под землю. Наконец, минут через пять-шесть, мы выбрались по заплесневелому кирпичному колодцу в пыльный безнадзорный подвал. Скобы лестницы проржавели и шатались, в общем подъем вышел малоприятным, если не считать, что я поднимался следом за Виджи и... умолчу. Женский охотничий костюм, надо же... гм...

Подвал вывел на Крысиный пустырь, недалеко, полускрытая домами, вздымалась громада храма. Оттуда доносился металлический грохот. Видимо, слоны еще не закончили выяснять, чьи взгляды на жизнь праведней.

Опускались сумерки, луна проступила на голубовато-сером небе серебряной монетой.

Перебежками сквозь нищие грязные переулки, распутивая кошек, мы двинулись за Джабаром. Прохожие сомнительного облика уступали нам дорогу. Впереди показался еще один пустырь, который местные жители использовали для разведения крыс, сорных трав и редких видов мусора. Там стояла большая, запряженная четверней белая карета, украшенная свадебными ленточками и увядшими цветами. Возле нее крутилась стайка местных оборванцев.

— Мы здесь, родной! — крикнул Джабар издалека. — Готовь букет невесты!

Дядька в лакейском мундире оглянулся, шелкнул кнутом ближайшего задрыгу и, привстав с козел, сердито ответил Моргану:

— Я тут ежа родил, пока вы добирались. Того и гляди, огреют какой-нибудь радостью и разнесут карету по дощечке. А она казенная, между прочим! — Он отложил кнут и привстал. На груди у него цвела пышная алая бутоньерка.

— Не тренди про свой геморрой, — хмыкнул Джабар, ловко взбираясь на козлы.

Я приоткрыл дверцу, пропуская эльфов. Забрался сам, втянул Олника, и тут же карета тронулась.

Джабар крикнул:

— Следующая остановка — порт!

Спасибо, а то мы не знали.

* * *

Карета тарахтела по мостовой, мелькали огни фонарей. Мир сквозь широкие витражные окна казался расплывчатым, нереальным. Эльфы сидели спокойно, положив оружие на колени, однако чувствовалось, что внутри они — как стиснутые пружины. Олник, как обычно, чихал.

У меня появилось ощущение, что я оставляю Харашту навсегда. Новый этап моей жизни, м-м-м, не люблю такие вещи. Особенно когда этап начинается с того, что тебе в спину дышат отпетые головорезы.

Джабар постучал в потолок:

— Э, молодожены! Все четверо, я к вам обращаюсь! Через Кривошлепа я договорился с Посыльной Гильдией. Варвары Джарси пользуются хорошей репутацией, так что вам дали приличную скидку. Правда, когда они узнали, что придется взять еще и гнома, скидку устроили и вписали в счет!

Олник фыркнул. О, мне почудилось или по губам эльфийки скользнула улыбка? Все-таки она небезнадежна. Я решился поймать ее взгляд — и натолкнулся на две серые льдинки.

Вопрос о поврежденном локте отпал сам собой. Я задумался над ее будущей семейной жизнью. Сладить с такой дамочкой дано не всякому. Сразу отмечаем ублюдков, которые бьют женщин, — этим она просто отрежет руки, и поделом, прямо скажем. Нужна сильная личность, чтобы укротить ее норов. Личность, обладающая *весом*. Может, троль сгодится?

Виджи наверняка читала мои мысли: ее взгляд обжег холодом. Я посмотрел исподлобья. О-о, снова это гипнотическое мерцание! Далекие холодные звезды... Я воспарил среди них невесомой птицей и страшно удивился, когда эльфийка отвела глаза первой. Боги, да она *засмущалась*! Нервно стиснула тонкие пальцы, повернулась к принцу, что-то произнесла.

Я ощутил потребность поделиться с ней чем-то теплым, но не слишком личным:

— Кха... Кхм... Спасибо за панталоны.

Оба эльфа уставились на меня как на идиота. Я прикусил язык.

Черт, говорила мне Марлина, бери уроки куртуазности и хороших манер, говорила!

— А мне синие достались, — задумчиво сказал Олник.

Мы ехали около получаса и выбрались из кареты в районе портовых складов — это место совершенно обезлюдело после того, как пираты Кроуба закрыли для Харашты выход к морю.

Небо было свинцового оттенка. На западе собиралась дымная тьма. Подсохшая кровь на мечях Гхашш казалась черной, как деготь.

— Дальше пешочком до самой Морской Биржи, — молвил Джабар, спрыгнув на мостовую. — Но сначала переждете в одном месте, пока я *погляжу*, что да как.

То и дело оглядываясь, Джабар повел нас по тропке между тыльными сторонами пакгаузов. *Одно место* оказалось бывшим засолочным цехом. Вонь тут стояла — хоть вешай топор (не мой, разумеется, мой топор бы здесь задохнулся). Заплесневелые сальные бочки, такие же разделочные столы. Кусковая соль с черным налетом в открытых рундуках. Отсюда ушли даже крысы.

— В таких местах хорошо предаваться размышлениям, — подумав, сказал Олник. — Тихо и ничто не отвлекает.

Эльфам поплохело почти сразу, они стали у приоткрытой двери, принц оказался слабее в коленках — несколько раз его чуть не вывернуло наизнанку. Не знаю, как выглядят вывернутые наизнанку перворожденные, но сомневаюсь, что так же царственно, как снаружи.

Я буркнул что-то ободряющее, на что Виджи испепелила меня взглядом.

Да-а, так недолго потерять работу. Глядишь, после всех перипетий эльфы раздумают брать меня в качестве проводника, и теперь уже мне придется их упрашивать.

К счастью, Джабар вернулся быстро.

— Вроде тихо. Карлики готовы, в гавани уже опускают запорные цепи. Лошадей давно отправили через городские ворота, это выносливые животинки, а с ними ишачонок по имени Чахоточный Чох для нашего гнома. К тому времени, как вы прибудете в Текно, они уже будут вас ждать. Деньги творят чудеса, а большие деньги творят большие чудеса, верно?.. Что с вами, господа *ненаглядные*? — прикинулся дурачком он. — Мать честная, да вам, никак, *плохо*?

Мы поспешили выйти. Редкие рваные облака воло-

чилились по темно-серому небу, луна светила все ярче; со стороны моря уже наполнился туман.

Джабар покрутил головой, недоуменно пожал плечами:

— Яханный фонарь, с тех пор как я уселся на козлы, мне все кажется, что за мной следит какая-то сволочь. В голове, что ли, дырка? Чепуха!

Я поймал взгляд гнома. Тот чуть заметно кивнул и показал два пальца. Верно, Олник: тварь, которую я прикончил, не одна. И, может, этих тварей даже не пара, а куда больше.

Эльфы обменялись певучими фразами, я расслышал тревожные нотки. Похоже, они кое-что знали про крылатых уродов. Ладно, расспрошу позже. Твари следят, но не нападают, это главное.

Мы снова, петляя, углубились в лабиринт пакгаузов. Чем ближе мы подходили к Поющей Помойке, тем гуще становился туман под ногами. По моему телу прошла дрожь — еще несколько минут, и прощай, Харашта!

— Джабар... — окликнул я.

— А?

— Мне жаль, что так вышло.

— О чем ты?

— Заварушка в Гильдии. Мне жаль, что ты так здорово влип...

Он хохотнул:

— Ерунда! Ты со своими эльфами провернул то, на что у меня не хватало духу много лет. А теперь... Вот оно, время, когда можно все изменить. Гильдии нужна *одна* голова, смекаешь? — Его лицо стало непривычно жестким. Я смекнул. Одна голова на плечах, остальные — с плеч. Сегодня ночью это случится. Бедный Веселин Котятко...

А насчет одной головы он, кажется, имел в виду себя.

Я не стал уточнять.

Впереди показалась Поющая Помойка. Теперь по ночам это место словно вымирало. Тишь да гладь... Несколько бродяг дремали там и тут, возвышаясь в голубоватом тумане

как болотные кочки. В портовых кабаках едва теплилась ночная жизнь — ни тебе драк, ни пьяной ругани. А в харчевне Лысого Арти вообще окна закрыты ставнями. Чудно, в это время у него должны быть хоть какие-то посетители.

Корабли темнели на спокойной воде.

Тишина. Ни голосов, ни скрипов.

Джабар указал на тусклый, чуть заметный огонек вдали:

— Восьмой пирс, карлики ждут не дождутся. Радуйтесь, господа эльфы: час избавления пробил!

Мы сделали по набережной только десяток шагов, когда один из спящих бродяг — жуткий тип в грязных бинтах с головы до ног — вскочил и яростно затарахтел в свисток.

Дверь харчевни с грохотом распахнулась, клин оранжевого света закрыли черные силуэты. Они выбегали наружу один за другим, в их руках блестели...

— Назад! — заорал я.

Что-то свистнуло мимо моей щеки, что-то задребезжало по камням. Люди из харчевни, перекрыв путь к восьмому пирсу, садили по нам из легких арбалетов. С расстояния в двадцать ярдов трудно было сделать прицельный выстрел, но луна светила ярко, очертив разбежавшиеся по набережной фигуры серебристой каймой, а это значило, что и мы — такие же подсвеченные мишени. Я расценил наши шансы на благополучное отступление как пятьдесят на пятьдесят.

Ошибся. Спящие бездомные (или бездомные спящие) начали вскакивать, раздались глухие шлепки спущенных тетив. Подонки стреляли по нам почти в упор!

Тип, замотанный в грязные бинты, что-то прокаркал, вскидывая арбалет. Он выстрелил в меня, целя в горло. И он бы попал, точно вам говорю, если бы на пути стрелы вдруг не оказалась эльфийка.

Вдруг — именно то слово. Виджи двигалась с непостижимой скоростью. Только что она была сбоку и вот уже передо мной, вскидывая меч, чтобы отбить стрелу.

Я думал, стрелы отбивают только в сказках...

Точно, в сказках! Гритт! Виджи молча рухнула на колени, железная стрела тускло блеснула под ключицей.

Человек в бинтах выругался, и я узнал его — Пан Кралик, недорезанный Охотник. Значит, вот кто хочет нас прикончить. Да, Охотники не прощают унижений. Они готовы пойти на любые жертвы, лишь бы сохранить лицо.

Эльфийка стояла на коленях, чуть покачиваясь, словно ее колыхало ветром.

В следующий момент меня захлестнул амок.

Я метнулся к Кралику, и — никаких тебе воплей ярости, рева и другого непотребства — ударом левого клинка переломил ему обе руки, занятые перезарядкой арбалета. Когда я с ним закончил, Охотник напоминал статую с отбитыми конечностями и где-то позабытой головой.

Над самым ухом слышались «*банг! банг!*» арбалетов, но моему амоку было наплевать. Я превратился в жнеца, в смертельный вихрь, в грозу с двумя разящими молниями. Смертные вскрики Охотников звучали для меня райской музыкой. Я убивал стремительно, разил наповал одним ударом, перепрыгивал тела, чтобы добраться до живых врагов. Один из «бродяг» запустил в меня арбалетом, другой извлек кинжал, третий попытался ретироваться к дальней группе Охотников. Я убил всех троих за три мгновения, достав последнего в спину между лопаток. Двое Охотников решились атаковать меня с боков. Я уложил их почти одновременно, различив блеск ужаса в их глазах. Да, добренький варвар Фатик, простой торговец женскими корсетами, посмешище крутых парней Харашты, и вдруг озверел.

Вот и все. Раненых нет. Мой амок пропал.

Я тяжело оперся о клинки, пытаюсь отдышаться. В глазах плясали звездочки и цветные круги. Не знаю, сколько энергии я вложил в эту эскападу, но явно не так чтобы мало.

Принц хлопотал подле Виджи, пытаюсь ее поднять. Ему помогал Олник. Лицо эльфийки было неподвижным, мертвенно-белым, будто отлитым из алебаstra.

Со стороны харчевни Лысого Арти накатила волна мощной алхимической вони. Я посмотрел и не увидел ни одного Охотника, который бы удержался на ногах. Они ползали на карачках или извивались как змеи, и все до одного — блевали. Некоторые пытались разорвать на себе одежду, как грешники, впавшие в раж покаяния.

Кто-то дернул меня за рукав.

— Один бросок! Оклыгивай скорее!

Джабар со свежей ссадиной от стрелы на щеке. Он швырнул *бодрячком покойника* в Охотников, тем самым дав нам шанс улепетнуть.

Я перевел дыхание, борясь с тошнотой — даже на расстоянии в двадцать ярдов *покойник* вонял с исключительно зверской страстью.

— Проклятие... Ты мог бы сделать это еще в Гильдии, не подставляя наши головы под удар.

Он уставился на меня так, будто я сморозил несусветную глупость.

— Чтобы я загадил родной дом? Ты меня за подонка принимаешь... *головорез*!

Олник зашел сбоку, чихнул и жалобно поглядел на меня:

— Фатик. Там... Короче, стрела хитро попала... Видал я такое, когда мы в Зеренге с северянами тягались... Дела плохи, она умирает.

18

Я нес эльфийку на руках, я почти бежал, устроив ее голову на сгибе локтя. Всякий раз, когда я опускал глаза, я наталкивался на ее взгляд. Она смотрела на меня, не мигая. Дышала прерывисто, я слышал всхлипы. Железная стрела вошла под ключицу до половины и слегка приподнималась от дыхания. От этого мне делалось жутко.

Рядом пыхтел Олник, тащивший мои мечи и клинок эльфийки. От напряжения он даже забыл про свою ал-

лергию. Принц и Джабар поотстали: владетельный эльф, одержимый запахом *покойника*, решил проверить, что же он съел на ужин. Морган его урезонивал:

— Не время забавляться, о *ненаглядный*! Враги рядом! Вставай и пошли! Да ты как дитя малое, эй! Вставай, говорю, чудозвон!

Кровь эльфийки обожгла мою руку и часто закапала с пальцев. Меня начал колотить озноб.

Гритт, Олник прав: наконецник задел артерию...С такой раной человек живет недолго, может, четверть часа. Вытащи стрелу, и он умрет за считанные минуты.

А эльф?

Проклятие...

Я подумал так: если она умрет, я вернусь и вырежу всех Охотников, убью всех причастных к этой конторе, стариков, женщин, детей. Найду и убью Сколдинга Фрея, будь он хоть трижды лучший смертоносец Внешнего Круга. Никакой пощады. Никакого амока. Только холодный злобный расчет.

Ее губы дрогнули. Она что-то сказала — неслышно, будто про себя. Все еще осмысленный взгляд — теплый и печальный. Гритт! Не смотри на меня так, слышишь? Не надо, я не хочу, чтобы до конца моих дней перед глазами стояла эта картина. Я убью их, нет, не проси за этих скотов на пороге смерти! Ты читаешь мои мысли? Я знаю, ты читаешь... Тебе *придется* жить, иначе я вернусь и перережу полгорода, прикончу всех, кого считаю ублюдками, недостойными жизни. Ты слышишь меня, добрая фея? Не умирай, иначе я вернусь и буду убивать. Ты меня слышишь?

Услышала.

— Фа... — вымолвила она, — ...тик...

«Слон купается». Небо! Даже на пороге смерти — моей или чужой! — я никому не расскажу, что означает мое варварское имя.

— Молчи... добрая фея.

— Мы... вас...

— Молчи! Тебе нельзя говорить!

— Об... — Она задышала хрипло. — Об... ма... ны...

— Да, я знаю, брехали. Плевал я на контору, Виджи. Забудь. Не разговаривай. Дыши!

— Н-не... Н-нет... Наша ложь... — Глаза ее затуманивались. — Сейчас... Я... прощения... прощения...

— Молчи!

— *А... аллин тир аммен...*

Вот и восьмой пирс. Желтый огонек приветливо сиял на заостренном носу бота. С двух сторон, почти строго посередине корпуса, бот украшали высокие гребные колеса, будто снятые с водяной мельницы. По слухам, вращались они при помощи загадочного устройства, объекта гордости коротышек и плода смертной зависти гномов. Ни одной мачты, маленькая надстройка на корме. Палуба завалена тюками с грузом — да, от морской блокады работы у коротышек прибавилось.

— Батюшки! — ахнул Олник. — Карликов *самоход*!

— Не... называй их... карликами на борту. Они коротышки.

— Гномья курва!.. Я помню.

Сходни были опущены. Возле них копошились три маленькие тени. Еще одна, неподалеку, отвязывала канат от причальной тумбы.

— Свои, от Джабара, — крикнул я, пробегая по сходням.

— И я свой! — добавил гном. — За все уплачено, так-то!

Тебе бы следовало добавить — эльфийским золотом, Олник.

Навстречу нам шагнули двое коротышек. Один спешно зажег свечной фонарь, второй поправил кепку с длинным козырьком.

— Я скипер Мокли, — представился он. В его голосе звучала плохо подавленная гордость. Да уж, единственный капитан-коротышка в Хараште, а может, и на всем белом свете. Помощник осветил его лицо фонарем. Мокли (черт знает, как его звали по-настоящему) был пожилым и грузным, чувство собственного достоинства распирало его

и синюю форму Посыльной Гильдии в равной степени. — Я осведомлен, что с вами едет чрезвычайно опасный гном. Пожалуйста, скажите вашему гному...

— После! — Кровь Виджи капала с моих пальцев. — У нас раненый! Нужна каюта, лекарства, спирт! Великая Торба, быстрее, умоляю!

Сзади раздались тяжелые шаги. Джабар, отдуваясь, нес на плечах эльфийского принца.

— Сомлел. — Он сгрузил эльфа на палубу, рядом положил его меч. — Эй, друг, ты жив? — Совсем не дружески он отвесил принцу две плюхи. Тот застонал, слабо пошевелился, потом ошеломленно уселся на палубе. Джабар вскочил и подошел ко мне. — Что с ней? О-о-о, демоны!

Глаза Виджи были широко открыты, я слышал, как слабеют удары ее сердца.

Держись, ну пожалуйста, держись!

Мокли оказался расторопен. Он бросил короткий взгляд на девушку и что-то скомандовал на своем языке. Тени карликов зашмыгали туда-сюда, производя шума не больше, чем на пару медяков.

— За мной.

Он взял у помощника фонарь и, петляя между огромными тюками, свел нас в грузовой трюм, где среди туго набитых почтовых мешков, опечатанных ящиков и корзин уже стелили парусину.

— Вот тут, и скажите опасному гному...

Я зарычал на него. Мне показалось, что тело Виджи стало невесомым от вытекшей крови. Я уложил ее на парусину, сделал скатку под голову дрожащими руками. Она не отрывала взгляда от моего лица. Короткие поверхностные вдохи... Гритт! Я видел такое, видел много раз... у умирающих врагов и у тех, кого не смог уберечь от вражеских ударов. Почему-то людям непричастным кажется, что меч или стрела в большинстве случаев убивают мгновенно. Чик, щелк, и добро пожаловать на небо. Увы, это не так.

Коротышки принесли еще несколько фонарей. Под руку мне ткнули какай-то ящичек и склянку с прозрачной жидкостью. Очевидно, спирт.

Мокли кашлянул над ухом:

— Отплытие через три минуты.

Я похороню ее в море...

Гритт, нет!

Так, выдернуть стрелу... проталкивать нельзя, это стократ опаснее. Обтереть спиртом рану или залить... Несколько капель в рот: это продлит... агонию. Не обманывая сам себя: разорванная артерия — смерть. Только искусные лекари, настоящие гении, способны сшить магистральные сосуды, глубоко вскрыв рану, чтобы добраться до артерии. Или маги. Но я не маг и не лекарь, я простой варвар. Я попробую. Я должен сделать хоть что-то... Холодно, рассудочно, без паники.

Только не смотри на меня так, пожалуйста!

Чья-то рука опустилась на мое плечо. Хватка пальцев показалась мне железной.

— *Тион отваэ! Ор талло варон!*

Принц очнулся удивительно быстро.

— Что?

— Вон изыди! *Тион, тион!* Хочешь вкусить плоды ее жизни? Изыди. Я поддерживаю ее рану. *Арат ил.* — Он махнул рукой на коротышек, оставленных мне в помощь. — Вон!

Взгляд у него был твердым, как скала. Брюзгливость, казалось, навсегда отпечатавшаяся на лице, сошла; вокруг носа и рта залегли складки.

Я вспомнил утро в доме Бренка и поверил ему. Эльфийская магия или что-то иное, но это сработало тогда, вдруг да сработает сейчас? Нельзя видеть? Хорошо, ладно. Только спаси ее, иначе я выкину тебя за борт.

Я придал коротышкам верное направление пинками и сам ретировался, пятясь по ступенькам, и не отрывал взгляда от ее лица до тех пор, пока его не загородил бимс потолка.

На палубе, облокотившись о планшир, стоял будущий глава Гильдии Воров. Он молча смотрел на меня, поглаживая ссадину от стрелы большим пальцем. Я качнул головой:

— Эльф лечит эльфа. С обычной медициной шансов нет.

Он прицокнул языком:

— Девчонка заслонила тебя от стрелы. Не видывал такого, да что там, я о таком и не слыхал. Я, знаешь, теперь зауважал *ненаглядных*. Яханный фонарь, ты только подумай: она заслонила тебя от стрелы! Не поскользнувшись, не по пьянке, сознательно! О таком надо книги писать!

Я кивнул. В моей голове был туман, сердце отчаянно колотилось. Я хотел быть там, рядом с Виджи. Если она умрет, я хотел быть последним, на ком остановится ее взгляд. Она словно пыталась мне что-то сказать глазами, и я почти услышал, почти понял ее.

Джабар смерил меня взглядом:

— Тебе бы переодеться, весь в крови.

— Черт с ней, с одеждой. Мокли сказал, отплываем через пару минут.

— Знаю. Все, мне пора. Ух, устроим мы сегодня резню втихаря! — Он вдруг начал выгребать из тайных карманов свои воровские игрушки и совать мне в руки. — Бери-бери. Один *бодрячком покойник*, моя любимая крапленая колода, хитрые кости, отмычки, тебе все сгодится, коли подпишешься на поход. Едрическая сила, надеюсь, твоя эльфийка оклемается!

Моя?..

Я начал рассовывать подарки по собственным карманам, с особой осторожностью спрятав запаянную склянку с *покойником*. И правда — неизвестно, что случится в пути. Может, и карты сгодятся. Хотя бы — скоротать вечерок у костра, обыграть гнома и насладиться его воплями.

Если только эльфы играют в карты.

И если...

Заталкивая в карман кожаный футляр с карточной колодой, я наткнулся на липкую от крови бумагу и выругался.

— Гритт, письмо дедушке!

Джабар, уже занесший ногу над сходнями, обернулся:

— Важное?

— Слезное! Прошу восстановить меня в клане. Приношу извинения.

— Называешь себя дурнем?

— Примерно. Набросал сегодня в твоей келье.

Он вздрогнул:

— Э-э, на моей бумаге? Моими чернилами?

Я оторопел. Какой странный переход от редкостной щедрости к скаредности и скопидомству!

— Ну да, еще и пером, которое ты лично выдернул из гушиной задницы. А что? Что тут такого?

Он замялся.

— Да ничего. Демоны, давай его сюда. Давай-давай, я сам его отправлю. — Он буквально вырвал письмо из моей руки. — Перепишу честь по чести и отправлю. Бывай! И да хранит тебя... Ну если веришь во всю эту ерунду... Бывай! И, это, коли будешь в Хараште — забредай на огонек. — Он просиял улыбкой, соскочил на пирс и припустил бегом.

Я подумал о том, что буду делать, если она умрет. Мне придется отдать долг чести: я пойду за этим принцем, куда он скажет, потому что это было и ее дело тоже. А потом вернусь в Харашту и расправлюсь с Охотниками. Как-то так.

Стоя за штурвалом, Мокли отдал команду, и коротышки отпихнулись от причала тупыми концами багров. Раздался негромкий плеск, палуба вздрогнула: без пыхтения и скрежета заработали колеса, вспенивая масляную воду.

Внезапно я услышал перестук копыт: на пирс вылетела увешанная сияющими фонарями лакированная коляска, запряженная парой лошадей (да не удивит вас такая

подробность: часто в коляски и кареты впрягали ездовых огров — дорого, престижно, вдобавок некоторые огры умели развлекать седоков песнями). Коляска протарахтела мимо Джабара, едва не спихнув его в воду. Кучер остановил ее возле тумбы.

Гритт, новые враги? Или кто-то из старых? Ничего, бот уже отошел на десять ярдов, перепрыгнуть не успеют.

Из коляски, немало меня удивив, выскочил Сквирелл Бло, синдик первой ступени и по совместительству — главный заморыш Синдиката. Он был в золотистой ночной рубаше с меховой оторочкой. Мой бог! Он так торопился, что не снял сеточку для волос! Вытянув тощую шею, он нашел меня взглядом и простер руки, будто собирался топить от несчастной любви.

— Фа... Фа... Фаратик Джорсье! Именем Синдиката требую остановиться! Остановитесь, иначе вас казнят! Мы применим силу, Франтик Джорасье! Вернитесь, я требую... настаиваю... умоляю!

Я всмотрелся в его маленькое хищное лицо и понял, что он испуган, ужасно испуган. Испуган до визга, до смерти, до мозга костей.

Так... Я поглубже вздохнул.

Что происходит? Теперь мои эльфы понадобились и Синдикату. Да что же это? Чем они так ценны? Гритт, самое смешное, что и я, Фатик Джарси, понятия об этом не имею, продолжая играть втемную, по эльфийским правилам.

— Остановитесь, Фонтик Джавизье! Заклинаю!

Я молча показал ему неприличный жест и застыл в этой позе, ибо из черноты коляски высунулся крючковатый подбородок Митризена! О, черт! Да он как клещ, в самом деле! А где же орги? Неужто полегли в драке?

Моя Денежка не проронил и слова, он, мне кажется, даже не смотрел на меня. Он... он смотрел на восходящую луну, и я вдруг ощутил, почти увидел тонкую хрустальную нить, протянувшуюся от бота к покалеченному эльфу. Гритт, а ведь он слышал... нет, впитывал сейчас то, что творил с Виджи принц.

Древняя волшба? Плевать тысячу раз, волшба это или нечто иное, только спаси ее, эльфийская морда!

Сквирелл Бло, разумеется, слышал одного себя. Верно истолковав мой жест, он начал взывать к коротышкам, дабы они развернули судно. На счастье, Посыльную Гильдию патронировал другой синдик, а если бы коротышки все же вздумали развернуться, я бы предъявил им два стальных, остро заточенных аргумента против этой затеи.

Синдик продолжал верещать. Он сулил мне навозные кучи золота, небо в алмазах, сотни девственниц в личный гарем и тысячи безумных казней одновременно. Наконец до него дошло, что дело пахнет тухлой крысой, и он начал осыпать меня проклятиями.

— От морского ветра случается горячка! — крикнул я, в то время как его фигура отдалялась. Карликов самоход набирал скорость: плицы колес перемалывали воду гавани, оставляя за кормой веер брызг.

Хрустальная нить оборвалась со звоном.

И тут Моя Денежка, король всех должников Харашты, выпрямился в коляске во весь свой малый, почти карликовый рост, простер руки-ветви к луне и пронзительно завыл.

Яханный фонарь!

Тоскливый вой Митризена продрал меня до костей. Казалось, воздух в легких заимодавца никогда не кончится. Он бесконечно тянул тоскливую плачущую ноту. Затем прервался и что-то приказал синдик.

Сквирелл Бло, похожий на мелкого жука-бронзовика в своей ночнушке, забрался в коляску, та развернулась и куда-то укатила. Ну нет, они не успеют поднять цепи — портом заведует другой синдик. Пока они договорятся, мы покинем гавань. И никто, кроме коротышек, в здравом уме не решится выйти из гавани прямо в руки пиратов Кроуба. А за городом — ищи нас свищи. Мы можем отправиться на запад или на восток, пристать к любому из прибрежных поселений. Слишком много людей понадобится, чтобы нас изловить.

Хотя... Митризен или Фрей при наличии денег могут забросить сети... А в их желании нас поймать я не мог усомниться.

Гритт, оставим.

Я оглянулся в поисках Олника. Где этот прожорливый клоп? Он не пошел со мной в трюм, знал, что от его чихов помощи будет немного. Поди найди его среди тюков. Наверняка уже где-нибудь спит или тайком крадет еду на камбузе. Что ему до эльфийки?

(С другой стороны — что он эльфийке? М-да...)

В душе у меня было беспросветно.

Принц с диковинным именем вдруг возник из полумрака. Он плыл над палубой, будто тень. И выглядел примерно так же. Глаза и щеки ввалились, нос заострился. В свете полной луны он казался отощавшим вампиром. Ну да, вампирам самое время для прогулки: они же встают из гроба только по ночам.

Гритт, зачем ты упомянул о смерти?

Он взглянул в сторону пристани, усмехнулся краем рта и кивнул — кивнул совершенно удовлетворенно, даже — самодовольно и несколько кичливо. Затем показал мне стрелу, зажатую в кулаке.

У меня перехватило дыхание.

— Она?..

Принц сделал неясный жест, при этом уголки его губ опустились. Покачал стрелу на ладони и швырнул в воду. Бросил на меня странный, угрюмый взгляд. Он словно обвинял меня в чем-то.

— *Аллинн тир аммен.*

Почему я не говорю по-эльфийски?

Я заметил, что он в одной сорочке, заляпанной кровью.

— Я выкупил. Сделал жест. Бог-ужасный, что я сделал! Мои молитвы до свидания. *Аллинн тир аммен.*

Он взглянул на меня так, будто в этом самом *аммене* был виноват один я, будто я украл его с эльфийского капища, вульгарно сунул в карман и дал деру на ободранном сопливом лошаке.

Я не потребовал перевода. Я знал, что он не скажет.

— Она жива... и будет жить?

— Воистину так.

Клещи вокруг моего сердца разжались.

— Не вполне долго.

— Что? Что значит — не вполне долго? Поясни!

Он вытянул лицо в угрюмую гримасу.

— Сбереги дыхание. Не в наш срок. Так.

Не в ваш? То есть она перестала быть бессмертной?

— Проклятие! Объясни!

— *Аллин тир аммен.*

С его лица на меня внимательно смотрели глаза старика. Я решил не продолжать допрос. Все равно не скажет.

— Я хочу ее видеть.

Он молча развернулся и зашагал между тюков, пошатываясь, будто пьяный.

Она лежала на спине, укрытая под подбородок парусиной, повернув голову так, что из-под тусклых волос обнажилось острое ухо. Спала. Круги под глазами и горестные складки у рта, но выражение лица безмятежное, как у ребенка.

Мне захотелось стиснуть ее ладонь в своей руке, передать свое тепло и силу хрупкому телу. Я протянул руку, чтобы убрать со щеки выцветшую прядку, но принц стремительно сжал мое запястье.

— *Тион!*

Голос ожесточенный, словно я вместе с прядкой намеревался прихватить девичью непорочность или что-то подобное, гм, тот самый *аммен*, будь он неладен.

Принц загородил Виджи, глядя на меня исподлобья.

— Я млею от мысли и злобен! *Тион!* Изыди!

Я рыкнул негромко, но не стал спорить — лечит тот, кто умеет. А кто не умеет — тот не должен мешать.

— Хорошо. Я скажу коротышкам, чтобы принесли воды и пищи.

— *Аллинн тир аммен.*

Это прозвучало в мою спину как проклятие.

* * *

Вскоре мы проплыли мимо сторожевых башен гавани — массивных и коренастых, готовых метать каменные ядра катапульта в пиратов Кроуба. Это все, что осталось у города для защиты со стороны моря после того, как пираты сожгли хараштийские боевые галеры, коварно (о да, на это они мастера!) подобравшись к ним вплотную. Говорят, они подкупили... Черт, забудем. Теперь это не моя беда.

Нам подмигнули чуть видным огоньком. Мокли отдал команду, и фонарь на носу бота погасили. Впрочем, это была лишняя предосторожность — горизонт затянула белесая мгла. Пираты, конечно, ошивались поблизости, но верткий самоход коротышек был готов в любой момент прижаться к берегу.

Мы двигались удивительно плавно. Наверняка мягкость хода обеспечивал и штиль — бот совсем не раскачивало. Это было хорошо. Это было очень хорошо... для раненой.

Ночной город сверкал и переливался за спиной грудой огней в камине. Где-то там, в одной из лавок, ночевал мой топор. Он был единственной вещью, о которой я жалел, покидая Харашту.

Раздобыв пресной воды, я кое-как отмылся у шпигата и выстирал одежду. Мне предложили поесть, но я отказался. Никакого аппетита в... м-м-м, подвешенном состоянии. Что удивительно — даже выпить не хочется. Впрочем, коротышки не предлагали ничего, кроме воды, спирт на борту разрешалось использовать только в медицинских целях.

Мокли подходил дважды с вопросами про опасного гнома. Я только пожимал плечами. Ну откуда ж я знаю! Наверное, прыгнул за борт, поганец, с утра мается дурным настроением, или аист унес — домой, к родителям.

Я начал уже выбирать место для того, чтобы прикорнуть, как друг кто-то дернул меня за рукав.

— Фатик! Эй, эй, Фатик!

— Олник? Паршивец, ты где был, чем занимался?

Мой старый товарищ придерживал штаны рукой. Его лицо было мокрым, волосы слиплись, глаза блестели естественно ярко.

— Не знаешь, где можно украсть веревочку?

— Тебе зачем?

— Я порвал свой пояс, нечем подвязаться. А на тюках очень толстые канаты...

— Будь я проклят! Ты что, собирався повеситься?

Он набрал воздуха в грудь.

— Поклянись, что никому не расскажешь!

— Да чтоб меня разорвало. Клянусь, никому не расскажу о том, что ты собрался вешаться на самоходе карликов.

— Я... ухх! Я узнал их страшную тайну!

— Это что-то насчет цвета их белья?

Гном был настолько взволнован, что ни разу не обиделся на подначки. Он пугливо огляделся, но коротышек поблизости не было. К тому же мы стояли у самого щита, что закрывал палубу от брызг колеса. Плеск воды отлично заглушал звуки речи.

— Короче, раз уж я оказался на самоходе, я решил помереть, но вызнать их секрет! Сунулся туда, сунулся сюда — везде закрыто, не пролезешь. Ох уж эти змеюшки, *барановые ойники*, все-то им надо запрятать!

— Они разнервничались, когда узнали, что повезут гнома. Они посчитали тебя опасным.

— И правильно! Правильно!.. Так вот, тогда я решил: не изнутри, так снаружи, не мытьем, так катаньем! Не может быть такого, чтоб не отыскалось щелочки, в которую можно подсмотреть, эркешиш махандарр!

— Гм, это прямо как тот случай на бульваре Веселых Монашек... Я тогда едва тебя отбил.

— Ай! — Он махнул рукой и подхватил сползшие было штаны. — Я обследовал эту лоханку, облазил сверху донизу; ведь не может так быть, чтобы не было ма-а-ахонькой щелочки...

— Переходи сразу к делу.

— Так вот, есть такая щелочка! Посредине борта идет ряд отдушин! Они узкие, издали не видны, да и вблизи

не очень... И вот я привязал пояс к тюку и свесился на нем за борт!

— Гм... Не стану напоминать о том, что шпионить в гостях — последнее дело.

— Ай, пустое! Ты слушай, что я увидел! Два года карлики пудрили нам мозги этим самоходом! Мы, гномы, пытались повторить этот трюк! Что в итоге? Взрывы, трупы! Ох, негодяи! Нет там никакой магии. Нет хитроумного механизма! Знаешь, что двигает этот самоход? Два горизонтальных тягловых колеса! Через цепную передачу, которую изобрели мы, гномы, они дают обороты внешним колесам! А знаешь, кто крутит эти колеса? Сорок проклятых, голых по пояс карликов, потных, как черти!

19

— Бум!

Щуря глаза, я приподнялся на кровати. Лучи закатного солнца, пробив паутинку на окне, покрыли дощатый пол затайливым узором.

— Бум!

Крессинда...

— Треньк!

Имоен...

— А-а-а-ахх!

Джонас Скареди. Сэр.

Еще двоих я не услышал, но они, без сомнения, были во двореке. Вечерние тренировки, так же как и днем раньше. Я подозревал, что они предавались тренировкам все время, пока ждали эльфов из Харашты. Ну-ну.

— Бум!

— Треньк!

— А-а-а-ахх!

Совершенно не думают о раненой. Даже мне эти бесконечные звуки порядком надоели. Хотя бы песню спели для разнообразия, что ли.

Я сел на краешке кровати, коснулся гладко выбритого подбородка, затем потянулся. Хорошо... Ни одна мышца не болит, не ноет даже спина, которой я на днях сокрушил стойку газебо. Баня, нормальная пища и много-много сна позволили мне восстановить силы всего за двое суток. Несмотря на свои тридцать два года и пять лет мирной жизни, я оставался еще вполне сносным варваром, способным, гм, на разные подвиги (и я не имею сейчас в виду разную чушь вроде мечемашества).

Как-то там поживает добрая фея? Два дня Виджи была в постели. Окаянный принц никого не допускал в ее покои, на вопросы отвечал односложно и хмуро. Кажется, после того, как он узнал, что я имею касательство к *аллин тир аммен*, он меня невзлюбил. Ну бывает, бывает. Я тоже не горел желанием дарить ему розы. Одно, правда, я из него вытянул: девушке скоро станет лучше. И на том спасибо, хотя что такое «скоро» для вечноживущих? День, два, век?

В прибрежном Текно мы заполучили джабаровых лошадей и ишачонка от местных гильдийцев, затем я удалился в рассветные сумерки и, вновь сойдя на кривую дорожку, отобрал у молочника маленькую повозку. В нашем случае покупать — это светиться, потому мне пришлось стукнуть возницу по голове и бросить у обочины. Совать золото ему в карман я не стал: о налетчике, что расплатился звонкой монетой, в Текно будут судачить куда больше, чем о банальном грабителе.

Эльфийку уложили в повозку. Квинтариминиэль (вам тоже кажется, что от аристократических имен эльфов веет какой-то нездоровой гордыней?) заявил, что будет править ею лично. Я спросил насчет обработки раны, но принц, скрипя зубами, сказал, что она не потребуется.

— Уже обтянуто, — добавил он.

— Э? Затянуто? Хочешь сказать, ты затянул рану?

— Бог-ужасный! Да. Но — лишь в первом пласте бытия.

— Гритт ее гребаную маму, переведи! — сказал я.

Он усталился на меня и пожал плечами:

— *Гритт ай афакели малли, святое дерьмо!*

Насмехается или и впрямь идиот?

— Я имел в виду пласт. Пласт бытия.

— С чем его едят?

Он покачал головой:

— Я сделал хорошо на свой энтузиазм, а вы — работайте свое дело без вяка! Прошу, дорогой друг, съездить на!

Другими словами, не лезь не в свое дело, человек.

Эльфы скрытны, и часто изъясняются загадками перед смертными. Лично мне кажется, что это такой своеобразный вид издевательств, месть за то, что люди сместили эльфийскую расу с первых позиций. Не суть. Принц спас Виджи, чем заслужил право выражаться при мне... не слишком вежливо. Я и отстал.

Под конец пути тусклые волосы эльфийки понемногу прибавили в цвете, а на щеках появился слабый румянец. Жаль только, что всю дорогу она оставалась молчаливой и старательно прятала от меня взгляд.

Загадочная «таверна», о которой толковали эльфы, оказалась большим постоялым двором, как раз в дневном переезде от Харашты. Мы пробрались туда тайком, под покровом темноты, не особо светя лицами. Раньше, когда я бывал здесь, двор носил пригожее название «Зад и розги», нынче его обозвали совсем уж кисло — «Полнолуние», и, поскольку хозяин оставался тот же, бывший Ночной, толстяк по кличке Мельник, я решил, что вывеску велел сменить Синдикат.

М-да, все меняется, и далеко не в лучшую сторону.

Из-за блокады Харашты торговые караваны текли в город мелким ручейком, так что заведение стояло практически пустым, кормилось случайными путниками и было радо всякому постояльцу. А в прежние времена тут кипела жизнь, эх! Неплохой оркестр, маленький игровой зал и даже дом свиданий. Когда я, набравшись наглости, проник в трактир и спросил о нем Мельника, тот долго ругался и наконец вымолвил:

— Прикрыл. За не... *негребабельностью*! Одной говядины жрали на десять золотых в месяц, и это не говоря уже про уток и курей. А овощи?.. Одной картошки... Ай, Фатик, не трави душу. С этой блокадой скоро по миру пойдем. Что, в Хараште без изменений? Все так же судят и рядят, кто сколько должен на выкуп? Уп-пыри и мироеды. Нет, бери выше — *деловые люди*! Тьфу!

Воистину, дорогой Мельник, воистину.

Долго торчать в «Полнолунии» опасно, это я понимал хорошо. Однако пускаться в путь с раненой — еще опасней. Поверьте моему опыту, тряская езда разбередит любую рану. Оставалось положиться на удачу и терпеливо ждать, пока эльфийке станет лучше. Да, Охотники нас ищут и еще много народу, но хвосты мы обрубил, считаю, умело. Джабар о нас молчок, а карлики в любом случае не знают, куда мы направились. Тем паче, таких постоянных дворов вокруг Харашты штук тридцать, в местах, где к городу сходятся торговые дороги. Опять же, Мельник о нас никому не расскажет, он хоть и глядит на всех букой, но в душе — порядочный дядька, а эльфам строго-настрого приказано на улицу не соваться, да и сам я туда попусту не суюсь. Прятаться на виду — древняя тактика. Нужно действовать понаглее, а враги пусть думают, что мы уже драпаем из Долины Харашты во все лопатки.

Но даже если бы нас нашли, со мной теперь была команда отборных... гм, профессионалов.

— Бум!

Я соскочил с кровати и подошел к окну, накидывая рубашку. Мельник отдал нам двухэтажный флигель с внутренним двориком, закрытым от чужих глаз стеной частокола. Нас с Олником поселили на втором этаже.

— Треньк!

Угу, клянусь Великой Торбой, они производили впечатление, все до единого. Даже отец Свирондил Альбо, даром что коротконогий кряжистый монах, служитель доминирующего в Фаленоре культа Атрея, отменно управлялся с посохом, так же как и с коротким мечом, который носил

у бедра. Сейчас, отдыхая, он сидел на лавочке, подставив бритую макушку последним лучам солнца, и о чем-то беседовал с Монго Крейвеном. Не думаю, что они обсуждали вопросы теологии, поскольку широкие ладони Альбо описывали знакомые любому мужчине окружности. Как и всякий правильный монах, он любил женщин.

Монго Крейвену было лет двадцать пять — тридцать. Полагаю, он так и родился со звездой во лбу, надменным выражением бледного лица и гордой посадкой головы. В этом смысле он казался братом-близнецом Квинтариминиэля. Алая рубашенция, тонкая шея, резной профиль. И полуторный меч, зажатый между колен. Да, клинком он владел как нужно. На этом список его достоинств исчерпывался, поскольку Монго Крейвен был настоящий фаленорский граф, то бишь — аристократ до самых печенок.

Я передернулся. Гритт!.. Не припомню более бесчестных людей, чем потомственные дворяне. Если понятия о чести у них и работали, то — лишь в своем кругу и — *изредка*, тогда, когда природные душевные качества совпадали с декларируемым кодексом. И все они, все глядели на простой люд свысока, считая себя элитой и солью нации. Дворяне разных мастей обманывали меня больше всего. Зачем платить безродному варвару, верно? Лучше обобрать до исподнего и бросить на дороге... Нет, от этих людей я не ждал ничего хорошего. С другой стороны, *покупная аристократия* у нас, в Хараште, ничуть не лучше. Генерал Бренк был трижды бароном, а Сквирелл Бло прикупил себе титул герцога. Я знал лишь одно исключение — графиню дар Конти. Уверен, она была другой потому, что поднялась из самых низов, начиная с самых дешевых прито.... Забудем. Уж как-нибудь перетопчемся. Один аристократ в команде, это все же не сорок пьянчуг-гномов, которых я как-то сопровождал в одно место...

— Бум!

Скрипнула дверь. Олник вплыл, не подберу другого слова. Так как за всю команду платили эльфы, он наливался пивом утром, днем и вечером. Поросячий восторг

не покидал его уже два дня, а вот белая горячка почему-то избегала.

— У Мельника готовят жаркое из баранины! — сообщил он, подходя, а вернее, подплывая ко мне. — Я с ним перемолвился, он говорит, что уже подыскал те... тебе ик!.. экипировку. — Гном рыгнул, встал на цыпочки и уставился в окно. — А... а они все машут же... железками? Заб-бияки!

— И при этом — все они из Фаленора.

— И что с того? Ик!

— Да так, просто мысли вслух. Эта империя лежит по другую сторону гор Джарси, да будет тебе известно. — Я показал жестами: — Вот — долина Харашты, вот — горы Джарси, моя родина, а дальше — Империя. Здоровенная дылда, из конца в конец — не меньше трех тысяч лиг. Ты много про Фаленор слышал?

Он уставился на меня мутным взглядом:

— Ну ты уж меня совсем за дурачка-то не держи! Там был... ик!.. переворот. Давно, черт-те сколько лет назад. Бойня во дворце, от м-магии небо трескалось. Я помню, к нам в Зеренгу перестали приезжать родственнички из Шляйфергарда, поскольку в Фаленоре началась гражданская война. Говорят, н-народ там сейчас ой какой недобрый.

Я кивнул.

— Угу. Узурпатор, герцог Тавро Вортиген, стал императором и вырезал всех, в ком была хоть капля крови династии Гордфаэлей, смутьянов и бунтовщиков. Но войне не видно края. Друиды нагорья Тоссара держатся до сих пор, им помогают гномы Шляйфергарда, которым узурпатор перекрыл прямые торговые пути через Империю, и те и другие — воюют в союзе с Витриумом и составляют Альянс.

— Да я... з-знаю. Аля... Аля... лянс! Вортиген перекрыл им всем то... торговлю! Это называется *канамическое задушение*! Вся Харашта об этом трендит!

— Угу, Альянсу приходится несладко. Но в самом Фаленоре дела еще хуже. Вортиген фактически превратил простой народ в рабов. Сам он, как паук, сидит в Крепости

Адвариса, которая продолжает расти... — Я содрогнулся от воспоминаний: огромный черный цветок главной башни Крепости на фоне серой тучи, подавляющей магию... И пепел. Вечный пепел, встречающий путника уже на подъезде к столице Фаленора.

— Ик! Так ты что же, думаешь, нас туда потянут? Император — шкодник и пакостник, вот!

— Я не имею представления о том, куда нас потянут, дорогой Гагабурк. Не думаю, что был смысл ехать к черту на кулички за одним варваром, а потом возвращаться обратно в Империю... Не вижу логики. Я если и крут, то слегонца. В Альянсе полным-полно таких, как я, бедовых парней. Да что там, в кланах Джарси немало боевых варваров, только плати.

Олник задумался, покачиваясь, будто его колыхало ветром из окошка.

— А может, это, они решили нанять тебя, чтобы ты пришлепнул императора?

— Не носи ерунды!

— Да я что, я ничего. Я просто подумал: может, они хотят, чтобы ты пришлеп...

— Молчи, горе! Император сидит в Крепости высотой с гору. Вокруг него смертоносцы, над Адварисом — туча, которая подавляет чуждую магию. Я был в Адварисе, Олник. Знаешь, что я тебе скажу? Там хреново. Там страшно.

— Дларма... Я молчу. П-подумаешь, разве для тебя так сложно забраться в Крепость да пришлеп... Молчу!

— А эти эльфы — они из Витриума.

— Наши эльфы?

О, Олник уже с ними сроднился, похоже.

— Да. Тебе известно, где находится Витриум?

Он пьяно качнул головой.

— Занюханный эльфийский лес на за... западном краю Фаленора. И... ик! А-а-апчи-и-и!

— Олник, это не просто лес. Это эльфийское государство.

— И?.. Ик! И что?

— Ничего. Просто мысли вслух. Скверные предчувствия. Не люблю, когда дела связаны с большой политикой, а наше — именно таково.

— О-о, п-подумаешь, ну если туто придется, бросишь им в лицо их жалкие м-монеты! За-зарплату! Гонорар!

— Если я возьмусь за дело, а я за него возьмусь, теперь мне никуда не деться, то пойду до конца. И сдастся мне, дело таково, что пойду я очень, очень далеко. — Я про-барабанил пальцами по нагретому подоконнику. Мне не слишком везло на переделки последние пять лет, что ж, за эти дни в Хараште я получил сполна, и меня не покидало ощущение, что это только начало.

— А-а-а-ахх!

— Батюшки! Ты глянь, как он машет своей оглоблей!

Сэр Джонас Скареди упорно рубился с тенью, пластая воздух мечом устрашающих размеров. Меняя стойки, он чертил клинком сложный рисунок, незаметный глазу профана. В конце связки он, встряхивая пшеничными усами и ахая, наносил разящий удар, способный развалить тяжелый шлем вместе с содержимым. Под его рубахой, стянутой черным кушаком, угадывалась кираса, и это ясно обличало в нем бывшего воина, который и спать ложится в доспехах. Он был из тех рыцарей, что вышли из простого народа, упорным трудом заслужив свои земли и титул. Поверьте, бывает и такое. Его меч назывался Малый Аспид (черт, вы не поверите, но и такое бывает!) и от середины до гарды в виде двухголовой змеи, имел с обеих сторон несколько выступающих пильных зубьев, чтобы заклинивать и ломать вражеские клинки.

Не люблю, когда оружию дают имя. Мой топор был просто топором.

— Треньк!

Имоен была просто Имоен. Просто Имоен, ученица друидов с Нагорья Тоссара. Так она мне представилась. Задорная, успевшая покрыться ровным загаром мордашка, чуть раскосые глаза, крепкие, как у всякой лучницы, плечи, коленки в ссадинах. День сегодня теплый, и она нарядилась

в короткую тунику цвета выгоревшей травы, под которой... Ну в общем, и сзади, и спереди было на что посмотреть.

Она стреляла по мешку с соломой, подвешенному к частоколу. Колчан у пояса был уже почти пуст. С тяжелым наборным луком она обращалась запросто, держа его за рукоятку на вытянутой руке так, будто он был невесомой игрушкой, натягивая тетиву рывком без малейшего напряжения.

На холстине мешка виднелись контуры лица, набросанные углем. В каждый глаз девчонка всадила по две стрелы, а лоб украсила натуральным веером, так что между древками оставался равномерный зазор на ширину пальца. Худо пришлось бы тому врагу... ну, я думаю, вы поняли.

Она оглянулась, подняла голову и отыскивала меня взглядом. На полных губах расцвела лукавая усмешка. Имоен подмигнула, тряхнув тугим хвостом русских волос.

— Ты ей нра... нравишься. Помаши даме ручкой, Ф-ф-фтик!

— Заткнись.

— Она... вот я думаю, похожа на пончик с сахаром!

— Заткнись, яханным фонарем тебя по башке! — Я придал своему лицу суровое выражение. Лесная нимфа сдвинула брови, усмехнулась краешком рта и вернулась к своему занятию. Спина у нее была замечательно ровная, а благодаря сандалиям с тонкими ремешками я мог сколько угодно любоваться ее тонкими лодыжками.

Однако Олник прав. Она действительно похожа на пончик с сахаром. Особенно сзади.

— Бум!

— А как насчет этой дамы, Ол? Не она ли воплощение твоих ночных грез?

Мой друг передернулся.

Крессинда Доули продолжала тренироваться в бросках молота, прихваченного к запястью пятиярдовой цепочкой из багряного металла. Молот с короткой деревянной рукояткой ударял в чурбак, что стояла у частокола. Вокруг чурбака трава была испятнана щепками.

Когда я впервые увидел Крессинду, вот такая мысль меня посетила: ну хорошо, в это сложно поверить, но, скорее всего, гномы мужского пола зачинаются, вынашиваются и наконец являются на свет привычным образом. А вот гномши... Не случается ли так, что отдельных гномш родители выдалбливают из камня?

Угу, в команде была гномша. Я, кажется, не упоминал ранее, что гномши куда крупнее мужчин своей расы. Например, Крессинда имела почти пять футов роста. Талия у нее была обширная, и все остальное не менее широкое, рублено-тесаное, начиная от запястий с мой кулак толщиной. Нос-пуговка, тяжелый подбородок, ровная линия густых бровей... и две светлые косы, спущенные на грудь, под которой можно скоротать дождливый вечерок.

Она была огромна и громогласна. Обтянутый замшей рог соседствовал с тяжелым кинжалом у пояса. Сам пояс, украшенный массивными серебряными бляшками, мог увлечь на дно примерно десять взрослых мужчин.

— Ты, что ли, тот самый?.. Варвар-на-все-руки? Ты слишком мелок для варвара! — сказала как припечатала она, когда принц представлял мне отряд.

— С тех пор, как я в последний раз виделся сам с собой, я успел немного подрасти, — проворчал я, хотя на языке вертелся совсем другой ответ.

Она расхохоталась, звонко хлопнув себя по ляжкам:

— Ну поглядим, поглядим.

Вот он, мой отряд. Ни один из них не напоминал тех раздолбаев, которых я привык водить по горам и весям. Они были сосредоточенны и опасны. Они не маялись скукой и дурью. Они пришли *делать дело* и ждали только одного — приказа о выступлении.

Здесь, в общем, была одна закавыка. Даже две, если я правильно умею считать до двух, загибая пальцы. Первая — все они, гм, яркие личности и, похоже, не дураки. Не случится ли так, что в *настоящем* походе каждый начнет тянуть одеяло лидера на себя, оставив старину Фатика с голым задом? Проще говоря — не перегрызутся ли они в

дороге? Наводить дисциплину среди таких ребят — работенка не из легких. С каждым найти общий язык, не ужав его самолюбия, непросто. Опять же, если, предположим, я могу дать в глаз Скареди или Монго Крейвену (крайний случай нахождения общего языка), то бить женщин, которые не пытаются меня прирезать, мне не позволят кодекс Джарси и собственные убеждения. Малодушные глупцы называют это слабостью, я же... Гритт, как все сложно!

На лицо Олника вдруг снизошла зеленая тоска.

— Крессинда назвала меня заморышем, — плаксиво пожаловался он. — Она из Жриц Рассудка* и видеть меня не может без килта. Ох! — Он нашарил платок и трубно высморкался. — Ей не нравится, что я хожу в штанах. Я сказал, что я свободный бессемейный гном из вольного города, а она сказала — если я не надену килт, мы никуда не поедem.

— Прямо так и сказала?

— Прямо так! — Он уставился на меня мокрыми щенячьими глазами, пьяно покачиваясь и икая. — Подумай, я уже восемь лет не ношу килт, я из Зеренги сбежал, чтобы его не носить, чтобы дышать воздухом свободы, и тут — на тебе! Позору не оберешься!

— Не волнуйся, я постараюсь уладить этот вопрос.

— Ты уж постарайся пожалуйста, Фатик!.. Эркешш, я расстроился! Свободный гном — в килте! Этому не бывать! — Он повалился на свою кровать, не снимая штанов и ботинок, и тут же захрапел.

Натягивая куртку, я снова выглянул в окно. Вторая закуска была в том, что... Как бы сказать помягче. Глядя на этих, безусловно, умелых бойцов, да и на эльфов, которые тоже были не дураки подрасться, так и хотелось спросить, собрав всех семерых в кружок:

— Братцы, на кой черт вам сдался *именно я*?

* См. примечание к главе 12.

Этот-то вопрос и не давал мне покоя. Нет, я не думал, что они намерены подставить старину Фатика так же, как в Хараште, использовать меня втемную, однако... Жаль, жаль, что я не умею читать мысли. Особенно — мысли эльфов. Узнать бы про исходные мотивы... Или уж на край: что такое этот *аллин тир аммен*?

Ладно, вышибем заумные мысли из головы стаканчиком горячительного.

Я натянул ботинки и, прихватив гхашшевы мечи, завернутые в ткань, выбрался в коридор. Оттуда по лесенке — на первый этаж, тихонько миновал покои эльфов. Двери плотно закрыты, изнутри — ни звука. Надеюсь, Виджи спит и набирается сил.

В гостиной мне попался отец Альбо, багровый после тренировки. Внушительное брюхо, обтянутое тонкой сорочкой, напоминало туго набитую грелку, а в пупок, что просвечивал сквозь ткань, могло поместиться содержимое пивной кружки гномов.

Истинный монах. Мне вообще обычно встречались два вида святых отцов — либо откормленные и жизнерадостные, либо худые и желчные. С последними у меня всегда было куда больше проблем. Взять хотя бы то, что бегали они куда резвее, и догнать их... Хотя жирных трудней пристукнуть, удостоверяю!.. Ладно, это дела давно минувших дней.

Альбо вскинул без меры волосатую руку, чтобы меня благословить, но вовремя опомнился. Вчера я пояснил ему доходчиво, как мог (нет-нет, кулаки я в ход не пускал), что, хоть я и темный варвар из медвежьего края, с религией у меня разговор непростой. Я не фанатик и не сумасшедший, и далеко не суеверный простак, которого можно обвести вокруг пальца церковными чудесами. Что, хоть я и поминаю Гритта Проклинателя и Великую Торбу, я — агностик, которому побоку религиозные распри, личные духовники и ежедневные молитвы любому из богов.

На слове «агностик» его перекосило.

Вот вам и третья закавыка — кое-кто из команды воспринимал меня как деревенского олуха. В точности так, как делала поначалу Виджи. Впрочем, это было в порядке вещей и много лет назад. Некоторым (на самом деле многим) сложно осознать и принять, что варвар умеет членораздельно выражать свои мысли и даже читать.

В знак приветствия я отвесил скупой кивок.

— Тепло нынче, — сказал Альбо.

Обожаю разговоры о погоде!

— *Убунг*, — проворчал я на среднегоблинском. — *Умгха угх! Углык уууу!*

У него округлились глаза.

— Гритт! Я говорю — хорошая погода, на небе ни одной тучки!

— Воистину, сын мо...

Я рыкнул, вернее даже — рывкнул, словно невзначай. Я не его сын, а он мне не отче, это мы тоже вчера перетерли.

— Э-э, Фатик Джарси.

— А вы — Свирондил Альбо, служитель культа Атрея.

Я удовлетворенно кивнул. С монахом, пожалуй, в пути не будет особых проблем. Вот остальные... Ладно, поживем-увидим. Главное, сдерживаться и не пускать в ход кулаки раньше срока. И, черт, — *оберегать* людей во время похода, как и надлежит варвару Джарси.

Людей и еще эльфов. И гномов.

Черт, мне впервые, клянусь, попалась команда, состоящая из трех рас! Яханный фонарь, да в клановых летописях Мегарона, прочитанных мною в свое время от корки до корки, ни разу не встречалось упоминание о такой команде! Мои предки водили по горам и весям эльфов, водили (а иногда таскали) гномов, ну и людишек (только людишки обманывали варваров Джарси, такова уж гнилая людская природа). Иногда в команду набивались гномы и люди. Бывало, что в свору людишек затесывался эльф. Но ни

разу варвар с гор Джарси не отправлялся в путь с командой, состоящей из трех доминирующих рас, две из которых испытывают друг к другу инстинктивную неприязнь.

«В лесу что-то сдохло», как сказал бы мой приятель Джабар.

Чутье в который раз сделало мне деликатный намек на то, что путешествие вряд ли будет приятным.

Прихватив со стола забытую кем-то охотничью шляпу, я вышел во двор.

* * *

Вечерело. Тени от частокола вытянулись кинжальными остриями. По главному двору «Полнолуния» бродили пестрые куры, молот в кузне выстукивал монотонный ритм. Под навесами, куда раньше заводили повозки с товаром, дремали собаки. Держиморды-охранники скучали возле распахнутых ворот. Парнишка-скотник, пошатываясь, кажется, совсем не от усталости, брел в направлении коровника, держа на плече навозную лопату.

Я прошел мимо конюшни, уловил похрапывание лошадей. Ах эльфы, эльфы. Они даже об этом позаботились. Для меня припасли двух коней. Оба были хороши, покладисты и вполне годились для дальнего пути.

Они обстоятельно подготовились к походу, эти эльфы. Куда же они намылились и зачем? И если старина Фатик поедет с ними, а он поедет, теперь ему некуда деваться, ибо на нем долг крови, не вляпается ли он в дерьмо большее, чем в Хараште?

Вечернее небо не дало ответа на вопрос, хотя я задавал его, наверное, уже в тысячный раз. Ну нет так нет.

В трактире было немногочленно (и когда я говорю «немногочленно», это значит, что и троллей, и огров, и карликов с гномами там тоже не наблюдалось). Несколько деревенских забулдыг пересчитывали дырки в карманах над кувшином дешевого вина, пара проезжих в платьях купеческой гильдии ужинали в углу. И все.

Раньше стены украшали головы вепрей, лосей и оленей, на сцене, как ни зайдешь, наявляли музыканты, а свет от ламп резал глаза. Теперь в трактире было тускло, пусто и глухо, точно после чумы, даже служки — из тех, что еще остались при Мельнике — бродили с понурым видом. Куда-то подевался и жирный котяра, любимец хозяина и всеобщий баловень. Может, ушел искать более хлебные места.

Однако в воздухе плыл запах баранины. Люди Мельника готовили ужин для всей нашей братии.

Надвинув шляпу на лоб, я прошел к стойке. Мельник, коренастый малый средних лет, сумрачно взглянул на меня:

— Так и ходи, яханный фонарь!

— Так и хожу. Олник сказал, ты вроде подыскал экипировку?

— Есть такое дело. Пиво будешь?

— Лучше вина.

Он поморщился, выбрал самую маленькую рюмку и нацедил мне красного. Себе налил кружку пива и, не сдвув пену, опрокинул в глотку.

— Ух-х... Слушай. — Он оглянулся, будто у стойки был кто-то еще кроме нас. — Мне тут птичка на хвосте принесла...

— Брось, говори нормальным языком.

Мельник поддернул нарукавники. Бездна раздражения и злости сквозила в этом жесте. Когда-то он был в числе лучших взломщиков Харашты, но тс-с, считайте, я вам этого не говорил.

— Кгм!.. Пока ты дрых, случился проездом человек из нашей любимой столицы.

Я насторожился:

— Ну?

— Последние новости, чтоб их разнесло и грянуло. Сказал, в городе творится какая-то муть.

— А точнее?

— Все кувырком.

— А еще точнее? — Мне представилось, как тролли, напялив деревянные щиты с портретами моих эльфов и вашего покорного слуги, бродят по городу, оглашая улицы воплями: «Разыскиваются!».

Мельник пригладил пышные седые бакенбарды.

— Кгм!.. Там все кипит, как в улье. Никто не понимает, что творится, но народ как на иголках. Началось с того, что вчера, аккуратно в полдень, в гавань пришли два больших фаленорских корабля...

Я поперхнулся. Мельник довольно гыгыкнул:

— Да, это тебе не мелочь. И сразу понеслось шебуршение в Синдикате. Говорят, там была *драчка*, и кое-кого из синдигов даже прирезали. После... Ну те кто видел, они рассказали, что оставшиеся синдики будто сошли с ума. И понеслось это безумие к главам гильдий, а потом все ниже. Но что происходит в действительности — никто не знает. А город бурлит.

Великая Торба! Неужели это все — из-за нас? Точнее, из-за моих эльфов? Ох, Фатик, крупно же ты нарвался! Ой, как крупно! Пора тикать, и как можно быстрее.

— Ты не говорил никому, что мы здесь?

Он оскалился:

— Да меня никто и не спрашивал. Не дуй на холодное, Фатик, я ученый, знаю, что отвечать.

Я выхлебал вино и постучал рюмкой по стойке, однако Мельник сделал вид, что у него заложены уши. Вот жмот, а!

Однако меня вдруг посетило откровение: неприятности, в которые я вляпался по милости эльфов, куда крупнее, чем... Скажем так: *настолько* далеко в адовы дебри моя фантазия не простиралась.

— Гритт, а Вортиген не дурак.

— Это который фаленорский император? Гнусный тип из Крепости?

— Ага.

Мельник крикнул.

— Ну слухи-то давно бродят, что он в сговоре с кроубскими пиратами. Торговцы Фаленора — они ведь спокойно

пересекают Срединное Море. Навроде их военный флот охраняет, так мы и поверили, да! — Он почесал вислый нос. — Эх, что теперь с городом будет? А с моим заведением? Я ж так по миру пойду, вот увидишь.

— Прав был Олник, *канамическое задушение*... — пробормотал я.

— Ась?

Я перехватил его взгляд.

— Говорю: экипировка готова моя?

— А как же, да!

Он сморгнул, затем начал перечислять, загибая кургузые пальцы:

— Платьишко ситцевое — раз! Подвязки шелковые — два! Туфельки сафьяновые, бисером шитые — три. Ну и свисток, чтобы чудищ отгонять. Румян не достал, извини.

Извилистым коридором мы прошли в тайную кладовку, где по стенам были развешаны оружие и доспехи, а в ларях набросана всякая одежда. Мельник извлекал дополнительный заработок из того, что покупал и продавал оружие и тряпье у проезжих, в том числе краденое. Я почему-то надеялся увидеть в кладовке свой топор... Пустые фантазии.

Кольчужный жилет, теплая шерстяная куртка, кожаная куртка с нашитыми стальными пластинами, пара сапог для верховой езды, плащ, перчатки плюс хитрая перевязь для моих клинков. Я пристроил мечи за спиной, пошевелил лопатками, чуть ослабил ремни. Потом взялся за рукояти, нажал на задвижки большими пальцами: мечи выскользнули из креплений, я чуть не своротил ими притолоку.

Мельник задумчиво смотрел на меня.

— И далеко собрались?

— О, в самую глубокую... А если честно — я не знаю. К черту на рога.

— Это у тебя в первый раз, чтобы не знал, куда идешь.

— Могу сказать только «да».

— Хе-хе. И что, нет предлогов, чтобы отвертеться?

Я подумал.

— Штука в том, что теперь я и сам не знаю, чего хочу. Где правильный путь и туда ли я свернул. Кроме того, на мне теперь долг крови. Эльфийской крови, гм, да...

Он отошел в угол и долго чем-то гремел, подсвечивая себе лампой.

— Вот! Даю сверху походный чайник! Бесплатно, учти! — Он держал в руке чайник с загнутым носиком размером с ведро. — Тонкая гномья работа, бери-бери! Знаю, в походе без горячего никуда!

Его физиономия сияла от искренней щедрости, к которой примешивалась... гм, *обреченность*. Кажется, он был уверен, что мне предстоит поход в ад.

Самое смешное, что он оказался прав насчет ада — в буквальном смысле.

21

Взбодрил, нечего сказать!

Я мрачно побросал экипировку в большую кожаную сумку, привязал к лямке чайник, затем обернул мечи ветошью по самые рукояти и взял под мышку. Постоял, подышал.

Фатик, будь ты проклят! Новый поход...

Ладно, осилю. А не осилю, так сдохну. Тоже выход.

В любом случае я должен отплатить эльфийке за спасение своей жизни.

Я напялил шляпу, и мы вернулись в зал.

Там, между чисто выскобленных столов, тенью бродил мой напарник в алой рубахе навыпуск. Вид у него был заморенный, какой-то синевато-бледный, будто он выкопался из могилы. Больше никого в харчевне не было, разве что служба апатично драил шваброй полы.

— Вылез на свет, — буркнул Мельник, словно невзначай заслонив собой бочонок с пивом.

Завидев нас, Олник оживился и, заплетая ногами, подошел к стойке, шмыгнул распухшим носом и потрогал себя за правый бок.

— Что вот тут, справа? Екает, будто внутри распелась лягушка.

— Гномья печенка, — значимо сказал я. — Поздравляю, мой друг, ты наконец-то станешь думать, прежде чем заливать свою утробу пивом по самое горло.

— Ай, — отмахнулся он. — Это все эльфы... Нельзя мне с ними якшаться, сразу падает здоровье. Надо выпить! А потом я помолюсь нашим горным богам, и все уляжется.

И ведь ничем его не пробить.

— Эй! — воскликнул он, почесав в затылке. — Я же это... видал эльфа, Квакни-как-там-его, ослепительное высочество, разбудил он меня... Раскомандовался! Велел вам, господин Мельник, нести ужин, а тебе, Фатик, просил сказать... Минутку... — Олник наморщил лоб, потом громко чихнул. — «Собрание в гостиную через час». Только я туда не пойду. Заседайте без меня, хватит, сыт я эльфами по горло. Я им не нравлюсь! Они меня не любят! И Крессинда меня не может видеть без килта!.. Короче, куда пойдете, туда и я пойду, хоть в Дольмир к Облачному Храму, куда наладился твой брат, эркешиш ему махандарр!

Вот как! Значит, Виджи настолько окрепла, что... Не буду загадывать. Через час так через час. Надеюсь, нам удастся выйти в дорогу уже поутру.

Мельник приказал службе отнести еду во флигель. Я решил закусить в трактире, где уже не было лишних глаз. Мне хотелось собраться с мыслями перед разговором с соратниками, не видя, гм, этих самых соратников. Гном остался с нами, вернее — напросился.

— Негоже бросать ребенка без присмотра, — сжалился Мельник. — И вообще он без матери растет, ну куда это годится? Учти на будущее, Фатик

На ужин были бараньи отбивные, тушеные овощи и много чего еще, включая четыре бутылки красного, на которое расщедрился Мельник. После второй бутылки вопрос

о сборе мыслей отпал сам собой. Зато мы неплохо посидели, болтая о всяком, но старательно избегая разговоров о положении в городе. Олник без конца подливал себе в кружку и вставлял в разговор неясные междометия. После пятой кружки он расплакался и затянул свои йодли, от которых, как я уже говорил ранее, всех эльфов, кроме чащобников, выворачивает наизнанку. Удивительно, но даже меня начало подташнивать. Когда же Мельник, хлебнув лишка, присоединил к голосу гнома свой пьяный бас (старая воровская песня о погубленной молодости), я срочно ретировался.

Снаружи была ночь, разбавленная лунным светом. С берега Флаэты тянуло свежестью. Тишина, домики деревянные... ик!.. Караульщики дремлют у запертых ворот... Лязгая чайником, я пробирался по дорожке, устеленной горбылями. Внезапно раздалось рычание пса. Потом из-под навесов зарычала вся стая: псины вскочили, сгорбились, зажав хвосты между лап.

Я невольно замедлил шаги. Гритт, собаки не любят пьяных, но я ведь, в сущности, трезв. А псы у Мельника ученые, им достаточно обнюхать постояльца, чтобы усвоить — это друг, пусть от него и несет спиртным.

Черт, если бросятся, буду отбиваться чайником: жаль убивать собачек, хоть я и волк по натуре... Миротлюбивый такой, главное на меня не рычать.

И тут в мою спину уперся знакомый взгляд.

Я сделал стремительный поворот... качнулся, потерял равновесие и чуть не шлепнулся на все четыре волчьи лапы.

Мгновение я балансировал на краю дорожки, затем, одолев качку, поднял голову и увидел...

Постоялый двор лежал в пойме реки; в окрестностях не было деревьев или холмов, которые возвышались над «Полнолунием». Тварь же, видно, не могла летать без отдыха все время. А может, захотела подобраться ближе, чтобы убедиться, что я — это я, тот самый Фатик Мегарон Джарси. Как тогда, в городе, когда она — точнее, другая,

похожая на нее образина, следовала за нами по крышам домов.

Она притаилась за коньком крыши дровяного сарая, тусклая, почти неразличимая в сумерках тень. Не знаю, понимала ли она, что ее настырный взгляд легко уловить, но вот то, что ее заметили, это она раскусила. Хлопнув крыльями, она взвилась в воздух, как ночной мотылек-переросток. Ее силуэт закрыл жемчужный круг луны — острые тени метнулись по земле, по куртке, по моему лицу.

В конюшне раздалось приглушенное ржание, собаки заскулили — ночной визитер сбил с них бойцовский задор одним своим видом.

Болван, не дай ей ускользнуть!

Я выхватил нож, уронив сумку себе на ногу. Гроыхнул чайник. Тварь заложила широкий круг над двором, набирая высоту, сухо шелестели крылья. Когда ее силуэт вновь закрыл луну, я бросил свое оружие.

Промазал!

Гритт, выхлебай я чуть меньше вина, я бы наверняка попал, а так... Второй нож я не додумался взять.

Она улетала, и я ничего не мог сделать. Она улетала, чтобы доложить своим хозяевам о нас, обо мне, о моих эльфах, а я стоял и скрежетал зубами. Бестия набирала высоту, закладывая все более широкие круги, уже плавно, не быстро, все-таки какой-то разум у нее был, и она понимала, что опасности нет.

Глухо шелкнула тетива.

Тварь сорвалась вниз, закутилась вокруг оси, упала на скат кровли амбара, а оттуда — на землю. Издавая змеиное сипение, она корчилась в судорогах, пытаясь выцарапать из-под сердца длинную стрелу. Выпуклые глаза с черными прорезями зрачков яростно вращались, острые крылья хлопали по земле.

Но вот пепельное туловище пронзила конвульсия, существо тонко взвизгнуло и сдохло, отвесив пасть, набитую впечатляющим набором клыков.

Псы, скуля по-щенячьи, дружной стаей кинулись к трактиру.

Из сумерек соткалась Имоен, вся закругленная и мягкая в простом коротком платье. С боевым луком она, похоже, не расставалась никогда. Если бы я не видел, как она с ним обращается, ни за что бы не поверил, что девчонка ростом мне по грудь может прицельно выстрелить из такой махины.

— Милорды эльфы послали за вами. Уже полчаса, как вы опаздываете. Милорд Квинтариминиэль, — боги, она выговорила его имя без запинки и вообще говорила спокойно, будто ничего не случилось, — и миледи Виджи сердятся. — Она с усмешкой тряхнула распущенными локонами и без особых усилий сняла тетиву с лука.

— Пересердятся. Я был занят, планировал стратегию. Так им и скажи.

— Что это? — Она не ахнула и не испугалась, просто сдержанное отвращение здорового человека.

— Подарок на мой день рождения. Мясная летучая мышь. Сбежала из клетки. — Я пнул гномий чайник.

— Вы это... едите? — Ее глаза округлились.

— Только на день рождения. Вырабатываю характер и силу воли. Спасибо за меткий выстрел, Имоен. Ты стрелок от бога!

Мне показалось или щеки ее покраснели? Гритт разберет в этих сумерках!

Я сказал ей, чтобы она шла вперед, что я сейчас подойду. Мне требовалось время, чтобы справиться с гневом на самого себя.

Да, я был зол на себя, зол как последняя собака. Какой там из меня волк, я так, простая дворняга, помесь волкодава и декоративной собачки на рахитичных лапках. Расслабился, дал маху. А если бы вместо твари на крыше притаилась парочка Убийц? Проклятие!

Я дал себе зарок быть собранным... и не пить до тех пор, пока не доведу отряд до нужного места.

Я все-таки верил, что это место будет отличаться от ада в лучшую сторону.

И, как всегда, ошибался.

Я вошел в гостиную флигеля, стараясь удерживать на лице маску холодного безразличия, а ноги переставлять так, чтобы не было заметно, будто я хватил лишку.

Сидят, красавцы. Все семеро — за приземистым столом, с оружием под руками. Эльфы — живое воплощение укора. Мол, мы вас ждали, Фатик, спаситель наш, проводник, а вы... хм, в это время где-то по известному месту вола пинали. И главное — крыть нечем: пинал, да. Так пинал, что ноги до сих пор заплетаются.

Стол, что характерно, накрыт скатертью праздничной расцветки и уставлен бутылками, бокалами, вазочками с вареньем, какой-то, мать ее, выпечкой и серебряными приборами. Мельник в лепешку расшибся, стараясь угодить моим эльфам. Первые денежные клиенты за год.

Ярко светили лампы.

Пятеро — четыре человека и глыба... тьфу ты, гномша — истыкали меня взглядами, как подушечку для булавок. В этих взглядах был какой-то невысказанный вопрос, словно им запретили спрашивать нечто важное и не вполне приличное. Например, не обалдуй ли я, часом, и не хочу ли в скором времени ограбить Первый Гномий Вселенский Банк Харашты, в котором днюют и ночуют десять троллей-охранников. Раньше они так тарасились на меня исподтишка, ну а теперь — здравсьте, приехали, смотрят в упор. Интересно, как они отзываются обо мне за моей же спиной?

Место на торце стола у двери пустовало, явно намекая на мою персону. На другом конце стола, опираясь подбородком о сложенные кулачки и опустив взгляд, сидела моя эльфийка. При виде золотых волос, которые обрамляли ее бледное лицо, я облегченно вздохнул. О ранении напоминали только темные круги под глазами.

Как славно, что с тобой все в порядке, добрая фея...

Тут она подняла взгляд.

— Вы опоздали, Фатик Джарси! — хлестнул меня ее голос. Фигурально выражаясь, я получил по роже мокрой тряпкой. Ох, ушастая... А голос такой, будто и не она три дня назад схлопотала стрелу и была при смерти. Его брюзгливое высочество Квакни-как-там-его, сидящий по правую руку эльфийки (по левую устроилась, вы не поверите, Крессинда), кивнул с таким видом, будто и не ожидал от меня иного.

— Моя шляпа! — воскликнул почти одновременно с Виджи сэр Джонас Скареди.

Я не сразу сообразил, что он имеет в виду. Затем стянул шляпу и бросил ее в руки рыцаря.

— Брал, чтобы голову не напекло. — Я указал на прикрытое ставнями окно. — Больно жаркое солнце.

Сэр Скареди нахмурился, озадаченно запустил тяжелую пятерню в песочные, стриженные под горшок волосы. Пожилой усач испытывал определенные трудности со словарным запасом (или старательно его экономил) и, большей частью, предпочитал молчать, как и подобает суровому паладину.

— Так это... Оно конечно, да.

— Спасибо за одолженный предмет!

Он с натугой пошевелил складками на лбу, не зная, что ответить; на помощь ему пришла эльфийка.

— Вы — опоздали! — Виджи привстала и... Боги, как преображает девушку платье! Оно было из тонкого, мерцающего зеленого шелка, закрывало плечи, но оставляло достаточный вырез для... Мой взгляд на миг сместился вниз, клянусь, абсолютно против моей воли! Кажется, никто не заметил этого, хотя Имоен легонько кашлянула.

В вырез на невесомой цепочке свисал кулон, крохотная капля розовой жемчужины...

Гритт, взять такое платье в дальний путь могла только эльфийка. Интересно, она, натурально, надеялась, что в пути будут замки, балы, дворяне и хруст свежей булки? Или она из тех женщин, кто повсюду таскает за собой три гардеробных ящика? Я сопровождал в походах и таких да-

мочек и могу сказать, что каждое такое путешествие стоило мне года жизни...

— Вы — опоздали!

К списку моих грехов прибавилась еще и безответственность.

Ладно.

— Опоздал, фея, зато подготовил вам сюрприз.

Я с грохотом сгрузил в угол свое барахло и вышел из флигеля. Не думаю, что они ожидали от меня такой эскапады. Вернулся я быстро, ибо заранее подволок тварь к порогу (мерзкая плоть холодила руки). Пинком отодвинув стул, я взгромоздил химеру на столешницу. Тело показалось легким, будто за несколько минут успело высохнуть изнутри. Звякнули бокалы и бутылки. На пригожей скатерти абрикосового цвета пепельная тварь смотрелась особенно мерзко; отвисшая челюсть приоткрывала синевато-белые клыки, меж которыми запутался острый, похожий на змеиный хвост красный язык. При нормальном освещении стала заметна паутина частых тонких трещин, рассекших тело твари и ее морду, и даже выпученные гляделки. Стрела, которую побрезговала вырезать Имоен, пропиталась черной кровяной жижей на треть древка, но кровь из раны больше не сочилась, темнея сухой кляксой на груди и боку.

Монго ахнул, Крессинда звучным басом помянула ядрену вошь, а Имоен воскликнула:

— Ваш подарок!

Я бросил на нее взгляд и качнул головой:

— Это не подарок. Я пошутил, Имоен.

Она откинулась на спинку стула и надула губы. Лишнее движение, ибо губы ее и так напоминали спелые вишни. Девица на выданье, вот что я скажу! Монго склонился к ее уху и что-то прошептал. Неприятный тип — аристократ с тонкой шейкой и рыжими бровями.

Перворожденные быстро обменялись репликами на своем языке: «тьюи-тью; трень-брень, чирик-чирик». Жаль, что на эльфийском я знал всего два слова — «выпить» и «закусить».

Ну да, знает кот... Тьфу, я про эльфов!

— Рассказывайте с ходу, что это за птица! — потребовал я, скрестив на груди руки.

— Это не птица, клянусь полушкой — се адов птах! — вскричал Скареди, делая знак отвращения зла. Альбо поступил аналогично. Я довольно отметил, что вместо рясы на нем синий, шитый серебром кафтан с отворотами. Нет, в пути с Альбо не возникнет проблем.

— Угу, — кивнул я. — Адский козлодой. Сдается мне, вы знаете, с чем его едят, господа эльфы!

Тварь пахла, я только сейчас учуял, пахла так, будто сто лет пролежала в склепе.

Господа эльфы переглянулись. Светлый костюм принца забавно контрастировал с платьем феи, казалось, это два близнеца женского пола решили поиграть в папу и маму.

— Вынесите ее наружу, будьте добры, — сказала Виджи устало.

— Чуть погодя. Я хочу знать, что это за тварь.

— Гшаан... — Она прошипела это явно неэльфийское слово с отвращением. — Один из *призванных*.

— А точнее?

— Существо из мира Агон, куда нам нет доступа. Из иного мира.

— Демон, спаси нас Атрей! — привстал Альбо. — Истинно, се козни Вортигена!

— Это шпион, так? Призван следить, верно?

Виджи кивнула.

— Вортиген заключил договор с могущественным союзником... из другого мира. — Она запнулась, и я понял, что этот «другой мир» прекрасно известен эльфам. — Теперь ему дано больше, чем самому сильному *из нас*. Он способен призывать тварей из Агона. Он... или его слуги.

— Сколдинг Фрей?

Взгляд Виджи стал пристальным:

— Пожалуйста, вынесите это наружу.

— Тварь, что, может стукануть хозяину на расстоянии? Или Фрей умудряется смотреть через ее буркалы?

Она покачала головой:

— Нет. Гшаан следит, затем возвращается к хозяину. Вынесите *это*, Фатик.

Дело понемногу прояснялось. Мне было не по душе играть в сурового инквизитора, но эльфы, как и подобает вечноживущим, настроились на тягучий и долгий разговор, расставив бокалы и бутылки, чайный сервиз и вазы с пирожками и разложив на скатерти подробные купеческие карты Харашты и смежных с ней стран. Они даже циркуль прихватили с мерной линейкой, затейники. Может, они даже... заготовили *речь*? Не-ет, родные, сегодня вы будете плясать под мою дудку!

— Еще вопрос.

Запах усилился. Теперь тварь воняла, как мумия, на которую двести лет лил дождь. Мне почудилось или трещины на ее теле стали шире?

Имоен сморщила нос. Монго, сидящий по левую руку от меня, поднес платок к худому породистому лицу.

— Вынесите гшаана, Фатик! — вновь потребовала эльфийка.

— Я насчет этого белобрысого урода...

Из трещин на теле крылана вырвался желтый дым с запахом серы. Повалил, густея на глазах. Боги, тварь что, горит изнутри?

— *Минтрилл ди крентенел друо!* — вскочив, проорал Квинтариминиэль (внезапно я сразу вспомнил его полное имя).

Мне не понадобился переводчик. Принц наверняка выразился на нецензурном эльфийском.

Парой салфеток я обернул дымящуюся тварь и приподнял. Она обожгла холодом, будто в моих руках оказался кусок льда. И кажется, она стала еще легче. Яханный фонарь, да что же это?

Я метнулся к выходу, стараясь дышать краем рта. От дыма слезились глаза и щипало в носу. В прихожей у демона отвалилась черепушка, и я не слишком точными пинками погнал ее к двери.

Удар, удар, еще удар, и вот... Я вышиб голову демона в дверной проем, потом выбросил туда же тело. Оно упало недалеко от порога и тут же окуталось едким облаком дыма.

Дела...

Альбо выскочил на крыльцо и начал что-то бормотать, поводя руками. Я не вмешивался, хуже все равно не будет. Хуже — это когда чудище оживет от экзорцизмов святого отца, что вряд ли возможно.

Я отошел сполоснуться у рукомойника. Вернувшись, обнаружил, что от твари не осталось даже пепла, она испарилась, ушла в дым. Вокруг места ее, гм, испарения, сгруппировались Имоен, Скареди и Монго. Альбо убред к месту падения головы и продолжал там бубнить, упорный.

Пустые разговоры на крыльце я опускаю. Когда мы оказались в гостиной, там пахло какими-то благовониями, а Виджи и Крессинда разглаживали ладонями свежую — малиновую — скатерть.

Я замер. О, эти женские платья! Они преображают, вгоняют в краску, извлекают чувственность, при условии, конечно, что платье наденет женщина, а не кто-нибудь вроде генерала Бренка (волосатая грудь прилагается) или Крессинды. Узкое, в пол, платье Виджи облегалось ее в нужных местах, подчеркивая соблазнительные изгибы тела. Раньше, в мужском наряде, она казалась мне нескладной, высокой худышкой. Теперь передо мной была женщина с изящной, совершенной фигурой, от которой ни убавить, ни прибавить. Удлиненная талия, точеная шея. Все выпуклости нужного размера, в нужных местах и, э-э... Проклятие! Я бы не назвал ее маленькие груди вульгарно аппетитными, скорее... они вызвали приступ нежности и желания долго баюкать их в руках.

Гритт, забудьте все, что я тут наплел! Иногда я думаю и веду себя как олух царя небесного, но это не всегда моя вина!

Виджи словно невзначай скользнула по мне взглядом. Ее лицо, я уже упоминал когда-то, отражало эмоции с нео-

быкновенной четкостью, если только она не замыкалась в себе, так вот сейчас на нем были замешательство и, кажется, легкая досада.

Она качнула головой, и кончик острого уха... О-о, он заалел на глазах!

Grrrrrr!

Виджи быстро спрятала ушко под прическу.

Я сделал вид, что ничего не случилось, и деятельно помог эльфийскому принцу возвращать на свои места бутылки, карты и прочее. Но вот вся компания расселась по местам, один я остался стоять, водрузив на бархатную скатерть кулаки. Привилегия моего положения, так сказать.

— Давайте продолжим там, где закончили. Я задаю вопрос, вы отвечаете. Лады?

Никто не проронил ни слова. Принц кольнул меня мрачным взглядом и слегка оттопырил нижнюю губу. Тоже мне, мизантроп.

— Перед тем как я впрягусь в вашу телегу, я хочу уточнить кое-какие детали. Красноглазый хлыщ по имени Сколдинг Фрей — человек Вортигена, так?

Квакни-как-там-его соизволил кивнуть.

— Он уже не человек, — вдруг произнес Альбо, тряхнув подбородками. — Равно, как не человек Вортиген. Чтобы вызывать демонов, нужно самому стать демоном. Слить свою плоть с чужой плотью.

— С этого места подробнее, — сказал я. — Я бывал в Фаленоре и, в общем, знаю, что представляют собой смертоносцы и сам Вортиген. Но я хочу узнать подробнее. Говорите же, Альбо!

Альбо рассказал подробнее. В рассказ вмешивался принц («Бог-ужасный, все это за пределами пыток. Полированные легенды, ешьте кекс!»), так что получилось немного сумбурно, но в конце концов, задавая вопросы, мне все удалось разложить по полочкам. С точки зрения церкви Атрея, Вортиген заключил контракт с силами Тьмы и погубил свою душу. С точки зрения эльфов — он снесся с некими Полуночниками из мира Агон, не слишком при-

ятными типами, у которых на эльфов был зуб (большой, драконий).

В сухом остатке вышло следующее. Век человеческий недолог, и самый искусный маг живет не более полутора сотен лет. Но есть способ продлить жизнь, смешав свою плоть с плотью демонов из Агона, живущих неопределенно долго (предварительно *сепарировав* демонскую душу, как заумно выразился принц). Пропорции согласно рецепту, но если не перебарщивать, тело остается человеческим, по крайней мере, снаружи. Сам рецепт считался утраченным, пока Вортиген не связался с Полуночниками. Что они собой представляют, эльфы не сказали, а Альбо по старой церковной привычке записал их по ведомству нечистой силы.

— Сквернавцы! Растленники! Кровопийцы! — добавил Скареди, будто не один год прожил с ними бок о бок.

Короче говоря, плюс такой трансформации — продление жизни на неведомый срок и многократно возросшие магические способности, которые и помогли Вортигену взять власть и вырезать всю императорскую династию Фаленора. Минусы — после смерти (вероятно, насильственной) растленная душа как намыленная выскальзывала в ад на вечное поселение или развоплощалась. (Я вздрогнул, вспомнив, что случилось со смертоносцем, которого я в свое время убил.) Впрочем, кого волнует эта эфемерная субстанция, когда вот тут, перед тобой, власть, девочки и богатство? Да, и еще минус — человек преображался в... э-э... духовном плане. Душа ожесточалась, завязывая в узелок совесть и показывая огромный шиш любви, состраданию, братству да, в общем, всем положительным чувствам и качествам человека. Оно и ясно — у демонов несколько иные ориентиры, они не клянутся в вечной любви и не млеют при виде ромашек, а вспороть живот ближнему для них проще, чем высморкаться с помощью пальца. Сама же плоть менялась в точном соответствии с количеством демонского в человеке. Отнять демонское было невозможно, но разрешалось *добавить*. Говорят, но-

вый император Фаленора переборщил и с недавних пор появлялся на людях в серебряной маске, точно так как смертоносцы Внутреннего Круга. Клевреты получали от него трансформацию как дар, как великое благоволение. Вдобавок он вкладывал в них послушание к своей особе. Послушание и преданность. Выходило, что Сколдинг Фрей...

— Он — гончий пес! — подвел итоги Альбо, сказав примерно то же, что я талдычил эльфам еще в конторе. — Он не остановится, пока нас не настигнет. Да поразит небесная кара того, кто предал наш Альянс!

— В самую точку смысла! — вскричал Скареди. Вот же интеллектual.

Значит, все они — представители Альянса. Я не был удивлен.

— Ясно. За вами увязался всего один смертоносец?

Виджи вздрогнула.

— Другие... ушли по ложным следам. Нам удалось... обмануть.

Вот как? Почему мне слышится в твоем тоне неуверенность, добрая фея? Где ты недоговариваешь, где — темнишь, где — говоришь неправду, а?

— Мы нанесли им сладкого! — заявил принц с неожиданным пафосом. — О да! Нанесли сладкого, и они купились! А мы отправились в! Но тут тоже намазано! Гадость, к чему ни прикоснешься! Висцеральное насилие!

— Сбавь тон, или я нанесу тебе горького, — процедил я. Достал, честное слово. Если он будет продолжать в таком духе весь поход, я не выдержу — свяжу петельку и подвешу принца на веточке.

— Бог-ужасный, я просто...

Я поднял палец: заткнись, мол, горе. Он внял и заткнулся.

— Основная часть погони пущена по ложному следу, верно, добрая фея?

Она опустила глаза.

— Верно, Фатик...

Я окинул быстрым взглядом всю гоп-компанию. Молчат. Смотрят. Четыре человека и гномша — смотрят в упор, спокойно, с легким изумлением: варвар показал коготки, ага. Принц глядит букой — играет в оскорбленную невинность. А Виджи... Острый кончик уха предательски алеет под золотистыми локонами. Гритт!

— Виджи! Добрая фея! Взгляните на меня!

Она подняла голову. Огромные глазища. Серые. Податливый взгляд...

— Вы говорите мне правду, добрая фея?

— Бог-ужасный! — вякнул принц голосом, похожим на визг пилы, застрявшей в дереве. — *Минтрилл ди крен-тенел...*

Я перегнулся через стол и легко пихнул его в грудь кулаком, готовясь приложить другой рукой, если он вздувает буйствовать.

— Тебя — не спрашивают! Рот — на замок! Виджи! Вы — лжете?

Яханный фонарь, надо было видеть, как мгновенно затвердел ее взгляд! До реплики принца и моих глупых слов о лжи у меня был шанс ее расколоть, но теперь... Острое ухо пробилося сквозь локоны: кончик был бледным, настроенным на серьезный разговор... нестигаемым.

— Эльфы никогда не лгут, Фатик Джарси. Запомните это раз и навсегда.

Небеса!

Я опустил кулаки на стол. Скрипнула столешница.

Виджи смотрела мне в глаза — с вызовом.

Все, она *закрылась*, я ничего не смогу больше сделать.

Проиграл.

Я сделал медленный вдох.

— Хорошо. Другие смертоносцы... помимо Сколдинга Фрея, могут напасть на наш след?

— Не исключено. Но Фрей опередил их... намного. Он не станет делиться добычей.

— Великая Торба, что, ставки так высоки?

— Да.

Я снова вздохнул.

— И я вам нужен.

— Да.

— Я очень вам нужен?

— Да. Вы очень нужны нам, Фатик Джарси.

Тут бы я мог сказать: коли так нужен, так выходи за меня, ушастая, потому что ты нужна мне не меньше.

Но вместо этого я сказал:

— Хорошо. Я нужен вам в качестве проводника, так?

Кивок. Теперь все они смотрели на меня, как на неведому зверушку. Гритт, мне захотелось сплясать голым на столе, лишь бы их взгляды поменялись.

«Тебя дурят, Фатик, дурят!» — уже не кричал, орал внутренний голос.

— Куда нужно топать?

— Сначала дайте слово, что обязательно отправитесь с нами, — твердо сказала эльфийка.

Я чуть не взвыл. Опять старая песня! К горлу подкатила ярость. Сейчас я кого-нибудь точно придушу. Потом я взглянул в серые глаза эльфийки (они были бездонные, если вы помните), утонул в них окончательно, вспомнил о том, как она спасла мою жизнь, и, плюнув на благоразумие, произнес:

— Даю слово.

— Это Облачный Храм в Дольмире, — сказала Виджи тихо.

Я присел на стул, поскольку у меня отнялись ноги.

23

Та-а-ак...

Значит, вот для чего я им нужен. Значит, вот что они затеяли. Значит, вот зачем они так упорно обрабатывали меня в Хараште. Значит, вот почему эльфийка прикрывала меня своим телом!

А я-то, дурак, возмечтал про *аллин тир аммен*.

Олник, мерзавец, ты накаркал, зараза!

Сдерживая ругательства, я протянул руку к бутылке вина, но вспомнил про свой обет не прикасаться к спиртному. И тут засада. На небесах, явно, звезды моего гороскопа выстроились в форме задницы, виселицы или гнилого покойника, короче, такой фигуры, что обещает процветание и великий успех в любом деле.

Или сегодня просто не мой день?

— Налейте чаю, — голосом старого ревматика попросил я.

Виджи передала мне чашку.

Я отхлебнул, собираясь с мыслями. Окинул медленным взглядом лица честной компании. Рубленое из светлого камня лицо Скареди, пухлое и щекастое — Альбо, худое, с торчащими скулами — Монго (у парня был скорбный взгляд, думаю, он до сих пор не мог прийти в себя от серной вони), решительно и широкое — Крессинды, округлое, с пухлыми губами — Имоен. Только сейчас мне бросились в глаза ее низковатые густые брови, которые не мешало бы проредить. О-о, Гритт, как же в меня въелась Харашта с ее модой! Вон у Крессинды вообще брови как два сросшихся вороньих крыла, и ничего. Впрочем, не думаю, что я способен воспринять гномшу как женщину, гм, гм... Пожалуй, подцепи она бороду, я легко принял бы ее за мужчину. Чтобы знать толк в гномьей красоте, нужно быть гномом. Или сумасшедшим. Или сумасшедшим гномом. Или сумасшедшим, который считает себя гномом. Как-то так.

Эльфы сидели неподвижно. Добрая фея опустила глаза. Вот уж ей не нужно выщипывать брови, они тонкие, золотистые, волосок к волоску.

Гритт, куда-то не туда меня повело... Впрочем, нет, туда. Я не шибкий физиогномист, но на своем веку я повидал много народу, включая тех, кого водил по городам и весям. За десять лет такой работы я научился отличать черное от белого, а многочисленные оттенки серого распределять по нужным полочкам с бирками: «ни то ни се», «слабак и баба»,

«ближе к говнюку», «мерзавец-малютка», «урод не совсем конченный», «практически быдло», «жестокий хищник», «клыкастый эгоист», «деятельный дурак» и так далее.

Так вот, взглядыаясь в лица сидящих за столом, я кое-что понял.

Праведники.

Праведники, черт их дери! Все они были праведниками. Не теми психованными молеельщиками, что пробивают дырки в полу собственным лбом, а нормальными, земными, которые едят, спят, дышат, могут перепить и даже сходить налево, но при этом остаются людьми. Ну и гномами, конечно. И эльфами.

Такое определение, оно было на уровне интуиции, если бы меня попросили обосновать свой вывод, я бы сказал — «Я прочитал это в глубине их глаз».

Звучит банально, однако я привык полагаться на свои инстинкты.

Праведники, не гнилые души, от которых в любой момент стоит ждать подвоха. Благородные не по происхождению, а по велению сердца. Это редкость в нашем мире, но звезды в форме гнилого покойника подкинули мне целых семь штук.

Собственно, как раз праведники и подонки, и иногда — безумцы валят в Облачный Храм к Оракулу. Там нечего делать заурядным людям с обычными вопросами вроде «Когда же, ну когда у меня прекратится этот гадский насморк?».

Я вздохнул.

— Значит, такие дела... Ну и кто намерен принести себя в жертву?

Взгляды устремились на эльфов. Ответил принц, сопроводив слова движением, которое выдавало вселенскую усталость:

— Сие покрыто тайной мрака.

— Яханный... — «Сие»! Будь прокляты косноязычные эльфы-параноики! — Ладно, согласен, не мое дело. Сколько будет вопросов?

- Один.
- Один на всех?
- Воистину так.

Получается, всего одна смерть. Добровольная. Внезапно мне подумалось, что это будет эльфийка, и от этой мысли меня кинуло в холодный пот. Чхать мне, есть между нами *аллин тир аммен* или нет, но умереть я ей не дам.

- Наши цели благи, — завела старую песню Виджи.
- Спасибо, я уже слышал и уверовал.
- Мы знаем вашу историю, Фатик. От вашего де...

Снаружи загрохотали, зазвенели доспехи. Чей-то хриплый бас выкрикнул слово, похожее на «Здесь!».

Сколдинг Фрей настиг нас!

Я отбросил стул и прыгнул к сумке, гадая, будут они поджигать дом или сразу пойдут на приступ. Гады обрядились в железо, нам придется тяжело. Так... двое наших прикрывают вход в гостиную, остальные — на задний двор через окна, там ударят сбоку, если только люди Фрея не успели обложить флигель.

Моя компания ошетичилась оружием, сам я был впереди, в любой момент ожидая, что на двери и ставни обрушатся удары топоров. Виджи оказалась рядом, о, Гритт, я ощутил жар ее тела. Она заступила мне путь, но я быстро восстановил статус-кво. Она вновь передвинулась, заслоня меня плечиком. Я сдавленно зарычал и загородил ее своим телом. Она молча, упорно перетекла вперед, но я снова обогнул ее, и этот маневр вплотную приблизил меня к двери. Тогда я отступил на несколько шагов. Эльфийка проделала то же, ее волосы переливались, как расплавленное золото. Я уловил легкий дразнящий аромат. Так она пахла в первый день нашего знакомства.

Я заступил ей путь.

Она обогнула меня, мерцая изумрудным платьем.

Я восстановил статус-кво.

Она перетекла вперед, клинок казался неуместным в хрупких руках.

Ну что ты будешь делать!

Я вновь заслонил ее и уперся носом в дверь.

Мы отступили.

Не знаю, сколько бы мы так забавлялись, под недоуменные взгляды прочих загораживая друг друга, но избегая даже мимолетных прикосновений, если бы до нас вдруг не дошло, что снаружи царит тишина.

Самая глубокая и зловещая тишина, какую мы только слышали.

Мы подождали еще несколько секунд.

Тишина...

Сколдинг Фрей затаился!

Тогда я пинком распахнул дверь в прихожую. Пусто! Великая Торба, уж не надеется ли Фрей, что мы сами к нему выйдем? Я взял минуту на размышления, а когда она кончилась, прибрал к рукам еще две. Ну а потом шагнул в прихожую, дав знак остальным дожидаться в гостиной.

Эльфийка последовала за мной, то и дело норовя обогнать.

Ну не пороть же ее, в самом-то деле?

Гм, пороть? Пожалуй, еще несколько дней общения с этой девчонкой, и я пошлю к чертям кодекс варваров Джарси!

Уже послал...

Точно, пороть, это светлая мысль!

Снаружи было тихо. Я откинул засов и, выглянув в щелочку, увидел пустой, залитый лунным светом двор.

Что за?..

Может, убийцы притаились на крышах?

Ага, или расселись на частоколе. В рядок.

Двор и в самом деле был пуст, только у рукомойника в луже воды разлегся какой-то подозрительный карлик. Голова накрыта тазом для умывания, руки привольно раскинуты. Сам рукомойник сворочен, валяется рядом, бадейка с водой тоже опрокинута. Я сумел разглядеть, что карлик дышит. Осторожно приблизился и невежливо пнул тушку ботинком.

В ответ раздалось приглушенное «А-а-апчи-и-и!», и знакомый голос пьяно проревел из-под таза:

— Эркешш махандарр, кто погасил этот гадский фонарь?

24

Схватив за шиворот, я втащил болезного в дом. На его лбу поспела лиловая шишка величиной с кулак.

В прихожей, где, нарушив мой приказ, столпилась вся компания, Олник приподнял голову, нащупал мутным взглядом Крессинду и проревел:

— Бар-р-рышня-красавица! Я дру... друг Мельника! Еще кружечку этого чудесного напитка, ик, ик!

И громоподобно чихнул. Мне захотелось провалиться сквозь землю.

— Не устаю повторять, — сказала Крессинда мне в спину. — Оставь мужчину без килта — и он одичает.

Кажется, она имела в виду нас обоих.

— Нам предстоит нелегкий поход, — отозвался я. — Он напивается впрок. Вы не смотрите, что он шебутной, в пути и в бою с ним не пропадешь.

Сказал и сам не поверил.

* * *

Мы продолжили после того, как я доставил напарника на второй этаж и бросил, как бревно, на кровать.

— Еще кружечку, — бормотал он. — Зачем погасили свет? Хочу танцы!

— Будут тебе танцы с барабаном в голове и флейтой в печени, — сказал я. — Завтра, как проспишься.

Он уже храпел с присвистом, погрузившись в блаженную негу пьяного сна.

Н-недомерок!

В гостиной я плюхнулся на стул и выдержал паузу,

отхлебывая чай. После того как я дал слово, мосты были сожжены, так что крутиться и рвать волосы на разных неприличных частях тела мне не стоило. Ноги отпустило — и ладно. Дольмир так Дольмир. Храм так Храм. В конце концов, это их выбор. И мой геморрой. Грубо, да, зато полностью отражает суть ситуации.

— Выходит, дедуля Трамп рассказал вам и это...

Виджи кивнула.

— Мы нуждаемся не просто в проводнике. Нам нужен герой.

— Не стоит повторять. Пообещайте, что будет только одна жертва.

— Обещаем.

Гритт!

Я сграбастал ватрушку и принялся сосредоточенно жевать. Словно невзначай эльфийка двинула по столу розетку с малиновым вареньем. Путешествуя из рук в руки, она оказалась у меня под локтем. Серебряная ложечка прилагалась. Я зачерпнул варенья и уныло попросил:

— Налейте еще чаю.

Мне налили полную чашку.

Хорошо, что кахавы на столе не было.

— Значит, Облачный Храм, — проронил я.

— Ибо воистину, — кивнул принц. — Мы поедем на!

— Не поедете, а я вас туда отведу.

Теперь запаситесь терпением, я кое-что поясню насчет Храма.

Высоко в горах, иссиня-белых от снега, там, где задувают ледяные ветра, где дыхание смешивается с пеленой облаков...

Ладно, не смотрите на меня, как на идиота. Короче говоря, высоко в горах, в Дольмире (паршивое место на Южном континенте), есть Облачный Храм (место еще более паршивое). В Храме расположен таинственный Оракул (да, все пишется с большой буквы, а проговаривается — с придыханием), в виде большущей дырки в каменном полу, уходящей вертикально в непроглядную темноту. Дырка

отвечает на вопросы. Что-то вроде гадалки, которая видит будущее с абсолютной ясностью. То ли это выход в другое измерение, то ли на дне пропасти сидит тысячелетний просветленный мудрец, короче — тайна, загадка и неизвестно, поскольку никто, кого сбрасывали вниз, назад не вернулся.

Да, каждый вопрос оплачивается жизнью человека. Или гнома. Или любого другого разумного существа, имеющего душу. Кошек, собаченек, прочую живность сбрасывать бесполезно. Без жертвы Оракул не работает, что превращает его... Гритт, мне еще тогда, много лет назад, хотелось завалить вход в Храм камнями.

Дедуля Трамп рассказал эльфам мою историю. Девять лет тому мне пришлось вести в Дольмир нескольких богачей из Фрайтора. Дела обстояли, как и сейчас — пираты Кроуба изрядно потрепали харашийский флот и блокировали город, требуя выкупа, а поскольку ни Фрайтор, ни Аркония не имеют выходов к морю из-за горного хребта, закрывающего побережье, нам пришлось заложить изрядный крюк аж до самого Ридондо. Впрочем, для бешеной собаки... Не суть. Суть произошла в Храме, где я убил восемь человек.

Ошибки молодости, поверьте, так бывает. Я попросту забыл, что втолковывал мне дедуля в свое время. Когда ты молод и горяч, всякие наказания и предупреждения типа «Не суйся в сомнительные авантюры, а если уж полез, трижды подумай и вспомни, что я тебе говорил и старайся не повредить себе и другим» запросто вылетают из головы. За это я и поплатился в свои двадцать два (примерный возраст, как вы понимаете). В Дольмире фрайторские аристократы купили четырех рабынь. С женщинами легче управиться, верно? А я долго недоумевал, на кой аристократам четыре малопривлекательные крестьянки. Недоумевал до самого Храма, до самого Оракула, будь он трижды неладен. Ну а когда вспомнил, мне осталось только взяться за топор.

Безмозглый дурак.

До сих пор помню то чувство болезненного озарения, захлестнувшее меня в маленькой каморке, где я ждал, пока мои работодатели закончат внимать мудрости провидца. В голове будто вспыхнул обжигающий костер. Вскочив, я пристукнул парочку аколитов и вломился в Зал Оракула с топором наперевес...

Я устроил выступление, достойное лучших актеров хараштийских балаганов из тех, что зазывают к себе голытьбу в базарный день, и даже мой учитель актерского мастерства Отли Меррингер мною бы гордился. Амок в качестве режиссера, что может быть лучше? Шумовое оформление в виде бычьего рева и драматические монологи, составленные из ругательств. И топор, которым я с ходу уложил трех фрайторских ублюдков. Их главный, герцог Барток Сплантерхут, успел прикрыться рабыней, загородив главный выход из пещеры. На подмогу Бартоку спешила храмовая стража...

Увы, мой амок не мог ждать, а равно и петлять по лабиринтам с тремя девицами на хвосте. Он знал, что я запомнил дорогу — ту, которой мы пришли, что кратчайший путь на волю лежит через Бартока...

Потому мой амок прорубился сквозь женщину. Одна жизнь за три, арифметика, доступная даже варвару. Я убил ее и снес герцогу кусок черепашки. Оба тела повалились на камни.

Мерзкая история. Приключение, достойное кретина.

Тем не менее я спас трех девчонок. Нам улыбнулась удача — настоятель Чедаак попался под руку. Он, ошалевший от моей наглости, сам командовал атакой. В круговерти боя я сграбастал его и, как Барток, нагло выставил в качестве щита. Так мы и выбрались. Затем я использовал его в качестве заложника и гнал перед собой около тридцати миль, петляя следы. Но нас не преследовали — храмовники поверили, что я прикончу Чедаака, если увижу погоню. Пришлось дать слово, что я отпущу его живым. Слово варваров Джарси кое-что значит даже в Дольмире.

Однако я не обещал, что отпущу его живым в... *гм, целом* виде. Сперва я отдал его женщинам. Они сделали Чедааку больно. Надеюсь, он до сих пор икает, вспоминая мое имя, поскольку я имел наглость представиться.

После того, что я натворил, храмовники отчего-то невзлюбили варваров Джарси. Поэтому все наши доводили караваны до подножия гор, затем в дело вступал местный проводник, а гордый варвар дожидался работодателя в городской таверне, выпивая (в меру!) и крутя романы с местными забавами (в меру, конечно же, в меру!). Да, разумеется, варвар Джарси не допускал, чтобы соискатели знаний Оракула покупали в Дольмире рабов и рабынь! Хочешь услышать предсказание? Найди того, кто бросится в провал Оракула добровольно.

Такова вкратце моя история. Нет ничего хуже приключений, я это говорил и повторю. Грязная мерзкая работа.

Внезапно я вспомнил кое-что еще.

В Дольмир, к Облачному Храму, отправился мой сводный брат.

Эта мысль заставила меня подобраться. Взгляд, брошенный на лица праведников, не принес ничего нового. Кое-кто (не скажу, не спрашивайте!) снова опустил глаза, некоторые сделали вид, что заняты разговором, только Имоен дерзко на меня посмотрела. Никаких тебе подмигиваний. Она до сих пор дулась на меня за розыгрыш, девчонка.

При всем при том у меня вновь возникло стойкое ощущение, что старину Фатика водят за нос. Праведники и трезвенники или жулье и выпивохи — какая разница? Обман есть обман, на таких штуках я съел не один десяток собак.

Наорать на них, что ли? Ладно, попробуем разобраться спокойно.

— Мой сводный брат Шатци был нанят на днях, чтобы проводить к Храму каких-то людей. Это ваших рук дело?

Праведники оживились — перекрестные взгляды, восклицания и междометия. Никакой фальши.

— Давно? — Моя эльфийка даже привстала.

— Пять дней назад. Он, шустряк, наверняка уже пересек Ближний перевал в Галидорских горах. Нам за ним не угнаться. Ну так здесь поработали вы?

Она переглянулась с принцем, тот медленно покачал головой.

— Мнение мое — то были люди Фрея, — молвил Квакни-как-там-его, свистнув носом. Сказывались, видать, последствия ударов по лицу. Хотя, может, это было врожденное. Интересно, искривление носовой перегородки — лечится эльфийской магией? А геморрой?

— Уверены?

Длинногривый окаменел, поджав губы.

— Мы неподвластны гнилому помидору критики! Эльфы не гавкают, варвар!

Да-да, я варвар, спасибо, что напомнили, а то уже подзабыл.

— Не брешут, — поправил я, разглядывая Виджи. Она смотрела на двери за моей спиной. — И не лают. Но укусить — могут.

— Бог-ужасный, варвар! Мы не знаем правды людей с твоим братом, когда он и сколько, нет? — Он тоже привстал, в негодовании раздув тонкие крылья носа. — Еще один повтор о лжи, и я буду просить, чтобы меня удовлетворили! Мечом или топором!

— Да хоть гоблинским копьем, — буркнул я. Нашелся дуэлянт, надо же. — Сядьте, высочество, я все понял. Эльфы не лгут. Я усвоил.

Его высочество свистнул носом. «Еще немного тренировок, и будешь подавать ночные сигналы», — чуть не сказал я.

— Не подвергайте более сомнениям нашу правдивость, Фатик, — сказала Виджи.

Вместо ответа я пододвинул ей чашку.

— Налейте мне чаю.

Гритт, еще одна нескладуха. Значит, Фрей бьет на опережение? Получается, мой братец ведет людей Фрея, чтобы те устроили нам засаду где-то в окрестностях Храма? Гм, не вижу особого смысла. Если пираты Кроуба в сговоре с Вортигеном, не проще ли отправить туда банду головорезов морем? Проще и быстрее.

Нескладуха, Великая Торба! Нестыковочка. Нестыковка в темноте, как сказала бы мне в постели графиня дар Конти, прошедшая огонь, воду и все круги бульвара Веселых Монашек. Надо было оставаться с ней, ведь был шанс! А теперь...

Я глубоко вздохнул, печально глядя на бутылку вина. Ненавижу дела, связанные с политикой. Ненавижу, когда в делах замешаны личные мотивы. Ненавижу, когда приходится действовать с завязанными глазами. Но мосты сожжены.

— Ладно. Вам нужен хороший проводник — он перед вами. Но дело касается политики, я сам в нем по уши замешан, а на хвосте у нас гончая. Поэтому — расскажите мне все. Все, что мне *можно* узнать.

— Спрашивайте, Фатик, — сказала Виджи, слегка передернув плечами. При этом ее грудь... Она, как бы сказать, немного *поднялась*.

Белая кожа, очерченная золотистой патиной волос...

Гритт! Я отдернул взгляд.

Погорел ты из-за девушки, Фатик, сказал мне внутренний голос. Впрочем, не я первый, да и девушка стоит того, чтобы из-за нее погореть.

— Давайте коротко и по существу. Вы сколотили... м-м-м, отряд...

— Мы представляем Альянс.

— Это я знаю. Люди, гномы и эльфы не сбиваются в отряды просто так, если только они не страдают душевной болезнью.

Они оскорбились, раздалось восклицание, щеки Имоен разругались.

Я не извинился. Нужен вам проводник — получите, а какой он будет — добрый и покладистый или едкий и

колючий — не ваше дело. К тому же я хотел еще раз прощупать моих праведников на предмет искренности.

— Вы, стало быть, хотите нанести ущерб власти императора.

Утверждение в стиле «Ночью — темно, днем светит солнце», но надо же с чего-то начинать расспрос.

— Он — гну-гнушный узурпатор, па-па-палач Фаленора! — с отчаянной тоской вскричал Монго Крейвен.

Оказывается, от волнения наш аристократ становится заикой. Папа-палач, это сильно.

— Потрошитель страны и убийца веры! — угрюмо изрек Альбо.

— Демонопоклонник! — сжал кулаки Скареди, бросая на меня свирепый взгляд.

— Мы хотим покончить с ним раз и навсегда, — сказала Крессинда гулким басом и выпятила челюсть. — Гномы Шляйфергарда, эльфы Витриума, друиды Тоссара и люди Фаленора, которым безразлично будущее империи!

Все это выглядело и звучало очень искренне.

Последовали словоизвержения, небольшой водопад. Я чуть не захлебнулся, задавая вопросы. Некоторые вещи из тех, что мне рассказали, я знал, кое-что было внове.

Уже пятнадцать лет Альянс противостоял Вортигену. Эльфы Витриума, гномы Шляйфергарда и люди Нагорья Тоссара, к которым прибились беглецы из Фаленора, вовремя сообразили, что иметь под боком мощного соседа, у которого наметился кавардак с верховной властью, не слишком полезно для здоровья. Они объединили силы (были очень, очень напряженные переговоры, гномы Шляйфергарда довели эльфов Витриума до белого каления своими чихами и угрозами затянуть йодли, а друиды Тоссара сначала крупно повздорили и с теми и с другими), благо, три эти страны соседствовали друг с другом. Собственно, это случилось еще пятнадцать лет назад. Конечно, поодиночке Вортиген схарчил бы их раньше, но он потерял много времени, умирняя внутреннюю оппозицию. Когда он обратил свой взгляд на сопредельные земли, которые много веков жили

в мире со старой империей, было поздно — Альянс пустил корни и заколосился. Тем не менее Вортиген объявил эти земли мятежными провинциями, принадлежащими Фаленору по каким-то древним законам, и попытался завоевать, распылив свои силы на три части. Гордыня или отсутствие ума, а может, демонская часть Вортигена настаивала на немедленной победе вопреки здравому смыслу. Короче говоря, время было упущено — Альянс настучал узурпатору по шапке, развернул в сторону моря и отвесил сурового пинка. Взаимопомощь — великая сила!

— Неустанный шквал борьбы пятнадцать лет! — сказал принц.

После нескольких поражений сил Вортигена оказалось мало, чтобы выковырять гномов из гор, эльфов — из лесов Витриума, а людей — из Нагорья Тоссара. С другой стороны, ослабленный войной Альянс, даже объединившись с недобитой оппозицией Фаленора, тоже не мог собрать достаточных сил для решающей битвы, кроме того, ему не доставало единого лидера, под чьи знамена встали бы все расы.

Вортиген отступил на время, затем сменил тактику. Вместо стиля атакующего элфанта он выбрал стиль подкольной змеи, как сказал бы мой знакомый бард, которого зрители убили как раз за такие метафоры. Разделяй и властвуй, сей раздоры, ослабляй врага изнутри, пытайся задушить экономически, подкупай, если подкупается. Подгрызать корешки — это работало всегда, с годами Альянс начал чахнуть, и к настоящему времени его кустик едва не завял от внутренних конфликтов.

Тем временем в Фаленоре дела обстояли плачевно. Тавро Вортиген, самозванный император, повышал налоги, кроваво подавлял мятежи, ущемлял в правах знать и главенствующий среди людей культ Атрея. По словам Альбо, демонская часть его личности постепенно брала верх. Хорошо и сытно в Фаленоре было только его приближенным да солдатам, в которых еще подростками брали крестьян. Короче говоря, плохо было всем, хорошо — единицам.

— Мозги у него заросли, вот что! — выразился сэр Скареди.

О да, любезный паладин, зарастание мозгов — тяжкая и весьма распространенная хворь.

— Па-па-падонок! — сказал Монго.

Сейчас ситуация была такова: Альянс дышал на ладан, оппозиция почти загнулась, а Вортиген выигрывал по всем фронтам. Недавно, заручившись поддержкой пиратов Кроуба, он уничтожил флотилию эльфов и запер их в Витриуме, лишив гномов последнего пути сбыта товаров. *Канамическое задушение*, как сказал Олник. Оно гораздо эффективнее лобовой атаки.

И тут случилось внезапное. Эльфийские ведьмы — да, оказывается, у эльфов есть ведьмы! — выдали предсказание. Я напишу его со строчной буквы и выговорю без придыхания, поскольку к провидцам у меня отношение скептическое. Любой фармацевт Харашты за сравнительно малую сумму продаст вам лечебный порошок, под действием которого можно предсказать даже появление летающих слонов, и не только предсказать, но и увидеть. Но — шутки в сторону, предвидение действительно весьма зыбкая вещь. В одной Хараште тысяча астрологов и прорицателей. В этом бурном потоке крайне сложно отличить существо с даром от наглого жулья. (Замечу в скобках, что два провидца, огорошивших меня в Хараште правдивыми предсказаниями, были скорее исключением из правил.)

Предсказание касалось исхода противостояния с Вортигеном. Соломинка, за которую ухватился Альянс и те из Фаленора, кого допустили к тайне — недобитые аристократы, рыцари и духовенство. И все, кроме эльфов, рассуждали примерно так же, как я, то есть скептически. Для того, чтобы их убедить, и понадобился этот поход. Слово Оракула не подлежало сомнению. Более чем за тысячу лет он ни разу не ошибся.

— Всего один вопрос и одна жертва, — подвел итог я. — Да, это не мое дело, но... Я хочу узнать его суть. Что именно предсказали ведьмы?

Эльфийка пристально посмотрела на меня. Выражение ее лица стало строгим.

— Мы не можем сказать напрямую. Это средство, которое даст нам победу в войне.

— Оракул знает, где собачка зарыла великий артефакт?

Она приподняла брови. Гритт, все время забываю, что она вышла из дома без чувства юмора.

— Это просто ответ. Из одного слова. Да — или нет.

— Да или нет? — Я приподнялся. — То есть всего-то — да или нет?

— Мы все должны стать свидетелями этого слова, — сказал Альбо, зеленоватой глыбой возвышаясь над столом. — И пусть Атрей сделает так, чтобы ответ был — «да»!

Да или нет. Гритт! Да — или нет! Я едва сдержался, чтобы не расхохотаться во все горло.

Да они все с ума посходили, что ли?

25

Я пересилил себя и не выругался. И не рассмеялся. И... В конце концов, дав слово, я возложил на себя ответственность за их жизни. Общий расклад мне понятен. Приведу к Храму, и пусть гуляют. Остальное — не мое дело. Хотя в голове неотвязно вертелась мысль, что меня держат за полудурка. Проросшее зерно светлой мысли, вернее. Но я дал слово.

Зашибись.

— Впервые за много лет у нас появился шанс покончить с Вортигеном малой кровью, — промолвила Виджи.

Малая кровь? В Хараште это обернулось свалкой в Ночной Гильдии и резней, которую старина Фатик учинил на Поющей Помойке. Денек, урожайный на трупы. То-то было радости гробовщикам.

Эльфы! Сообщив о предсказании куче народа, они, небось, думали, что путешествие удастся проверить втихаря.

Как бы не так! Теперь у них на пятках висит белообрый миньон узурпатора, неглупый и дьявольски опасный тип, который хочет прикончить не только эльфов, но и меня.

Я тяжело вздохнул. Ну что не спросил еще? И какими клещами мне вытягивать из них ответы?

Крайне занимательный вопрос: кто из них решил пожертвовать собой, сиганув в провал Оракула? Так ведь не скажут. Может, Альбо? И среди церковников, которые делают деньги на оптовой продаже замшелых преданий, есть чистосердечные фанатики. Монго? Горячий юнец, он вполне... Имоен? Совсем девочка, лучше отправить в яму... Скареди? Да, безусловно — слишком прямой и честный, с сердцем, которое бьется по велению долга, он способен... Или это Крессинда? Надеюсь, упав, она проломит дно пропасти и свернет выю тамошнему мудрецу. Короче говоря, каждый из них готов на это безумие. Да и эльфы... Не-е-ет, Виджи не кинется в пропасть, разве что через мой труп.

И еще один вопрос: жертва-то жертвой, но как быть со словами Альбо о том, что *все они* должны стать свидетелями ответа?

«Небеса! — проорал мой инстинкт. — Тебя ловко водят за нос, Фатик! А ты, болван, и не видишь!»

Мне захотелось присосаться к бутылке вина. Вместо этого я допил остатки холодного чая и спросил:

— Предсказание... Оно имеет временные рамки? Другими словами, как быстро вам нужно вытянуть у Оракула ответ?

— Время играет на руку императору, ибо наш Альянс слабеет с каждым часом, — сказала Виджи.

— Позор на его плечи! — выразился принц.

Значит, как можно быстрее. Хм. Но быстрее — не получится. Нам придется пересечь четыре страны.

— Кто из вас выбирался за границы Фаленора? Аркония, Фрайтор, Мантиохия, может, кто-то бывал в самом Дольмире?

Молчат и смотрят. Альбо и Скареди вдобавок рубают пирожки.

Неловкая пауза. Имоен стыдливо опустила взгляд.

Так... Стало быть, никто, нигде, никогда. Другими словами, никто из них не видел ни хрена, кроме своего угла и, может, части земель Альянса. Поздравляю, Фатик, у тебя семеро!

А ведь повезло. Впрочем, как всегда. Интересно, можно ли разжиться у Мельника подгузниками?

— Обычаи, дороги, народы — для этого вы и нужны нам, Фатик, — сказала добрая фея. — И Оракул... Вы там уже были...

Я кивнул. Утирать сопельки и стирать пеленки, знакомая работа. Я мрачно обдумал наши перспективы.

— Главное условие. Отсюда и до Храма все слушаются меня. И только меня. Во всем.

— В разумных пределах! — крикнул принц.

Залить бы тебе свинца в глотку.

— Во всем!

Виджи тронула его высочество за локоть. Он нехотя склонил голову.

— И вы дадите мне слово, что так и будет. Вы во всем подчиняетесь мне. Скажу плюхнуться в грязь — так и сделаете без раздумий.

— Грязь? Зачем в грязь? — изумился Монго.

— Чтобы спасти свою жизнь.

Он не понял. Я промолчал. Дорога научит. Не исключено, что Монго завершит путь с прорехами в зубном ряду, а при особом везении ему даже могут понадобиться костыли.

Я не церемонюсь с аристократами.

— Называйте меня «мастер Фатик» или просто «Фатик». Слово «варвар» под запретом.

Принц свистнул носом.

— Нам нужно пройти полконтинента. Долина Харашты, Фрайтор, затем — Аркония, Арконийский хребет и Мантиохия вплоть до самого Ридондо, где мы сядем на корабль. Теперь поднимите ладони и клянитесь слушаться меня и только меня.

Они не успели сказать и слова, как над нашими головами родился громовой чих, и стонущий голос моего напарника пропел на все «Полнолуние» строфу из гномьей шахтерской:

*Ой-ой-ой, в забой! В забой! Пора в забой!
Ой! Ой! Ой!..*

Тишина... Видимо, Олнику приснился дурной сон родом из детства.

Крессинда хмыкнула, а я мысленно спросил себя — не стоит ли случайно «забыть» гнома на постоянном дворе?

Впрочем, какого черта...

Сэр Джонас Скареди поднял руку первым:

— Даю крепкое заднее слово!

— Чегой-то тут думать, клянусь! — сказала Имоен, нахально мне подмигнув.

Остальные подняли руки почти одновременно, только Виджи слегка замешкалась. Последним, едва приподняв худосочную ладонь над скатертью, дал обет эльфийский принц.

— И еще кое-что. Предупреждаю сейчас, и не говорите потом, что вы не слышали! Если *кто-то*, подчеркиваю, *кто-то* вздумает прикрывать меня в бою от стрел, мечей, копий и другого смертоносного барахла, клянусь всеми богами Харашты, я сдеру с него штаны и всыплю по первое число! Пряжка, учтите, оставляет на заднице болезненные красные отпечатки!

Пять пар глаз покосились на меня недоуменно, шестая — с явной враждебностью, седьмая — та самая, серая и бездонная, способная обволакивать, увлекать и заключать в незримые цепи, опять уткнулась в стол. Пускай. Надеюсь, мое предупреждение достигло острых ушей эльфийской леди.

Заполучив полномочия диктатора, я повеселел. Может, путешествие не будет столь сложным?

— До того как мы заключим сделку, составив документ для передачи в мой клан, я хотел бы услышать ответ еще на один вопрос. Разлюбезные государи эльфы, что Фрей пытался вытянуть из вас тогда, в нашей конторе?

Они не ждали этого вопроса и замешкались. Перекрестные взгляды показали мне, что альбинос хотел попытаться от них чего-то крайне важного (впрочем, смысл жизни он вряд ли искал).

— Сие мы не мо... — Квакни-как-там-его прервался и, уставившись мне за плечо, приоткрыл рот.

Я отчетливо услышал скрип двери, но вскочить не успел — знакомый, преисполненный дутой важности голос произнес за моей спиной:

— Это ты, Фатик Джарси? У меня для тебя письма.

Я подпрыгнул, отбросив стул. Передо мной стоял... Кривошлеп! В лоснящейся кожаной кепке с длинным козырьком и отутюженной униформе Посыльный Гильдии, с толстой сумкой на ремне.

Черт, как он смог нас найти? И как узнал меня со спины, хотелось бы знать? И, Гритт, какой осел не закрыл двери флигеля на засов?

— Это ты, Фатик Джарси? — повторил он согласно цеховому уставу, хотя прекрасно знал меня в лицо. — У меня для тебя письма.

Великая Торба!

— Как ты нас отыскал?

Он смотрел на меня, как на пустое место.

— Это ты, Фатик Джарси?

— Я, черт возьми!

— У меня для тебя письма. Берешь?

А у меня был выбор?

Он порылся в сумке и выудил два письма, свернутых в трубки. Протянул мне одно.

— А второе? Ты же сказал — письма!

— Джабар велел, чтобы ты сперва прочел это.

Мое сердце немного успокоилось. Новоиспеченный глава Воровской Гильдии, конечно, имеет в окрестностях

Харашты глаза и уши. Но где гарантия, что эти глаза и уши работают только на Джабара?

Я уставился на бумажку в руках Кривошлепа:

— Это? Почему?

— Он сказал, после второго письма у тебя не останется времени даже на то, чтобы натянуть штаны. С тебя три реала за доставку.

Я пожал плечами. Загадками изволит говорить Джабар. Развернул первое письмо. Написанное размашистым почерком моего друга, оно гласило:

«Фатик, вот копия цидулки, отправленной твоему старику через карликов еще позавчера. Короткая и малопокаянная, ты уж извиняй. Времени у меня нет, да и местечко стремное, в смысле, тот шалман, где я сейчас заныкался. Там полно крыс, но это пустяки, главное — я пока жив. Писал своими словами, поскольку, видишь ли, ты умудрился набросать записку дедушке моими “гадскими чернилами”, которые имеют обыкновение выцветать через час до полной невидимости.

ПИСЬМО

«Здравствуй, дорогой мой дедушка Трамп Джарси!

Пишу эти строки, стоя коленками на горохе. Я каюсь безмерно. Пять лет я был сволочью поганой, но вчера прозрел, прямо глаза открылись! Поверь, я исправился, гадом буду! Прости меня, подонка! Новое дельце нарисовалось — пальчики оближешь. Сводить пару лосей кой-куда, это для меня как два пальца! Будь спок, монеток на карман отсыплют! Умоляю, восстанови меня в клановом союзе, ежели еще не поздно. Теперь я хороший. .

P.S. Топор я пропил, но ты не переживай, мой лучший друг Джабар — главный вор Харашты и украдет для тебя тысячу топоров на выбор!»

Я покрылся холодным потом. Когда в глазах прояснилось, я обнаружил, что стою, тяжело опираясь на стол, а мое

тело бьет мелкая дрожь. Пожалуй, тон письма и дурацкие покаяния в стиле бывалого мастера воровской гильдии я пережил бы спокойно, если бы не приписка. Дедушка! Несчастный дедушка! Весть о фамильном топоре, который я якобы пропил (Гритт, а ведь я в самом деле пропил свой топор!), сведет его в могилу!

Письмо, скорее всего, уже на полпути к горам Джарси, коротышки не медлят с доставкой корреспонденции. Фургончики у них прочные и лошадки выносливые. О-ох-х...

Я молча разорвал бумагу пополам, потом еще три раза пополам, скомкал обрывки, скатал из них в ладони шарик и бросил на стол.

«Гадские чернила» для составления липовых купчих, мож же догадаться, идиот!

За столом царило молчание. Взгляды, естественно, протыкали мне спину. Что там со вторым письмом, к чему Джабар упомянул мои штаны?

«Дорогой Фатик, ежели ты думаешь, что тебе пишет новый глава Ночной Гильдии, здорово же ты ошибаешься. Нет, сначала-то все прошло гладко, а вот потом меня сковырнули и так намылили шею, что до сих пор сидеть не могу... Слушай сюда и слушай внимательно: Синдикат обанкротился и с потрохами продан Империи Фаленора. Теперь вся Харашта по шею в дерьме, а твой белобрысый приятель всем заправляет. Синдики у него на подхвате, а кто рылся — те давно кормят рыбок. В городе комендантский час. Сам я в розыске, как твой подельник. Нашей обожаемой Гильдией управляет коллегия прихвостней, другие гильдии — Маги, Убийцы, даже Охотники — все у Фрея в кулаке и напуганы так, что не успевают менять подштанники, а ведь они не пальцем деланы и юбок не носят.

Белобрысый злыдничают, сволочь! Он маг или что-то вроде того, ходят слухи, что он имперский смертоносец. Один хрен, кто он, но дел натворил — лопатой не разгребешь. Долго рассказывать, но он кровожадный подонок и запросто умеет убеждать.

Чтобы продолжить нашу творческую деятельность на благо простых горожан и не лишиться голов, всем гильдиям велено способствовать в поимке твоих эльфов и тебя лично. Нужен перевод? По вашим следам посланы своры отборных головорезов, воров и опытных убийц, даже орги Митризена вписались, и еще люди Синдиката вас ищут. Всем вы нужны, никто вас не любит. Скажи спасибо, что я успел снарядить кровожадных господ по ложному следу: шкипер Мокли, хе-хе, лично слышал, как ты, сходя в Текно, бормотал в горячем бреду: “К Ближнему перевалу! К Ближнему перевалу, раздери мою задницу акула!”. Обман раскроется быстро, но время у вас есть. Не спрашивай, как я вас отыскал (Мельнику наше с кисточкой!), но раз отыскал я — рано или поздно отыщут другие.

Засим прощаюсь. Подпись: глава Ночной Гильдии Харашты в изгнании, Джабар по прозвищу “Благородный”, бесславно знаменитый олух и король всех болванов. Честь имею.

P.S.

Эльфов под мышку и — драпайте, тупицы!»

Письмо само свернулось в трубку в моих руках.

В кризисной ситуации нужно как можно глубже дышать. Так говорил мой мозгоправ, третий, которого я так и не выкинул из окна. Я всего лишь подбил ему глаз, когда он предложил мне не бояться мечтать и не сдерживать свои фантазии. Они, дескать, сделают меня свободнее. Жаль, я не решился прирезать болвана. Это была фантазия номер раз.

Я продышался и бросил письмо Джабара эльфийке. По выражению моего лица она поняла, что случилось нечто серьезное. Квакни-как-там-его склонился над ее плечом.

— С тебя три реала, — терпеливо сказал Кривошлеп. Я сделал ему знак подождать.

Раз Джабар не может оплатить доставку писем, дела у него обстоят хуже некуда. Черт, вяпался сам да еще вяпал

приятеля! Ладно, Джабар — ушлый малый, он выберется, не впервой. А вот я...

Виджи не успела закончить чтение: грохоча сапогами, в зал ворвался Мельник, позади которого маячил парнишкаскотник. Физиономия трактирщика была лиловой, вполне гармонируя с цветом нашей скатерки.

— Фатик, — хрипло проговорил он, хватаясь за сердце, — расселся тут, чай гоняешь! А там... Все ваши лошади сохли... Кто-то отравил их, яханный фонарь!

26

Дремотный рассвет. Пышные облака на восточной части небосвода напоминали взбитую розовую перину. Да, вот так красиво. Для полноты картины на этой перине следовало возлежать нагой сероглазой эльфийке с золотыми волосами. Но я не позволил себе вольности вообразить ее именно так, а целомудренно заслонил простыней до ключиц, впрочем, приоткрыв ножки до самых коленок.

Сбоку раздался перестук копыт, мой напарник поравнялся с передком фургона, восседая на пузатом ишаке.

— Ну что ты так медленно? У него что, колеса квадратные?

— Овальные. Отстань, я разрабатываю план нашего пути. — Я прищелкнул вожжами, и два каурых мерина слегка ускорили шаг. Куда им быстрее, они и так тянут перегруженный фургон с натугой. Впрочем, за пять часов мы покрыли миль двадцать без всяких помех; гном ехал позади и следил, не покажутся ли на пустынной дороге огни преследователей. Внутри фургона царил тишина. Мои наниматели дремали на матрасах Мельника. Гм, хочу надеяться, что дремали. Фургон тесный, кое-кому пришлось устроиться сидя. Ну ничего, в тесноте, да не в обиде. Когда отъедем от «Полнолуния» миль на тридцать, устроим дневку на открытом воздухе. А пока — вперед. Подальше от Убийц, Охотников, Магов и белобрысого полудемона.

Олник немного помолчал, дыша перегаром. У меня сложилось ощущение, что рядом со мной едет живой ви-нокурный завод.

— Не видно ни черта!

Он преувеличивал, точнее — откровенно врал: любой, даже равнинный гном видит в сумерках как дикая кошка. Лучше бы сказал: да, я боюсь темноты. Вот это было бы чистой правдой.

— Хочу спать!

— Так полезай в фургон.

— Еще чего! Там эльфы! Я расчихаюсь до неприличия!

Я не ответил. Нытье напарника начинало действовать на нервы. Нет, я, конечно, понимаю — у него похмелье, и шишка на лбу совсем не радует, да еще этот килт... Он ехал в коротком килте поверх штанов. Точнее, в скатерти канареечной расцветки, наскоро прихваченной нитками, чтобы держать форму, с широкой бретелькой поверх левого плеча. Все чин по чину, все, как и полагается гномам, что живут под властью Жриц Рассудка, разве что килт без тартана* Зеренги. Это был кошмар и скандал, из-за которого мы тронулись в путь на час позже. Крессинда была неуступчива, как прибрежный утес. Либо гном едет в килте, соблюдая правила Жриц, либо она разворачивается и уходит. Мой бог! Когда женщина получает хоть крупицу власти, она начинает злоупотреблять! Олник тоже стоял стеной. Бегать в килте с голыми ногами, это... Много лет такого не было, с самой Зеренги! Компромисс придумал я. Килт — формальность, и нет ничего плохого, если напялить его поверх штанов. Эксцентрика, ну подумаешь! Крессинда надулась. Олник надулся. Но это был единственный выход — лучший из всех возможных. Но, конечно, в таком наряде желательно не появляться в людных местах.

* Расцветка килта, по которой определяется принадлежность к тому или иному клану.

Не смешно, а грустно. Полагаю, именно внезапная потеря мужского начала сделала гнома таким брюзгой. Скоро он начнет жаловаться на головную боль в определенные дни месяца и отращивать волосы, чтобы заплетать в косу.

— Я думаю, нас обоих сглазили, вот что! — сказал напарник и скукожился в седле.

Может быть, Олник, может быть.

Он громко чихнул.

* * *

Мы так и не узнали, кто отравил лошадей. Предатель, лазутчик или крылатый демон? Скотник божился, что он не при делах — и, глядя на его простецкую физиономию, в это можно было поверить. Альбо заподозрил Кривошлепа, но Мельник покачал головой: лошади прихворнули еще до того, как фургон коротышек оказался на постоялом дворе.

В живых остался один Чахоточный Чох, на котором наш гном ехал от самого Текно. Его, видимо, не приняли в расчет, или у осла нашлось достаточно соображения, чтобы не съесть политую ядовитым зельем траву.

Монго испытал приступ паники, я — тоже, но не подал вида. Не подавать вида, что все плохо, когда оно плохо — одна из обязанностей лидера. Ну и конечно — я всегда знаю куда идти, даже если отряд уперся носом в тупик.

На сей раз дверцей в тупике оказался почтовый фургон коротышек. «Конфискация имущества ввиду острой необходимости», так я это назвал. Они не пожелаали расстаться с ним по-хорошему, они брыкались и орали, пока мы вышвыривали на землю ящики и почтовые торбы. Когда Кривошлеп чуть не отхватил Скареди палец, мы связали шмакодявок, а после отборной порции ругани на самых высоких нотах — заткнули им рты. Эльфы щедро отсыпали им золота, но гнев карликов было не унять. Их оскорбили и ограбили при исполнении, практически — обесчестили, пихнули мордой в пыль. Уж теперь они позаботятся, что-

бы о варварах Джарси разнеслась поганая молва. Ну и, разумеется, я до самого конца света буду отрешен от услуг хараштийской Посыльной Гильдии.

— Прости, Кривошлеп, но обстоятельства вынуждают, — покаянно сказал я.

Он попытался сожрать меня взглядом.

— Едем к Ближнему перевалу! — объявил я на случай, если коротышки, вздумав отомстить, донесут на нас в Синдикат.

Мы собирались в спешке, бросая в фургон вещи, подвязывая тюки к бортам и заднику. У эльфов, на удивление, оказалось не слишком много личных вещей — всего-то по две седельные торбы. Сами седла я отговорил брать с собой — лишний вес ни к чему, а хорошими скакунами нам не разжиться до самой Сэлиджии, фрайторской столицы, будь она неладна.

Мельник, посвященный в тайну письма, одарил нас матрасами и едой, и, лично от себя, бутылкой красного и воровским хитрым поясом, куда можно прятать всякие мелкие бытовые штуковины вроде выкидного ножа и бритвы.

— Кажись, и мне пора рвать когти, — сказал он, более чем довольный количеством эльфийского золота в карманах. — Пересижу в одном месте до лучших времен. Раз империя сцапала Харашту, торговли в ближайшее время не жди, да еще эти карлики... — Он хитровато прищурился. — Кстати, раз пошла такая пьянка — седла-то я забираю. Твои, э... Не против?

Ушастые не были против.

Выезжая за ворота «Полнолуния», я вспомнил, что забыл прихватить гнома.

Досадно. Досадно, что вспомнил, я имею в виду.

Проклятый килт.

* * *

Заря разошлась на полнеба. Фургон волочился по пустынному тракту, путь отмеряли покосившиеся мильные

столбы. Гном ехал где-то позади. Надеюсь, он исправно поглядывал за спину. Ночью и в сумерках преследователей заметить легче: если их много — а их много — они обязательно зажгут несколько фонарей.

Но тракт в обе стороны был пустынен. Ни тебе торговых караванов, ни гонцов. Со времени блокады Долина Харашты погрузилась в летаргию.

Я ловил ртом порывы легкого холодного ветра, оцепенев в полудреме, и отчаянно пытался не уснуть. Фургон миновал несколько деревень с засеянными полями и мост через реку Грокс. Будка мытаря пустовала. Да, худы дела у Синдиката. Вернее, теперь его дела — собственность империи. Вот ведь как бывает.

Когда утренние сумерки уступили место дню, я велел напарнику уничтожить следы поворота колес и, съехав с тракта, надежно затерял фургон в лесистых холмах. Выбрал поляну попросторнее, распряг коньков, стреножил и отправил пастись. Нашел и обозначил место для костра под деревьями. Дым рассеется в листьях, с дороги нас не заметят.

Здесь кругом были обжитые места без лесных нечистей, троллей, бродячих упырей и банд гоблинов-побирушников.

Предательски заурчал желудок. Спокойно, друг, терпи. Перед завтраком я немного вздремну. Давно, понимаешь ли, не спал на природе под пение птичек.

Я приподнял полог и крикнул внутрь фургона:

— Приехали, братцы! Еще не Дольмир, но уже и не Харашта! С вас — сбор дров, костер и завтрак!

Надо сразу озвучить свою позицию. А то ведь некоторые наниматели склонны воображать, что покупают себе няньку на все руки. Но я не намерен вытирать им сопли в буквальном смысле и блюсти речевой этикет.

Они выбирались из тесного фургона, охая и ахая, выдыхая облачка пара, только перворожденные легко соскочили на траву и почему-то сразу уставились на небо. Затем переглянулись, что-то сказали друг другу. Я кивнул

доброй фее. Она сдержанно кивнула в ответ, поправляя курточку охотничьего костюма. Лицо у нее было бледное и замкнутое, волосы убраны назад. Заостренные ушки тоже выглядели сурово. *Аллин тир аммен* временно отправился погулять.

Монго выпал из фургона последним, с оханьем распрямился, потер мятое лицо с рыжими бровями:

— Река?

— Где-то там, в пятидесяти ярдах. — Я указал пальцем. Близость воды я безошибочно определял своим инстинктом варвара. — Потом сообрази кулеш на всех. Поройся в тюках снаружи, Мельник набросал нам круп и овощей. Мясо крошишь мелко, когда закипит. Перца чуть, соли тоже немного — готовим на всех, помни об этом. Олник тебе в помощь.

У него отвисла челюсть. Дворянин, черт, как же я забыл. Воинская доблесть да фанаберия — вот и все их умения. Ну и еще портить крестьянок они мастера.

Готовить вызвалась Имоен. Что бы я без нее делал. Гм, наверное, приставил бы к готовке эльфийку. Интересно, какими бы глазами она на меня тогда посмотрела.

Скареди я отправил наблюдать за трактом, велел не маячить в поле одинокой березой.

— Буду глядеть с хорошей точки зрения! — пообещал старый рыцарь.

Надо же.

Он взгромоздил Малого Аспида на сгиб локтя, взял кусок выдавшей виды замши и отправился на пост полировать свой меч.

Альбо и прочим досталась миссия сбора валежника. Крессинда недовольно повела носом — мужчина-командир, пусть и человек, о, это тяжелое бремя похода! Эльфы молча кивнули и исчезли за деревьями. Лес для них — родной дом. Может, заодно пусть наберут на ужин лягушек из реки?

Раздав всем сестрам по серьгам, я влез в фургон, отцепил перевязь с мечами и разлегся на матрасах.

— Шуметь можно, песни петь — можно! На барабане — тоже можно! Разбудите, как будет готов завтрак. Или когда дракон налетит.

Мой слух научен пропускать мимо всякие, даже громкие звуки, кроме звуков опасности. Чутье варваров Джарси, выработанное годами тренировок. Единственное, чего не выношу — это кошачьих воплей (бедные мои ботинки).

Олник забурчал снаружи. Он, дескать, всю ночь не спал да еще натер мозоли седлом. Ничего, родной. Уделался пивом до невозможности и опозорил товарища? Теперь расплачивайся.

Я очень суров в пути.

Странно, но на меня вдруг снизошла бодрость духа, которой мне так не хватало в Хараште. Что ж, возможно, длительный отпуск от варварских дел пошел мне на пользу. Плохо лишь, что мы не успели составить контракт. Я мог бы послать его дедуле, авось старику отлегло бы от сердца... Нет, не смог бы — карлики настроены против меня и всех варваров Джарси. Конфликт, который мне когда-нибудь придется утрясти.

Раньше на стоянках я засыпал, положив под щеку свой топор. Но теперь вдруг оказалось, что и без него, на скрученном под головой матрасе, спать ничуть не менее удобно. Я начал задремывать, и последней связной мыслью, точнее, непрошеным видением был образ эльфийки, которая освежалась в ручье...

— ...Фатик! Вставай же, Фатик!

— А? — Я подскочил, гном смотрел на меня огромными глазами, в полумраке напоминая сову, которой внезапно прищемили лапу. — Чего тебе, балда? Завтрак? Враги?

— Котелок!

— Что?

Он захныкал.

— Мы забыли в «Полнолунии» котелок! И сковородку! И кружки! Я все перерыл!

Я проклял все на свете. Забыть котелок и сковородку... да лучше бы мы забыли свои мозги!

Это все из-за топора, точно вам говорю. Он был моим талисманом в походах. Наплачусь я без него, ох наплачусь!

Я выбрался из повозки. Они стояли неподалеку — все, кроме эльфийского принца и Скареди. На лицах — повышенное внимание. Ну как же, главный явился. В месте, обозначенном мной, сухо потрескивал костер.

Я скрипнул зубами и молча окинул взглядом пожитки, которые Олник разложил на траве в надежде отыскать между ними забытое у Мельника.

Жестяные тарелки и серебряные ложки... Эльфы не едят из общего котла, яханный фонарь! Вилки, ска... вышитая эльфийская скатерть! Гритт... Бисквиты, сухарики, крупы, вяленое мясо, сырое мясо, сушеные овощи, колбаса, бекон, специи, баночка малинового варенья... Набор канареечных подштанников. Эльфийские спальные мешки из черного шелка. Лютня. Интересно, какой идиот на ней играет? Умывальные ковшики, еще влажные. Полотенца.

И никаких следов сковородки и котелка.

Только огромный чайник тонкой гномьей работы блистает, заботливо привязанный Мельником к борту фургона.

Гм. Крышка широкая, ручка годится для того, чтобы подвесить чайник над огнем, вот только носик. А если...

— Крессинда, мне нужен твой молот! — позвал я.

Несколько ударов молота сплющили носик чайника: прощай, тонкая гномья работа! Кулеш варил я, вырезав из сухой ветки длинную ложку и зевая во весь рот. И если вы думаете, что варить кулеш в чайнике просто — вы здорово ошибаетесь. Хуже только — извлекать его оттуда. Но, в общем, я справился, и мы кое-как позавтракали. Отмыв чайник (очень долгая и нудная работа, которую проделал Монго), я вскипятил в нем воду (достаточно простая работа, которую проделала Имоен). Умывальные ковшики сошли за кружки, а бисквиты с вареньем — за бисквиты с вареньем.

Олник, играя роль отщепенца, ел в стороне, рядом с осликом, и бросал на эльфов свирепые взгляды. Держись, бедняга! А лучше снова законопать нос ветошкой.

После завтрака я отправил Монго сменить Скареди и объявил маленький военный совет. Попытался устроиться ближе к эльфийке, но она, текучая, будто ртуть, и суровая, как осенняя гроза, все время держалась напротив меня. Я даже не мог уловить ее запаха, и это бесило меня больше всего. Я возжелал исполнить вокруг их неприступного величества дикарский танец с воплями, затем подхватить на руки, и...

Полегче, Фатик!

Присев, я расстелил на траве подробную купеческую карту Долины Харашты и сопредельных земель.

— Первое и главное. Сковородка. Сковородкой попробую разжиться в какой-нибудь деревушке. Не хотелось бы никуда заезжать, но без сковородки в походе как без рук — ни тебе блинчиков пожарить, ни оладий, ни по голове настучать. Так что я распрягу одного конька и наведуясь в какой-нибудь поселок. Пока мы на тракте, деревни будут попадаться часто, но больше мы там не покажем носа, иначе оставим шлейф, по которому нас запросто отыщут... Те из вас, кто привык путешествовать от трактира к трактиру, затяните пояса.

— А как же пиво? — вскричал Альбо, с кряхтеньем пытаясь опуститься на колени.

— Да-да, как же пиво? — взвыл Олник, слушавший мой монолог в стороне.

— И баня! — внезапно поддержала его Крессинда.

Проклятие!

— Вместо пива — чай, вместо бани — река, вместо женщин — воздержание. Нашей крови жаждут минимум четыре банды. Я не знаю, действуют они совместно или вразнобой, но думаю — вразнобой, очень уж они ненавидят друг друга. Значит, шансы на то, что кто-то из них нападет на наш след — возрастают.

— Гшааны, — обронил Квинтариминиэль тихо.

Гритт... Хотел бы я взглянуть в глаза той эльфийской матери, что дала ему это имя!

— Сам знаю. Виджи, расскажите мне о них все, что знаете.

Она рассказала. Новости мне не понравились. Хреновые были новости. Фатик понял, что влип по-крупному.

«Уцепил наш астральный след...», надо же. Ладно, я успокоил себя тем, что гшаан, убитый Имоен, один из тех, кого Фрей отправил к черту на рога по принципу — «авось что и изловится». Основные усилия смертоносец, спасибо Джабару, сосредоточил на том, чтобы догнать нас у Ближнего перевала.

Поправка — сосредоточил *пока*. И не факт, что, пока он будет искать нас у Ближнего, не подтянутся другие смертоносцы.

— А хороших скакунов нам не раздобыть до самого Фрайтора, — я размышлял уже вслух, — следовательно, устраивать гонки со злыднями нам не на чем. Поступим умнее. Вскоре мы съедем с тракта и тронемся к Дальнему перевалу через Огрову Пустошь. — Я сдвинул карту так, чтобы на Пустошь, испещренную корявыми закорючками, которые символизировали дурные места, пал солнечный луч. — Место гнусное, и без проводника туда лучше не соваться.

— Опасно, но нет лишних глаз? — спросил Альбо, потирая живот.

«Вам, клирик, не помешает малая толика страха, авось да похудеете», — чуть не сказал я.

— Опасно? — Гритт, когда речь заходит о местах, что именуются на картах «Огровыми Пустошами», «Змеиными Холмами» или, там, «Лесами Костей», у обывателя, что выезжал не дальше соседнего городка, возникают опасения и страхи — бедняге чудится, что в каждом таком месте притаилось зло вселенского масштаба, и ему невдомек, что если зло там и есть, то оно давным-давно обжилося, установило свои порядки и просто не хочет, чтобы к нему совались разные идиоты. — Скорее противно. Анархические

коммуны земледельцев, отшельники веры, племена огров и гоблинов... И стаи аардварков, конечно.

— Аардварков? — содрогнулся Альбо. — Обратней?

Боковое зрение — интересная штука: для того, кто владеет им в полной мере, открывается другая вселенная. Вселенная людей без масок, вселенная *обнаженных* лиц. Люди обнажают лица, когда им кажется, что на них никто не смотрит.

Оказалось, так же поступают и эльфы.

Я заметил, что после вопроса Альбо по губам принца скользнула легкая усмешка превосходства. Ах ты... Значит, говоришь, никогда не выезжал за пределы Витриума, высочество? Но при этом — знаешь, что такое аардварк?

Лжете, эльфы! Все время лжете!

Но, Гритт, эльфы — не лгут.

Перворожденные, м-мать их!

Высшая раса? Такой же скелет, одетый плотью...

Более духовные? Вероятно.

Милосердные? До глупости.

Красивые? Я бы не назвал утконосую эльфийку небесной красавицей.

Лживые — как люди.

Вот это — верно. И плевать, что эльфы не лгут. Инстинкт варвара буквально орал мне в уши: «Они брешут, Фатик!».

Однако я дал слово проводить их к Облачному Храму и теперь был вынужден периодически стряхивать с ушей некоторое количество эльфийской лапши.

Ладно.

— Это земляные свиньи, — пояснил я уныло. — Живут в норах, питаются термитами. Могут разворошить ваш багаж. Хм, вкусные...

— А змеи... и пауки там водятся? — осведомился Монго. Ага, боится мелкой живности, надо же.

— Ничего особо ядовитого, — сказал я. — Разве что песчаная медянка. От укуса разносит физиономию, как... — Я покосился на дородные щеки Альбо, но не решился на

сравнение. — В общем, ерунда. Но в Пустоши легче затеряться, к тому же я знаю ее как свои пять пальцев. Пусть шайки рыщут по тракту туда-сюда, мы просто тихо его объедем. За нами они вряд ли сунутся, они, как бы сказать, *городские жители*, а горожане привыкли ездить по хорошим дорогам. То же самое они подумают о нас. Сколько гшаанов может наплодить Фрей?

Виджи покачала головой:

— Мы не знаем меры его сил. Если он прибегнет к помощи городских магов...

— Яхан... Имоен, ты знаешь, что делать, если эта штука попадется тебе на глаза.

Лесная нимфа кивнула.

Я поскреб свежую щетину. Она хрустела под пальцами.

— Наш белобрысый смертоносец что-то подозревает, иначе не послал бы тварь выслеживать нас совсем не у Ближнего перевала. Полагаю, он действует сразу во всех направлениях. Но, сдастся мне, фора в пару дней у нас все-таки есть.

— Мы поедem во Фрайтор через там? — Скареди показал на Дальний перевал.

— Через там и еще через тут. — Я провел пальцем извилистую линию по горам Галидора. — Мост Дул-Меккарин, уже фрайторское владение. Мы пересечем Пустошь дня за три-четыре, на пятый будем уже возле перевала, на шестой — поднимемся и пересечем мост. Придется заехать в местную кузню, чтобы перед горными тропами перековать лошадей.

— Да пребудет с нами... — начал Альбо, но осекся под моим тяжелым взглядом.

Топор, где ты, мой топор! Я снова впал в скверное настроение.

Добыча сковородки — это вам не охота за артефактом, призванным спасти мир от всеобщей Тьмы. В первой же деревушке нашлась только одна свободная сковорода размерами со слоновье ухо. Общинная собственность, на которой в праздники готовили на всю братию, ценой всего в десять реалов золотом. Во втором поселке мне попытались всучить дырявую сковороду, замазанную подкрашенной глиной, в третьем предложили на выбор десять чугунков и ни одной сковородки, в четвертом несколько сельских лоботрясов завлекли меня во внутренний двор трактира и попытались ограбить (я проучил их несильно, боялся убить), и лишь на пятый раз мне повезло. Впрочем, это не совсем верное слово, ибо за сковороду содрали втридорога. Плкнув на конспирацию, я прикупил и запасное колесо для фургона, навесив кузнецу лапши о «подарке другу на День рождения».

Наконец мы свернули на Огрову Пустошь. Громадной кляксой она вытянулась от Галидорских гор до морского побережья. Некогда здесь плескался залив с многочисленными рифами и островками, но вода ушла, оставив никуда не годные засоленные почвы. На окраинах Пустоши кое-где добывали ракушечник, но далее тянулись места совсем дикие.

Я остановил фургон у спуска, прыгнул и окинул взглядом бескрайнюю чашу Пустоши. Горизонт терялся в жемчужно-розовой дымке. Ага, Кривой менгир — вот он. Бойкие огры нацепили на него парик из мочальной тыквы. Значит, от менгира — налево. Давно, давно я здесь не бывал... Сухие кустарники и пыльные пучки жесткой травы, редкие ручейки пресной воды, ящерики, снующие меж закругленных камней и термитников. Иногда из земли выпирают большие серые, точенные ветрами кости сухопутных кракенов, бродивших тут в незапамятные времена...

Пустошь я знал чуть хуже, чем свою правую ладонь. Меня тягали сюда как проводника много раз. Кто искал со-

кровища затонувших кораблей (результатов — ноль), кто — развалины древних городов (аналогично), иные хотели сподобиться мудрости отшельников веры и анахоретов (о, этих мерзавцев тут было — как вшей в бороде каторжника). В глубине Пустоши обитали племена равнинных огров. Мирные вегетарианцы, по отношению к которым слово «тупые» звучало бы комплиментом их сообразительности. Обычно они вели оседлую жизнь, выращивая тыквы, дыни, окру и репу на островках плодородных земель и впадая в спячку в холода. Я говорю «обычно», потому что у местных огров существовало несколько бродячих деревень, одержимых охотой к перемене мест. О, эти деревни... Но об этом расскажу в следующий раз. Что до тварей повышенной свирепости, то как-то раз я встретил тут облезлого дикого кота. Свирепая тварь преследовала меня неотступно и, делая большие глаза, в конце концов выклянчила у меня почти все запасы вяленого мяса.

Я вздрогнул: из глубин Пустоши ветер принес одинокий, тоскливый вой.

— Оборотень? — Альбо сделал знак отвращения зла и тут же утер вспотевший лоб.

Скареди повторил знак:

— Да защитит нас святая Барбарилла!

— Оборотень? — Я прислушался, зацепив взглядом эльфийку: ушки на макушке, тонкая рука готова выхватить клинок из-за плеча. — Да нет... Какие тут оборотни? Отшельники, анахореты... Новый урожай овощей еще не поспел, а отшельники — тоже люди, только такие, у которых в башке перекося, потому охотиться они не желают, а питаются исключительно растениями. По полгода жрать сушеные стручки окры и вяленую репу — тут и агнец вззоет. Почти все пустынные шальная братия, многие из них — сущие безумцы. На привале не отходите от лагеря далеко, а если уж отошли — берите с собой оружие. Косматых незнакомцев лучше не подпускать близко. Кто знает, что они захотят с вами сделать. Сперва бейте — потом спрашивайте. Как-то так.

— Брутально, — сказала Крессинда, наморщив нос-пуговицу.

— Зато останетесь живы. Отшельники могут ловко прятаться, одиночество обостряет звериные инстинкты, и вот вам заповедь на этот случай: всегда, когда отходите от лагеря, проверяйте ближайшие кусты и выемки, бросая в них камни.

— Тяжелые камни? — спросил сэр паладин, возвышаясь над Альбо и гномшей на полторы головы. Гритт, он был даже выше меня!

— Ну... какие осилите бросить. Прошли немного — бросили камень. Еще прошли — еще бросили. Все тихо — идете дальше. Таков закон Пустоши. У ручья — один моется, другой стережет. Только так.

Альбо смахнул пот с тонзуры:

— Великий Атрей!

— А может... тойой... их просто накормить? — спросила Имоен.

Добрая женская душа! Слепая вера в то, что если морального уroda или обычного дурня, который ищет святости вместо того чтобы работать, накормить, отмыть и приласкать, тот сразу исправится, поумнеет, станет *человеком*.

— Накормим одного, явится еще десять, да и первый сразу за нами увяжется. Дешевле избить и бросить. Бить разрешаю ногами.

Монго протолкался вперед, взяв лютню наперевес (да, именно Монго вез с собой лютню, представьте!).

— Это... грубо!.. Жестоко.

— Ага, — кивнул я и чувствительно ткнул в его цыплячью грудь пальцем. — Тебе разрешаю никого не бить, усек? Когда тебя двинут булыжником, выпотрошат и сожрут — то-то мы посмеемся.

Его бледные щеки пошли красными пятнами. Ар-р-ристократ, Великая Торба! Праведник! Нет, проще водить по горам и долам пьяных гномов.

— Тут, должно быть, полно змей и пауков... — обронил он.

Напарник подъехал ко мне и спрыгнул с ишака.

— Позади чисто, Фатик. *А-а-апчхи-и-и!* Глянь-кось, чего я нашел на дороге. — Он протянул мне ременную пряжку с тонкой серебряной филигранью и мелкими изумрудами. — Господа-эльфы потеряли. Точно — они. Я от нее чихаю.

Принц оставался в фургоне, поэтому я молча протянул находку Виджи:

— Ваше, добрая фея?

Она приблизилась, я услышал исходящий от нее аромат. Взяла пряжку с моей ладони. Касание прохладных пальцев заставило старину Фатика вздрогнуть.

— *А-а-апчхи-и-и!* Да точно, ихнее! Я ж чихаю!

— Добрая фея, это — ваше?

Она кивнула как бы между прочим. На замкнутом лице появился намек на улыбку.

— Спасибо, это действительно наше... — Повернулась к Олнику. — Спасибо, милый гном...

— *А-а-апчхи-и-и!* — Я решил, что Олника сейчас вывернет наизнанку. Не только от близости эльфийки, но и от похвалы, которая могла подействовать как рвотное. Она бы еще по голове его погладила!

— Это семейная вещь... Мы думали, что потеряли ее навсегда. — Виджи кивнула гному, затем мне — величественно, как королева, и направилась к заднику фургона. Заостренные кончики ушей — ни гугу. В смысле — не покраснели. Значит — не лжет? Значит — и впрямь потеряли? Либо она настолько хорошо вжилась в роль, что ложь...

Однако эльфы не лгут, яханный фонарь!

Или в этой максиме есть нюансы?

И вот еще что: «мы», «думали», нет, они точно — муж и жена!

Я загрустил. Сквозь грусть пробилась гипотеза, которую я поспешил удавить.

Нет, ерунда. Я же своими глазами видел, что сделали с эльфами подручные Фрея. Ну а во дворе Ночной Гильдии он пытался всех нас ухлопать. Ну да, сперва он велел прикончить меня, но потом собирался разделаться с эльфами,

я уверен. Меня он хотел убить первым по одной простой причине — месть за унижение. Смертоносцы такого не прощают.

Я поднял камешек и бросил вниз. Камешек покатился, оставляя шлейф бурой пыли.

Под тоскливый вой святого отшельника мы покатили навстречу моим призракам прошлого.

* * *

Я отъехал в глубину Пустоши миль на двадцать, спускаясь по пологим террасам бывшего залива, и двинул фургон на северо-восток, ориентируясь по менгирам — похожим на огурцы одиноким камням, врытым в землю на четверть. Их натыкали в Пустоши Предтечи, загадочный народ, сгинувший бесследно*. Среди людей гуляли слухи, что Предтеч забрали к богам за особую святость (я полагаю, такого розового, с бледным золотистым сиянием оттенка) и что Пустошь, откуда их забрали, до сих пор хранит следы благодати Небес. Именно потому тут развелось столько анахоретов и прочего сброда. В комиссии по религии, куда входили представители всех пятидесяти официально разрешенных богов Харашты, до сих пор шли сражения, бои и стычки на тему — чей же бог это сделал и кому в таком случае надлежит оградить Пустошь забором, чтобы пускать туда паломников за деньги. Компромиссное решение — разбить Пустошь на отдельные квадраты и пускать туда паломников своей веры никого не устраивало. Все — или ничего. Ох уж эта человеческая жадность!

Менгиры были разной высоты, но меньше девяти футов не попадались. Под иным можно было укрыться от солнца, вытянувшись поперек его тени. На поверхности камней были выбиты орнаменты, сглаженные работой ветра. Проезжая мимо одного, я отыскал нацарапанное гвоздем имя

* Что? Говорите, менгиры и есть те самые следы? Э-э, гм...

Фатика Мегарона Джарси и чуть не прослезился: как же давно это было, а камень помнит!

Теперь мы ехали днем. Прочные, обитые стальными полосами колеса фургона поскрипывали по камням. Песчаные зайцы, ящерицы, пугливые стаи аардварков, канюки да изредка отшельники дикого вида — вот и все живые существа, что нам пока встретились. Я правил, иногда выгоняя команду из фургона, чтобы дать роздых лошадям. Благо, лето еще не началось, и желтое солнце Пустоши позволяло двигаться пешком достаточно резво.

Мне не давала покоя одна мысль, она изводила меня, пока я бодрствовал. Настолько, что постепенно я начал бояться, что превращусь в параноика.

Если моя гипотеза верна и происшествие с пряжкой не было случайностью, кому в таком случае эльфы указывают наш путь?

28

Минуло три дня, крепкие лошадки карликов не знали усталости. Мы спешили на юго-восток, и пока все шло нормально, другими словами — не через задницу, чему я несказанно удивлялся.

За это время я успел приглядеться к своим спутникам. Я предполагал, что негодяй, уморивший коней, находится среди них. Семеро — из них двое эльфов, уже замаранных обманом старины Фатика в Хараште и происшествием с пряжкой. Но отравить лошадей? Не-е-ет, эльфы... гуманны. К тому же — эльфы не лгут, если вы позабыли. Может, они и пытались указать кому-то дорогу (черт, но ведь эльфы *не лгут!*), но отравить благородных животных — нет, на такое они не способны.

Значит, остаются эти пятеро. Гномша — и человеки. В общем, я присматривался к ним, но покамест никто не вызвал у меня обоснованных подозрений. Подробности

своей жизни они скрывали, однако кое-что мне удалось выведать. Но — лишь самую малость.

По большей части, все они (кроме Монго) были энергичны, деятельны собранны, не допускали суетливых жестов и старательно слушались меня во всем. Правда, стараниями одного резвого гнома моих ушей достигли слухи, что Крессинда — едкая бабенка! — за глаза называет меня «командором без Ордена» и «генералом без армии», но носить такие прозвища, согласитесь, лучше, чем прозываться «тупым идиотом», «меднолобым бараном» и «горой мышц без мозгов». Костяшки моих кулаков до сих пор помнят челюсти тех, кто пытался дать мне такие имена.

Может, я и недостаточно велик для варвара, но по зубам могу съездить жестко, по-варварски, если меня довести.

Но, Гритт, кто же из них отравил лошадей и зачем?

Я так и не выяснил этого.

Они достаточно загрубели в пути, а Монго даже обзавелся траурной каймой под ногтями, отчего сильно страдал, без конца вычищая грязь острием кинжала. Однако никто не стонал и не жаловался. У них была цель — Оракул, и они двигались к ней с достойным упорством.

Тучный Альбо, на удивление, тоже не слишком уставал. Он нес свою вахту, помогал разводить костер, запросто мыл лошадей, тихонько матерясь себе под нос. Макушку брил каждый день перед утренней молитвой. «Зарастает, ишь...» — бормотал, тщательно выскребая кожу. По вечерам он рассматривал звездное небо и, сверкая тонзурой, чертил на песке астрологические диаграммы. Он спросил о дате моего рождения, на что я пожал плечами: не знаю. Дедуля Трамп решил, что мне было десять лет, когда он меня отыскал. Значит, сейчас мне тридцать два плюс-минус год. Никогда не увлекался астрологией.

Свой сан он держал в секрете, однако по тому, с каким пиететом относился к нашему клирику Скареди, я понял, что сан этот велик.

Тяжеловесная Крессинда в сапогах с высокими голенищами без конца жевала табак, сплевывая не меньше чем

на десяток футов. Она была готова пройти и сто, и тысячу миль, гордо неся свою грудь и звание Жрицы Рассудка Шляйфергарда. В ней была такая... громоздкая убежденность в исключительной правильности своих взглядов и скрытое нежелание подчиняться мужчине: «Да, конечно, мастер Фатик, я сделаю, но вы, безусловно, дурак, хоть я и не произношу этого вслух». Впрочем, пока она держала свои мысли при себе, я был спокоен. Гномша питала нежность к командному тону и почему-то решила, что может помыкать моим напарником. Но Олник стойко держал оборону и только раз сорвался на крик, когда гномша попыталась заставить его перебирать гречку.

— Я не рожден для кухонного рабства! — отрезал он, развернулся и ушел.

Мысленно я ему заплодировал.

Скареди, старый пес, казалось, вообще не испытывал усталости: он размеренно шагал, надвинув шляпу на нос, — здоровенный, плечистый, с морщинистой толстой шеей. Вечером он впадал в молитвенный транс у маленького реликвария из красного порфира. Там покоилась часть праха святой Барбариллы-страстотерпицы, которая до двадцати лет считала себя мужчиной. (Запутанная история.) Рыцарь отлично нес ночные вахты — именно он, а не я, поймал святого отшельника, обросшего вшивого мерзавца, который ужом пробрался в наш лагерь, чтобы стянуть съестное.

Изловив отшельника, Скареди сначала поинтересовался, в какого бога тот верует, и, когда выяснилось, что это не Атрей, показал реликварий и посулил впрессовать туда отшельника в живом виде. Ну а вломив анахорету пинка, он присовокупил к нему такое ругательство, что у меня на душе потеплело.

На ночь он втирал в кожу головы какую-то настойку, приторный запах которой прекрасно отгонял комаров и, вероятно, мог отбить аппетит у настоящего вампира.

— Лысею, — сказал он без тени смущения и щедро облил настойкой мой носовой платок. — Держите, мастер

Фатик. Клянусь полушкой, настой отгоняет комаров на раз!

И вот как, скажите, такой замечательный человек мог отравить лошадей?

Имоен в своей тунике, открывавшей больше, чем нужно моему взгляду, двигалась бесшумно, сверкая крепкими икрами, плечами, другими частями тела и задорно поматывая пышным хвостом волос. Покладистая и всегда готовая помочь, смешливая и искренняя, она старалась держаться в голове фургона. Легкая улыбка не покидала ее загорелого лица, но подмигивания, честно говоря, начинали меня раздражать. Я не любитель молоденьких девушек, особенно тех, что вешаются на меня сами, да еще из числа нанимательниц. Гритт, вот вам и проблема: как ей об этом сказать по возможности деликатно, чтобы не получить стрелу в глаз?

Она происходила с нагорья Тоссара, жительница лесов, воспитанница тамошних друидов. Ребята они суровые, но не настолько, чтобы воспитать из девчонки пуританку и буку. Хотя — между нами — лучше бы такой ее и воспитали. Жаль, что в ее голове было пусто...

Монго... Хм. Из частностей, что заслуживали внимания, мне удалось лишь вывести, что он дворянин видной фаленорской фамилии и вырос без родителей, убитых Вортигеном. Бедняга. Сирота-аристократ, это сурово. За исключением чистоты ногтей, его преследовали лишь две мании — сочинение стихов и игра на лютне. Когда спало напряжение первых дней пути и он впервые коснулся струн («Лето звонкое пропело/ О любви своей несмело...»), я остановил фургон и предупредил сиротку, что каждый следующий аккорд будет стоить ему зуба. Я люблю пение и музыку лишь в трактире и то не всегда, а в своем отряде такого не терплю. Он обиделся, но ничего не сказал. Потом я часто замечал, как немо шевелятся его губы. Сиротка сочинял стихи!

Короче говоря, все они и на первый, и на второй, и на третий взгляд казались довольно приличными ребятами

(ну и девушками тоже). Они спокойно ели походную пищу у костра, не жаловались и не скулили, запросто стирали бельишко в ручьях и исполняли работы по обустройству лагеря. Я решительно отказывался верить, что кто-то из них мог убить лошадей.

Они, повторюсь, были праведниками, которые упорно шли к своей цели — Оракулу.

Что касается эльфов, то они вели себя тихо, как мыши. И принц, и добрая фея, облеченные в одинаковые дорожные костюмы, безропотно исполняли мои приказы, а большего мне и не было нужно. Ну разве что прижать к себе эльфийку и поцеловать без риска оказаться насаженным на собственный меч. Но Виджи держалась подчеркнуто холодно, за все эти дни я так и не смог ее разговорить.

Гм, пускай.

Родники и ручьи я находил запросто, а простая еда на свежем воздухе после долгого пути казалась божественной. Даже зеленый чай, дорожный напиток варваров Джарси, по вкусу похожий на заваренный веник (Мельник знал, какая провизия мне потребуется!), не вызвал нареканий. Для каждого (кроме гнома) эльфы приготовили шелковые спальные мешки, удобные и теплые. Правда, в мой спальник могли поместиться сразу два Фатика и еще четвертинка влезла бы сверху. Будь прокляты стереотипы, что изображают варваров плечистыми тупыми великанами, точь-в-точь как мой тугоумный братец! Да уж, ему пришлось бы впору мой спальник мешок.

В общем, несмотря на мелкие неприятности, я ощущал невиданный прилив энергии и дышал полной грудью. Свобода! Как же давно я был лишен этого чувства! Свобода и открытый простор, вот каких вещей мне не хватало в Хараште. Нет, немного не так: свобода, открытый простор и спутники, которым не хочется немедленно отвернуть голову.

Эй, что? Ну-ка, больше не напоминайте мне про топор!

Проблемы были лишь с гномом. Он чувствовал себя отщепенцем. Есть в стороне, спать в стороне и чихать, когда ветер дует со стороны фургона (лошади, словно в насмешку, приветствовали каждый его чих заливистым ржанием), это кого угодно озлобит. Я старался поддерживать его как мог, но гном не переставал ныть как новорожденный, испачкавший пеленки. На третий день на привале он подозвал меня и шепотом сообщил, что его мучают кошмары и что это, дескать, происходит из-за близкого соседства с эльфами.

— Оскаленные морды в розовом тумане, они там шевелятся и говорят зловещие слова! — Олник содрогнулся. — Я не понимаю их смысла, но они уж-ж-жасно жуткие! Самое страшное и мерзкое, вот это. — Он оглянулся, привстал на цыпочки и прошептал мне на ухо: — Пра... При... *Промискуитет!* Ужасно, правда?

Я не стал восполнять пробелы в его образовании и пожал плечами:

— Наверное, что-то эльфийское. А может, у тебя без пива начались галлюцинации.

Гном замотался в одеяло, украденное им в «Полнолунии», и мрачно засопел.

— Я негодную, а он потешается! И это называется друг!

— Смотри на вещи шире, — бодро сказал я. — Мы работаем за большие деньги, на которые потом сможем открыть где угодно новое дело. А мелкие неприятности — ну это издержки. К тому же у тебя появился личный осел!

— Эркеши махандарр!

— Ну коли так нестерпимо, ты можешь остаться у папочки Джока. Мы все равно будем проезжать через Фрайтор, до Зеренги оттуда рукой подать.

Он чихнул. Чахоточный Чох стукнул копытом в знак поддержки; лошадки карликов весело заржали.

Бедняга.

— Ага, ага! И буду носить настоящий килт! Вот еще, тьфу! Я свободный гном и таким останусь! — Он с вождением уставился на штаны Крессинды, которая как

раз склонилась над костром, развернув во всю ширь свое богатство. — Нетушки, вы от меня не отвяжетесь. А этой гномше — попомнишь мое слово! — я накидаю в спальник колючек!

Разумеется, ничего он не накидал.

* * *

На третью ночь мне приснилась нагая женщина с голубой кожей. Станный сон. И крайне реалистичный.

* * *

На четвертый день я поднял всех еще затемно.

— К вечеру выедем на тракт. Пока досыпайте в фургоне, а днем, как обычно, нужно будет пройтись.

Мы позавтракали остатками пшеничных лепешек («апчхи!» в стороне), выскребли остатки малинового варенья и тронулись в путь («апчхи!» два раза, поскольку на гнома снова подул ветер). Солнце золотило легкие облака, покрытые росой менгиры отбрасывали длинные тени. В фургоне царило сонное царство. Говоря прямо, я и сам зевал, хотя бесстрашно дрых всю ночь — как единственному вознице, знающему путь, мне еще ни разу не довелось обходить наш лагерь ночным дозором.

Тишина, благодать! Фургон чуть покачивался на отменных рессорах, иногда похрустывая камешком или косточкой анахорета. Я забирал все дальше к северу, поднимаясь по террасам Пустоши к тракту.

Внезапно откинулся парусиновый полог, и на место рядом со мной бесшумно скользнула Виджи. О-о, какие люди! Тьфу, эльфы! Я было обрадовался, но добрая фея недрогнувшей рукой, как безмолвное предупреждение, положила между нами свой меч. О, ну надо же... И взгляд ее был какой-то неласковый, и уши совсем не розовые. Но запах, легкий пьянящий аромат — он был тот же. Любопытно,

это духи или эльфийки от природы так пахнут? Я спросил себя об этом, наверное, в сотый раз.

— Фатик?

— Да?

Голос холодный. Впрочем, может, он деланно холодный, а?

Пустые фантазии. Но я решил быть холодным в ответ, поскольку давно устал расточать на нее свое обаяние.

— Вы уверены, что едете правильно?

— Да.

— Мы не заблудимся?

— Нет.

— Вы точно знаете дорогу?

— Да.

— Вы говорили, что бывали тут много раз...

— Да.

Какой, однако, романтический разговор. Я подумал вставить в следующее «да» что-то вроде «Клянусь своей селезенкой, красотка!», хрипло загоготать и подкрутить несуществующий ус, но эльфийка погрузилась в молчание.

Вот зачем она четыре дня подряд задает мне одни и те же вопросы? Уверен, с памятью у нее все отлично. Тогда зачем? Сама ищет повод для разговора? Ну же, давай, расскажи мне про Витриум, про сонные лесные реки, про сладкозвучных канареек и про непуганую дичь... А я в ответ загну про свои приключения, например про то, как я две недели отсиживался в лесу, облившись «канавным экстрактом номер восемь», и как оставил часть задницы в зубах у кроутера. Глядишь, так и разговоримся.

Черт, острые уши! Как же я раньше не... Она убрала волосы в хвост, обвязав его серебряной тесьмой. Ну совсем как Имоен. До чего странное совпадение! Эй, а может, она таким образом подает мне *знаки*? Мол, давай, Фатик, бери удачу за рога, пока у тебя собственные не выросли. Только при чем тут клинок?

Я запутался. Никогда не понимал знаков, которые подают женщины, а если женщина-эльфийка, не обла-

дающая даже зачатками чувства юмора, то, видимо, дело швах: она подает знаки, которые исключают друг друга. Или это я дурак, что не могу их верно истолковать? Вообще, многим женщинам кажется, что любой мужчина способен прочесть знаки, которые они расточают. Как же, сейчас! А потом сыплются обиды от непонимания: *«Я же ему ясно показала!»* Только ты сделала это на своем женском языке, девочка. Нормальный мужчина глух к этому языку. Ну а кроме всего прочего, от близости женщины у нас иногда напрочь отмирает ум (да-да, у мужчин есть ум, вернее, он попадает — как исключительная редкость).

Дальше мы ехали в молчании, не соприкасаясь бедрами, локтями или коленками. Солнце медленно всползло на небосвод, горы Галидора проступили на горизонте бледно-синими силуэтами. Я косил одним глазом на дорогу, а другим — на однотонные, обтягивающие штанишки и легкие сапожки эльфийки, иногда поднимаясь к прикрытой камзолом груди, хотя это зрелище волновало меня слишком сильно. Кажется, добрая фея оглядывалась по сторонам.

По сторонам, точно: она вдруг ахнула, привстала и указала куда-то рукой:

— Что это?

Ярдах в ста перед нами виднелся холм, окутанный легким утренним туманом. На нем высился менгир с плоской вершиной. Менгир хорошо обжитой, поскольку к нему была прислонена лесенка. На вершине, задом к нам, раскинув руки ладонями вверх, застыл седоволосый человек в длинном балахоне из старой мешковины. Монолит окружали деревянные столбы разной высоты числом около тридцати. Они были увенчаны плетеными насестами, в которых, точно курицы-наседки, устроились люди — все как на подбор бородачи и оборвыши. В стороне виднелись скопища дрянных глинобитных лагун и зеленые клочки огородов.

— Отшельники, — лениво отмахнулся я. — Встречают новый день в хитрых позах или что-то подобное. Медита-

ция, очищение разума на пустой желудок. Как, интересно, они доперли сюда столько бревен?

— Целая деревня отшельников? — удивилась эльфийка. Она приподнялась, очаровательно вытянув шею. Уши, поймав солнечный свет, немедленно стали розовыми.

Я передернул плечами:

— Тоже в первый раз такое вижу, но, может, они поняли, что поодиночке быстрее сходят с ума, и решили оттянуть неизбежное.

Мы приблизились на расстояние броска копья. Патлатые бородачи сидели с закрытыми глазами, сложив, а вернее, вывернув ноги по-восточному. Ей-богу, убил бы того, кто придумал эту дурацкую позу! Главный на верхушке менгира — хилый, заросший седыми космами мужичонка, поворачиваясь на стороны света, изрекал какой-то утробный звук типа «оооооммммм!»; бородачи старательно повторяли его, вытягивая губы трубочкой. Что-то странное было в позе главаря, что-то знакомое... Неприятный холодок прополз по моей спине. Я спешно достал подзорную трубу Крессинды и прислонил к глазу. Главарь как раз поворачивался в мою сторону...

Глаза его были зажмурены, лицо украшала спутанная борода, но по кривому шраму на лбу я сразу узнал Даргонзанда Орлина Тристи. Личный пророк и чародей фрайторского сатрапа, за особые добродетели приговоренный им к смерти, он нанял меня проводником в Пустошь чуть более шести лет назад. Сначала он искал развалины древних городов, чтобы создать в одном из них храм новой веры. Искал упорно, несмотря на мои заверения в том, что города, может, и есть, но лежат под таким слоем почвы и окаменевшего ила, что на их раскопки потребуется десять лет работы. Я — чистая душа! — посоветовал ему организовать храм в самой Хараште. На это был дан исчерпывающий ответ: «Слишком много взяток». Гм, тоже верно. Потом мы бродили по Пустоши, Даргонзанд был занят поисками удобного места для храма. Однажды перед костром он признался, что хочет основать в Пустоши, по-

дальше от загребуших лап хараштийских чиновников и ока стражи «Храм просветленных пророков». Частичное просветление — за полтора года, окончательное и бесповоротное с полным обновлением нравственности — за три. Пророки с гарантией! Я озвучил вопрос: понадобится ли для окончательного просветления переписать на владыку все имущество? Он кивнул: разумеется. И добавил в особом припадке откровения (мне кажется, он просто держал меня за варвара-придурка, который все равно ничего не поймет, а если и поймет, то не запомнит), что подобными вещами занимался при сатрапе, но переусердствовал; трое просветленных покончили с собой, но один, на беду, оказался слишком знатного рода. Неувязочка, которая чуть не стоила ему живота.

Ночью я легонько стукнул его по башке и надежно привязал к менгиру, заткнув рот. Денег с Даргонзанда я не взял. Он прожигал меня взглядом, когда я уходил. Про этот случай я не рассказал никому, даже дедушке Трампу. Как я уже говорил, приключения дурно пахнут, и еще от них растут волосы на ладонях.

Вот же гад, отвязался!

Более того, он таки создал школу пророков, и теперь рядом с ним тридцать человек, послушных его воле!

Я поднес палец к губам и легонько стегнул лошадей. Виджи недоуменно нахмурилась, но промолчала. Мы тихо — топ-топ, топ-топ — уже начали огибать менгир, когда нелегкая направила ветер нам в лицо. Через миг Олник звонко чихнул. Лошади разразились ржанием.

Все прошло бы нормально, не вздумай я поднять голову... Сущая глупость — поднять голову, чтобы проверить, не заметили ли нас сверху, в то время, когда самым умным было бы продемонстрировать Даргонзанду свой затылок. Наши глаза встретились. Он узнал меня мгновенно и страшно закричал.

Клянусь вам, это был вопль баньши. Нутряной, яростный и посылающий гибель. Наконец в нем прорезались членораздельные слова:

— Гррраааа... У-у-убийцаа-а! Братья! К нам приехал убийца вашего учителя!

Братья размежили очи и уставились на Даргонзанда. Учитель взревел во всю мощь хилой грудной клетки:

— Убейте его, пока он не убил меня!

29

Чтобы братья скорее уяснили, что от них требуется, Даргонзанд прибавил несколько бойких ругательств и простер ко мне обе руки. Обвинения как горох посыпались на мою голову:

— Растленник, совратитель, смутьян! Демон в людском обличье! Кровавый упырь, наемный убийца, человек без совести и чести! Смотрите, у него руки по локоть в крови!

Речь была бодрая, с огоньком. Он забыл добавить, что от моего рукопожатия у любого разумного существа развивается панариций большого пальца, а короткий разговор награждает пожизненным заиканием, плешью во всю голову и в исключительных случаях — глухотой.

— Все на защиту учителя, братья! — взывал мудрец, его борода и волосы разметались. — Спасем наш храм Просветленного пророчества! Убейте этого человека! Он выродок, собачий сын и злыдень!

Братья начали таращиться в мою сторону, задирая лохматые бороды. Потчуя меня инвективами, Даргонзанд распалялся все больше. Наш фургон как раз проезжал мимо холма. Привстав на сиденье, я — терять нечего! — показал многомудрому учителю кукиш. Он взбесился и подпрыгнул, как петух на насесте. Думаю, узкая каменная площадка была еще немного скользкой от утренней росы, ну и, конечно, зря он стоял на ней босиком: его правая нога взлетела в воздух, миг — и брненное тело специалиста в вопросах просветления навернулось с менгира.

Восемь ярдов — небольшая высота, если прыгать умеючи. Ну и смотря на что прыгать. Но падать с такой высо-

ты головой вниз даже на поставленные горкой матрасы я никому не советую. Сквозь глухой звук удара донеслось звонкое «хрусть!», взлетело облачко пыли. Тело великого мудреца и чудозвона застыло у подножия монолита. Виджи вскрикнула.

Надо же, какое несчастье. Ай-ай-ай. Надо будет сказать Альбо, чтобы помолился за упокой его гнилой души.

После краткого замешательства брата, курлыкая, посыпались с насестов. Их глаза горели фанатичным огнем, а скрюченные пальцы и оскаленные рты никак не вязались с обликом просветленных пророков.

Я хлестнул вожжами, лошадки припустили. Эльфийка едва успела подхватить свой меч. Сзади раздались вопли и что-то, отдаленно похожее на собачий вой. Любопытно, они действительно попробуют меня убить? А как же постулаты? Попытка обрести просветление отказом от насилия? Гм, а не изменил ли наставник после случая со мной концепцию учения? Под моим прямым влиянием, так сказать? На миг я почувствовал себя восточным гуру и впал в грех гордыни.

Олник поравнялся с нами, то и дело оглядываясь через плечо.

— Фатик, за вами толпа! — крикнул он. — *А-а-апчхи-и-и!* Мое почтение, сударыня эльфийка!

Он так и сказал — «за вами», поскольку решил нас обогнуть. Резвый осел с одним задрипанным гномом бежал куда быстрее, чем ехал наш перегруженный фургон. Я не успел моргнуть, как Чох оказался впереди на три лошадиных корпуса. Гном шлепал серого ладонью, мотыляясь в седле. Если бы не стремяна, он бы уже десять раз свалился.

— Что они... хотят от нас? — Виджи уцепилась за дугу фургона, привстала и поглядела назад. Узкий поясок очерчивал ее осиную талию. — Эти страшные... люди... Вы знакомы с ними, Фатик?

Кажется, она не совсем поняла слова пророка. Эльфийка, что с нее взять.

— Друзья сурового детства! — крикнул я, молясь, чтобы от тряской езды по бездорожью у нас не отпали колеса. — Как обычно, я должен им денег.

Гритт! В этот миг я ощутил стыд за свою расу. Да, мы на первых позициях почти везде, но и по глупости мы первые тоже. Такого количества слепых дурней, которые сбиваются в стада по первому зову шарлатанов, нет ни у гномов, ни у эльфов, кажется потому, что эти расы не одержимы изначально безнадежным поиском глубинного смысла бытия.

— Этот человек наверху... Он умер!

— Сначала упал, потом умер. — Я вновь подхлестнул лошадей. — Он, может, еще оживет. Пророки — живучие сволочи.

— Некоторые бегут на четвереньках...

— Это потому, что у них затекли ноги.

Она ахнула:

— Они швыряют в нас камнями!

— Попросят остаться на обед. Ничего, сейчас мы оторвемся. Все равно из харчей у них только вяленая репа.

Виджи присела на свое место и попыталась опрокинуть меня взглядом.

— Вы... вы *шутите*!

— Есть немного.

Ее уши заалели, а глаза расширились — точно как тогда, в нашей конторе. Я испугался.

— Но зачем?

— Что зачем?

— Зачем вы шутите со мной, Фатик Джарси?

Гм, и правда — зачем?

— С доброй шуткой жизнь кажется веселее. Добрая шутка вызывает улыбку на устах женщин.

Ее лицо окаменело.

— Пожалуйста, Фатик Джарси, не шутите со мной больше, иначе я дам вам оплеуху!

О-о-о, Гритт... Э-э-э... А-а-а... Гм.

Я посмотрел ей в глаза (это было непросто, если учесть, что я правил фургоном по бездорожью) и кивнул:

— Хорошо. Нас преследует стая зомбированных кре-
тинов. Они пошли на поводу у алчного ублюдка, который
напел им песенки про нравственное совершенствование
путем отказа от всех радостей жизни. У многих из них были
жены и дети, дом — полная чаша и хорошие счета в банке, а
теперь у них только голая задница, которую холодит ветер.
Ублюдок, который довел их до этого, помер, и я этому рад.
И не нужно на меня так смотреть! Я — гррр! — варваррр!

— Я знаю, — тихо отозвалась она.

Низкий кустарник царапал дно фургона. Из-под ко-
пыт порскнул песчаный заяц — жилистая бестия, которую
было практически невозможно разварить до состояния,
когда его мясо можно жевать, не рискуя сломать челюсть.
Заговорившись, я чуть не своротил фургон в промоину.
В последний момент удалось ее обойти. Олник на своем
ишачонке мелькнул далеко впереди, скрываясь за длинным,
словно рыбий хребет, взгорком. Резвый, шельмец!

Дрогнул полог, Альбо просунул голову, блистая тон-
зурой; упитанные щеки ходили ходуном.

— За нами озверелая толпа!

Угу, тихие радости похода.

Я искоса глянул на Виджи — ее уши, слава богу, ос-
тыли.

— Это шайка пророков. И у каждого фитиль в заднице
для добавочной экзальтации.

Он шевельнул густыми бровями:

— Пророки Атрея?

Я удержался от вопроса насчет того, носят ли фаленор-
ские пророки Атрея зажженные фитили в задницах.

— Пророки Гогола и Могола, Чепухи и Соплежуйства.
Гритт, это примитивная эсхатологическая секта, чей лидер
говорит со вселенной. Они хотят нас убить, ибо такова была
последняя воля их главаря.

Он выпучил глаза. Я даже не удивился: спокон века
варваров считают людьми скорбного ума, которые могут
выговорить слово «эсхатология» раз, эдак, с двадцатого,
перекосив от напряжения рожу. А этот варвар вдобавок

изучал философию, я мог бы добавить, знает пяток языков и умеет читать.

Наружу просунулись еще две головы.

— Там... — начал Скареди, чья голова была слева.

— Ядрена вошь! — перебила его Крессинда, чья голова с недоплетенными косами была справа. — И это только начало недели!

Монго, Имоен и Квакни-как-там-его, видимо, следили за отшельниками с другой стороны.

— Все нормально! — крикнул я. — Сейчас оторвемся! Держитесь!

Конечно, перебить этих полудурков не было проблемой. Меня останавливали два соображения. Первое — гуманизм. Второе — куда более весомое, сидящее на хиле гуманизме, как на кляче, — домашние насекомые, которых отшельники крайне любят разводить в одежде и волосах.

Избегая валунов, набросанных слева и справа от взгорка, я направил фургон по его скату. В этот миг справа от нас снова появился Олник. Вид у него был нервный. Он огибал взгорок слева, надирая ослу уши, чтобы тот бежал быстрее, и что-то вопил во всю глотку. Ехал он, разумеется, отшельникам навстречу, вздымая клубы бурой пыли.

Небеса, он что, решил их атаковать?

— ...гы... Ыгы! Ог!.. У-у-у! — кричал напарник, повернув к нам раскрасневшееся лицо.

— Что? — проорал я, въезжая на гребень.

— Огыыы! Гы!!! — взвыл напарник, пытаясь развернуть ослика.

Я пустил лошадей вниз по склону, мельком убедившись, что местность без колдобин и оврагов.

— Фатик! — крикнула Виджи.

Я поднял взгляд выше и увидел их. Огры! Целая бродячая деревня желтых огров, рыл примерно на семьдесят, пристроилась табором неподалеку от взгорка! Они уже снимались с места, как видно, решив гнаться за моим напарником. При виде фургона они удвоили усилия. Куполовидные, плетенные из лозы хижины были устроены на

манер паланкинов — пять-шесть огров, самцов и самок, хватали их за шесты и неслись нам наперерез *огромными* скачками.

А мы соответственно неслись к ним. А чтобы их обогнуть, мне не хватало места и времени. Огры были ученые и наступали по широкой дуге, замыкая нас в кольцо. В центре, притиснув к груди древо даров, мчался, встряхивая обширным брюхом, шаман в головном уборе из облезлых заячьих ушей — только на макушке их торчало штук десять, и это не считая тех, что болтались у него за спиной.

Однако я все же решил прорываться и начал разворачивать повозку. Шаман пресек мои действия ужасным криком, раззявив хлебальник до самого пупка. Ближайшие к нам огры бросили свою корзину-хижину и заслонили нам путь, буквально кидаясь под копыта лошадей. Нас окатило волной горького запаха, впрочем, не настолько противного, чтобы вытряхнуть содержимое наших желудков.

Вот гады!

Признав свое поражение, я затормозил, соскочил на землю и, едва ковыляя на задеревенелых ногах, бросился сдерживать коней. Им предстояло вынести несколько малоприятных минут, от которых они вполне могли сойти с ума.

Впрочем, как и мы сами.

Ладно, перетерпим. Надеюсь, что перетерпим. Жалко эльфов.

Меня беспокоило, как поведут себя пророки; они вот-вот должны были появиться из-за взгорка. Не хотелось бы набраться от них вшей.

Моя команда во главе с эльфийкой уже выбиралась из фургона. Фея обнажила клинок, Альбо вытащил шест, Скареди приготовил Малого Аспида — хищно блеснули заточенные зубья. Крессинда отстегнула молот, готовясь к убийственному броску...

Гритт, тут нет места героическому подвигу! Нас затопчут и скажут, что так и было!

С другой стороны фургона скользнула Имоен; в руках лук с наброшенной стрелой, глаза прищурены — выискивают первую цель.

— Стоять смирно! — гаркнул я. — Никому не шевелиться! Не дышать! — Я умею ругаться на пятнадцати языках, и в ту секунду я выдал непристойную тираду из двух существительных, трех причастий и пяти местоимений на восьми языках, включая гоблинский диалект южных отрогов Галидора, упомянул голое седалище, известное как «жопа», розги и сотню фаллических демонов-летунов из Беринди. — Сжать задницы и стоять смирно! Оружие не поднимать! Опустишь ковырялки, я кому сказал!

Вроде бы подействовало. Даже Крессинда опустила свой молот. Однако добрая фея подбежала ко мне и остановилась за моим плечом. Тихая, как мышка. Гритт, *непослушная* мышка! Она смотрела за мое плечо, а пальцы ее свободной руки сжимались и разжимались, словно она готовилась плести заклятие. Впрочем, может, она собиралась расквасить мне лицо? Насчет фаллических демонов я, кажется, слегка перегнул.

Кони жалобно заржали, кося глазами на стену буровато-красной пыли, откуда доносился неясный слитный шум.

— Фа-ти-и-ик! — раздалось из-за этой стены. Мой напарник, бедняга, курсировал за спинами огров на своем ишачонке. Он, как и я, хорошо знал, чем чревато столкновение с кочевой деревней.

Вру. Бедняга не он — бедняги мы. Почему? Терпение, сейчас и вы все поймете.

Но вот пыль осела. Нашим глазам предстало кольцо высоких хижин. Меж ними толпились огры — желтовато-крапчатые, безволосые, будто сложенные из массивных базальтовых глыб. Плоские морды с выпученными совиными глазами и крохотными, с пуговицу, носами, глядели на нас отовсюду, в распахнутых пастьях виднелись тупые, налезавшие друг на друга зубы. Узкие лбы и покатые плечи, вислые животы и руки до самой земли не добавляли ограм привлекательности. Дамы были мельче господ (я бы

сказал, футов восьми против десяти у мужчин), зато те и другие носили одинаковые подгузники, небрежно сплетенные из лозы. Равенство полов, что тут скажешь (хотя дамам больше пошли бы корсеты из рогаза). В плетеных люльках под мышками пап и мам, весело дрыгая ножками, висели груднички. Детки постарше щеголяли безо всякой одежды, деятельно помогая родителям удерживать плотный кордон, чтобы мы, не дай бог, не вырвались наружу. С другой стороны, и к нам никто не мог прорваться — толпа отшельников у взгорка разбилась о живую стену; самые рьяные стали было карабкаться по хижинам, но огры смахнули их обратно на грешную землю.

Я вздохнул с облегчением. Одной проблемой меньше. Правда, временно. Олник маячил вдали, готовый в любой момент задать стрекача.

— Бог-ужасный! — обронил принц. — Хищный зев и много рев! Ешьте кекс! Висцеральное насилие!

— Спокойно, высочество, все будет нормально, — процедил я. — Никакого кекса и насилия, тем более — висцерального.

— Адовы очи у тварей сих! — сказал Скареди, баюкая Аспида на сгибе локтя.

— Адовы... — эхом откликнулся Альбо.

— Не дергайтесь, и все будет хорошо! — повторил я.

Говорят, огры такие лупатые потому, что их предки обитали в глубоких горных пещерах. На мой взгляд (нет, у меня нормальные, глубоко посаженные глаза), эта версия — отчаянная глупость. Во-первых, они отлично переносят яркий солнечный свет, ибо их глаза снабжены третьим пленчатым веком, которое работает как прозрачная затеняющая шторка. Во-вторых, я не могу представить, как по скальным ходам будет передвигаться массивный огр десяти футов роста. Не говоря уже о целом племени. Не говоря уже о том, что из еды в пещерах встречается разве что плесень. А вот насчет мозга — помните, я упоминал мозг троллей? — точно известно: его нет. Все пространство черепной коробки огра занимает пористая кость, отлично

резонирующая при пении. Я не знаю, каким местом думают огры. Может быть, левым пальцем ноги, или правой лопаткой, или собственным (а может, и чужим) задом. В Научной Академии Харашты и прочих университетах на эту тему ломают копыа уже не одну сотню лет.

— Ауууу! — Огровский шаман остановился в семи футах от меня, сжимая древо даров — заостренный снизу столб с несколькими поперечинами. Поднатужившись, он вогнал столб в землю и яростно затряс погремушкой из желтого лошадиного черепа. — Ух! Ух! Ух!

Кони заржали и попятились. Я с трудом сдерживал их.

Верхушку древа даров венчало пыльное чучело совы, на самих поперечинах болталась всякая всячина — ржавый рыцарский шлем, рукоять охотничьего ножа, жемчужное ожерелье, монисто из серебряшек, дырявый ботинок, обрывки одежды, пара крыс, связанных вместе хвостиками, сушеные заячьи тестикулы, горлышко бутылки, чья-то — гм, по виду человеческая, нижняя челюсть. Отдельно от всех висел вполне годный гномий кафтан.

Я прикинул, те ли это огры, что подловили меня, неоперившегося юнца, в его первом походе? Или те, что застали меня врасплох семь лет назад, когда я вышел из лагеря по малой нужде? Или те, что окружили нас с Олником, когда мы малым ходом двигались в Харашту пять годков тому? Гритт, у огров плоские рожи, одинаковые, как попки младенцев, ни черта не понять.

Шаман подпрыгнул и стукнул погремушкой о свою голову:

— Йох! Йох! Йох! У-у-у-у!

— Шаманство! Черное ведовство! — изумленно выдохнул Альбо. Я обернулся: вся моя шайка, озираясь, маячила за эльфийкой, судорожно стискивая оружие. Имоен так и не сбросила стрелу с тетивы, костяшки пальцев, сжимавших рукоять лука, побелели.

— Мастер Фатик, одно слово, и я застрелю его в глаз! — воскликнула она.

Шаман прекратил свои манипуляции и наострил уши. Как и у всех огров, они напоминали половинку плоской ракушки-речницы, из которой не до конца выковыряли моллюска.

— Не дурить! — прохрипел я. — Нишкнуть! Все будет нормально. Не оскорбляйте их, они чувствительны, а многие понимают Общий язык! Монго, сюда. Помоги держать коней. Да опустите вы оружие, дурни! Крессинда, за тобой тыл! Если какой-то отшельник прорвется, пристукни его без всяких церемоний.

— Клянусь полушкой! — вскричал Скареди, удерживая на локте свой меч. — Они что, не будут набегать?

— Нет.

— И шаманить не станут? — справился Альбо.

— Нет.

— Ауууу! — снова возопил шаман, потряхивая черепом. Вид у него был свирепый. Он, видите ли, исполнял при стаде роль конферансье.

«Бум-бум!» — дважды подпрыгнули огры: все, от мала до велика, даже те, у кого еще не проклюнулась пипирка. Земля содрогнулась и вроде бы слегка просела.

— Моя плешь! Что замыслили они, ответствуй! — дрогнувшим голосом спросил Квинтариминиэль (я заметил, что вспоминаю его полное имя только в самые неприятные моменты нашего пути).

Я пожал плечами:

— Они будут выступать.

— Что?

— Да они п-припадочные! — вскричал Монго.

— Нет, это местные артисты. Таких деревень на всю Пустошь три или четыре.

— Но... почему они нас окружили? — спросил Альбо, творя Знаки Атрея кургузыми пальцами.

— Чтобы мы не сбежали с места выступления. Это спекулятивные артисты.

Я не стал пояснять, что, согласно слухам, в незапамятные времена огров научил дурному делу кто-то из бродячих

эльфов, отщепенец, изгнанный из клана, научил в шутку или всерьез и что сейчас от них стонут оседлые огры, а крестьяне окружающих Пустошь деревень встречают их камнями и кольями, что для огров бродячих деревень выступление — сакральный акт, от которого зрителям невозможно откупиться заранее.

Шаман воздел руки, и огры — все, все огры — *запели*.

Шум? Вы говорите — шум? Повторите громче, я не слышу! Отчаянный грохочущий тарарам зубной болью отдался в моей голове и пронзил до самых пяток. Лошади начали брыкаться, и мы с Монго навалились на ремни упряжи, пригибая их головы к земле.

Огры выступали а капелла, у некоторых, несомненно, был голос, особенно это касалось младенцев, чей визг разносился, наверное, до небес. Главный кошмар заключался в том, что каждый огр тянул что-то *свое* во всю мощь не-маленькой грудной клетки. Песни эльфийские и гномьи, людские и гоблинские смешались в безумный водоворот убойной бессмыслицы, центром которого были мы.

Раньше, в первый и второй раз, я пытался им втолковать, что петь желательно *по очереди*. Втуне. Они так видели. Им так было комфортно. В племенах огров царила полная демократия: одновременно самовыражались все, и никто не мог уйти обиженным за вычетом зрителя.

Эльфы синхронно упали на колени, зажимая уши. Бедняги. Остальные держались на ногах, хотя и были бледны. Я начал считать про себя. Примерно на второй минуте концерта «В гостеприимном мире чудовищ» меня прошиб холодный пот, в желудке начались спазмы, и я испугался, что расстанусь с завтраком. Волосы шевелились на моей голове, я хватал воздух ртом. Эти дуболомы звуками пения могли обрушить стены цитадели. Задайся кто-нибудь целью выдрессировать их для этого, обучив одной, резонирующей песне — не было бы страшней оружия. Я думал, что достаточно закален, но пять лет жизни в Хараште, видимо, сделали из меня рохлю.

Три минуты... Четыре... У коней начали подкашиваться ноги, а Монго скрутил рвотный приступ.

Пять.

Шаман опустил руки.

Все!

Один огр в припадке вдохновения подвернул челюсть, но ближайший собрат вправил ее немудрящим ударом снизу.

В моем черепе звонили колокола. Я оглянулся. Эльфы стояли на коленях, Альбо и Скареди были бледны, а Имоен слепо ползла куда-то в сторону, обронив лук. Одна Крессинда как неколебимый утес маячила у задника фургона.

— Хлопайте, идиоты! — зашипел я. — Быстрее, иначе они снова запоют!

Надо ли говорить, что после моих слов захлопали даже эльфы?

— Перевешать сукиных детей... — прошептал Скареди.

— На двойных колодезных цепях, — со сдержанным смирением добавил Альбо. — Я уже начал думать о греховном самоумерщвлении.

— Дай деньгу! — вдруг, приплясывая, воскликнул шаман. Следом и стадо хором повторило это заклятие:

— Дай деньгу! Дай деньгу! Дай деньгу!

— Теперь нужно оценить их труд. — Я поручил коней заботам Монго и, шатаясь, будто пьяный, двинулся к фургону.

— Платить? За это мракобесие? Моя плешь! — застонал с колен принц. Я обогнул его и протянул ладонь Виджи. Странно, но эльфийка приняла мою помощь. Я подхватил ее под тонкие руки, поднял и довел до фургона. Затем без лишних слов помог забраться внутрь, после чего склонился над тюками.

Толпа огров ждала. Отшельники, подозрительно быстро оправившись от какофонии, ждали тоже. Шаман ждал у древа даров, встряхивая погремушкой.

— Если мы не заплатим, они будут танцевать и петь, пока мы не сойдем с ума, а это случится достаточно быстро.

Я думаю, это произойдет в пределах получаса. Имоен, очнись! Крессинда, помоги девушке!

— Брутальные вымогатели!

— Такова судьба неудачливых артистов. Если творчество твое не пользуется спросом, заставь, чтобы тебя хвалили, заставь, чтобы тебе платили.

— Ядрена вошь!.. Но для чего им деньги в этой пустыне?

— Не деньги. Это они фигурально. Им сойдет все, что сочтет годным шаман.

Я взял жестяную тарелку, кухонный нож, прохуdivшийся носок, свой старый кожаный пояс и задумался... Шаман не дурак, он видит, что народу в фургоне много, дешево отделаться не удастся. Великая Торба, а если... Ты гений, Фатик! Я прибавил к вещам блестящий золотой реал и три серебряшки. Шаман достойно оценил мою плату и очень обрадовался, когда я, показав ему блестящие монетки, терпеливо пояснил, что надо делать. Еще бы ему не обрадоваться — в первый раз за все существование бродячих деревень огров им добровольно заказали выступление, да еще с предоплатой!

— Быстро в фургон, мы уезжаем! — крикнул я.

Шаман зауhal и загугукал, обращаясь к собратьям. Те впади в натуральный экстаз. Настал их звездный час, час истинной популярности! Они нетерпеливо запрыгали, кое-кто начал распеваться. Гритт, на нас снова надвинулось преддверие ада.

Я запрыгнул в фургон и хлестнул лошадей. Огры расступились, и мы понеслись к Олнику, который маячил вдали. Лошадки рысили бойко, понимая, из какого места они вырвались. Анахореты дружно взвыли. Однако было поздно: огры уже брали подопечных Даргонзанда в плотное кольцо.

— Счастливо оставаться! — крикнул я пророкам. Уж не знаю, что они пророчили мне в ответ.

— Какая внезапная удача! — высунулся из-за полога Альбо. — Атрей помогает нам во всем!

— Это не Атрей, — откликнулся я. — Это я купил для пророков три представления и еще половинку — на бис. Огры на седьмом небе от счастья. Они выложатся, клянусь Великой Торбой! Отшельники сойдут с ума... Гритт, ерунда. Они и так сумасшедшие. Но — вот вам зуб! — после такого хотя бы половина из них, но излечится от поисков смысла бытия!

* * *

К вечеру мы выехали на обжитые земли и уже искали место для ночевки, когда Имоен заметила далеко позади, над ровным горизонтом, отмечавшим Пустошь, черную точку. Она парила в воздухе над полосой закатных облаков, а потом исчезла.

Я решил, что это обычная птица, может быть, канюк. В тот момент я больше размышлял над тем, какие еще призраки прошлого ждут меня впереди.

* * *

Нагая женщина с голубой кожей приснилась мне снова. У нее были красные глаза.

30

Я лежал у куста цветущего шиповника под красным огнем заката и, приставив к глазу подзорную трубу, думал о чуме, холере и ветряной оспе. Еще мои мысли занимало извержение вулкана, падение кометы и землетрясение, которое рассекло бы Долину Харашты непроходимой пропастью.

Пусть случится хоть что-нибудь, лишь бы это «что-нибудь» помогло отрезать от нас смертоносца.

Мне оставалось уповать на провидение, потому как мой личный арсенал выдумок иссяк.

Гшаан завис на высоте двойного полета стрелы из тяжелого лука, изредка взмахивая зубчатыми крыльями, и от взгляда его тухлых обезьяньих буркал мой затылок и пространство между лопатками отчаянно зудели. По сути, демон был всего лишь *метафизической проекцией*, живущей по законам своего мира, как пояснила Виджи. Притворщик взмахивал крыльями только для маневра, когда его сносило ветром, в воздухе же держался благодаря чужемирной магии. После смерти псевдоплоть твари входила в противоречие с законами нашей вселенной и попросту испарялась. Гм, запашок от этих противоречий я испытал на себе.

Виджи сказала, что демоны идут по нашему астральному следу, используя принципы симпатической магии. Фрей науськал их, как гончих, на вещь, долгое время принадлежавшую кому-то из нас. Я кивнул: угу, у альбиноса наверняка целая коллекция моих шмоток, взятых с распродажи. Спасибо вам, драгоценные господа эльфы! Вашими стараниями, так сказать. И если бы я своими глазами не видел последствия пыток на ваших лицах, я бы решил, что пряжка с серебряной филигранью — из той же оперы. Что вы, господа эльфы, помогли Фрею выследить нас, яханный фонарь! Но, Гритт, это чудовищный абсурд! Эльфы — самоубийцы? Не верю. Работают на империю? Ахинея. Положим, они подадут сигнал неким союзникам, которые отстали либо незримо следуют за нами? Вполне может быть. И сейчас самое время этим союзникам проявиться. Ибо нас загнали в угол и, по всему, завтра прищучат. Вот только все эти соображения разбивались об утверждение моих ушастых: эльфы не лгут.

Не лгут-то не лгут, но, может, чуточку брешут?

Гритт, как все сложно!

Еще хорошо, что симпатическая магия не слишком доступна кудесникам нашего мира, иначе Фрей играючи прихлопнул бы и меня, и эльфов, наведя порчу. Я не умею колдовать, но неплохо разбираюсь в магии, ибо в свое время прослушал курсы для новичков в Академии Талестры. Дело в том, что затраты магической энергии вырастают в

зависимости от расстояния до объекта, к которому прилагаются силы мага. Закон *обратного квадрата* и прочая заумь. Грубо говоря — в ярде от человека можно навести на него отличную порчу, с десяти ярдов — для этого уже потребуются огромные силы, ибо энергия рассеивается с расстоянием, с двадцати и выше — желательно участие еще нескольких магов и так далее. То же самое с любыми заклятиями непрерывного действия — чем ближе, тем мощнее, чем дальше точка приложения сил мага — тем больше энергии он тратит на поддержание интенсивности заклятия. Это не говоря уже о том, что само плетение магической формулы может занять час и более, а после маг врежет дуба от резкого упадка сил. Чтобы навести порчу на человека, который стоит в миле от вас, нужны усилия сотни магов, готовых пожертвовать своими жизнями. Таковы законы магии нашего мира.

Но гшаан плевать на них хотел. Он был проекцией и использовал магию чуждой вселенной на благо Сколдинга Фрея.

Гнусная тварь.

Я Фрея имею в виду, если что.

Мой отряд расположился в лощине. Эльфы отмывались в ручье (эту картину скрывали ветви черемухи), Альбо продолжал вычерчивать гороскоп, Монго и Имоен возились с лошадьми, а Олник в стороне от фургона и эльфов задумал сварить какое-то рагу по особому семейному рецепту. Крессинда помогала ему с костром. Удивительно, но мой напарник принимал ее помощь как должное.

Мирная картина. Обманчиво мирная, если присмотреться. Оружие было у всех под рукой.

Горы нависали сбоку, закрывая большую часть неба. Величественная панорама. Снежные верхушки кутались в розовый флер, массивные грани тускло блестели. Основная гряда Галидора возвышалась неприступной крепостью на протяжении сотни миль, и только два перевала — Ближний и Дальний обеспечивали связь Харашты с Фрайтором.

Мы спешили к Дальнему.

А Сколдинг Фрей спешил за нами. Он — и три банды негодяев, которых изрыгнула Харашта. Гшааны были их путеводной звездой, паря высоко, так что Имоен не могла достать их стрелами. Одна или сразу две твари, они улетали и возвращались, всякий раз безошибочно отыскивая наш утлый фургон. Зуд изводил меня, я боялся, что провалюсь в амок и натворю таких дел, за которые мне потом будет стыдно.

А Виджи не могла достать их своей магией. Слишком высоко, слишком много энергии нужно затратить. Кроме того, ее рана, *затянувшись только в первом пласте бытия, стояла препоной на пути чар*, как выразился наш языкатый эльф. Сам велеречивый не был силен в магии. Я не сумел выяснить, как же в таком случае он вылечил эльфийку. Секреты. Сплошные страшные хитровылепленные тайны.

Альбо силой молитвы пытался сбить демонов с небес. Втуне. Я не удивился, ибо никогда еще не видел, чтобы силой молитвы сбили хотя бы былинку. Впрочем, может, Альбо верил недостаточно рьяно?

Стандартная отмазка всех церковников.

У гшаанов было одно слабое место: они с трудом переносили сырость и вовсе не переносили дождя. Я вспомнил, что первый демон в Хараште, в насыщенном влагой воздухе, не столько летал, сколько перепрыгивал по крышам, второй, в «Полнолунии», тоже спланировал отдохнуть на крышу, ибо рядом протекала река. Увы, сейчас погоды стояли сухие. Нет, я, конечно, за компанию с Альбо помолился богам о ниспослании дождя, но боги, как обычно, остались глухи. Люди для них — мошकारа, а кому интересны просьбы мошकारы?

Вчера днем преследователи были чуть заметными пятнами на горизонте. К закату, когда мы достигли пустынных предгорий Галидора, — пустынных потому, что неподалеку жили чащобные эльфы, — пятна подросли до размеров порядочных клякс. Одно... Два... Три... И вот уже целых четыре пятна на горизонте! Я был уверен, что среди врагов

нет умелых наездников, эти городские неженки наверняка уже стерли себе задницы в кровь. Иными словами, двигались они не очень быстро. Но они все равно нагоняли нас, не давая передышки. Тогда я решил ехать в темноте, благо неплохо знал местность.

Бессонная ночь для всех, мы только остановились на час, чтобы лошади немного отдохнули. Твари сопровождали нас молчаливыми силуэтами на фоне луны; ночью они видели даже лучше, чем днем.

Вскоре я выехал на Тракт, который петлял под луной, как огромная серая змея. Здесь я подстегнул лошадей и гнал их без всякой жалости до самого рассвета.

Гном едва поспевал за нами, вопя о нечеловеческих условиях обращения с животными.

С животными, как же. Подлецу, отбившему зад на осле, небось, хотелось в фургон, он бы даже свою аллергию смирил, засобачив в нос ветошь.

Утром я заехал в деревню, притулившуюся рядом с Трактом, и сменил почти загнанных лошадей, что стоило нам немалых денег. Ушлые селяне быстро смекнули, что мы драпаем, и заломили тройную цену. Выхода было ровно два: набить им морды или заплатить. Я заплатил. Увы, годных для длительной скачки коней на всю нашу братию не сыскалось.

Днем мы отдохнули несколько часов (Скареди мужественно нес вахту) и снова пустились в дорогу. Фургон был перегружен, лошади тянули еле-еле, и к закату преследователи при желании могли дотянуться до нас кончиком копыя. Я даже не петлял, не пытался затеряться в перелесках, я гнал лошадей в направлении Дальнего. Волны пустынных холмов накатывали и исчезали, но на гребнях, которые мы оставили, неизменно оказывались подручные Фрея — Охотники, Убийцы и мои знакомые из Ночной Гильдии. Синдикат наверняка отправил за нами капитана Керрита, но, зная умственные способности старого служаки, я был уверен, что капитан затерялся еще в пригородах Харашты. Сам Фрей, в сопровождении телохранителей и Правдивых

Магов, держался позади банд, видимо, надеясь загрести жар чужими руками.

Мне было интересно, на каком этапе пути все банды пересеклись. Негодяи ехали порознь, но на виду друг у друга. Как я уже упоминал, банды питали друг к другу исключительно теплые, братские чувства. Но, думаю, наиболее страстно они «любили» имперского смертоносца, который — пусть и временно — положил конец их вольному житью. Ах да, больше Фрея Охотники ненавидели меня, жалкого торговца духами и корсетами. Все-таки я отправил на свидание с предками около десятка из их братии, так что у Охотников был и личный интерес.

В любом случае четыре отряда и гшааны надежно закрыли нам все пути к бегству куда-то, кроме перевала.

К вечеру между нами лежало меньше часа пути. Причем не конного, пешего. Впереди уже виднелись очертания Таргалы, подгорного местечка, за которым начинался долгий подъем на перевал. Но я понимал, что ни перевала, ни города нам не достичь.

Я оглянулся на свой отряд. Мирно, тихо. Однако все готовы к драке. Бессмысленной и фатальной, потому что лишь в дурацких лубках и книжках-раскладушках, любителем которых был Олник, маленький отряд может одолеть превосходящие силы опытных головорезов. Против нас было около восьмидесяти человек и один полудемон. Смуглолицые в сером, как пояснил Альбо, были наемниками Вортигена из горного Аграбана. Варвары Джарси, бывая на Южном Континенте, предпочитали объезжать Аграбан десятой дорогой, ибо эта страна была населена фанатичными, жестокими людьми. Они не говорили на Общем, что делало их идеальными, неподкупными телохранителями. Они не знали жалости и страха. Они, в общем, ничего не знали, кроме собачьей преданности хозяину.

Но больше банд и наемников из Аграбана меня беспокоили Правдивые Маги, способные ускорить и усилить заклятия Фрея. Укрепись мы на каком-нибудь холме, по-

лудемон запросто превратил бы его верхушку в яркий праздничный костер.

Фатик, сказал я себе, погоняя лошадей, не тупи, напряги мозг и попробуй вытащить из передраги тех, кто тебя нанял. В конце концов, это — дело профессиональной чести варвара Джарси.

Увы, ни одна светлая мысль не посетила мою голову. Вернее, мыслишка была, но она касалась моста Дул-Меркарин, а до него было — как до Луны пехом.

Лошади окончательно выбились из сил, а ишак гнома начал припадать на переднюю ногу, когда банды внезапно стали замедлять ход, а затем и вовсе прекратили движение.

Грум!

Я тут же съехал в ложину и остановился, чтобы дать отдых лошадям.

Внезапный подарок судьбы я расценил двояко: нам либо давали возможность немного подышать перед смертью, либо предоставили шанс на спасение, смутный, странный, но тот самый единственный, который нельзя проморгать.

* * *

И все-таки — шанс.

Внизу, в холмистой долине, где были наши враги, намечались события. Я ощущал их приближение инстинктами варвара. Диспозиция была такова. Банды расположились футами в ста друг от друга у мелкого ручья, выстроив свои биваки почти в ровную линию. Сколдинг Фрей встал по ту сторону ручья: впереди — аграбанские телохранители, все еще верхами. Далее — цветастые кибитки Правдивых Магов числом около двадцати. Окривевший полудемон находился сразу за ними, на светло-сером (поседевшем от страха?) коне с пышной гривой. Я жалел, что расстояние не позволяет толком разглядеть выражение лица смертоносца. События пошли не совсем так, как он планировал. Это был бунт. Или... что-то иное?

— Застопырочка, — проронил Скареди. Он лежал рядом и глядел вниз из-под мозолистой ладони. — Не очень чтобы так, но и не так чтобы очень.

Потрясающе утонченная лексика.

— Вот оно — очень! — заметил я. — Началось!

Из лагеря Убийц на свободное место вышли два человека. Я нетерпеливо заерзал. Потом подкрутил резкость и, благо прозрачный вечерний воздух позволял, опознал в коротко стриженном молодце Зузанку Марви. Она, как всегда, ужала свою пышную грудь в тесный кожаный дублет с нашитой изнутри кольчугой. Высокий воротник со скрытой стальной пластиной защищал ее стройную шейку. Мужская стрижка только прибавляла ей шарма. Не женщина, мечта. Впрочем, не моя. Не люблю женщин, которые исповедуют принцип самки богомола. Тогда, много лет назад, я вовремя слинял, потому что иначе, боюсь, мне пришлось бы убить Зузанку в качестве самозащиты. Она не держала на меня зла. Нельзя стать профессиональным убийцей, оставаясь эмоциональным человеком.

Зузанка Марви уже три года стояла во главе Убийц, прирезав предыдущего лидера на любовном ложе. Она держала Убийц стальной хваткой (умолчу, за что именно она их держала), и, надо сказать, дела в Гильдии даже сейчас, во времена экономического кризиса Харашты, шли очень и очень неплохо.

Прошло минуты три, и со стороны лагеря Свободных Охотников показались двое. Мозли Жукомор собственной персоной, главарь, и с ним еще какой-то хмырь.

От Ночной Гильдии выступил мой старый знакомый, декан Виллановус. Мерзавец сохранил голову в резне, учиненной Джабаром! Его сопровождал маленький зеленый гоблин в синих портках до колена, вооруженный счетами и грифельной доской. При виде этих предметов я насторожился. В моей голове, как грозовые тучи, начали сгущаться некоторые мысли...

Все шестеро висельников, шагая степенно, как и полагается уважаемым людям (и гоблину!), сошлись и за-

теяли разговор. Репликами обменивались Зузанка, Мозли и Виллановус. Маленький гоблин держал над головой грифельную доску, а Виллановус отбрасывал костяшки на счетах резкими умелыми движениями. Затем он намалевал что-то на доске мелом и показал в нашу сторону. Мозли всплеснул руками и стер написанное рукавом щегольской куртки, отобрал мел и нарисовал что-то от себя. Настала очередь Зузанки. По запрокинутой голове я понял, что она хохочет. Повинуясь ее жесту, помощник стер художества Жукомора и вручил Зузанке мел.

Она быстро, точно вскрывала вены очередному любовнику, черкнула на доске, указала на гшаана, затем на нас, а после — на свой лагерь. Седовласый декан выразил протест, все стер и начал что-то горячо доказывать Зузанке. Вмешался Жукомор. Начались пылкие дебаты, впрочем, все держали руки подальше от оружия. Счеты переходили из рук в руки, а доска над головой гоблина то и дело покрывалась новыми записями.

Тут я кое-что понял и расхохотался во все горло. Потрясающие люди!

Скареди недоуменно пошевелил усами.

— Маленький бунт на корабле Фрея, — попробовал пояснить я. — Вожаки банд считают — Гритт, и это правда! — что мы почти в их руках. Одно усилие — и они нас зацапают. Не важно где, в Таргале или при подъеме на перевал. Мы в ловушке, гшаан тому свидетель.

— Святые небеса! Мы постоим за себя!

— Сказали комары лягушкам. Так вот: раньше банды действовали порознь, но теперь конкурентная борьба обострилась. Все банды на финишной прямой и понимают, что, так или иначе, им придется действовать совместно, а значит, награда должна быть поделена на три части, смекаете?

Он не понял.

— Скареди, они решили заранее поделить пирог, обещанный Фреем за нас, чтобы избежать ссор и резни после нашего убийства!

Он сказал непечатное, извинился перед Атреем и прибавил, что таким негодяям всенепременно воздастся на небесах. Святая наивность. Он мне все больше нравился, этот рыцарь. Его общество могло вернуть веру в человечество самому заскорузлomu маргиналу.

— Это просто разумный способ ведения преступного бизнеса. Они деловые люди, хотя и узколобые в отдельных вопросах. Минутку, там что-то... Ха!

Дебаты о том, как верно разрезать пирог на троих, были прекращены. Все шестеро бок о бок направились в сторону лагеря Фрея, и я сомневался, что они идут туда, чтобы исполнить перед ним танец пастушков. Им понадобился судья.

Пока они пересекали ручей, полудемон слез с коня и выстроил за своей спиной Правдивых Магов. С флангов их прикрывали спешенные телохранители. Когда спорщики подошли к Фрею, путь к отступлению им отрезали пятеро серых. Я жадно принял к окуляру. Да, мои инстинкты не знали промашки: события только начинались.

— Скареди! — позвал я. — Отползите вниз и молитесь своему Атрею, святой Барбарилле и великой Друуне, молитесь так, чтобы небо заплакало!

— О чем молиться, мастер Фатик?

— О нужном моменте.

— Я не совсем по...

— Просто молитесь!

— Хоро... А кто такая великая Друуна?

— Не важно. Она не совсем святая, но облик ее способен возбуждать самые сильные чувства. Молитесь же, Скареди! Гритт, *про себя*!

Я вновь принял к окуляру. Маленькие фигурки напоминали игрушечных солдатиков на листе зеленой бумаги.

Когда до альбиноса оставалось с десятков шагов, он поднял руку, останавливая поборников справедливости. Суть дела решил изложить Виллановус. В конце концов, именно он озаботился тем, чтобы захватить грифельную доску

и счета. Говорил он эмоционально, взмахивая рукавами плаща. Я ждал.

Мозли Жукомор и Зузанка Марви добавляли что-то от себя. Они, похоже, затеяли пикировку. Дорого бы я дал, чтобы услышать весь разговор.

Фрей допустил промашку, не обсудив вопрос награды всесторонне еще в Хараште. Видимо, очень торопился. И был уверен в своих силах. Он и сейчас был в них уверен, и эскапада главарей банд, которые, как он думал, полностью ему подчинены, не столько обескуражила его, сколько разозлила. Если я, конечно, правильно понимал этого, гм, нелюдя... Знакомый с обычаями Харашты человек просто спокойно выступил бы в роли судьи и уладил дело миром. Но в глазах имперского смертоносца это был бунт, и он собирался его подавить, чтобы продемонстрировать раз и навсегда, кто хозяин сборного стада.

Я ждал, сцепив зубы. Глаза слезились от напряжения. Полудемон сделал ленивый жест. Это вызвало волну оживления среди главарей. Они повернулись к доске и начали что-то пояснять. В этот миг мои глаза уловили движение в строю Магов, их колпаки заколыхались, словно ветерок пробежал по верхушкам камыша.

Я ждал. Меня пробила нервная дрожь, и я начал считать про себя. Обычно, чтобы сплести толковое заклятие, магу нужно не меньше десяти минут. Круг магов, именуемый *конвергентным склонением*, ускоряет этот процесс. Но в любом случае чем сильнее чародейство, тем больше сил теряет тавматург и те, кто ему помогает. А есть заклятия, что могут выпить из мага все жизненные соки. Впрочем, я повторяюсь, да.

Главари были настолько увлечены дележкой и взаимной руганью, что ничего не заметили. Думаю, Фрей мог бы запросто их прирезать, но он собирался преподавать висельникам Харашты очень, очень жестокий урок.

Внезапно Мозли Жукомор странно скособочился. Затем его провернуло вокруг оси и вздернуло в воздух на высоту двух человеческих ростов, на всеобщее обозрение.

Он всплеснул руками, словно хотел уплыть на закат. Затем его руки резко вывернулись под неестественным углом и обвисли, как лапы богомола. Я возблагодарил небо, что не могу разглядеть его лицо и слышать хруст ломаемых костей.

Манипулируя телом Мозли, Фрей поводил руками, как заправский дирижер. На бис он сломал Охотнику спину, прогнув ее так, что Мозли коснулся затылком каблуков своих сапог. Даже с такого расстояния я различил, как выплеснулась изо рта Мозли струя крови.

Оставшиеся в живых набрались впечатлений на всю жизнь. Они расхотели искать справедливого суда и попытались бежать, но Фрей поймал Зузанку и Виллановуса в невидимые силки. Остальных перехватили серые из Аграбана, только юркий зеленый гоблин, хитрым бесом выскользнув из порток, за которые его словили, как есть голышом зашлепал в свой лагерь. Доску он, впрочем, не выпустил. Бухгалтерская душа!

Тело Жукомора рухнуло на землю, и вместо него на подмостки взобрался декан воровской гильдии. Не мудрствуя лукаво, полудемон провернул седовласую голову декана на полный оборот вокруг туловища, превратив его шею в толстый красный жгут, и бросил покойника рядом с Мозли.

«Бум! Бум!» — дважды пропели погребальные колокола.

Зузанка начала дергаться, как муха в паутине. Но Фрей внезапно тяжело осел на руки Магов, а потом и сами Маги повалились, будто кегли. Хм, видимо, такие кунштюки не легко вытворять даже полудемону, которого поддерживают два десятка чародеев. Глава Убийц рванулась в сторону, но серый из Аграбана сделал ей подножку; блеснул кинжал. Однако ее не убили. Фрей, лежа на траве, перемолвился с серыми, после чего Зузанка убрела в свой лагерь, в буквальном смысле волоча ноги.

Полудемона отнесли в ближайшую кибитку. Он был настолько обессилен, что не мог поднять головы.

На этом представление завершилось.

Не будь я мягким и добрым человеком, я бы сказал, что все прошло замечательно.

Замечательно для нас, я имею в виду.

Однако гшаан по-прежнему парил в небесах.

Но теперь я, кажется, знал, что мы можем сделать.

31

Биваки моих знакомцев кипели, как облитые водой муравейники. Я наблюдал за ними минут десять, но ни Убийцы, ни Ночные, ни Охотники не рискнули сдвинуться с места. Хлесткие пощечины Фрей сработали как надо. Посланники гильдий уныло забрали трупы и разошлись; для покойников начали рыть могилы.

Фрей не показывался. Очень хорошо. Просто — замечательно.

Полудемон допустил три ошибки. Он не прикончил Зузанку, и теперь Ночные и Охотники были исключительно злы на Убийц, главаря которых помиловали. Кроме того, им требовалось время, чтобы выбрать новых лидеров. Охотники должны избрать нового предводителя, а Ночные — кандидата в члены Коллегии. В вопросах передачи верховной власти харашийские злодеи крайне щепетильны. Я подозревал, что дебаты затянутся надолго, может быть, до утра, и даже смертоносец не сможет им помешать. Занятно было бы взглянуть, как он попытается гнать стада, лишенные вожаков, вперед. Думаю, он доигрался бы до генерального бунта. Это была его вторая ошибка. Ну а третья заключалась в том, что для укрощения строптивцев он использовал магию, выжав себя и подельников до капли. После заклятий такой силы обычный маг должен отлеживаться пять-шесть часов в забытии, напичкавшись целебными эликсирами. Полудемон наверняка восстановится быстрее, скажем, часа за три. Но Правдивые Маги — простые людишки. Значит, Фрей пока

лишен своего самого главного оружия, чтобы запугать и двинуть вперед хараштийских висельников.

Таким образом, мы получили около пяти часов форы. Слишком мало для того, чтобы успеть подняться на перевал, но достаточно, чтобы проверить одно дело.

Я задумал исключительную подлость.

Пустить им всем кровь — их же руками.

Настроение у меня было злобно-веселое. Это был настоящий свирепый кураж, я уже и забыл, когда на меня в последний раз так накатывало.

Гшаан не изменил своего положения на фоне красно-оранжевого заката. Жирная черная моль, которую не прихлопнуть. Я погрозил ему кулаком и спустился с горки.

Джонас Скареди продолжал молиться, скорчившись в три погибели. Я потрепал его по литому плечу:

— Все, уже все!

Он вздрогнул, будто я выдернул его из сна.

— Все? — Паладин неверно истолковал мои слова и побледнел: — Растудыть!

— В хорошем смысле. Можно сказать, что небо услышало нас. — Не пускаясь в пояснения, я отдал ему подзорную трубу и велел занять свое место.

Уже пали сумерки. До прихода темноты оставалось меньше часа.

Все наши, кроме Олника и Крессинды, собрались возле фургона. У Монго в глазах плескался вопрос: «Боже, зачем я сегодня проснулся?». Он не трусил, но жестокая хандра овладела им прочно. Имоен была рядом и что-то шептала ему на ухо. Она не любезничала, нет. Похоже, она взяла на себя заботы матери-утешительницы нашего отряда. Альбо все еще возился с гороскопом у маленького костерка: он вычерчивал хитромудрые таблицы карандашом в толстой тетради и заглядывал в толстенную, оплетенную в кожу книгу. В звездах он не нуждался, заканчивал расчеты, начатые пять дней назад.

Имоен вздернула голову, блеснули глаза:

— Мастер Фатик?

Я знаком велел подождать.

Эльфы сидели на поваленном дереве, пристроив клинки между ног. Виджи облачилась в те самые полосатые штаны, что были на ней в первый день нашего знакомства. Штанишки-вырвиглаз, лично для меня. Я испугался, как бы они не стали моим фетишем. Затем решил, что вряд ли — они смотрелись так возбуждающе только на эльфийке. Э-э, на *моей* эльфийке.

Принц, случись где-нибудь конкурс на самую каменную рожу и глаза-пуговицы, оторвал бы первый приз. Я невольно позавидовал его выдержке. Впрочем, может, он тайком принял щепоть грибной пыли, я ведь не рылся в его багаже.

Добрая фея подняла голову, изломив тонкие брови. Я ей подмигнул. Потом окинул всех насмешливым взглядом и осклабился в ухмылке:

— Небо расщедрилось и даровало нам шанс. Монго, гляди веселей!

— Воистину? — тут же отмерз Квинтариминиэль.

— Воистиней не бывает. Явилась надежда на счастливый исход.

— Бог-ужасный! Изреките!

— Изреку, но только после ужина. Больше у нас не будет времени на еду до самого моста на Дул-Меркарин. Сидите, я потороплю гнома.

Олник продолжал помешивать рагу ложкой на длинном черенке, а Крессинда подкладывала хворост в огонь. Издали я просто залюбовался этой парочкой: муж и жена, причем жена в плечах шире мужа, и это не говоря уже про рост и объемы груди. Они о чем-то болтали без всяких признаков антипатии. Опасность, видимо, сблизила их. Олник выглядел счастливым и заливался соловьем, и это, учтите, в килте, на самом пороге гибели!

— Да-да, три ложки «огненной смеси», не больше! — Напарник, глядя на Крессинду, сыпанул в котел что-то из кожаного мешочка. Ложек десять, не больше. — А есть еще такой анекдот... Что ответит гном, если его спросят, в чем

главная ценность ученых книг? Нет, не знаешь? — Он аж раздулся от радости донести Крессинде идиотскую шутку, бродившую по Хараште лет двести или триста. — Гном ответит: главная ценность ученых книг — в их толщине и мягкой бумаге!

На месте Крессинды я хрястнул бы придурка по лбу, чтобы отбить страсть к повторению дурацких шуток, но гномша — вы не поверите — засмеялась. Ох, женщины, женщины...

— А еще... Знаешь, почему ночью в гномьих пещерах темно? Потому что ночью гномы спят!

Жрица Рассудка опять засмеялась. Заметив меня, осеклась и даже слегка отодвинулась от напарника...

Олник, как тетерев, продолжал токовать, помешивая деревянной ложкой в котелке.

Когда я подошел ближе, в котелке что-то булькнуло и ложка растворилась. Нет, может, она просто сломалась, но у меня сложилось впечатление, что дерево именно растворилось. Мой напарник задумчиво изучил оплывший черенок и поскреб в затылке.

— Маэстро, — буркнул я, предчувствуя недоброе, — прежде чем угощать людей, хороший повар должен отведать еду сам.

Он подхватил на черенок немножко соуса и попытался оценить вкусовую гамму. Оценивал он ее не дольше секунды, затем побледнел и опрокинул котелок в кусты. Хлюпнуло знатно, большей частью — Крессинде на сапоги. Гномша выругалась, а гном виновато попятился.

— Это все пе... пе-прец! — залепетал он. — Я положил на щепотку больше, чем нужно...

— Просто признайся, Ол, что ты решил отомстить эльфам за свою аллергию.

— Я? Ничуть не бывало! Батюшки, Фатик, да в чем ты меня обвиняешь! — Его голос сорвался.

Вмешалась Крессинда на рокочущем гномском. Олник покаянно теребил килт, испестренный подпалинами. Затем в нем очнулась гордость, и он ответил ей длинной

трескучей тирадой, из которой я уловил только «эркешш махандарр».

Зря он это сделал. Лицо Крессинды побагровело. Ловким движением она сдернула с пояса молот и двинулась на гнома, как ожившая скала из подгорных легенд. Заметьте, молот она в него не швырнула, что говорило о многом. Впрочем, как и перец в фамильном рагу Олника.

У сукиного сына некстати разыгрались чувства. Напарник! Вернее, *бывший* напарник. Гномские чувства сродни камню. В том смысле, что стоят прочно и не рассыпаются от первого дуновения холодного ветра. Если Олника угораздило втюриться — пиши пропало, для свободного общества это пропащий гном. Ну и для Фатика Мегарона Джарси — тоже. Теперь помыкать им будет жена.

Он шмыгнул в кусты, Крессинда ломанулась за ним. Я чуть не крикнул им вслед: «Если получится мальчик, назовите моим именем!»

Милые бранятся, только чешутся. Тьфу ты, тешатся. Правда, мы остались без горячего.

Ладно, перекусим всухомятку. Имоен нарезала хлеб и колбасу, купленную в деревушке, разложила на тарелках вместе с редиской и солеными огурцами. Я решил устроиться рядом с Виджи, но потерпел неудачу, ибо меж нами вклинился Квинтариминиэль. Тьфу на него. Прихватив тарелку, я перешел на другую сторону костра.

За едой я коротко рассказал о том, что случилось с нашими недругами. Потом ввел в курс дела относительно своего плана. Во мне играла кровожадность, и я слишком поздно поймал взгляд эльфийки. Гритт, снова эти *огромные* серые глаза, затопленные сочувствием ко всему живому, включая мышей и тараканов, снова эти опущенные углы губ!

— Это... подло! — Добрая фея обожгла меня взглядом и вся вытянулась, напряглась как струна. — Вы... вы ударите в спину! Столько крови... Эти люди, они... Вы обрежете их жизни их же руками, не дав им последнего шанса на исправление!

Великая Торба!

Я чуть не взвыл. Некоторые реакции Виджи, прибывшей из *другого мира*, по-прежнему выводили меня из себя несколько больше, чем мне бы того хотелось (скажу прямо — мне вообще не хотелось, чтобы Виджи выводила меня из себя). И добро, если бы речь шла о хороших людях!

Веру в то, что закоренелый преступник способен измениться и что ему в обязательном порядке нужно предоставлять еще один, самый распоследний шанс, могут исповедовать только дураки и эльфы. Эльфов я прощаю, дураков — никогда. Они не способны понять, что сформировавшийся человек редко меняется в лучшую сторону. А что касается бывалых преступников — то с ними все ясно изначально. Можно ли приучить тигра есть овощи? Наверное, да. Он будет трескать их до тех пор, пока ему на зуб не попадется сам дрессировщик.

Я дал себе зарок когда-нибудь навестить Витриум, чтобы понять, как эльфы с их неумеренной тягой к абстрактному милосердию и справедливости протянули так долго, сохранив суверенитет. Но не исключено, что я зря сужу обо всех эльфах по Виджи. Может, в утконосой эльфийке говорят идеалы молодости. Молодость, она всегда импульсивна и возвышенна, а женская молодость — она импульсивна и возвышенна вдвойне. Однако эльфы живут вечно, и я могу лишь предполагать, что она — молода.

Великая Торба, сколько же ей в действительности лет?

Да сколько бы ни было, Виджи прибыла из страны, где, по слухам, *вообще* нет преступлений. Эльфы — они *другие*. Нет, не чуждые нам, людям. Просто — другие. (Заметьте, я не веду здесь речь про чашобных эльфов, да покарают их Атрей, Гритт и прочие боги!)

Ну ладно. Я встал, бросил остатки пищи в костер и отчеканил, глядя эльфийке в глаза:

— Вы наняли меня, чтобы я привел вас к Оракулу, добрая фея. Привел, а не дотащил ваш труп. И вы дали клятву во всем меня слушаться. Но пусть вы даже рас-

торгнете клятву, я все равно буду делать то, что считаю нужным для вашего блага. Потому что я, — для большей наглядности я ткнул себя пальцем в грудь, — я *дал слово* привести вас к Оракулу в целости и сохранности. Если я решу, что лучше вас связать и сунуть вам в рот кляп — я так и поступлю. Если я решу, что мне нужно стянуть с вас вот эти щегольские милые штанишки и выпороть — я и это устрою. Для вашего блага.

Ее уши в момент налились багрянцем, она вскинулась, подхватив меч, и я понял, что сейчас в семье будет горе и мама запросто прирежет папу, но в этот момент принц положил ей руку на плечо и так сдавил, что пальцы побелели. Он что-то быстро произнес на эльфийском. Виджи качнула головой (о, эти пышные золотистые волосы!). Потом резко встала, перешагнула бревно и забралась в фургон. Я облегченно вздохнул.

Принц холодно прищурил взгляд. И вдруг одобрительно хмыкнул.

— Бог-ужасный, это феерично, моя плешь! — загадочно изрек он. Видимо, вспышки доброй феи и его достали.

Он отвернулся и исчез за пологом фургона. В ночи зудела мошкара.

Надеюсь, он ее уймет. Э-э, просто *успокоит*. Гритт, мне не давал покоя вопрос, живут ли они вместе как муж и жена или любовники. Еще на вилле Бренка я обнаружил, что спят они в разных постелях, и до сего дня я не видел между ними явных признаков близости, но кто разберет этих эльфов? Может, супружеский акт происходит у них раз в двести лет и обязательно на фамильном древе, скажем, головами вниз, зацепившись ногами за ветки и вдобавок сквозь дырку в сотканной из паутинок простыне. А может, они вообще асексуальны. Эльфы, в конце концов, живут вечно, а за вечность и секс может приесться до чертиков.

От этой мысли меня едва не кинуло в холодный пот.

А Имоен уже готовила лук и стрелы. Она не видела ничего дурного в моем замысле. Умница.

— Где карты? — деловито спросила она.

— Сейчас.

Я порылся в хитром поясе Мельника и выудил крапленую колоду Джабара. Пиковая масть — знак Гильдии Убийц Харашты. Вместе с Имоен мы примотали пиковую шестерку к стреле чуть ниже оперения. Шестерка — как дополнительное оскорбление. Мол, вот как низко мы вас ценим.

— Стрелять в глаз, шею или под лопатку? — Девушка была серьезна.

— Куда угодишь.

Она усмехнулась:

— Я угожу куда скажете.

Я ей поверил.

— Главное, чтобы стрела с картой нанесла смертельную рану. Прихлопни его сразу, чтобы он не успел позвать на помощь. Но давай-ка приготовим еще одну стрелу с картой, на всякий случай.

— Не нужно. Я не промахиваюсь.

Имоен сверкнула белоснежными зубками. Она была рада показать себя в деле. Я не заметил в ней страха — сплошная деловитая собранность. И жесткость умелого бойца, готового убивать.

— Хорошо.

Я извлек два метательных ножа, что остались у меня от братьев Гхашш. Закрутил восьмерку и девятку пик вокруг плоских, с широким овальным вырезом рукояток. Лист вощенной бумаги вряд ли нарушит баланс. Но, опасения ради, я швырнул один из ножей в бревно и попал точнехонько туда, куда целился.

Монго озадаченно воззрился на меня:

— Не понимаю. А гшаан? Разве он не полетит докладывать Фрею?

Я ослабилась в скверной улыбке (я редко позволяю себе такие примочки, но на сей раз ситуация оправдывала) и поскреб между лопаток.

— Этот гшаан — просто безмозглая тварь. Ее дело — беглецов отслеживать. А мы помчимся в сторону Фрея на

всех парусах. Берусь утверждать — демон останется там же, где и был; с его точки зрения, *мы никуда не убегаем*. — Я показал на звездное небо с ярким диском луны, которую отчасти заслоняла неподвижная тень. — У него там пост, с которого он видит всю долину как на ладони. Но даже если я ошибся и он полетит к Фрею, то найдет его в забытьи. — Я рывком извлек нож. — Наш демоновод пал жертвой собственной злобы, а мы получили маленький шанс на спасение. Надеюсь, у тебя-то нет возражений против нравственной стороны нашего дела?

Монго не возражал.

— Очень хорошо. Тогда смени на посту сэра Скареди. И обрадуй, что сегодня мы без горячего.

Он ушел. Я хотел задать тот же вопрос Скареди, но со стороны ручья затрещали кусты, и к нам, пошатываясь, выбрел Олник. Волосы взъерошены, на щеке темнеет царапина, будто след от ногтя, рубаха нараспашку, за ухом пристроен стебелек травы. В руках мой напарник задумчиво нес молот Крессинды.

— Убил? — спросил я участливо. — Экий ты безобразник.

Гном бросил на меня совершенно пустой взгляд и, вздыхая, присел возле опрокинутого котелка. Чуть сбоку от того места, где он вышел, из-под веток черемухи показалась Крессинда. Она была преисполнена меланхоличной задумчивости. Пройдя мимо нас, она неуклюже забралась в фургон. Мы с Имоем переглянулись. Надо же, и молот не отобрала!

— Олник, — позвал я, — запахнись, а то продует!

Он не ответил, поглаживая свое безбородое лицо. Кажется, в углу его глаза блеснула тоскливая слезинка. Так, похоже, ребенок, названный в мою честь, отменяется. Гритт, мне только сентиментального страдальца в отряде не хватало!

Ладно, разберусь с этим позже. Если оно, это позже мне удастся сегодня отвоевать.

* * *

Пока Скареди помогал мне пристраивать на спине сбрую с клинками, я посвящал его в свой план.

— Угу, — кивнул старый рыцарь, запустив огромную пятерню в песочные волосы. — Угу, угу, как есть скумекал ровно.

Я решил, что это комплимент. Спросив, умеет ли он считать время по звездам, получил утвердительный ответ. Все-таки рыцарей кое-чему обучают. Тогда я сказал, чтобы он дал нам три часа, а после драпал, возглавив отряд. Он не стал ломать комедию, а просто и сухо кивнул, мол, да, приказы начальства не обсуждаются. В этот миг Альбо сдавленно ойкнул, словно гадюка забралась ему под штаны.

— Айе! Святой Марафлимей!

Клирик неуклюже поднялся с колен, держа в трясущихся руках свою тетрадь.

Он был красен, щеки оплыли, и я подумал, что долгое стояние в наклонной позе не пошло на пользу его голове.

— Фатик, я закончил наш гороскоп согласно методу *вещественного приближения образов* святого Марафлимея Загорского!

— Альбо, потом. Мы уходим. Как насчет нравственной стороны...

Он отмахнулся, будто я вел речь о морении клопов.

— Благословляю на военную хитрость!.. Фатик, минуту внимания, я закончил гороскоп нашего отряда.

— Гритт...

— Чудовищно и невероятно! Нас ждут впереди ужасные вещи! О Атрей, дай мне сил!

— Только ужасные?

— Знаки размыты и ужасающи. Уже скоро... завтра умрет один из нас!

— Всего один? — Я тут же подумал об Олнике. — Кто?

— Образ размыт! — Он всплеснул руками. — Но у него

будет возможность обмануть смерть с помощью любящей женщины...

Крессинда любит Олника? Гм, я полагал, что она просто настроена на интрижку.

— Ну что там дальше?

Он прибил комара на лбу астрологической тетрадью.

— Дальше хуже! Я не понимаю... Завтра мы все соберемся в тесный круг, за которым будет бродить наша погибель в образе существа, кое невозможно убить!

Я вздрогнул.

— Точнее?

— О, Атрей. Это все, что я сумел расшифровать! А вы, мастер Фатик, раздвоитесь, причем один из вас не будет иметь мозгов!

Фатик, да без мозгов? Эка новость. То, что я увязался в поход, уже говорило о моей безмозглости. Значит, второй Фатик будет с мозгами.

— Еще... Вы станете красным и начнете чесаться!

— Э? А рога у меня, случаем, не вырастут?

Он скосился в тетрадь, покачал головой.

— И вот еще что... Атрей, я не понимаю, как такое возможно! Но... *на нас нападут эльфы!*

— Свои, что ли? — Я посмотрел в сторону молчаливой (как будто она иногда разговаривала!) повозки.

Он уставился на меня, как на безумца. А я представил, как Виджи протыкает меня эльфийским клинком. Ох, зря я ее разозлил! Кто там знает, что на уме у эльфиек, может, их кодекс чести требует смывать оскорбления кровью? Оплеуху от нее я уже получил...

— Ладно, будем решать дела по мере поступления. Ну какие еще ужасы ждут нас впереди?

Он протараторил, встряхивая тетрадью:

— Сломанная нога, осиное гнездо, стаи гоблинов... Кто-то из нас повстречает саму смерть в облике древней богини... Исход неясен... Вы узрите женщину, Фатик, с которой у вас была давняя связь. Она будет зла и захочет вас убить.

Я вздрогнул. Брошенные женщины — они куда опаснее монстров. И правда, какая-то полоса неудач.

Имоен хмыкнула.

— Мы окажемся на пути страшных волосатых слонов... О, неизреченная мудрость Небес, разве бывают волосатые слоны?

— Спаси нас Атрей! — вскричал Скареди.

— Косматые элѐфанты из северных степей Мармары, — нетерпеливо пояснил я. — Мышей они не боятся, огня и рева труб — тоже; Фрайтор использует наемников на элѐфантах в военных целях. Что там дальше, только по верхам, мы торопимся!

Он уткнулся в тетрадь.

— Море... Корабли... Великая катастрофа и смерть целого города!.. Потом Оракул. Много крови. Там нам откроется правда! Смерть и рождение Избранного! — Альбо утер потный лоб трясущейся ладонью. — Но это будет лишь начало пути! А в конце его я вижу трех королей, существо с ожогом снаружи и внутри, полог ночи и конец света, после которого состоятся три свадьбы!

Гм, интересный набор. Только ошибочный, потому что конец света обычно наступает *после* свадьбы, а не до.

Альбо продолжал водить пальцем по строчкам:

— И вот он, финал! Мир будет спасен топором!

Я содрогнулся. Топором? Э-э, повторите, не расслышал. Топором?

Яханный фонарь! Сколько правды в его гороскопе? Виджи говорила, что будущее имеет несколько вариантов. Все зависит от действий человека здесь и сейчас, в настоящем. Но, Гритт, я вовсе не горел желанием спасти мир посредством своего недавно пропитого топора.

Скажу прямо, я вообще не хотел его спасать!

— Хватит, Альбо.

Он посмотрел на меня. Глаза у него были выпуклые, бычьи.

— Фатик... Мастер Фатик... После слонов... я не вижу в гороскопе *себя*!

— Гибель?

— Нет. Не гибель, не смерть... Не понимаю... Я просто... *исчезну... Растворюсь... Не стану.*

Я пожал плечами: чего он хочет от меня?

— Я варвар, я не разбираюсь в гороскопах.

Угу, я не придавал значения его словам.

Зря.

Мне уже тогда стоило его убить.

32

Вообще-то я утратил вкус к авантюрам еще до рождения, а то, что мы задумали, было самой настоящей авантюрой. Или военной хитростью, скрещенной с авантюрой, называйте, как хотите. С точки зрения доброй феи — я готовился совершить подлость. Она не стала увещевать или проклинать, она просто не вышла из фургона, так обиженный ребенок запирается в своей комнатке. Его высочество надутый эльф — тот явился и, наравне с остальными, провожал взглядом, пока мы с Имоен не исчезли за гребнем.

Олник, стряхнув тоску и высморкавшись с помощью пальца (по-моему, он рисовался перед Крессиндой, дескать, вот как я умею), порывался идти с нами, но я мягко, почти без ругательств, его приструнил.

Безоблачная ночь напоминала спелую чернику — ягоду с легким налетом лунного серебра. Мы спустились с пригорка и помчались к цели. Пока — не таясь. Ночь была прохладной, но я бежал в одной рубашке (штаны, не смейтесь, на мне тоже были). Имоен была в тунике и штанах из тонкой кожи, заправленных в короткие охотничьи сапоги на мягкой подошве. Лук со спущенной тетивой она несла в руке. По сравнению с ней я бежал неуклюже, ломился как вепрь, дышал с присвистом. А что вы хотите — за двое суток я спал всего три часа, да еще этот гшаан без конца буравил мне спину взглядом.

Мы бежали. Где-то далеко ухал филин. Легкий ветер шевелил траву и набухающие венчики болиголова. Я порадовался, что он еще не цветет, распространяя трескучие ароматы мышиного нужника. От запаха болиголова у меня болит голова.

— Мовет, оней-то нас поджидают? — спросила Имоен минут десять спустя.

— Не... мовет... — одышливо возразил я. — Стой, передохнем. Ох-х... — Цветные круги перед глазами меня совсем не вдохновляли. — У них выборы, брависсимо Фрею. Они заняты. Они горожане... Ох-х... Ловушек с кольями они не выкопали, а растяжки с колокольчиками — это для них слишком умно. Да и кто подумает, что мы решимся их атаковать? Яханный фонарь! Они не выставят даже секретов. Будут только часовые, поверь.

Она кивнула, стоя так близко, что я ощутил жар ее разгоряченного тела. Симпатичная мордочка отсвечивала в полумраке.

— Мастер Фатик, а что такое яханный фонарь?

Я поперхнулся.

— Ну... э-э-э... это такой фонарь, который э-э-э... плохо горит.

Она не поняла, а я дал себе зарок больше не браниться перед невинными девушками. И, Гритт, не думать об их разгоряченных упругих телах!

Вместо этого я снова покатал в уме мысль о предателе. Кто-то из пятерки отравил коней. Больше он никак себя не проявил. Никто не пытался прирезать нас ночью, подсыпать яд в пищу (Олника я в расчет не беру!) или подпилить ось повозки. Станный предатель. Мне было не ясно, работает он на Фрею или является эмиссаром каких-то сил Альянса. В конце концов, Альянс дышал на ладан: благодаря усилиям Вортигена его раздирали противоречия. Вполне может быть, кто-то из содружества мог преследовать личные цели, например, чтобы усилить свое влияние или отомстить кому-либо из нашей братии. Гритт, ненавижу политику. Представляю, какой это ад — быть королем!

Еще полчаса, и мы приблизились к бивакам на расстояние мили. У Ночных и Охотников они сверкали праздничной иллюминацией, не хватало только салютов. Лагерь Убийц был погружен в ночь и молчание, но они не спали, это я чуял. Я посмотрел в подзорную трубу. Охотники развели особенно большие костры по периметру, словно пытаясь отгородиться от мрака стеной света. Идиоты. Вам же теперь ни черта не видно, что происходит там, в темноте.

У нас в темноте. Я кровожадно щелкнул зубами.

Все, как я и думал. Дело не будет сложным.

Сунув трубу в карман, я оглянулся и бросил взгляд на луну. Гшаан чуть сместился со своего насеста, или мне так показалось, но никуда не улетел. Хех, спи спокойно, Фрей, мы на подходе. Жаль, нам не добраться до твоего горла (я мог бы рискнуть, однако чутье говорило, что затея обернется неудачей), но вскоре тебя ожидает чудесный сюрприз.

Внезапно на взгорке, который мы только что оставили, мелькнула неясная тень. Я вздрогнул и, схватив Имоен за локоть, молча указал пальцем. Минуты три мы терпеливо пытались высмотреть в темнеющих кустах какое-то движение, но тщетно.

— Мовет, волк, — предположила лесная нимфа. — Или пес бродячий.

Я мрачно передернул плечами. Волк, как же. Было бы у нас время, я прошерстил бы кусты у подножия взгорка, просто чтобы удостовериться, что опасности нет и что никто не окажется за спиной, когда я — или Имоен — приступим к исполнению плана. Но времени не было. Поэтому мы снова начали двигаться вперед — теперь уже крадучись. Я оборачивался несколько раз, но ничего не увидел. Наверняка мои зрение и чутье были бы острее, не изводи меня демон.

В полумиле от биваков мы остановились. Я вынул горсть углей, завернутых в тряпку, и мы зачернили лица, а Имоен вдобавок покрыла угольной копотью обнаженные руки.

От биваков накатывал шум наподобие морского прибоя. Передовые граждане Харашты занимались выборами. Они были злы друг на друга, на меня, на Фрея и на конкурентов из соперничающих группировок. Рядом с лагерем Охотников виднелось последнее пристанище Мозли Жукомора; могильную насыпь украшала какая-то штуковина, похожая на крестовину меча.

Я хмыкнул: городские жители! Схоронить своего главаря в пойме ручья — это сильно. Вряд ли хоть один из них подумал, что могилку размоет в следующее половодье, не говоря уже о том, что еще раньше в нее просочатся грунтовые воды.

Бивак Убийц располагался между Охотниками и Ночными. Мой путь лежал к Охотникам. Имоен — к Ночным. А недреманным Убийцам оставалось вкусить плоды нашей хитрости.

Чем наглее ложь — тем скорей в нее поверят. Особенно люди на взводе, те, у которых слова не расходятся с делом. Мне было интересно, сколько прольется сегодня крови и чьей и уцелеет ли Зузанка. Жаль, я не мог остаться, чтобы насладиться зрелищем. Банда Убийц была самой крупной из трех и могла здорово за себя постоять. Что касается Ночных, то там подобралась партия врагов Джабара, так что я делал доброе дело, способствуя уменьшению их количества.

Мы наметили ориентир для встречи — большую, одиноко стоящую вербу и обменялись прощальными кивками. Имоен растворилась в темноте. Я припал к земле и начал красться вперед.

Пойма заросла кустами и вербами, густая сочная трава была по колено. Я подобрался к биваку Охотников ярдов на пятьдесят и залег на краю мелкой ложбины. Поморгал, привыкая к яркому свету костров, и тут наконец разглядел часового. Он обходил гудящий, как улей, лагерь, постепенно приближаясь ко мне. Шел неторопливо, ногами сбивая былинки. Ножны с коротким мечом скособолены; мне померещилось, что часовой слегка навеселе. Вернее,

в хмельной печали: Охотники наверняка закатили тризну по своему главарю.

За языками огня, за стреноженными лошадьми, которые пощипывали траву, между наскоро расставленных палаток происходило действо под названием «выборы»: два десятка крикливо одетых мужланов хрипло орали, энергично размахивая руками. Такта у них не было и на грош. Еще у Элидора, и на Поющей Помойке я прирезал лучших из лучших, а оставшаяся шантрапа хоть и была опасна, не отличалась лидерскими наклонностями и особым умом. Зато свирепости и глупости было в достатке. Судя по румяным лицам, они уже накрутили себя как следует. Недоставало лишь искры. А я как раз собирался ее высечь.

Я вытащил оба ножа и затаил дыхание. Как хорошо, когда в лагере нет собак!..

Часовой приближался.

Я смотрел на него, раздвинув стебли травы. Луна была в последней четверти, но прыщи на его лбу были отчетливо видны даже в ее свете. Он был молод: тупая деревенщина, которую взяли в Охотники, видимо после того, как я прирезал половину их братии. Я принялся отползать вбок, чтобы оказаться на пути его маршрута. Я подпустил его на расстояние плевка. Когда он остановился и начал задумчиво давить прыщ на своей роже, я привстал и швырнул нож в его сердце.

Звякнуло. Я не поверил глазам: нож отлетел! Гритт, да у него *кольчуга*!

Он вскрикнул и покачнулся, недоуменно уставился в темноту. Недоумение замерло на его лице навечно, ибо я, рывком покрыв разделевшие нас футы, всадил второй нож ему в глаз.

Нестыковочка... Тупой кретин варвар! Охотники напаяли броню под одежду, ты мог бы этого ожидать!

Я мог бы ожидать и того, что от купы ближайших кустов отделится тень и с глухим воплем кинется на меня. В одной руке у тени был меч размером с конец света, а второй рукой

она поддерживала пышные, сползающие шальвары. Расстегнутый пояс телепался между ногами.

Я едва уклонился от рубящего удара, меч просвистел над ухом, чиркнул по плечу и впился в землю. Я всадил ботинок в морду засранца, одновременно пытаясь достать свое оружие. Гритт, ну кто же мог знать, что я устрою засаду неподалеку от кустов, куда Охотники ходят справлять свои нужды? Наверное, мне стоило упрекать ветер, который дул в неправильном направлении, или слух, который не различил журчание и другие звуки. Хотя истина была проста — всех обстоятельств не предусмотреть.

Охотник взвыл, рывком извлекая клинок. Я отскочил, сжимая в каждой руке по мечу и лихорадочно соображая, как бы быстрее прикончить ублюдка, так чтобы нас не увидели и не услышали из лагеря. Да, там шумно, там костры до небес, но если поединок затянется, нас как минимум заметит новый посетитель общественного нужника.

Пришлось пойти на военную хитрость.

— Не убивайте меня, умоляю! — испуганно пискнул я, отступая в сторону ложбины. Он купился и бросился за мной, размахивая своей оглоблей и кровавыми соплями из разбитой ряшки. Очень хорошо, сейчас я уведу его от ненужных глаз. Увы, я должен был пятиться, чтобы не схлопотать пару футов стали в спину.

Я начал съезжать по склону, по влажной траве на пятках и слишком поздно сообразил, что два меча, выставленные перед собой, не очень-то помогают удержать равновесие. Охотник навис стеной, его клинок свистнул, и я едва успел парировать удар. Это было последнее, что я успел сделать перед тем, как шикарно завалиться на спину. Под затылок мне попал камень, я щедро приложился об него и увидел, как огромный меч опускается, чтобы разрубить мне череп...

Звяк!

Тонкая полоса блестящей стали отвела удар от моего носа. *Звяк, звяк!* На тонком порхающем клинке змейкой извивался лунный луч.

Звяк!

Громила вдруг забулькал, как бутылка, из которой наливают вино. Клинок-змейка воткнулся ему под кадык. Охотник постоял немного, словно раздумывая об окончании своего земного пути, затем пустил струю крови из рта и упал на бок точнехонько рядом со мной, голова к голове.

Прохладные руки помогли мне подняться.

Она стояла передо мной, как пришелец из другого мира. Я различал только широко раскрытые глаза и заостренные уши.

— Виджи, — сказал я, с трудом переводя дыхание. — На это раз я точно тебя отшлепаю.

Ее ответ меня удивил.

33

Она сказала вот что:

— Если это поможет нашему общему делу.

Сказала тихо и равнодушно.

Если это поможет *нашему*, мать его, *общему* делу, слышали?

О-о, Гритт, а как же *аллин тир аммен*?

Нет, Виджи куда больше нравилась мне, когда пыталась меня прирезать. А сейчас, после ее равнодушного ответа, мне показалось, что... Короче, если она хотела внушить мне вину за то, что я сегодня отчебучил, то это ей удалось. Ночь поблекла, потеряла в красках. Меня обдало холодом.

Я потер затылок (там уже выросла порядочная шишка), чуть не пнул мертвеца, чтобы еще позлить эльфийку, и выцедил слова, банальней которых не сыскать:

— Спасибо, добрая фея. Вы спасли мою жизнь. Никогда этого не забуду.

Она расщедрилась на короткий кивок, заставив почувствовать себя глупым своевольным пацаненком, за которым бегают его беспокойная мамаша. Ее лицо стало совсем

неподвижным, глаза отгородились от меня стеной равнодушия. Никакого упрека во взгляде, но я ощущал вину за содеянное при полной уверенности в своей правоте!

Вот как у нее это получается, а?

Она эльф, напомнил я себе, *не человек*. И дело не в острых ушках и одуряющем аромате, нет. Она иначе воспринимает мир, судит человеческие поступки по своей мерке. Эмоции, этика, мораль — все другое. Возможно, алогичное с моей точки зрения, но увы. Я в очередной раз ее разочаровал. Но я не мальчик, не нужно мне читать нотации. В этом походе я определяю, что плохо, а что хорошо и что нужно сделать для нашего спасения.

Разочаровал? Ладно. Зато мы живы.

— Пожалуйста, больше не называйте меня доброй феей, Фатик.

Трижды яханный фонарь троллю через огрово колено! Мне, что, просить у нее прощения за дело своих рук? Или извиниться за то, что, спасая меня без моего согласия, она пролила кровь Охотника?

— Как пожелает добр...

Фея молча сунула меч в ножны за плечами и начала подниматься по склону ложбины. Будь я скверным поэтом, я бы сказал, что ее ровная спина и хвост золотистых волос выражают презрение в мой адрес.

Возвращаясь назад, мы не перемолвились и словом. Я чувствовал себя так, будто меня отпинали, затем избили хорошей дубовой палкой и напоследок обдали ведром колодезной воды. Виджи двигалась в трех ярдах от меня, легко обходя все препятствия. Казалось, трава не пригибается под ее невесомыми шагами. Помимо воли и вопреки самочувствию мое внимание то и дело возвращалось к изгибам ее тонкой фигуры. Пожалуй, тут были виноваты кандалы воздержания, которыми я себя сковал.

А, Гритт, «кандалы воздержания»! Ну теперь называйте меня скверным поэтом!

Надо было видеть глаза Имоен, когда мы с Виджи очутились около вербы! Восторг на ее мордашке увял,

сменился удивлением, а потом целым разрядом эмоций, которые она быстренько спрятала. Я спросил, как ни в чем не бывало:

— Все улажено?

Имоен наградила меня язвительным взглядом и косо посмотрела на эльфийку:

— Угу.

Я откашлялся и набрал воздуха в грудь.

— Тогда плотнее закройте уши, девушки. Виджи, это приказ! Сейчас я заору, как сотня бесноватых фанатиков при виде мощей святого Агристолы. Нет, я не сошел с ума. Это боевой клич варваров Джарси. Нас услышат враги, этот крик пронизывает землю на целую лигу, ложится поверх всех звуков, и... Виджи, закрой уши плотно! Это *приказ!*

Она, колеблясь, все же зажала уши ладонями.

Ну и я крикнул.

С вербы посыпались листики. Дедуля Трамп был бы доволен своим лучшим учеником. Обе девицы уставились на меня расширенными глазами, Виджи встряхнула головой, заморгала, точно увидела кошмар наяву.

— Я редко использую этот дар, — скромно поведал я. — Ежели так реветь каждый день, чего доброго, ума решишься. Сейчас наши недруги зашевелиятся, хватятся часовых, найдут их, и... Ну потом как карта ляжет. Вернее — три карты, которые мы отправили к Ночным и Охотникам. Все, дернули, Скареди ждет нас!

Мы двигались так: я впереди, Имоен справа, почти вплотную, а Виджи — слева, в отдалении от нас. Мне это не нравилось. Я вспомнил сцену в ложбине и слова Альбо о том, что завтра кто-то из команды имеет все шансы откинуть копыта, но, мол, его спасение — в руках любящей женщины.

Виджи меня спасла, но закавыка была в том, что еще не перевалило за полночь и завтра не наступило, да и эльфийка никак не выглядела любящей женщиной.

Может быть, Альбо ошибся в расчетах?

* * *

Шум от биваков бандитов накатил внезапно, приливной волной. Мое лицо перекосила ухмылка — все получилось! Я показал Имоен большой палец, она кивнула, сверкнув зубами.

Виджи остановилась на миг, наострив уши. Потом оглянулась на меня, слегка, вполоборота. Глаза блеснули... презрительно.

Гритт!

* * *

На подходе к лагерю Виджи исчезла, растворилась в кустарнике и, когда мы с Имоен поднялись по склону, вышла со стороны ручья, ни капли не запыхавшись. Один принц знал, что произошло, но сделал вид, что на глазах у него шоры, а в ушах — затычки. Мы переглянулись, и Квакни-как-там-его передернул тонкими плечами. Все-таки из этой пары он вел себя наиболее разумно (когда молчал).

Про Олника этого было не сказать.

Он сидел у прогоревшего костра, нахохленный и усталый, как курица-несушка, только что разродившаяся тремя-четырьмя яйцами. Пока я отмывался в ручье (Имоен делала то же самое, только за кустиками), он прилепал за мной и вздохнул так, будто нес на своих плечах тяготы всего мира.

— Мы с Крессиндой полаялись.

— Фр-р... Что-что?

— Мы полаялись, пока ты бегал устраивать свои хитрости. Я пошел выяснить отношения, ведь положение-то у нас шаткое...

(Гритт, где он нахватался таких оборотов?)

— ...и мы можем завтра погибнуть, так что я надумал прояснить все заранее.

(Любовничек хренов!)

— Фр-р... Та-а-к...Много навывяснял?

— Ну мы поговорили немножко... Она назвала меня безбородым отщепенцем, а я ее — толстой дурой, помешанной на доминировании...

(О-о-о! Альбо что-то неверно понял в своем гороскопе! Если кого завтра убьют, так это моего подельника!)

— ...А она обозвала меня карликом! Ты это представляешь, Фатик? *Карликом!* Ну тогда я сказал, что Жрицы Рассудка превращают наших мужчин в половые тряпки. Что, если оно так и дальше будет продолжаться, мы, гномы-мужчины со всех концов Северного континента, скоро вконец обабимся и начнем кормить детей грудью!

Я поперхнулся водой.

— А вы что, правда способны кормить детей грудью?

— Эркешш... Нет, конечно! Ты за кого нас принимаешь?

— За гномов-мужчин, способных кормить детей грудью. Но продолжай.

— Дохлый зяблик!.. Я сказал, что скоро с нас, как шишки с елки, опадут все мужские достоинства...

— Мама...

— А гномши их подберут и приладят к себе. Голос у них огрубеет, начнет расти борода. Придет капец всему гномскому мужскому роду. В общем, я показал на Крессиду...

— Гритт, нет у нее бороды!

— Нет. Но я сказал, что замечаю щетину.

— Нет и щетины.

— Я был в запале...

— Придурок!

Он всхлипнул.

— Я думал, она меня сжует на месте, а она заплакала и спряталась в фургоне.

Я встал, утерся полой рубахи.

— Получается, ты девушку обидел.

Он вздохнул.

— Обидел и опозорил прилюдно и *приэльфно*. Мне нет прощения, и с вами я больше не поеду.

Если он думал, что я стану его уговаривать, то здорово ошибся.

— Хорошо. Бери ослика и чеши на северо-запад.

Он втянул голову в плечи.

— Мы еще когда-нибудь увидимся, Фатик?

— А как же. Жди меня в Хараште, в таверне Лысого Арти, каждый день после шести вечера. Устройся там половым, будет на что хлебнуть пива. А нет — так иди к Джабару, он научит тебя побираться на базаре.

Я оставил его у ручья. Он был несчастен, мал, жалок и погружен в горькие думы.

Пока мы отмывались, народ уже затрамбовался в фургон. Мы покатили. Я нагонял лошадей и жевал зеленый чай, чтобы придать себе бодрости. Старый рецепт варваров Джарси. От него хочется блевать, и бодрость накатывает волнами тошнотной дрожи, но он хорош в главном — удерживает тебя на ногах, когда усталость буквально наливает свинцом твои веки.

Никогда не жуйте зеленый чай, особенно натошак, если не хотите помереть, вот что я вам скажу.

О том, что за нами не едет гном, сообщил Скареди. Крессинда промолчала. Я хмыкнул и сказал, чтоб не переживали. Гном-де проводит важную рекогносцировку, ставит опасные ловушки и скоро нас нагонит. Так оно и вышло — когда тусклые световые пятна Таргалы изрядно подросли, Олник поравнялся со мной и молча поехал рядом, чихая с промежутками в пять минут.

Отщепенец, яханный фонарь!

Таргала приближалась. Внутри была таверна с теплыми постелями, пиво, эль, жаренный на вертеле баран и много других приятностей, включая свежих коней. Но я не собирался там останавливаться. Если местные заметят в фургоне эльфов — им будет наплевать на то, чащобные они или цивилизованные. Их разорвут на части. Кроме того, менять коней — не такое простое занятие, особенно ночью. Поиск, осмотр и покупка займут не меньше полутора-двух часов, а этого времени у нас не было. В общем, я решил проехать Тар-

галу как можно быстрее, попутно подложив Фрею еще одну свинью. Не слишком крупную, всего лишь подсвинка.

Когда до городка оставалось минут десять пути, я остановился у обочины и спрыгнул на землю.

— Олник!

Он подъехал на своем мышастом скакуне.

— Вариант «Зеленое яблочко»!

Напарник оживился:

— Много крови?

— Достаточно. Ты поедешь впереди, чтобы разбудить спящих. Подготовишь их к нашему приезду.

— Яблочко? — сунулся мне под руку Альбо.

— Еще одна хитрость, — пояснил я и выгнал всех из фургона. Затем вспорол его бока в нескольких местах, чтобы парусина обвисла лохмами. Ничего, потом можно зашить.

— Что вы задумали, Фатик? — спросила Виджи голосом, в котором звенели ледышки.

— Минуту...

Я снял рубаху, и лица моих подчиненных вытянулись. Имоен прикрыла пухлые губки ладошкой, Альбо прошептал «Свят, свят!», а Скареди отвернулся так резко, будто одним взглядом мог набрать себе грехов лет на десять вперед.

Великая Торба, я все время забываю про татуировку с нагой девицей верхом на пивном бочонке. Ну молодость, молодость, было, было! Что уж тут. Тем более грудь у меня волосатая, и девицу не так уж и четко видно. Во всяком случае, самые пикантные места почти закрыты, да и не противоречит моя татуировка этическому кодексу Джарси.

— Знак моего клана, — внаглую соврал я, тыча себя в грудь. — Великая и благородная богиня Мегарон-Шулер-Афер. Ее накалывают только самым выдающимся членам клана Мегарон.

По глазам Виджи я понял, что она знает о моем обмане. Ну да, я же сам еще в первый день признался ей в сумасбродствах молодости.

Прости, фея...

Я обмотал правый локоть куском парусины, затем взял один из клинков Гхашш и чиркнул по мизинцу. Удивительно, сколько крови может натечь из слегка надрезанного пальца на левой руке. Наверное, столько же, сколько из правой. Я окропил тряпку, затем растер кровь по лицу и груди. Раздались недоуменные восклицания. Я пока не стал пояснять.

Олник занимался тем же самым. Содрав рубаху так, что она свисала с его штанов и килта, будто отрепья, он старательно вымазался собственной кровью. Я вытребовал у Имоен стрелу, получил ее и тут же отломил острие. Лесная нимфа вскрикнула.

— Нужно для дела, — отрезал я, сооружая на голове напарника окровавленный тюрбан. В складки ткани я всадил обломок стрелы оперением вверх. Теперь гном был готов к выступлению. Окровавленный, раненный почти смертельно... О да!

На нас с Олником смотрели так, будто мы помешались. Один эльфийский принц, кажется, уже сообразил, к чему мы клоним.

Из веток и ткани мы смастерили три факела, обмакнув их в масло для смазки колес. Вдобавок я зажег два дорожных фонаря карликов, подвесив их на крюки, приделанные к передней дуге фургона.

Я окинул взглядом дело своих рук. Отлично... авансцена ярко освещена, можно запускать актера.

— Скареди, снимайте рубаху и кирасу. Вы станете на заднике фургона. Откинете полог так, чтобы вас было видно, возьмете в руки факел, будете им размахивать и орать.

— Орать? — удивился старый рыцарь. — А что мне орать?

— «Налет! Налет! Налет! Все на защиту Таргалы! Разбойники наступают! За ними чащобные эльфы! Они сговорились! Насилие и убийство! На рассвете они будут здесь! Все пропало! Все пропало!»

Он несколько секунд пытался осмыслить мои слова.

— Это дикие такие, которые эти...

У Виджи окаменело лицо. Прости, добрая фея, но — увы. Чащобники — позор эльфийского рода.

— Да, это те самые, которые дикие.

Скареди еще подумал.

— А они идут за Фреем?

— Нет. Но на Таргалу они совершали набеги, это факт.

Он сдвинул густые брови:

— Через это я, получается так, солгу честным горожанам, так или не так?

— Так.

— А горожане все честные? Они обманом завлекутся на защиту своего города?

Гритт...

Я нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Ночной ветер холодил грудь, а на запах свежей крови прибывали все новые стаи летучих и зудящих упырей.

— Это дело благое. Не будет драки, Фрея встретят закрытые ворота, он поговорит с горожанами и все прояснит. Может, они слегка — самый чуток — шмальнут в него из самострелов, и все! Единственный выход на перевал — он лежит за городом, за его воротами. И чем дольше горожане продержат Фрея под стенами, тем лучше для нас.

Ясное дело, что именно на драку я и рассчитывал.

Скареди подумал, затем выпрямился и трескуче заявил:

— Но я же стану через это брехунцом!

Я чуть не огрел его по лбу.

— Ложь будет во спасение!

Он молча покачал головой:

— Я не брешу честным людям.

Людям! Еще один святой с принципами!

Я заподозрил, что сейчас и эльфы что-нибудь такое спросят, но у них хватило ума промолчать. Виджи демонстративно стала боком ко мне, но острое ухо было начеку.

Внезапно вмешался Альбо:

— Я сделаю это во спасение Фаленора! А затем искуплю свой грех постом и молитвой!

Светлая голова! Правда, насчет поста, мне сдается, он лукавил. С таким-то брюхом...

— Хорошо. Монго, Имоен, Крессинда — вы будете смотреть в прорехи, сделайте лица поплаксивей. Гритт... Монго, представь, что ты сочиняешь элегию. Грустней, еще грустней. Бытие бессмысленно и бренно, а все женщины... — В этот миг я перехватил вопросительный взгляд Имоен и поправился: — И ни одна женщина тебя не любит!

* * *

Вид моего напарника со стрелой в башке крайне впечатлил привратников. После недолгих расспросов (гном, размахивая факелом, как в бреду, повторял: «Эльфы! Чашобные эльфы наступают! А с ними отряд разбойников! Кто-нибудь, вытащите *это* у меня из головы! Позовите папочку! Ничего не вижу, где все, почему темно? Позовите папочку!») они широко распахнули ворота, и мы оказались в городе, оставив за спиной ветхие каменные стены. Перворожденные лежали, плотно укрытые спальниками. Я правил лошадьми, привстав на козлах. В левой руке у меня был зажженный факел, и я размахивал им, стуча зубами от холода.

Наш сарай на колесах поехал вверх по булыжной мостовой между сонными домами. Гном пришпорил осла и унесся вперед, теперь уже вопя, будто ему прижгли пятки. Его ор будил горожан, готовя их к нашему выступлению, так что, когда мы достигли середины Таргалы, из окон гроздьями высовывались головы, а на мостовой уже скопилось порядочно народу.

Я кричал, размахивал факелом и стонал. Альбо вторил мне с задника повозки, гудя, как набатный колокол:

— Эльфы! Чашобные эльфы наступают! А перед ними — банда людей-разбойников! Режут всех! Грабят, убивают, насиляют! Все на защиту города во славу Атрея!

Так мы проехали весь город, и, когда перед нами распахнулись ворота, ведущие на Дальний Перевал, в Таргале зазвучал суматошный набат.

Отлично. Мы почти покинули Долину Харашты. Остался последний рывок.

34

— Они уже там! Смотрите! Дларма тогхирр!

Проклятый истерик. Я остановил коней, прыгнул и приблизился к обрыву. Пропасть зевнула мне в лицо. Далеко внизу в сизом мареве размытым пятнышком темнела Таргала, дорога устремлялась от нее вверх извилистой лентой. По этой ленте упорно полз отряд смертоносца — стая крохотных паучков. Они достигли последней деревушки овцеводов и не собирались останавливаться. Я вынул подзорную трубу и попытался сосчитать, сколько с полудемоном людей. О да, теперь их было куда меньше! Но все же достаточно, чтобы закусать нас до смерти. И двигались они быстро. Пугающе быстро. Кибитки остались в Таргале, Правдивые Маги пересели на лошадей за спины подельников Фрея. Сам альбинос ехал в середине процессии, выделяясь светлой шевелюрой. Мне захотелось бросить в него камнем.

Верные псы полудемона, теперь целых два, все так же сопровождали нас на подъеме. Высота не вредила гшаанам, а проклятый дождь все не шел.

Был яркий солнечный полдень, золотые лучи натерли скальные грани до блеска, выше огромные снежные вершины заслоняли небо, над ними курилась белая хмарь. А мы только-только доковыляли до середины перевала. Дорога уже миновала высокогорные пастбища и теперь взбиралась по боку седловины, закладывая петли и виражи, способные вызвать дурноту у человека равнин. Пятна зелени попадались все реже, сменяясь бурыми лишайниками, из склонов выпирали облизанные ветрами камни, похожие на статуи

фантастических зверей. Но настоящих каменных осыпей не было на всем протяжении подъема, и мы не могли устроить обвал, чтобы загромоздить Фрею путь.

Я поскреб между лопатками, отпустил крепкое словцо, затем вновь поднес окуляр к глазу. Из Таргалы на перевал выезжал еще отряд. Конники. Числом около тридцати. Подмога Фрею или это те самые сподвижники, которым указывали путь мои эльфы? Слишком далеко, лиц не видно, но лучи солнца отблескивают на броне. Ай-ай, Фатик, лови подсказку: сподвижники эльфов вряд ли будут разъезжать по чужой стране, светя доспехами... Керрит? Я покатал в уме возможность сдачи бойкому капитану. Чушь: Харашта теперь под рукой империи, и капитан исполняет приказы людей Вортигена.

Яханный фонарь!

Я влез на козлы и хлестнул измотанных лошадей. Сам я был измотан ничуть не меньше, усталость накатывала, уже и чай не помогал. Альбо и Скареди сидели в повозке, сейчас было их время отдыхать, остальных я выгнал размяться. Эльфы гордо шествовали впереди, ярдах в десяти от конских морд. На них были короткие, до колен, балахонистые накидки цвета старой меди. По виду и не скажешь, что эльфийские — ни тебе бахромы, ни золотого шитья. Такие же накидки получила вся команда, кроме Олника — хотя он в любом случае ее бы не взял, сами понимаете почему. Накидки были легкие и теплые, на ощупь — словно из шелка, с какой-то тончайшей прослойкой внутри. Пух с крыльев ангела, не иначе. Моя оказалась великовата. Не знаю, на какого варвара-героя они рассчитывали, готовясь в дорогу. Может, на помесь человека и тролля с головой, звенящей от пустоты. Но в любом случае накидки были лучше бараньих полушубков, которыми я думал запастись в деревнях. В результате мы купили один полушубок — для гнома и две попоны для лошадей.

За все время подъема мы не встретили путников, купцов, паломников в Огрову Пустошь или хотя бы бродяг.

Воистину, для Синдиката Харашты настали трудные времена.

Внебрачный сын чурбана и дубины, по которому плакал терновый куст, ехал позади всех, часто спешивался, глядел вниз и потчевал нас дурными новостями. Теперь уже не только мне, но и всем хотелось его прирезать.

— Фатик, они подгоняют коней! Брутально, ядрена вошь! — Этот, с позволения сказать, гном, беспардонно украл словечки Крессинды.

Я чуть не крикнул Олнику, чтобы он заткнулся. Вместо меня это сделала Крессинда.

Сколдинг Фрей, похоже, не жалел ни коней, ни людей, ни себя. А мы все еще были на самых крутых участках подъема, здесь нельзя пустить коней вскачь, даже на обычном шаге от неровностей и выбоин дороги нас трясло, как в маслбойке, и это не говоря уже о том, что на рысях было невозможно вписаться в поворот без риска запустить фургон в недолгий полет.

Но я надеялся на лучшее. Мы все-таки здорово обо-гнули Фрея благодаря моим уловкам.

Скареди что-то пробубнил, зазвенел доспехами. Утром он предлагал, если дело примет скверный оборот, дать бой у дорожного поворота, перекрыв его фургоном, в который мы бы накидали для устойчивости камней. Дескать, крутые склоны не позволят зажать нас с флангов, а баррикада послужит защитой от магии Фрея и стрел.

— Это смерть, — просто ответила Виджи. — Если Фрей подберется к нам близко, он откроет *вартекс* за нашими спинами и вытащит тварей, которые нас уничтожат.

Насчет тварей я не стал уточнять. Виджи как-то сказала, что присные Вортигена способны призывать демонов или то, что мы привыкли понимать под демонами — существ другого мира, который эльфы называли Агон. Короче, нам оставалось ехать вперед и молиться, чтобы мы успели пересечь Дул-Меркарин. Ну а на той стороне... Пока мы взбирались на перевал, я рассказал всем, что мы сделаем на той стороне, и распределил роли в пьесе.

Возражений не последовало. Ну да, мы же не собирались никого убивать.

Мы продолжали двигаться. Я жевал чай, морщась от горечи. Минуло еще два часа.

— Фатик! — Отбросив полог, Виджи протянула мне на ладони три узких зеленых листа на вишневых черешках.

Листья арцеллы. Эльфийское, мать его, чудо. Я уже говорил вам, что ни разу его не пробовал.

— Съешьте это.

— Поможет?

— Это придаст вам сил.

Ну я и съел.

Никакого удовольствия: так, наверное, чувствуют себя коровы, пережевывая кислотоватую траву.

Вместо прилива бодрости мне захотелось замычать.

Еще час непрерывного движения... Кони начали сбиваться с шага.

Тут гном крикнул, что его осел больше не слушает шенкелей и вконец охренел. Я скрипнул зубами и остановил колымагу.

— Что значит «охренел»?

— Охромел, Фатик! Он охромел и не хочет идти.

— Болван! Так брось его и топай пешком!

— Жа-а-алка...

Мои ругательства упредила Крессинда, так нагнув бедного гнома, что тот захныкал и взмолился:

— Погодите, постойте, я с осликом попрощаюсь!

Я зарычал, прыгнул с козел и двинулся к Олнику с намерением дать ему затрещину. Он поднял голову и уставился на меня квадратными глазами:

— Фатик! Ой, мама!

— Что еще?

— У тебя лицо... в пятнах!

— Брось заливать.

— Мастер Фатик, он правду говорит, — прогудела Крессинда. — Ваша ро... лицо у вас пятнами пошло!

— У меня так было, когда я клубники перекушал, — за-

метил Олник, снимая с ишачонка пожитки. — А братец мой, Олник-первый, так он вообще весь побурел и задыхаться начал. Оказалось, правда, он вместе с клубникой пуговицу проглотил. Спасли. А то ведь думали — помрет.

Тут-то я и почувствовал, что мне отчаянно хочется почесаться сразу в нескольких местах.

Ах ты ж гребаный ты нахрен! Арцелла!

У меня, Фатика Мегарона Джарси по прозвищу Бешеный Топор, варвара, побывавшего в сотне переделок, легко пробивающего лбом кирпичную стену, возникла аллергия на волшебный лист эльфов!

С другой стороны, честное слово — бодрости она мне придала. Спать и хандрить, когда у тебя чешется там и тут, не получится, хоть ты тресни.

Покраснею и буду чесаться: гороскоп Альбо не солгал.

Так я и поехал вперед: красный и с зудящей кожей, иногда привставая на козлах, чтобы почесать задницу.

Вотместку я выгнал эльфов из фургона: пусть искупают вину! Насчет арцеллы долго пояснять не пришлось, еще хорошо, что я не сорвался на крик. Сам виноват: сожрал то, что жрать не следовало. Но ушки Виджи мучительно покраснели. Хм... тоже хорошо. Надеюсь, ее вина искупит часть моих грехов — ну хотя бы обман жителей Таргалы.

Эльфийка шла рядом с передком фургона. Принц топал с другой стороны, поглядывая в пропасть. Может, раздумывал, не сигануть ли.

Внезапно я заметил, что добрая фея плетет пальцами обеих рук, будто свивая заклятие. Но вот вопрос: будет ли от него толк против Фрея и дюжины магов? И против тех, кого призовет полудемон?

Она несколько раз оглянулась, окидывая меня сосредоточенным взглядом. Будто мерку снимала. Для костюма или... Я выругался про себя. Она что-то задумала. Великая Торба, снова эта эльфийская загадочность и самоуправство. Я передал вожжи Альбо и спрыгнул на дорогу.

— Осмелюсь спросить, что вы хотите сделать?

Она покосилась на меня, безмолвно шевеля губами.

— Виджи!

Она промолчала, ее тонкие губы продолжали шевелиться.

— Добрая фея!

И это не сработало. Принц глянул на меня, и на его треугольном, вечно брюзгливом лице проступила усмешка.

И вдруг Виджи вздохнула, как маленькая девочка, нарядившая куклу. Этакое детское «Ой», полное скрытого удовольствия от проделанной работы.

— Фатик, мне нужна ваша помощь.

Гм? Откуда этот мягкий тон?

— Да?

— Подскажите мне самый непристойный человеческий оборот, которым мужчина может оскорбить мужчину.

Я мысленно спросил себя, не сошла ли эльфийская ведьма с ума.

— *Самое* непристойное, Виджи?

— Да.

— Вы уверены, что готовы его услышать?

— Говорите же, Фатик!

Ну я и сказал.

Она ахнула, приложив пальцы к губам. Потом на ее лице отразилось омерзение вселенского масштаба.

— Неужели ваши мужчины... — Она не договорила.

Я пожал плечами: эльфы, эльфы, черт их дери! Да какие же у них порядки в этом Витриуме? И есть ли у них вообще секс?

— Ну если кто-то согрешит подобным, он, считай, перестает быть мужчиной. — Я почесал в затылке. — За вычетом тех случаев, когда оно врожденное, но это отдельный разговор. Ну а для нормальных мужчин — это оскорбление, конечно.

Она кивнула, будто заучивала урок. Как же много неприятных открытий доставил ей мир людишек!

— Я сплела вашего фантома, Фатик.

Я почувствовал себя дураком.

— Э-э... Моего — что?

— Двойника. Ваше полное магическое подобие. Он неотличим от вас, непрозрачен и умеет говорить вашим голосом. Сейчас я оставляю его здесь, посреди дороги. Он станет ловушкой для Фрея.

Я протяжно вздохнул.

— Он его прилюдно оскорбит?

— Разумеется. И попытается вызвать на поединок.

— А вы уверены, что наш приятель не раскусит трюк?

Она покачала головой.

— Люди не владеют магией фантома, это умеем только мы, эльфы. Ни смертоносец, ни маги Харашты не смогут отличить подделку от вас-Настоящего. Фрей подумает, что вы решили пожертвовать собой. Он очень хочет вас убить. Убить лично.

— Однажды он уже попытался и я ему навалял.

— Именно поэтому я надеюсь, что теперь он использует против вас заклятие. Что-то особенно сильное...

— Что мгновенно его обессилит.

Она кивнула.

— А воплощение фантома обессилит вас. — Настал мой черед качать головой. — Нет, Виджи. Я запрещаю вам это делать. Приберегите ваши силы до моста. Я, честно, не знаю, сколько там солдат. Возможно, вам придется нам помочь. Пока я буду заговаривать им зубы, вы... Помните, о чем я говорил утром?

Кивок.

— Да, я смогу усыпить нескольких человек.

— Главное — приспите командиров. А фантом... Если мы увидим, что дело оборачивается круто, тогда... Вы способны пока придержать фантома в... зачаточном состоянии?

Я подумал, что разгорится спор, и начал уже готовить весьма красноречивую речь, но Виджи внезапно согласилась.

— Два-три часа, — сказала она. — Потом нити распадутся.

— Мы будем у моста раньше.

Большие серые глаза посмотрели на меня серьезно.

— Я верю вам, Фатик.

Я что-то буркнул и, отстав, снова попытался оценить расстояние до людей Фрея. Они поднимались быстро, но крутые виражи, которые мы уже почти прошли, должны были задержать их. Беда была в том, что последний участок пути заслоняли скалы, и мы лишались возможности наблюдать за приближением врага.

Ладно. Зычным голосом я созвал всех в фургон, помог взобраться эльфийке, проверил трензели и упряжь и взгромоздился на козлы. Альбо передал мне вожжи, и я ему подмигнул:

— Поднажмем, святой отец! Олник, быстро в повозку!

Гном семенил сбоку, подобрав края полушубка, и подавал мне сигналы, кривя лицо, как бездарный комедиант.

— Вот еще, буду я там чихать! Я добегу, я поспею!

Он опасался тесного соседства с Крессиндой, спелый дурак.

— Быстро — в фургон, недоросль! В фургон, я кому сказал!

Кажется, я заревел, аж лошади поджали уши, представляю, каково было эльфам. Олник подчинился, я в нетерпении прихватил его за ворот, а другой рукой — за торбу и забросил в фургон. Он тут же исполнил ариетту из нескольких чихов, бедняга.

Поднажмем!

Я перевел коней на валкую рысь, надеясь, что они выдержат еще полчаса скачки. Дорога выравнивалась, крутизна подъема сходила на нет. Вскоре мы въехали в скальный коридор, и росчерк неба наверху стала серым, как мышиная шкурка; удары копыт звенящим грохотом отражались от стен. Я послал бедных лошадок в галоп, и влажно блестящие стены ужались в две мерцающие полосы, которые я различал краями глаз.

Поворот. Еще поворот. Фургон опасно кренился, громяхая колесами.

Фрей сокращал расстояние, лежащее между нами, и сокращал быстро. Я чуял это затылком, мне уже мерещился цокот копыт за спиной.

Поднажмем!

Фургон вылетел на ровную скальную площадку. Ярдах в тридцати она обрывалась в пропасть. Я осадил коней, когда до края бездны оставалось не более десяти футов, натянув вожжи, развернул рипящую повозку боком к ущелью, так что из-под колес брызнули камешки. Что-что, а править повозками я умею. Это легче, чем с прибылью торговать дамскими духами и корсетами.

Дул-Меркарин.

Другой берег ущелья был в сорока ярдах. Он слегка нависал, поблескивая каменными гранями. За ущельем начинался Фрайтор.

Наша часть моста выступала над краем пропасти на восемнадцать ярдов, фрайторская — на пятнадцать; со своего места я видел тяжелые устои, которые ее поддерживали. Работа гномов Зеренги, родичей Олника. Хорошая работа. Они сложили мост из серого камня, избегнув, как того и требовала добронравная сатрапия Фрайтора, всяческих украшений. Обыкновенный прочный мост с невысоким парапетом.

Средний пролет моста отсутствовал.

Олник первым выкатился из фургона и подбежал к мосту. У его основания находилась железная стойка с рындой, прикованной к ближайшей скале толстыми цепями; под ней была укреплена медная позеленевшая табличка. Гравированная надпись гласила:

Звоните

Если колокол украден

Кричите

Если вы охрипли

Свистите

Если не умеете свистеть

Убирайтесь, откуда пришли

И ниже, мелкими-мелкими буквами:

Добровольно проходя по нашему мосту, вы признаете Чоза Двурогого верховным божеством над всеми божествами нашего мира.

Свободная Сатрапия Фрайтора враждовала с Синдикатом Харашты, я, кажется, об этом уже упоминал. Сейчас дела обстояли совсем пакостно, но еще не дошли до объявления войны, и я надеялся, мост для нас все-таки выдвинут. Фрайтор зависел от торговли с Хараштой, при этом Ближний перевал, по которому текла основная часть грузов, принадлежал Синдикату. Так что заморочки с мостом на Дул-Меркарин — это было что-то вроде попытки доказать, что мы сами с усами.

Гном затрезвонил в колокол что есть мочи. На том берегу в приземистой, мрачной серой, почти неразличимой на фоне окружающих скал предмостной башне мигнул огонек.

Я прыгнул, ухватил коней под самые морды. Их головы окутывали облака пара. Они дышали с хрипами, оскалив пасти и раздув ноздри, роняли желтоватую пену.

Народ уже выбрался из фургона и пытался прийти в себя после тряской езды. Виджи казалась натянутой струной. Держать заклятие на спуске, видимо, тоже стоило немалых сил.

— Все помнят свои роли? — спросил я, почесывая плечо. Утвердительные кивки совпали с далеким скрипом с того берега, и я повел лошадей вперед, к мосту. На такой высоте ветер поигрывал все еще ласково, трепал разлохмаченные края попон. Зимой, конечно, тут куда холодней, но и сейчас для запаленных коней теплые покрывала были кстати.

Виджи поравнялась со мной у самого входа на мост.

— Фатик!

— Зовите меня просто — голуба.

Она стиснула зубы и с упреком взглянула на меня. Я прикусил язык.

— Фрей скоро будет здесь.

— Да, бойкий шалун... Он нагоняет, я это тоже чувствую. Не беспокойтесь, Виджи, мы успеем.

— Нет. — Она покачала головой. — Он... Он оставил позади тех, из Харашты. С ним только телохранители и маги. Они движутся быстро, а Фрей уже плетет что-то страшное... Я должна спустить фантома!

С фрайторской стороны донесся чуть слышный скрип. Средний пролет моста проклюнулся и начал выдвигаться в нашу сторону, медленно, но верно.

— Погодите, Виджи. Мы успеем. Положитесь на мою удачу.

Зря я это ляпнул. Удача была у моего брата Шатци, а у меня — так, недоразумение.

Виджи все еще колебалась.

Я кликнул Монго и велел ему придержать лошадей. Потом набрался наглости, поймал руки Виджи, скользнул по тонким, невесомым запястьям, стиснул прохладные пальцы в своих ладонях и посмотрел ей в глаза. Я ожидал как минимум пинка в одно место (никогда не пытайтесь хватать диких кошек за лапки, — вас укусят!), но эльфийка вдруг, прикусив губу, кивнула.

Я сказал как мог вкрадчиво:

— Ваша сила может понадобиться на той стороне. Там солдаты. Я не знаю, сколько их. Возможно, с вашей помощью мы разберемся с ними без крови... Я рассчитываю на вас, *добрая фея*.

Ее руки внезапно стали податливыми, пальцы в моих ладонях потеплели.

— Я верю вам, Фатик.

— Хорошо. Тогда забирайтесь в фургон и прикройтесь спальником. Вы наше тайное оружие, Виджи. Действуйте, когда я скажу...

— «Утром все кошки разных цветов». Я помню, что вы сказали перед началом подъема.

У эльфов, однако, хорошая память. Она забралась в фургон. Принц, смерив меня нехорошим взглядом, последовал за ней.

Мост полз слишком медленно. Я приказал Монго удерживать лошадей на середине нашего пролета. Остальная команда толпилась позади. Оружие было под рукой, только Скареди по моему наказу упрятал до времени Малого Аспида в фургон. Мне почудилось, что Олник жмет к Крессинде. Ну-ну. Альбо, опираясь на свой шест, всматривался в табличку возле рынды. Гм, может, он захочет свинтить ее на память?

С моста скальный коридор, по которому мы прибыли, напоминал трещину в монолитной стене. Я чувствовал, как Фрей несется галопом по каньону, набив себя до краев яростью и злобой. Что-то еще не давало мне покоя... Я поглядел вверх, на безоблачное яркое небо и не увидел гшаанов. Странно, куда же они делись? Или полудемон отозвал их, ибо решил, что они больше не нужны? Что с нами все кончено?

Нет, дорогой мой альбинос, я и сейчас тебя обставлю. Надеюсь, ты захлебнешься собственной желчью, когда я покажу тебе кукиш с другой стороны пропасти.

Черный язык моста приближался. Средний пролет Дул-Меркарин гномы соорудили из вороненой стали, с ажурным парашютом двух футов в высоту. Зимой мост посыпали соломой, чтобы копыта лошадей не скользили по льду.

С лязгом край моста лег в ложемент на нашей стороне.

— Монго, пошел вперед!

— Фатик!

И снова я кому-то нужен.

Кричал Альбо. Он стоял возле колокола, потрясая шестом. Только сейчас я заметил, что его полные щеки заросли кабаньей щетиной.

— Фатик!

Гритт!

— Иду!

Я подбежал, кренясь от усталости не хуже старой клячи, нагруженной саквами камней.

— Что? Что такое? Разыгрался ревматизм?

Он ткнул кургузым пальцем в нижнюю надпись.

— С вами я не пойду! Если я пересеку мост, то предам своего бога! Я здесь останусь. Я задержу врага и приму смерть, как подобает верному сыну Атрея!

Так, минутку, главное сейчас глубже дышать, чтобы кровь, стукнувшая в голову, не свела меня с ума. И не бить Альбо в челюсть с разворота.

Крепок лбом и верой, Великая Торба! В другое время я бы сказал: уважаю таких людей. Но не сейчас.

Я с шумом выдохнул сквозь стиснутые зубы. Почесал щеку. Нужно убедить его быстро, подыскать нужные слова буквально с лету, иначе...

— Минутку. Минутку. Альбо... Во Фрайторе политеизм. Главным они почитают Чоза Двурогого... Не Трехрогого, заметьте, — Трехрогий и единственный, он в Арконии, с которой Фрайтор враждует... Так вот, Атрея они тоже почитают. Он включен в пантеон, с этим все в порядке... Переходя мост, вы не отрицаете существование своего бога, напротив...

Он прервал меня, проорав так, что даже лошади зажали:

— Я знаю, это ты, чертов варвар! Я архиепископ верховной коллегии Атрея и декан южной митрополии Фаленора, пастырь четырех архиепатрий и богослов высшей ступени! Во Фрайторе Атрей чистит отхожие места других богов!

Надо же, какое понижение в должности... Я об этом не знал.

Он посмотрел на меня, больше не пытаясь воспламенить взглядом эльфийскую накидку, в глазах появилась обреченность. А я четко услышал, как разносится по каньону звякающий стук копыт.

— Значит, остаетесь здесь и уговоры не помогут?

— Я задержу их и умру.

— Ладно. — Я поскреб подбородок. — А вы видели, что там написано совсем-совсем маленькими буквами, в самом-самом низу?

Я показал мимо его руки, и, когда он доверчиво склонился к табличке, выхватил правый клинок Гхашш и саданул под затылочную кость скругленным концом рукоятки. Так и знал, что мне снова придется работать нянькой! Я ухватил обмякшее тело... вернее, попытался это сделать, но архиепископ верховной коллегии Атрея слишком хорошо питался на родине, а я — слишком вымотался за трое суток.

Мне помогла Крессинда, она стояла ближе всех и слышала наш, гм, спор в области теологии. Вместе мы взгромодили немаленького епископа в повозку. Мелькнули лица эльфов. Я крикнул, мол, все в порядке, святой отец скоро проснется, спиной чувствуя, как ужимается время, отпущенное на бегство. Фрей почти настиг нас. Считанные минуты — и он будет здесь.

— Вниз не смотреть! Никому не смотреть вниз! Держитесь середины! — велел я, перебегая к лошадям. Вместе с Монго мы повели их по среднему пролету. Копыта зацокали по металлу. Наш голубокровный тонкококстный бард льнул к шее коня, как к родной матери, и я его понимал.

Варвары Джарси не боятся высоты, однако я высоты... опасался*. Пропасть за ажурным парашютом из кованых плетеных прутьев казалась бездонной, линии обрывов сходились на головокружительной глубине в тонкую полоску, затянутую сизым непроницаемым маревом. Туман стоял над дном ущелья круглый год, и никогда на моей памяти (а я пересекал Дул-Меркарин в двадцатый, что ли, раз) дно пропасти не обнажалось. Зато сам туман любил в дождливую погоду наполнять ущелье до краев.

На фрайторской стороне от самого моста начиналась досмотровая площадка — широкая и пустая, если не считать поленницы дров, ограниченная высокой каменной стеной с захлопнутыми пока воротами. Стены не было только со стороны пропасти.

Семеро солдат в зеленых мундирах — пятеро человек и двое замухрышек-карликов — глядели на нас равнодушно.

* Ну хорошо, Гритт с вами, да, я боюсь высоты!

Командовал ими капрал, хмурый, будто его недавно назначили главным евнухом в гарем, где доживают свой век престарелые любовницы фрайторского сатрапа.

Гм, а ведь раньше у моста несли караул не менее пятнадцати человек под началом капитана.

Я почувствовал, что во Фрайторе происходит что-то нехорошее.

Замороженный жизнью таможенный чиновник вяло кивнул мне в ответ. После блокады Харашты пиратами Кроуба поток товаров, и без того лившийся жидким ручейком через Дул-Меркарин, окончательно иссяк, и нужда в нескольких вымогателях отпала. Я решил, что теперь их отправляют сюда как в ссылку. Непростое испытание для чинуши, который привык каждый день набивать карманы взятками, того и гляди — сопьется.

Когда последний из моей команды ступил на каменный двор и мы охватили солдат клещами, я, широко улыбаясь, приблизился к капралу и нанес удар ему в челюсть.

Он отлетел, сбив по пути двух человек. Я сграбастал чинушу за форменный камзол и бросил его в оставшихся солдат. Не могу сказать, что усилие далось мне легко, но соблазн швырнуться таможенником (Гритт, я всегда об этом мечтал!) придал мне энергии. Миг — и все девять фрайторцев громоздились у моих ног внахлест; из этой кучи торчали древка алебард. Сбоку как вихрь налетел Скареди, его огромный клинок описал дугу и остановился в пальце от горла капрала. С другой стороны подступили Имоен и Монго. У нашего аристократа в руках все еще была лютня — по первому плану ему надлежало сыграть грустного барда, чтобы отвлечь внимание солдатни, пока я буду разбираться с начальством. Но все оказалось... куда проще.

Сказать, что ли, «Утром все кошки разных цветов», чтобы Виджи выпустила заклятие сна? Хех.

Я бросил взгляд за мост. Фрей... еще не показался. Мои эльфы, как и было уговорено, выбрались из фургона и, обнажив клинки, направились к нам. Карлик, бледный как

полотно (обычно у них красные рожи, если вы помните), смотрел из-под таможенной задницы глазами размером с кукушкины яйца, видимо, думая, что сейчас разыграется кровавая драма «Смерть у моста тумана» (три акта с антрактом на свежевание трупов). Мне пока не хотелось его разочаровывать.

— Крессинда, Скареди, Олник, — за мной! Монго, вяжи их! Ремнями, их же ремнями вяжи! Гритт, затылок к затылку, попарно. Имоен, если кто рыпнется — всади стрелу ему в глотку.

Перепрыгивая тела, я кинулся в башню, благо двери были открыты. Из рассказов Олника я знал, что механизм, ведающий выдвижением моста, находится в подвале.

Сквозь душную натопленную караулку, в коридор, затем вниз по щербатым ступеням. Быстрее, быстрее! Низкий переход с одинокой масляной плоской на стене. Дверь передо мной начала закрываться, в щели мелькнула бородастая физия; «кляц-кляц» замка совпало с невнятным «дларма тогхирр», которым меня наградил гном-механик.

— Крессинда!

Гномша без лишних уточнений хрястнула молотом по замку. Сталь замка была гномская, зато дверь — деревянная человеческая. Молот просто вбил замок внутрь, а с третьего удара вышиб его вместе с куском дерева. В рваную дыру мы увидели, как мечется по подземелью (верней было бы сказать — подгорью) гном-механик в серой замасленной робе. Я раскрыл дверь пинком. Гном ринулся на меня с какой-то раздвоенной у конца железной палкой. Я шагнул в сторону и сделал ему подножку. Когда он зарылся носом, я выхватил железку, отбросил и кивком подозвал Скареди:

— Связать быстро!

Гном с оханьем поднял лохматую голову, выплюнул кончик бороды, выплюнул то, что успел нажевать из бороды, и уставился на нас из-под лохматых бровей:

— Олник Гагабурк-второй! Чтоб у меня через рот все кишки вылезли!

— Дохлый зяблик! — выдохнул мой напарник. — Дядюшка Самофрел Ойкни!

— Я тебе не дядюшка, быдло! — закипел гном, дергаясь в стальных объятиях паладина. — А ты мне больше не родственник, ты, тролличья шняга! Что, пошел по кривой дорожке? С мазуриками спутался? А я всегда твоему папаше говорил, не будет из тебя толку! Ну кончайте старика, чего ждете?

Должен сказать, что этот ядреный бородатый хрен стариком не выглядел, и больше ста — ста двадцати лет я бы ему не дал, притом что гномы живут не меньше ста семидесяти.

Я отстранил Олника, знаком велел ему молчать, и как мог сжато изложил нашу ситуацию.

Ойкни фыркнул и стряхнул руки Скареди.

— Ну так бы сразу и сказали, а то набежали как свинское стадо, дверь выбили, меня мордой в пыль. Ломать не строить. Ща... — Он привстал и заправил косматую бороду обратно за пояс.

— Сначала нужно откатить мост, — сказал я.

— Не учи ученого! Так, вы двое, — Ойкни показал на Скареди и Олника, — на левую рукоятку. Ты, мордорот, — палец размером с черенок мясницкого топора ткнулся в меня, — идешь со мной на правую. — Крессинду он вроде бы и не увидел.

Замечу, что мое мнение о тупости гномов сильно колебалось.

В глубине подвала на высоких прочных станинах из железных брусьев были закреплены стальные зубчатые валы с тяжелыми рукоятями. Толстые шестерни, блестящие от масла, цепляясь друг за друга, уходили в щели каменной кладки пола, под ним, разумеется, был скрыт остальной механизм. Гномы умеют прятать свои секреты не хуже коротышек.

Фрей уже проехал каньон...

— Вращать на себя! Разом! — сурово велел Ойкни, ногой отпихивая жестяную масленку с носиком в виде клюва

цапли. Свет настенных ламп, упрятанных в проволочные каркасы, расчертил его широкое лицо на шахматную клетку.

— Пошли помалу!

Олник сбросил полушубок. Мы ухватились за рукояти, налегли. Шестерни, блестящие от масла, начали бесшумно вращаться, пол под ногами вздрогнул и легко завибрировал. Я вертел рукоять без особых усилий, словно это был колодезный ворот и я тянул полное ведро воды — не слишком тяжелый груз даже для уставшего мужчины. Высота рукоятей была рассчитана на человека — мост выдвигали солдаты, а Ойкни командовал ими да смотрел за механизмом. Но ни он, ни Олник не испытывали неудобства, поскольку умело привставали на цыпочки.

Смертоносец был уже на мосту...

— Как папа? — вдруг поинтересовался Олник через голову Скареди. Сукин сын, похоже, как родился, так и окочурится полудурком. Над его головой нависла опасность, а он... Речь о преувеличенной тупости гномов... Ну в общем, к нему это не относилось.

— Нормально, — откликнулся Ойкни. — Жалуется, что твоя мать снова распускает руки, как перепьет пива.

— Эркешш махандарр!

Ойкни не ответил, а вместо этого глянул на Крессинду, которая отошла к двери и стояла к нам вполоборота. Очень нехороший был у него взгляд, женоненавистнический.

— Эх, салазки рипят, — буркнул матерый гном, прислушавшись к чему-то под полом. И выругался.

Вдруг я заметил, что рукоятка больше не вращается.

— Шабаш! — встряхнул бородищей Ойкни.

Мы задвинули пролет моста.

Фрей не успел.

Он не успел, я ощутил это спиной, затылком и всем, что во мне было варварского. Но радости я не почувствовал. Все только начиналось. Это я тоже чувствовал. Сердцем.

— Теперь нужно сломать механизм. Сломать так, чтобы на починку...

Ойкни отмахнулся, словно речь шла о мелочах.

— Сделаем враз. Слушать сюда, мы скопом за пять минут все устроим. Вон там, в рундуках, взяли ломы и кувалды...

— Сколько нашей работы насмарку, — грустно перебил Олник. — Я помню, мой папочка вытачивал вон ту шестеренку...

Ойкни хмыкнул.

— Дурень ты дурень! Мы, гномы Зеренги, получим заказ на ремонт, который встанет сатрапу Фрайтора в копеечку! Эх, почему я раньше до такого не додумался? — Гном окинул меня насмешливым взглядом. — А как своротим станины, вы меня того, веревками спеленайте, а для большей правды вот ты, мордатый, мне бланш поставишь. А про сломанные ребра я им сам расскажу. Взялись!

Через отдушину у потолка донесся чей-то вопль. Затем еще один, потом вступил целый хор. А сквозь него прорвался знакомый мне голос Виджи:

— Фатик!

Я услышал его и вздрогнул.

А наверху, сразу после ее окрика, громогласно заплакал голодный младенец.

Очень большой, очень злой младенец.

35

Я оказался снаружи за три удара сердца. Быстрее, чем сегодня, я бегал только один раз в жизни, когда вздорная девчонка по имени Рондина, та еще стерва, одержимая ревностью, задумала превратить меня в... Забудьте. Сегодня я бежал быстрее, это факт.

Увиденное освободило меня от излишком оптимизма и внушило трепет.

На месте ворот досмотровой площадки выросло овальное окно в другой мир. Его высота была футов пятнадцать, а ширина — около четырех; слишком узкая прорезь для того,

кто хотел наведаться к нам в гости. Он был громоздок, брюхат и, очевидно, слишком плечист, чтобы пролезть, гм, передом, цвета спеющей земляники, такой нежно-розовый, без всяких признаков чешуи или щетины, словно человеческий младенец, подросший на тролльем молоке* до двенадцати футов. Сейчас он пытался протолкнуть свое брюхо бочком, упираясь в раму окна массивными ладонями. Рама, представлявшая собой толстое вихревое кольцо серого дыма, не поддавалась, но было ясно, что рано или поздно (скорее рано) существо одолеет преграду. За его тушей сквозь красноватую пелену чужого мира смутно просматривались острые контуры гор или, возможно, сталагмитов; завеса начисто уничтожала ощущение перспективы, и я не мог понять, пещера за ним или вольный простор.

Проталкиваясь, демон голосил, как оторванный от груди малютка. Он просто-таки захлебывался писклявым воем, от которого сводило скулы. Башка его была повернута вбок, я видел только край тяжелой челюсти, выпученный глаз да толстые складки на лысом загривке.

Миг... два... три...

Солдаты, связанные попарно, начали брыкаться и отчаянно орать. Заржали лошади, Монго еле успел их придержать, иначе они кинулись бы в слепой бег.

— Ядрена вошь! — припечатала Крессинда, выскочив на порог. Скареди отпихнул ее, держа своего Аспида нижним хватом, выметнулся наружу и... рухнул на колени, безмолвно бормоча молитву.

— Папочка! — выдохнул Олник, хотя я сильно сомневался, что его папочка выглядит как демон двенадцати футов росту.

* Мифическое троллье молоко, от которого якобы идет в рост все живое. На самом деле это старая придумка Ночной Гильдии, продающей втридорога из-под полы бутылочки с обычным молоком со словами: «Доить троллей — опасно для жизни!». Дураки, покупающие «чудодейственные» средства, не переведутся никогда.

— *Шаграутт кулозик!* — вскричал Квинтариминиэль*. С него, как позолота со статуи, слезла эта вздорная эльфийская невозмутимость в стиле «ничего не вижу, никого не слышу». Виджи замерла рядом с ним.

Поздней я выяснил, что это не имя собственное, что так эльфы кличут особую породу существ из мира Агон, с которой они познакомились благодаря милости Вортигена. Во внешности малютки было, несомненно, много от шаграутта и слишком мало от кулозика, разве что цвет кожи да маленькое круглое, вполне человеческое ухо. Впрочем, я пока не видел его анфас. А, ну да, штанов на шаграутте не было и в помине.

Демон, что с него взять.

Фрей стоял на самом краю ложементы, растопырив руки, как клещи. Пепельный камзол и раздвоенные хвосты черной блестящей накидки делали его похожим на жука с белесым брюхом. Он вперил в меня взгляд красного вампирьего ока и ощерился в гримасе; горелая рожа растянулась, так что струп поперек лица лопнул, как сургучная печать, засочился желтой сукровицей.

Маги образовали за альбиносом длинную цепочку, положив руки на плечи друг другу. Вид они имели усталый и растрепанный, куда-то задевав свои шутовские колпаки; даже золото и пурпур их мантий поблекли. Многих била трясучка, будто их подвели к эшафоту. В общем, так оно, видимо, и было. Еще одно заклятие, и смертоносец, как упырь, высосет из колдунешек все жизненные силы. Наемники из Аграбана, верхами, выстроились на правой стороне предмостной площадки. Смуглые невыразительные лица, серые плащи, одинаковые облегающие кожаные шапочки, и — никакого оружия на виду. Они словно чего-то ожидали. Мои знакомцы из Харашты еще не прибыли. Виджи была права — альбинос оставил их позади.

* Когда я остепенюсь и стану аптекарем, его именем я назову рвотный порошок.

Думаю, если бы мог, Фрей распахнул бы вартекс во всю ширь и протащил сквозь него тварь размером со слона, но, кажется, вот такой размер портала — это был предел его сил, пусть и напитанных магами.

— Папочка... — повторил Олник. Видимо, для шаграутта настала пора задуматься об усыновлении.

Я не герой, нет, правда, я не шибкий смельчак, но когда на мне висит груз ответственности за жизнь целого отряда, я действую без особых колебаний.

Особенно в случае, когда демон пока не способен огрызнуться в ответ.

Короче говоря, я подхватил с колен Скареди Малого Аспида и ринулся к шаграутту, чтобы провертеть пару дыр в его розовом теле наиболее подходящим для этого инструментом.

— *Назад!* Назад, Фатик, нет!

— Виджи? — Я оглянулся. — Его надо убить, пока не пролез.

Эльфийка подбежала ко мне, лицо — словно высечено из бледного мрамора.

— Фатик, шаграутта невозможно убить оружием нашего мира.

Приехали. Распрягаем коней спокойно и без крика.

— Яханн... То есть — вообще?

Она кивнула, глядя мимо меня на вартекс.

— Дерево, сталь, камень, огонь, кислота и магия не оставляют следов на его коже. Эльфам это известно... Мы пытались, когда... Вортиген натравил шаграуттов на Витриум. Демон сам развеется через час. Умрет. Наша вселенная чужда для него, она несет гибель его плоти и разуму.

Я издал судорожный вздох. Малый Аспид звякнул острием о камни.

Всего какой-то час. Продержаться один час, играя с демоном в догонялки на площадке для досмотра. Пятьдесят шагов в одну сторону, полсотни — в другую, и еще дважды по две дюжины, если бежать наискось. Объехать его и удрать через ворота (которые нужно сперва открыть)

не выйдет — лошади почти рехнулись от страха, вон как волочат Монго по двору. Драка исключается. Так... Соображай быстрее, Фатик, иначе...

Шаграутт кулозик все еще не мог толком пропихнуться в наш мир, но я чувствовал, что это знаменательное событие уже на носу. Весь отряд, кроме Монго и Скареди, приблизился, обступил...

— Невозможно... убить? — повторил Альбо.

Думай, Фатик!

— Виджи, он быстр?

— Очень быстр.

— Силен?

— Он с корнями вырывает деревья.

— Что еще... Он плюется кислотой, дышит огнем, пускает молнии из жо... из... из зенок?

— Что такое... зенки?

— Небо... Гляделки, глаза, голубые очи! Он пускает молнии из глаз... или из другого места?

— Ничего из перечисленного. Ни молний, ни огня, ни кислоты. Только голая сила.

— Гритт... Уже лучше. Положим... мы укроемся в подвале башни?

По ее лицу прошла судорога, болезненная судорога воспоминаний.

— Он разметает ее, как соломенную хижину, чтобы добраться до... пищи. Нас засыплет обломками, убьет, ранит, но шаграутт вытащит тела, и... Им движет слепой голод... Несчастное обреченное создание.

Когда-нибудь я найду главного эльфийского гуманиста (ведь эльфы живут вечно, вы не забыли?), подвешу его на бельевых веревках и выкручу из него всю душу по капле. Если и тогда этот эльф останется... эльфом и даже не захочет меня обматерить... Ну я даже не знаю. Мне придется, видимо, пойти к нему в ученики, потому что вот этот самый эльфийский гуманизм — он выше моего понимания.

В общем, я выбрался про себя. Перед глазами возникло смутное видение чего-то снежно-белого и пушистого.

Не знаю, что бы это могло быть, но оно иногда возникает перед моим взглядом, когда дела совсем плохи.

— Слабые места?

Кончики ее ушек дрогнули.

— У него есть слабые места, Виджи?

— Магия.

— М-магия?

— Шаграутта нельзя убить заклятием, но его можно заключить в сферу Отрицания.

— Подробней! Как вы справились с ними в Витриуме? Скорее, Виджи! — Я почти кричал.

Теперь настал ее черед вздыхать. Эти воспоминания были тяжелы для нее. Потом она протараторила как ученица, отвечающая домашний урок:

— Заклятие Отрицания ставит перед любым живым существом одностороннюю невидимую преграду, которая отрицает движение существа через эту преграду. Эта преграда существует в одном логическом измерении истинности, которое заключается в абсолютном отрицании движения для каждого конкретного существа, настроенного на эту преграду, а также тех вещей в нашем мире, к которым он прикоснулся, наделяя их свойствами акцидентальности.

— Э, — сказал я.

Намного проще управляться с топором и мечом, нежели изучать эльфийскую магию, вот что я вам скажу. Даже простые определения заклятий способны вскипятить мозги дилетанта. К счастью, у меня хватило ума быстро разложить все по полочкам.

— Но преграду легко обойти, если монстр не конченный дурак. Устроить подкоп, выпрыгнуть...

Она кивнула, прикрываясь ладошкой от солнца.

— Поэтому мы замыкаем его в непроницаемую сферу. Но я одна... Для создания такой большой сферы нужны пять-шесть ведьм.

Мои мысли понеслись галопом — не самое приятное состояние, когда лихорадочно пытаешься прикинуть, как

отыскать зацепку, ведущую к спасению. Тем более когда зацепки, может быть, и нет.

Крессинда, Олник, Имоен... и остальные глядели на нас; солдаты прекратили вопить. Кажется, все понимали, что разговор идет об их жизнях. Один Монго продолжал испытывать подметки своих сапог на прочность, пытаясь остановить лошадей.

— Де... лай... те... что-нибуууды! — провыл он.

Я встrepенулcя:

— А стену... Вам хватит сил поставить стену?

— Стену — да. Наверное... Я уверена, да.

— Так поставьте ее вплотную напротив демона, пока он не вылез!

— Это невозможно.

— Как так?

Она указала на подножие вартекса; его окружал красноватый ореол, распластавшийся по камню примерно на пять ярдов.

— Вартекс отбрасывает тень чужого мира. В этих пределах моя магия не действует.

— Не понимаю... Но как тогда Фрей вообще может призывать демонов?

— Он использует запретные знания Полночников.

— Э, — сказал я (чтобы не сказать чего похлеще).

Как же все сложно-то, мать твою! Верните мне топор и бросьте в толпу врагов, которых можно порубить на кусочки!

Песок часов почти ссыпался в чашу небытия, как выразился бы какой-нибудь скверный поэт. Например, я.

Что ж. Мне пришлось поразмыслить еще.

— Так... Вы замыкаете демонов в сферу... А если нет сил построить ее вокруг демона... Добрая фея, вот такое соображение: а что, если создать круговую стену, колодец, отрицающий движение демона, *вокруг нас?*

Ее глаза блеснули, и она даровала мне восторженный взгляд:

— Фатик!

Я малость подрос в собственных глазах (почти на уровень подбородка моего брата Шатци). Невероятно! Еще парочка таких озарений с моей стороны, и она перестанет считать меня тупоголовым варваром.

— Только это будет *очень тесный* колодец, — предупредила Виджи.

Я отмахнулся. И зря. Ой как зря.

Мы занялись делом. А верней — начали играть наперегонки со временем.

И со смертью.

Виджи принялась составлять заветное на другом конце двора, ярдах в десяти от обрыва. Разумно — если шаграутт вздумает разметать башню, у нас будет шанс не угодить под обломки, ну а присные Фрея не доплунут до нас из арбалетов. Что касалось разных смертельных заклятий, то Фрей, измотанный предыдущим чародейством, вряд ли сумел бы что-то предпринять без угрозы отбросить копыта — по крайней мере, оставаясь от нас на расстоянии в пятьдесят футов.

Я не смотрел, что за манипуляции она производит, — вместе с Олником и Скареди мы начали затаскивать внутрь башни связанных солдат. Имоен накормила пропасть их оружием, включая то, что лежало в самой караулке. Принц, не пытаясь унять дрожь в коленках, стоял на стреме (в смысле — зекал, тьфу ты, наблюдал за демоном); я решил, что ранее он имел счастье познакомиться с кулозиком тет-а-тет. Дядюшка Самофрел Ойкни нишкнул в подвале, как и полагается гному с избытком ума. Я подумал, что у него в рундуке наверняка припрятана бутылочка с... Гритт, я же поклялся не пить до конца похода!

— Валяйтесь — и ни гу-гу, — велел я напоследок фрайторцам, прикрывая дверь башни. — Без писка и шума.

Они вняли. Им было страшно. Но мне было страшно вдвойне.

Когда мы закончили, Крессинда и Монго уже управились с животными, примотав их за чембуры к коновязи

около башни. Лошади хрипло ржали и брыкались; фургон вздрагивал и раскачивался. По сути, мы обрекали их на заклятие, но ничего иного я придумать не сумел. Оставить их, чтобы они свободно носились по двору и в какой-то миг налетели на наш колодец?

Еще один грех на моей совести, да.

Варвар, что с меня взять.

Фрей смотрел на нас, опустив руки. Лицо с прозеленью, будто прихворнул морской болезнью. Маги шатались вразнобой, и я отчаянно возжелал, чтобы хоть двое из них свалились за парাপет.

— Он выпрастывается! — взвизгнул Квинтариминиэль*.

Шаграутт протиснул наружу литое плечо и колонноподобную ногу.

Мой пессимизм стал уверенным, а трепет — нестерпимым. Мне захотелось отрастить крылья и улететь.

— Виджи! — заорал я.

Эльфийка, припав на колено, чертила на камнях маленьким серебристым кинжалом; золотые волосы трепал ветер...

Если вы помните, составление заклятий в нашем мире требует времени, и это пугало меня больше всего. Успеет — или нет? А если нет, то...

Мы подскочили к ней, и в ту же секунду раздался хрустальный звон: «теннны!».

Виджи вздернула голову и тяжело вздохнула:

— Становитесь в середину, глядите на знаки — за ними Отрицания нет. Внутрь демон не пройдет, но все, что будет за краем, станет его добычей.

Шесть одинаковых меток, похожих на вензели какого-нибудь торгового дома, образовали неровный круг. Виджи не соврала, заявив, что колодец будет тесным. Он и был тесным. Я бы сказал — человек на пять, и то, если ужаться. Мы и начали ужиматься, как селедки в бочке, отбросив

* Пожалуй, этим же именем я назову средство от вшей.

оружие в сторону. Олник путался между нашими ногами и без конца чихал.

— Зажми нос, не дыши, сдохни, прикинься ветошью! — проорал я, вталкивая его в середину колодца. Мы снова начали перестраиваться, и дело пошло довольно успешно. Сбоку от меня оказалась Виджи (крайне приятное соседство), а справа — Имоен, чрезмерно мягкая и податливая. Ее правая грудь расплющилась о мое плечо, и я испугался, что сейчас застолблю в колодце еще полфута пространства.

— В паво... пи... во... — прохрипел гном откуда-то из под ее туники.

— Нету пива в фургоне, болван!

— В паво... ва... хр-р... а... а-а-а...

— Олник, не дрыгайся, оторву башку!

Он еще похрипел, затем юлой прошмыгнул между наших ног и вскочил, красный, словно его вытащили из кипящей кастрюли.

— Фатик, мы забыли в повозке Альбо!

Немая сцена.

Тут, чтобы добавить мне седых волос, шаграутт додумался втянуть брюхо и выскользнул из вартекса, как из материнского лона. Вихревое кольцо осталось на месте — дыра в чужой мир, кажется, в огромную пещеру... Демон сделал только первый шаг, а я уже мчался гигантскими скачками к фургону. Три... пять... дюжина... Я вздернул рванный полог и выволок бедного архиепископа как куль с мякиной. Он тупо ворочал головой... Я не смог закинуть его на плечи и в панике, задыхаясь, поволок за собой; он цеплял каблуками сапог камни.

«Бум!» — раздалось сбоку. Мне померещилось, что весь массив Галидорских гор всколыхнулся. А потом чередой: «бум-бум-бум-бум-бум!».

— Спа... си нас А... трей... — простонал Альбо.

Глаза моих товарищей начали увеличиваться, рты — открываться, а головы — задираться по мере того, как шаграутт приближался. Взгляд утконосой эльфийки, направленный на меня, стал детским, беззащитным, будто она...

Но я знал, что успею. У меня бывают моменты, когда инстинкт говорит — все получится, уйми дрожь, просто делай что должно.

Я и делал.

Между ударами моего сердца успевала пройти вечность. Они показались мне бесконечно долгими, будто вместо крови у меня по жилам тек сахарный сироп или меласса.

Но, подбегая к колодцу, я уразумел кое-что.

Теперь мы все там не уместимся.

Значит, кого-то — в расход?

Или...

Под ноги мне рухнула массивная тень с растопыренными руками.

— Крессинда! — гаркнул я, перебивая скулеж шаграутта. — Олника на плечи! Олника на плечи быстро!

Она поняла и взгромоздила моего напарника на свою бычью выю скорее, чем я успел сделать еще один шаг.

Но места в колодце все равно не хватало. В тучном архиепископе поместились бы два Олника с четвертинкой.

— Скареди, ловите святошу!

— Уйди, нечистый! — заголосил Альбо. Не думаю, что он имел в виду меня.

Теневые лапищи демона почти сграбастали святого отца.

Я вбросил Альбо в середину нашей компании и, подхватив Виджи на руки, нечеловеческим, практически демонским усилием взметнул на свои плечи. Она взвизгнула совсем не по-эльфийски, а я едва устоял на ногах, шатнув все построение, и подбородком уткнулся в тонзуру Альбо. Кажется — мои каблуки оказались за магической меткой, внутри круга.

— *А-а-апчхи-и-и!* — сказал Олник.

Отличная рокировка!

Наш отряд накрыла громадная тень.

Злобные челюсти... не сомкнулись. Шаграутт звучно впечатался мордой в заклятие Отрицания и начал скулить.

Я стоял ни жив, ни мертв, придавленный весом Виджи, меня, скажу прямо, пошатывало, вернее — я бы качался, не будь в невидимом колодце настолько тесно, а так — амплитуда была не шире фаланги пальца. Угу, там было настолько тесно, что я с трудом мог дышать. Головой, понятно, я тоже не мог особо вертеть. И чесаться не мог, такая засада. Скосив глаза в сторону хараштийского берега, я увидел спину Олника, который с комфортом оседлал гномшу. Прямо передо мной высился Скареди, сжимавший в объятиях Альбо, как блудного брата. Сбоку вытянулись в струночку Монго и Имоен. Чуть дальше был Квинтариминиэль*. Короче говоря, более-менее свободно я мог созерцать лишь кусок глухой каменной стены и часть небосвода. Не очень хорошо, прямо скажем. Когда смерть бродит за твоей спиной, желательно все-таки иметь возможность разглядеть ее хотя бы краем глаза.

За спиной раздался звук: «Глип-глап!» — словно большой блин подбросили и поймали на сковородку.

— Пробует... языком... — проронил Олник тихо-тихо.

А позади вновь раздался «глип-глап!», и не один раз, а целых шесть. Я не ощутил ни толчка, ни сквозняка, ни запаха демона. Видимо, заклятие Отрицания пропускало только звуки, которые он издавал, пытаясь до нас дотянуться.

— Опушное рыло, — тихим шепотом произнес Олник и дважды чихнул, отчего вся наша... м-м-м... бочка опасно содрогнулась.

— Волосы шевелятся дыбом, — поддержал старый рыцарь.

А я так и не увидел его морды! «Страшный», «очень страшный», «опушено страшный», «до усеру страшное чудище» и прочие определения — не совсем то, что я хотел бы услышать.

«Глип-глап!» раздался в восьмой раз, и скулеж шагр-утта начал отдаляться.

* Нет, вся аптека будет так называться.

— Фатик... — сказала Виджи и шевельнулась. Она, как вы понимаете, тоже была повернута к демону спиной, хотя угол обзора у нее был куда шире.

— Сидите спокойно, добрая фея, — прохрипел я, сжимая ее бедра несколько сильнее, чем полагалось приличному человеку в такой ситуации. Тут дело было не в чувственности, видите ли, я попросту боялся ее уронить.

— Фатик...

Нет, только не сейчас, если ее накроет нервная вспышка, мы все пропали!

— Все нормально... Умоляю, не дергайтесь! Я две ночи не спал и едва стою на ногах!

Ее прохладные пальцы вдруг оплели мои запястья.

— Фатик, я просто хотела сказать вам спасибо. Если бы не вы... — О! Второй раз за день я был растроган. — Только, пожалуйста, не сдвигайтесь назад даже на чуть-чуть.

В этом ты можешь быть уверена, добрая фея.

Вдруг я понял, что больше не слышу конского ржания. И скулежа шаграутта.

— Он убил наших коней! — простонал принц. По его треугольному лицу разошлась бледность.

— Он разрывает их на части! — добавил Олник. — Он их... жрет... Батюшки мои,дохлый зяблик, да у него хайло шире, чем городские ворота! Мечет как с голодного края... Глощает не жуя...

— Ядрена вошь! — прорычала Крессинда.

— Закройте глаза, — сказала Виджи устало. — Закройте глаза, так будет лучше всего.

— А уже все... — сказал Олник тихо. — Он их уже того... Слопал. И куда столько влезло, у него ведь даже брюхо не раздулось? *А-а-апчи-и-и!* Сунулся в повозку... Ой, папочка! Ему же нашей жратвы на один зуб...

Шаграутт залился голодным плачем.

— Бог-ужасный, он фургон... поднял! — тонко вскричал Квинтариминиэль.

Вблизи от нашего колодца что-то загрохотало.

— Капец повозке, — сообщил гном. — Выбросил в пропасть, только колесики мелькнули. Хорошо, что в нас не запустил.

Я скрипнул зубами. Сейчас мне больше всего хотелось почесать затылок. И плечо. И щеку. И много других скорбных мест. Волшебный лист, арцелла, Гритт, он и впрямь волшебный! Злобно волшебный, я бы сказал.

— Идет к нам, — оповестил Скареди, шевеля вислыми усами. Я напряг шею. Камень под моими ногами ощутимо содрогался. Имоен тихонько засопела мне в ухо.

Нас опять накрыла тень.

«Глип-глап! Глип... глап! Глап... Глап... Глап...»

Альбо заморгал и перекатил взгляд куда-то вверх. Лицо его стало глинисто-серым. Как бы он снова не вырубился, на сей раз уже без моей помощи. И будет совсем хорошо, если его вывернет наизнанку. Веселый час нам обеспечен. А если я вдобавок случайно раздавлю стекляшку с *бодрячком покойником*, что лежит в моем хитром поясе... Тогда смерть в зубах шаграутта покажется нам избавлением.

«Глип-глап! Глип... глап...»

— Что он там затеял? — встревожился я.

— Да опять тычется мордой и пробует стенку языком, — ответил Олник. Напарник задрал голову, разглядывая шаграутта. — А язык-то весь в лошадиной кровище и каких-то пупырышках, а между зубьями вот такенные кусмари мяса увязли! — Тон гнома был жизнерадостным. Уверен — будь в его распоряжении пирожок, он бы жевал его сейчас без всяких признаков тошноты. — Рожа — мама не горюй! Ротище — как у клоуна в балагане...

Звякнул металл.

— Мой меч! — ахнул Скареди.

— Ухватился за Аспида, — откомментировал Олник. — Ой... Он его... Он его *откусил*!

Вновь звякнуло железо.

— Откусил и выплюнул... Меч бросил... Эркешш ма-хандарр, ему не понравилось!

В обширной груди старого рыцаря заклокотал вулкан, вырвался наружу фонтаном сквернословия, да такого отборного и заковыристого, что я позавидовал его мастерству ругаться.

Скулеж шаграутта перешел в пронзительное кошачье завывание.

Монго начал шептать молитву. Имоен попыталась протянуть к нему руку, но я гаркнул, чтобы она не шевелилась. Утешительница, твою мать!

— Акциденция, — глухо напомнила Виджи. — Все материальное нашего мира, к чему прикоснулся демон, до времени его гибели не может пройти через стену Отрицания. Кровь... лошадей... не протечет...

— Неч-ч-чистыый! — взвыл Альбо и рыпнулся. Скареди плотней прижал его к груди.

«Глип-глап!» начали повторяться с завидной регулярностью. Демон бился о нашу стену, как дятел. А мы... ну мы вели себя *стоически*, так как сесть в нашем колодце было невозможно.

— Он все время голоден, — промолвила Виджи. — Пища нашего мира не способна его насытить. Это несчастное, оторванное от родителей существо...

Родителей?

— Родителей? — Я чуть не сплюнул желчью.

— Фатик, — сказала Виджи смиренно, — даже Вортиген не сумеет протащить взрослого шаграутта в наш мир.

— Небо... Хотите сказать, Фрей умыкнул гуляющего ребенка?

Мне почудилось, что она кивнула.

— Все призванные шаграутты — младенцы. Просто несчастные обитатели мира Агон, похищенные темной магией и обреченные на гибель.

Младенцы!

— Нечистый! — снова заорал Альбо и начал вырываться.

— Скареди! — гаркнул я.

— Держу-у-у... — Старый рыцарь плотнее притиснул священника к груди. Альбо мотнул головой, заехав Скареди в нос, и попытался тяпнуть его за палец.

— Сдавить ему горло! — приказал я. — Давите же, Скареди, иначе он погубит нас всех!

Миг колебания... Затем широкие пальцы старого рыцаря легли на горло архиепископа и сдавили его.

Помогло...

— *Рионто!* — вдруг тревожно сказал принц. — *Риэль, вэнта эль виним оллвай чирвал!*

Виджи вздрогнула. По ее движениям я понял, что она оглянулась. Оглянулась и... выругалась на эльфийском. Во всяком случае, слова ее не были кроткими.

— Фатик... Все плохо. Все очень плохо, Фатик!

Еще бы, Виджи! Еще бы!

Альбо опять начал орать. Мне захотелось проткнуть его горло мечом.

Шаграутт мяукнул, его тень колыхнулась. Что-то розовое, огромное пронеслось перед моими глазами, но я так и не сумел толком разглядеть тварь — в тот момент, когда она обегала наш колодец, я был занят тем, что давил носком ботинка на ногу архиепископа, давил изо всех сил, ибо бить его в такой тесноте было чревато.

Боль, кажется, отрезвила — во взгляде Альбо появилась осмысленность.

— Закрой глаза, святоша! — прорычал я. — Зажмурься, или, клянусь Торбой, я выброшу тебя наружу!

Он так и сделал, раздувая грудь, как кузнечные меха.

Я ухватил взглядом принца — взгляд пустой, направлен в сторону... Кажется, Квакни-как-там-его смотрел в сторону вартекса.

Эльфы обменялись быстрыми репликами на своем языке. Тон их был тревожен.

Топот шаграутта начал отдаляться.

— Побег к башне, — сообщил Ольник. — Что-то... Вроде как обнюхивает дверь и косится на нас. Махнул к нам. А и быстро он бегаёт!

«Глип-глап!»

— Метнулся к башне... Опять к нам...

«Глип-глап!»

— К башне... К нам...

«Глип-глап!»

— К башне...

Шаграутт носился туда-сюда и надрывно мяукал. Невидимая стена Отрицания выводила его из себя, он без конца тыкался в нее и пробовал языком примерно там, где были я и Виджи, надеясь, очевидно, что преграда вот-вот исчезнет. Мы были явной добычей, протяни руку и хватай; кажется, именно поэтому он пока не пытался разломать башню.

Вес Виджи давил мне на плечи, но я, собрав остатки сил, все-таки понял, что выстою этот час, хотя и на пределе возможностей. Хуже было с тем, что я никак не мог почесаться. И потому я не был уверен, что выстою этот час и не сойду с ума.

— Эй, — вдруг сказал Олник. — А вот и знакомые рожи!

«Глип-глап!»

Я не понял, и он объяснил, что к Фрею прибыли остатки хараштийских банд.

— Какие-то они бледненькие, — добавил он. — Может, холеру подцепили? Едут все скопом, прикинь!

— А что делает Фрей?

— Ему передали какую-то фляжку, пьет из нее.

«Глип-глап!»

— Крикни ему: «Утрись, недоросль!»

— Утрись, недоросль! О, уставился!

— Хорошо. А теперь подними правую руку и положи на ее сгиб левую, и в таком виде помаши ему правой рукой, сжав ее в кулак.

— Это знак? — не понял Скареди. Святая душа!

— Древнее приветствие недругам кланов Джарси. Олник, что там Фрей?

— Смотрит на нас неподвижно.

— Поменяй руку.

— Ага... Какие же они бледные, наши ребята! Сползают с коней... Да что с ними? Двигаются, как деревяшки... Они будто... зомби!

— *Транкас!* — одновременно — и с ужасом — воскликнули наши эльфы. Принц попытался развернуться в сторону моста. Я рывкнул на него, иначе он разворотил бы наш строй.

— Транкас! — воскликнули все, кроме Олника и меня. Кажется, они знали что-то такое, чего мы не знали.

— Транкас! — вскричал и Альбо, перекосив рот и вырываясь из объятий. — Душеловка! Эльфийская гибель!

Скареди нашарил горло священника и начал давить, пока вислые щеки Альбо не побурели.

— Фея, что происходит?

— Транкас... Запретная магия Полуночников. Хитростью или силой он заставил людей выпить алхимический дурман, который навсегда убивает рассудок...

Полуночники? Снова эти Полуночники! Сколько же вы недорассказали мне, эльфы?

«Глип-глап!»

— ...и делает их безвольными куклами, рабами господина...

— Он... растворяет... душу... — прохрипел Альбо, закатывая глаза. — Никакого... посмертия... Вы... из-за вас... эль... фов... хр-р...

— Ложь! — вскрикнул принц; на его лбу выступили крупные капли пота. — Наветы Вортигена!

— Из... а... ва... эльф... хр-р... — Альбо обвис на руке рыцаря.

«Глип-глап!»

Лицо Скареди было каменным. В глазах Монго и Имоен застыл страх.

— Это неправда! — резко сказала Виджи, уже не Альбо, но всем в нашем кругу; ее ледяной голос хлестал как бич. — Транкас не растворяет душу! Эта ложь одна из многих, которыми пытаются вбить между нами клин!

Шаграутт снова подался к башне. В колодце наступило гнетущее молчание.

— Вот как! — проговорил я, мечтая лишь об одном — как следует почесаться. — Фрею надоели свары этих болванов.

Я его понимаю. Что ж, теперь у него человек тридцать пу-
стоголовых солдат.

— Нет, они нужны ему для другого... Он намерен... —
Виджи вдруг судорожно стиснула мои запястья и покач-
нулась. — Фатик, я теряю сознание...

Гритт!

— Держитесь, добрая фея!

Надо мной раздался прерывистый вздох.

— Я пытаюсь, Фатик.

— Бога ради, закусите губу! Закусите до крови! Виджи,
это приказ!

Ее руки задрожали.

— Гляди-ка, — сказал гном. — С коней послезали, вы-
строились рядочком вперемежку — и Убийцы, и Охотни-
ки, и Ночные... Слушай, я Зузанку вижу... Глаза как две
плошки, даже не моргает... Куда только засунула свои
амбиции? Наши чародеюшки на них оглядываются...
Э, серые сползли с лошадеенок, свои ножики достали. Что
происходит, а?

Принц уткнул глаза в землю.

— Великое жертвоприношение. Гекатомба, — сказал он.
За моей спиной раздался обвальный грохот.

— Розовый ломает башню, — сообщил гном. — Ох-х!
Там же дядюшка Ойкни, эркешш махандарр!

— *Эль виним олвай чирвал!* — вдруг произнес Квинта-
риминиэль, глядя в сторону вартекса расширенными глаза-
ми. — Зов услышали и движутся... Бог-ужасный, они будут
к нам не скоро, а сейчас!

Если я верно понял, к нашему шаграутту спешило под-
крепление.

А Фрей собирался сотворить еще одно заклятие.

А шаграутт в эти секунды ломал башню, где сидел род-
ственничек моего гнома.

А мы стояли в колодце и не могли носа высунуть на-
ружу, чтобы помешать смертоносцу, демону или его не-
ведомым союзникам.

Короче говоря, все плохое еще только начиналось.

В описании некоторых событий нашего похода я буду сдержан.

Гм, так вот.

Преступный мир Харашты уже понес невосполнимые утраты.

Телохранители Фрея убили смиренных гильдийцев быстрыми ударами в сердце.

Точка.

Я был рад, что не могу видеть другой берег пропасти.

Кровопускание заинтересовало даже шаграутта: он перестал громить башню и замяукал, как слепой голодный котенок, брошенный матерью.

Взгляд принца наполнился состраданием. Альбо и Скареди зажмурились, бормоча молитвы. Имоен и Монго здорово побледнели. Олник, сидящий на шее Крессинды, которая сухо комментировала происходящее, тоненько ахнул:

— Что творят, караул!

Виджи сказала, что человек, хлебнувший душеловки, чувствует боль примерно так же, как плетеный манекен, если в него выстрелить из лука. Это не принесло нам облегчения.

— Зачем? — спросил я, а перед глазами стояла Зузанка Марви, в те поры, когда мы еще были близки. Приступки ее Фрей в лагере вместе с другими вожаками, я бы только хмыкнул. Но сейчас...

— Энергия смерти, — пробормотала эльфийка, качнувшись на моих плечах.

— Из-з-зверг... — выдавил Альбо, тяжело дыша. Я, в общем, был того же мнения.

— Для чего?

— Для чародейства... Ваши маги зачерпнут из нее, чтобы Фрей мог сотворить новое, очень... сильное заклятие, не растрачивая остатков своих сил.

Я подумал, что день не слишком задался. И еще по-

думал, что альбинос наверняка держал этот трюк в уме с самого начала, еще до того, как пуститься за нами в погоню. Он, несомненно, запасся душеловкой в Фаленоре, *на всякий случай*. Ну а когда я спровоцировал банды на драку, решил ее применить, таким образом, получив тупое стадо, которое само следовало за ним к месту убоя.

Новый камень на чашу моих грехов.

Гритт! Обожаю походы! Обожаю приключения, яханный фонарь!

— Заклятие какого рода, Виджи? Он достанет до нас? Огонь, кислота?

— Изв-в-верг... верг...

— Скареди, пусть он заткнется! Заклятие какого рода, Виджи?

— Извр... фр-р...

— Я... не знаю... Магия Полуночников за... крыта... от на...с... И мы... не можем выйти из круга, пока шаграутт...

Она говорила монотонно, погружаясь в беспамятство. Хватка пальцев на моих запястьях ослабела.

Ловушка. А Виджи вскоре хлопнется в обморок. За пределы круга. К шаграутту.

— Держитесь, добрая фея!

— Я стара... юсь...

Ловушка. Я подумал, что в крайнем случае кусну эльфийку за ляжку, чтобы взбодрить. Надеюсь, она поймет меня правильно.

— Олник! Что делает белобрысый?

— Вяжет макраме.

— Маги?

— Как пьяные. Один сблевал на плечо другому чем-то зелененьким!

— Шаграутт?

— Бегае по краю пропасти с высунутой язычиной. *А-а-апчи-и-и-и!* Слушай, я подумал — сзади-то он выглядит еще хуже, чем спереди, а... Возвращается к ба... Нет, бегет сюда!

Ловушка.

«Глип-глап!» — скудный разумом младенец начал лобзать стену Отрицания между эльфийкой и Олником.

Виджи покачнулась.

Ну соображай быстрее, Фатик! Она сейчас потеряет сознание и вывалится к монстру, а имперский смертоносец влепит по моему отряду чем-то увесистым и размажет, будто масло, ровным слоем по камню. А нам не спрятаться, не скрыться, потому что шаграутт... которого нельзя убить оружием нашего мира... демон... не убить... остановить... не...

Соображай быстрее? А вот ни хрена не соображается! Ну же, Фатик, в последнюю секунду...

— Гаденыш всплеснул руками! — крикнул Олник, давясь чихом.

Нам конец. Я сжался в предчувствии удара. Как же я люблю путешествия, полные новых впечатлений и будоражащего риска! Как я люблю милых эльфов, загнавших меня в дерьмо по самые кончики *человеческих* ушей!

— Мост! Мост выдвигается! — в тот же миг заорала Крессинда.

— Дя-я-ядюшка-а-а-а! — вскричал мой товарищ, сдавив шею Крессинды ногами. — Мост выползает!

Гритт, вот оно, заклятие. Никаких огненных шаров и прочего барахла. Похоже, смертоносец намеревался лично прикончить Фатика Мегарона Джарси и его подопечных. Ну да, ведь мы не в состоянии высунуться из колодца, сами себя загнали в ловушку, долбаный эркешш махандарр! Подходи и бери — точнее, режь запросто.

— Дядюшка-а-а-а! — в свою очередь заорал и я. — Слышь, ты, косорукий выползок, заклинь шестеренки, за ногу твою мать! Заклинь хоть собственным пальцем, не то я подожгу твою бороду, обрею тебя наголо, набью соломой через задницу и выставлю на поле смешить галок!

Если Самофрел Ойкни уцелел в своей берлоге, он поймет (гномы всегда понимают, что дело серьезное, коли просьбу подкрепляешь ругательствами и угрозами), а против гномьего лома, который он сунет в шестерни механизма,

никакое заклятие не сдюжит. Впрочем, если отдушины завалило обломками или, того паче, Самофрела пришибло камнями, — пой команде отходную, Фатик.

«Глип-глап!»

Думай, думай же, яханный фонарь!

— Олник, мост ползет быстро?

— Пока на полфута, мастер Фатик, — ответила за гнома Крессинда, расточая елей с кончика языка. — Он его... *тянет*, мастер Фатик. Что делать, мастер Фатик? Вы, мастер Фатик, главный в отряде.

А мастер Фатик стоял и думал, как бы ему высвободить руку, чтобы почесаться.

— Виджи, шаграутт не опасен для Фрея?

— Всякий призванный — раб призвавшего, ибо заклятие набрасывает на призванного невидимый аркан подчинения, — монотонной скороговоркой произнесла Виджи и покачнулась. — Призвавший... может управлять призванным... как куклой на веревках.

— Даже безмозглым младенцем?

— Им управлять... проще всего.

Тут Квакни-как-там-его добавил мне седых волос.

— Чирвалы! — крикнул он, бросив взгляд поверх моего плеча. Глаза принца напоминали оловянные пуговицы.

— Подкрепление? — осведомился я. — Еще шаграутты?

— Чирвалы, — сказала Виджи. — Фатик, у нас не больше минуты!.. Я... ох-х... не... — Эльфийка прерывисто задышала.

К нашему младенчику прибывала помощь. Заметьте — во множественном числе. А мы, запертые в колодце Отрицания — настроенном, кстати, только на шаграутта, — не могли даже рыпнуться. Эльфийка обращалась ко мне так, будто я был ее последней надеждой.

Ад и пламя!

У людей есть присказка: быть между ангелом и демоном. Ну а мы сейчас были между демоном, полудемоном и бесами, а ангел сидел у меня на плечах и в любое мгно-

вание мог потерять сознание. Ну а простой варвар Фатик в эти ужасные секунды больше всего хотел... верно, почесаться.

Скареди устремил на меня пристальный взгляд — мол, командуй, спасай, ты же главный!

В уголках фиалковых глаз Имоен застыло по слезинке. И эта смотрит на меня с немой просьбой... О-о-о, Гритт, девочка, очнись: у нас безнадежная ситуация! И так и так — помирать.

А если эльфийка выпадет из колодца, я в любом случае метнусь за ней, не оставлю на поживу демону. Зашвырну ее в пропасть, лишь бы не досталась демону, и сам прыгну туда же...

Выпадет...

Выпадет?

Выпадет!!!

Ну и тут мне в голову стукнула мысль. Со мной такое бывает, не смотрите, что я варвар. В клане Мегарон немного болванов, а даже если они и попадают, правильное воспитание все равно снабжает их нужным уровнем смекалки, гляньте хоть на моего брата Шатци. Он, как бы помягче, полудурок, но полудурок успешный. Я тоже не семи пядей во лбу, но иногда способен на прозрения. Впрочем, это скорее во мне говорит опыт прошлых дел. И учебник логики, купленный в Хараште за огромные деньги еще семь лет назад.

Я уместил свой хитрый план в несколько кратких, в меру косноязычных фраз, обращенных к Виджи, между которыми вставлял дьявольскую похабень с целью встряхнуть нежную натуру эльфийки. Думаю, она правильно меня поняла, ибо прохладные пальцы сжали мои запястья сильнее.

— Вам это под силу? — закончил я.

Она сказала на вдохе, что ей это под силу. Что связанный шаблон моего фантома *слишком прост* и все еще не распался.

Слишком прост, гм... Мы еще поглядим, кто из нас *слишком прост*!

Виджи вздохнула:

— Я потеряю сознание сразу, как только освобожу фантома. Если вам не удастся...

— Удастся. Виджи, по счету три!

— Я... поняла.

Я провел командный инструктаж, еще более краткий и не менее обильный ругательствами, пресек встречные вопросы и оставил без внимания красноречивые взгляды некоторых, что записали меня в безумцы.

«Глип-глап!»

— Все нужно проделать быстро, очень быстро и еще быстрее, — сказал я. — Иначе Фрей возьмет демона за шкуру, и тогда нам каюк. Виджи! Раз, два...

Взгляд принца, направленный к воротам, вдруг окрасился ужасом. Чирвалы прибыли.

— ...три!

Надо мной звонко щелкнули пальчики эльфийской ведьмы.

— Подходите, с-суки! — крикнул я-фантом со стороны пропасти совершенно идиотским щенячьим голосом.

Шаграутт удивленно мяукнул и — *бум-бум* — затопал к новой добыче.

Виджи начала падать.

Имоен выскочила из колодца, а Монго вытянул руки, на которые я, развернувшись боком, бережно сгрузил эльфийку. Скареди отпустил святого отца, Олник кубарем скатился с шеи Крессинды. Наш строй распался за секунду.

Понеслись!

Я не оглядывался, не вертел головой, моей целью был демон. Он топтался у края пропасти, словно хряк-переросток, вставший на задние ноги, и заслонял бледно-розовой безволосой спиночкой... моего двойника.

— Подходите, клянусь половой тряпкой! — выл фальшивый я. — У-у-у-ух, как я зол! Ты, Фрей, не мужик, а походная бабенка!

Надо понимать, Виджи немного ошиблась, обозвав половой тряпкой Великую Торбу, откуда Творец вытряхнул на поверхность нашего мира все живое.

Не суть. Я огромными скачками помчался к шаграутту. Сбоку вынырнул Скареди, с другой стороны спешила Крессинда. Я рассчитывал и на Альбо, но декан южной митрополии, пастырь четырех архиепатрий и богослов четвертой ступени, кажется, немного сошел с ума.

Демон вырос над нами, как громоздкая статуя из розового мрамора. При желании я мог достать в прыжке рукой до его тяжелого загривка.

Мы врезались ему под коленки все вместе, литым шаром. Нам нужно было немного — сдвинуть его с обрыва на три дюйма.

— Х-хак-к!

Я ощутил, как сдвигается эта неподъемная глыба.

— Жми-и-и!

От шаграутта исходила целая гамма отвратительных запахов, словно он был утробой великана, вывернутой наизнанку.

— Жми-и-и!

Шаграутт мяукнул, и я почувствовал, что наше продвижение застопорилось.

— Жми-и-и! — снова проорал я, упираясь в холодную липкую плоть.

Впустую! Нам не хватало сущей малости — пуда или двух общего веса, чтобы перебороть огромную массу демона. Над головой клацнули зубы. Ну все. Сейчас малыш развернется.

«Какие у тебя сегодня успехи, Фатик? — усмехнулся внутренний голос. — Чем можешь похвастаться?»

«Ну меня сожрал демон из другого мира, — оскалился я. — Явление, согласись, незаурядное. Сначала мы думали столкнуть его в пропасть, но как приступили к делу, оказалось, что нам не хватает общего веса».

«Дурень», — сказал внутренний голос.

«Неудачник, — поправил я. — Не то что мой брат Шатти...»

Что-то налетело сзади как вихрь, пихнуло меня в поясницу, проскользнуло между мной и Крессиндой и врезалось под колени шаграутту.

— Эркешш махандарр! Фати-и-ик!

— Олник! Жми!

Он и нажал. И мы налегли, толкая эту упирающуюся тварь, напрягаясь до кровавого тумана перед глазами.

Последний дюйм...

И мы его опрокинули! Колоссальная розовая туша, заливаясь младенческим плачем, ухнула вниз, а следом полетел Олник; Крессинда успела поймать засранца за бретельку килта, но мой бывший напарник весил, прямо скажу, немало: бултыхнувшись в пропасть, он рывком увлек за собой гномшу.

— Ядрен... — выкрикнула Крессинда и начала заваливаться вперед.

Я ухватил ее за наборный пояс, застегнутый поверх эльфийской накидки, и несколько мгновений удерживал на краю провала, но быстро сообразил, что вес двух упитанных гномов слишком велик для уставшего варвара.

Они бы стянули меня в пропасть, в гости к нашему демону, если бы Скареди, помянув Атрея и чью-то мать, не успел сграбастать старину Фатика за талию. Так, потихоньку-полегоньку, мы выбрались на сухое.

— Я же... говорила: мужчина без килта — ничто! — отдуваясь, сказала Крессинда.

Угу. Я начал яростно чесаться.

Арцелла... Волшебный эльфийский лист... Пустите меня в Витриум, и я пройдуь по нему топором дровосека.

Олник посмотрел за край Дул-Меркарин:

— Свалился.

У моего бывшего напарника есть замечательное качество — констатировать очевидное.

Шаграутта невозможно убить оружием нашего мира и магией, но нигде не сказано, что его нельзя банальным образом столкнуть в пропасть.

Однако я так и не увидел его ряжу.

— Фрей, ты девочка-а-а! Ты не мужик и ходишь враскорячку после вчерашней буйной ночи! Прошляпил тыл, теперь не плачь! Фрей — девочка! Фрей — баба!

Мой фантом левитировал над пропастью в трех ярдах от края лицом к нам. Он яростно потрясал двумя обнаженными клинками Гхашш и выглядел, как бы это сказать...

Это был я и одновременно не я, или я — но чужими глазами.

Глазами эльфийки.

Я был в обтягивающих кожаных штанах (ненавижу!), щегольских сапожках из красной замши (за что мне такое наказание?), в парчовой огненной рубаше (да что же это такое, а? Графиня дар Конти тоже любила, когда я надевал вещи поярче), распахнутой до самого пупка. Наружу выглядывала волосатая загорелая грудь, на которой... О, Гритт! В общем, если помните, мою грудь украшает похабная татуировка — ошибка времен молодости. Так вот, Виджи заменила ее фасом женского личика, обрамленного хорошенькими кудряшками... Татуировка, как и у меня, была слегка размыта, и я не мог толком разглядеть черты лица, но, Гритт, я хорошо различил, как выбивается сквозь кудряшки острое эльфийское ухо!!!

Вдобавок «я» был выбрит до блеска, нарастил прическу и помолодел примерно на десять годков. Красавец-мужчина, хоть сейчас под венец.

Ну вот вам и женский взгляд.

Я чуть не взвыл.

За меня это сделал фантом. Внезапно он издал какое-то блеяние, лишь приблизительно похожее на мой фамильный варварский рев, которым я растревожил хараштийские банды.

Виджи и его запомнила.

Старый рыцарь сказал срамное слово. Я вполне разделял его чувства.

— Мост, эркешш махандарр!

Я повернул голову.

Фрей стоял на краю ложемент с простертыми руками и смотрел на меня в упор, выкатив густо-багровый глаз с черной горошиной зрачка. Застывшую перекошенную рожу расчертили потеки крови из лопнувшей корки ожога.

Много бы я дал, чтобы заполучить в эту секунду арбалет.

Левая сторона скальной площадки на стороне Харашты была заполнена...

Но об этом я лучше промолчу.

Черный язык моста выдвинулся уже на три фута. Еще немного, и можно будет перепрыгнуть на сторону Фрайтора... Но у добычи снова появились зубы. Что сделает Фрей теперь?

Я бы отдал сейчас за арбалет все свои деньги и штаны в придачу.

Арбалет?.. Постой, Фатик, у тебя же есть Имоем! Она застрелит полудемона как щенка.

— Чирвалы! Фатик, *крентенел друо!*

Принц.

Проблемы.

Проклятие!

— Олник! — гаркнул я. — Дядюшка! Докричись до него, разрой, раскопай, вытащи из могилы, оживи поцелуем, пусть сделает так, чтобы мост остановился!

— Дларма тогхирр... Дохлый зяблик!.. *А-а-апчхи-и-и!*

— *Быстро!*.. Скареди, Крессинда, за мной!

37

Я развернулся и потрусил к оружию. Бессонные ночи и стояние в невидимом колодце с девушкой на плечах не прибавили мне сил. Завладев клинками, поднял взгляд. Вартекс исчез, напоследок изрыгнув из своей утробы больше полусотни нагих существ. Они уже подступали, издавая змеиное шипение: прекрасные серокожие уроды, демонски обаятельные и ангельски отвратительные.

Угу, именно так.

И у каждого — огромный золотистый серп на костяной рукояти длиной в два ярда.

Сборщики жатвы...

Они направлялись туда, где на камнях распласталась эльфийка.

В два прыжка я оказался рядом с принцем, который замер рядом с Виджи, подняв меч горизонтально на уровень задранного подбородка. Имоен выдернула стрелу из колчана. Монго со своим полуторным клинком занял положение сбоку от нимфы. Скареди, горестно охая, разыскал огрызок Малого Аспида. Альбо, чей посох сейчас лежал на дне пропасти, вдруг выхватил из-за халавы сапога раскладную живопыру в локоть длиной. Ишь ты!

— Изверги! — крикнул он.

Начинает повторяться.

— Святой отец, стойте, не то пришибу! — сказал я.

Чирвалы заполняли верхнюю часть двора. Запах сладковатого мускуса разошелся в воздухе.

Авангард из трех существ был уже рядом. Они наступали медленно, вкрадчиво, разгребая воздух, будто стоячую воду, их язык был шипением разных тонов. Представьте себе высоченного эльфа, присыпанного пеплом погорельца, махнувшего из горящего дома в чем мать родила, представьте, что от ужаса его карие до черноты глаза расплзлись на половину лица, и вы поймете, как выглядели чирвалы. Черты их зауженных книзу лиц были правильными, длинные заостренные уши далеко отстояли от головы. Пепельные волосы с синим отливом — одинаково пышные у мужчин и женщин. Вытянутые, высушенные тела с удлинненными конечностями. У женщин были маленькие крепкие груди, вогнутая раковина живота, несимпатичные когти на руках и ногах и острые зубы. Впрочем, две последние детали относились и к мужчинам.

Я подумал, что чирвалы явно родственники эльфам. Может, по материнской линии через пяток-другой демонов ада. Бессмертные или смертные, они в любом случае не выглядели как существа, с которыми можно договориться.

С другой стороны, на них нет даже плохоньких кальсон, не говоря уже про доспехи, и бой с ними может оказаться не таким сложным делом.

Если только...

— Сталь... — охнул принц. — Железо, бог-ужасный! Их оружие...

— Из-зверги! — вновь крикнул архиепископ, покрываясь бурыми пятнами.

И впрямь — сумасшедший.

Я схватил Альбо за пояс и сшиб на землю пинком. Потом наступил на запястье, выбил нож и успокоил новым ударом в затылок. Между тем Скареди без спроса кинулся в атаку, вращая огрызок Малого Аспида, как тростинку; шаграутт откусил только четверть огромного клинка. Молниеносный удар снес голову одному чирвалу, меч прыгнул вверх, чтобы по короткой дуге обрушиться на пепельные волосы другого. Брызнул серый ихор... Третий оказался дамой, и Скареди влекую придержал меч, будто Аспид действительно был невесомой тростинкой. Зря. Золотой серп едва не стегнул рыцаря по груди. Скареди отшатнулся и бросил клинок под новый удар.

Серп перерубил его запросто, и еще одна четвертушка Малого Аспида зазвенела о камни.

Гритт!

Скареди охнул. Янтарный росчерк серпа полыхнул в дюйме от его горла. Рыцарь шатнулся назад, неловко подвернул ногу и со стоном растянулся на камнях. Кажется, его колено хрустнуло.

Небо... Будет знать, как бросаться в бой через мою голову.

У Имоен не было глупых мужских комплексов. Леди-чирвал примерила стрелу для правой глазницы (последний писк, вернее, шипение сезона) и повалилась на трупы собратьев.

Они смертны, их оружие спокойно режет сталь, их слишком много, нам конец — вот такие выводы я для себя сделал.

Твари умирали, не выпуская оружия из рук. Жаль. Я бы рискнул нагнуться, чтобы завладеть такой штукой и пройти по ребрам и шеям чудовищ.

Толпа чирвалов колыхнулась. Движения пришельцев становились быстрее, четче. Задние ряды напирали; я заметил, что нам отрезали путь к обломкам башни, на которых копошился Олник. Лица мужчин и женщин чирвалов были одинаковыми, как доски в заборе.

— Ага-а-а! Яханный фонарь! Выходи на бой чести, Фрей! Я тебя презираю! — надрывался мой фантом. — Что, испугался, злыдень? Иди ежей паси!

Заткнулся бы, дурень. Если кто и боялся сейчас, так это Фатик Джарси по прозвищу Бешеный Топор.

— Отступаем! Монго, хватай Альбо! — рявкнул я.

А если, мелькнула шальная мысль, попробовать прорваться через мост? Значит, пока убивать Фрея нет смысла, он должен вытянуть мост *для нас*, а уж тогда я рискну через него прорваться. У смертоносца десяток телохранителей — и все. Маги не в счет — они еле держатся на ногах. Да и сам Фрей больше не сможет плести заклятия.

— К мосту, — заорал я. — Отступаем к мосту!

Но я слишком медленно соображал: фланг чирвалов уже перекрыл туда дорогу.

Они надвигались расходящимся клином*, в следующем ряду было четверо: поровну мужчин и женщин. Я проткнул крайнего слева, затем пластанул по груди его напарника. Правая половина ряда состояла из женщин, и я невольно опустил мечи. Этический кодекс Джарси грозил сыграть со мной злую шутку; амок, который пособил мне в Зале Оракула, как назло, куда-то пропал. А вот дамочки оказались без комплексов и с помощью серпов выбили из меня излишек куртуазности.

Прощай, варвар!

Я закрылся от ударов, ожидая, что серпы располовинят клинки Гхашш и меня заодно...

* Про себя я назвал его «эльфийской свиньей».

Дзынь-бам-дзынь!

Мечи были целехоньки.

Ха!

Значит, клинки Гхашш — это все же не сталь, не железо, я сообразил это, еще не успел смолкнуть перезвон. Тогда я умело парировал, призывая амок на свою голову. Но этот гад предпочел спрятаться.

Имоен положила конец моим колебаниям, воткнув стрелу под мышку первой даме, а с другой стороны Крессинда протянула мне руку помощи, ловко швырнув молот.

Я избавляю вас от подробностей, но замечу, что когда гномский молот ударяет с близкого расстояния, опознать человека по лицу вряд ли получится.

Следующие в ряду перешагнули трупы собратьев. Я бы назвал чирвалов холодно-бесстрастными, если бы не пустое выражение огромных глаз. Оно скорее подходило мертвецам, которым позабыли смежить веки.

От забрызганных ихором камней тянуло сладким, земляным мускусом.

— Ерш твою медь! — сплюнула Крессинда, резво подтягивая молот за цепочку.

— Ах-хааа! Ха-а-а! — ревел мой фантом.

Скареди стонал что-то неразборчивое.

Следующий ряд состоял из пяти существ: на мое счастье — чисто мужская компания. Их навязчивое шипение вызывало у меня ломоту в зубах.

— Когда они рас... развеются? — воззвал я через плечо, скользя на каблуках назад.

— Доколе нашей смерти раньше! — простонал принц. — Моя плешь! Бог-ужасный! Они проснутся поначалу... Они страшны в этом мире!

— Гритт! Едрическая сила! — Полсотни против четверых, ну еще Олник подтянется — это как-то чересчур. Сколько шансов за то, что мы уцелеем? Однако прав был Альбо со своим гороскопом: на нас все-таки напали эльфы.

— Дядюшка, дядюшка, ты жив, дядюшка? Фатик, придумай чего-то, г-гномья кур-рва, слышишь? Мост выдви-

гается, пчхи-пчхи, дядюшка, кажется, сдох! Тут кругом обломки!

А еще дядюшка сдох...

— Из-зверги!

— Подходи, Фрей! Я тебя выпотрошу! Эх, ты, мизерный подонок!

Проклятие...

— Фатик, думай! Они уже ко мне лезут, г-гномья ку-рва!

Краем глаза я заметил, как Олник, забравшись на кучу обломков, обстреливает левый фланг чирвалов камнями.

— Сие низшие слуги Агмарта... — Принц тяжело дышал. — Ублюдки от кровосмеси младших демонов и эльфов... Дрянная история... Варвар, мы все поедem на! Они уже пробуждаются в нашем мире, смотри же!

Мало вы мне рассказали, господ аэльфы. Ох, мало! С кем вы ведете битву? От кого бежите? Что хотите узнать у Оракула?

— Ерш твою медь! — взревела Крессинда, бросая молот.

— Шлеп твою мать! — поддержал я, заметив, как в глазах ближайших чирвалов появляется осмысленное выражение. Это было, черт, так *внезапно*! Глаза заблестели, зрачки расплзлись по радужке черными пятнами. Я успел насадить на меч одного и задеть плечо другого, но на этом моя удача издохла. Все трое внезапно ускорились, и росчерки их серпов стали напоминать удары молний. Я едва успевал парировать. А, и еще я пятился. Куда-то в направлении пропасти.

Я возненавидел эльфов в тот момент. Разумеется, мне было ясно, что все, мы приплыли и пора сушить весла. Вопрос был лишь один: насколько мы сократим поголовье чирвалов перед собственной гибелью.

Имоен и Крессинда сработали за меня: две стрелы, один удар молота. Теперь против нас стали в ряд шесть ублюдков. Взметнулись серпы. Клин чирвалов надвигался,

задние напирали, вытягивали гордые лебединые шеи, а я заботился только о том, чтобы отбивать секущие удары. Я пятился. Мы пятились. Монго пыхтел, волоча Альбо. Скареди полз сам. Принц оттаскивал Виджи на два шага позади меня.

Оттаскивал к пропасти.

Я подумал, что пропасть — это неплохой вариант. Виджи ничего не почувствует. Но я лучше сложу голову в битве, чтобы никто не вякал потом, мол, Фатик струсил. Он боялся, да, так можно говорить, боялся, но не отступил, как-то так.

— Фа... Фа... Эркешш, Фатик!

Я оглянулся и увидел, как Фрей мягко, даже замедленно перепрыгивает на нашу сторону. Полы накидки взметнулись, как крылья. За смертоносцем последовали трое телохранителей.

Упертый малый. Все-таки догнал.

Лицо альбиноса было... мертвым. Ненависть ко мне делала его сверхчеловеком в большей степени, чем плоть демонов. Нас разделяли двадцать футов и тройной строй серых монстров.

Ряды чирвалов начали охватывать нас дугой. Пропать была уже рядом. Имоен трудилась, пока у нее не кончились стрелы. Потом отбросила лук. В ее руке блеснул тяжелый охотничий нож. Не раздумывая, она швырнула его в лоб недоэльфа.

Я отбивал удары... местами успешно. Местами.

Серп чирвала перерубил цепочку молота. Крессинда с хриплой матросской бранью выхватила кинжал — сталь-ной, разумеется, и швырнула в ближайшего злыдня.

Имоен вдруг разревелась, как маленькая девочка, притиснув к глазам сжатые кулаки.

Все.

Я озлился и издал варварский клич, бросаясь в последнюю атаку. Красиво умереть — тоже подвиг. А если повезет, я пробьюсь к смертоносцу и насажу эту мразь на клинок.

Чирвалы застыли. Клянусь вам, все эти злыдни застыли, на лицах первого ряда проступили болезненные гримасы. Серп замер над головой Имоен.

Меня пронзила догадка.

— А-а-а-арррр! — Я повторил вопль, срывая голос. Ряды нагих тварей покачнулись.

Эльфы! Эльфийские уши! Да приветствуют острые эльфийские уши!

Чирвалы, может, и были ублюдками, но уши, а значит, и тонкий слух у них были от эльфов!

Фрей остановился посреди строя чирвалов, лицо его исказилось. Он что-то понял или почувствовал и начал быстро повторять какой-то рефрен на омерзительном языке с обилием шипящих.

Чирвалы ответили ему — шипением.

А и быстро они приходят в себя...

— Олник! — завыл я, перекрывая голос смертоносца. — Олник, пой!

— Ась? — не понял тот, восседая на куче каменных обломков.

— Пой, болванище, пой свои песни!

— *А-а-атчхи-и-и!* Народные?

Кто-нибудь, убейте сукиного сына!

— Гномские йодли! Пой же ты наконец!

— *Арча*, Олник, *арча!* — поддержал меня принц, от волнения заговорив на эльфийском.

— Но...

— По-о-о-ой!!!

И Олник запел.

Если вы помните, от гномских йодлей — замечу между строк, что поют — Гритт, не поют, режут от тоски! — их обычно гномские мужчины, достигшие половой зрелости* — у эльфов, у всех эльфов, кроме чащобников, приключаются

* Здесь надо учитывать специфику. Достигший половой зрелости гном-мужчина обязан по уставу Жриц Рассудка пожизненно носить килт. Тут не только йодли затянешь.

рвотные позывы необычайной свирепости. Я не эльф, но от гномских йодлей меня тоже тошнит.

Чирвалы не были эльфами в полной мере. Я был уверен, что пение товарища подействует на них, но в точности не знал как.

Результат превзошел все ожидания.

Едва Олник распелся («йодл - иа-ай - иии - яууу!»), а случилось это за считанные мгновения, — чирвалы, бросив оружие, начали зажимать уши ладонями. Это не помогло. Они пытались заткнуть уши пальцами — не помогло и это, поскольку палец, увенчанный когтем, не слишком подходит для ушной затычки. Широкая грудь и луженая глотка моего напарника исторгали звуки настолько громкие и пронзительные, что они, казалось, ввинчивались в плоть гор до самых корней. Это вам не безобидное огровское пение! На лицах свирепых полуэльфов отражалась ужасная боль, из огромных глаз катились слезы. Внезапно один из них, отняв руки от головы, с разбега сиганул в пропасть. Его пример послужил сигналом к действию. Толкаясь, шипя, чирвалы серой волной начали бросаться с края Дул-Меркарин. Они пихали и нас, слепо пробегали мимо и все падали, падали в пропасть, как живой водопад.

Олник богом мщения высился на гряде камней и пел. О, как же он пел!

Фрей опомнился и отправил в бой свою гвардию. Хо! Не прекращая драть глотку, мой товарищ схватил булыжник и метким броском раскроил голову ближайшему аграбанцу. Второй попытался уклониться, но бог мщения не знал промашки. Да, гномы — великие умельцы по части швыряния камней.

Внезапно пение Олника прервала серия чихов, и твари, те, что еще остались, замерли, затем медленно потянулись за своими серпами...

И тут вступила Крессинда!

Как правило, гномские женщины — а уж тем более Жрицы Рассудка не слишком уважают пение мужчин, но Крессинда, видимо, имела на счет йодлей свое мнение. Глотка

у нее была — мое почтение. Квакни-как-там-его, и без того уже лежавший ничком, перекатился на бок, закатив глаза под лоб. Бедняга.

У Фрея остался один телохранитель. Смертоносец придержал его. Вдвоем они начали пятиться к мосту.

Последний чирвал замер у кромки обрыва, когда Олник и Крессинда — а они, черт, спелись как надо! — взяли паузу, чтобы глотнуть воздуха. Но прыгнул, едва гномы продолжили концерт.

Имперский смертоносец отступал к мосту...

Я усмехнулся и направился к нему, держа клинки Гхаши перед собой.

Ну кто из нас неудачник?

38

Шаг и еще шаг.

Фрей пятился, прикрываясь телохранителем.

Однако на мосту образовался затор.

Хараштийская сторона моста была заполнена Правдивыми Магами. Бородачи лежали вповалку, выкатив глаза и раскрыв рты. Они завершили *склонение* двух заклятий для смертоносца и были выжаты до капли, вдобавок Фрей пропустил сквозь них энергию гекатомбы. Кое-кто из Магов уже отправился к верхним людям или в нижние миры, другие были на грани, третьи напоминали восковые статуи — их охватило нечто вроде временного паралича. Магия в моем мире — суровая штука прежде всего для самого чародея.

Ах да, я это уже говорил.

Если Фрей побежит, он наткнется на Магов, и, пока будет перебираться, я сумею поразить его в спину.

Но это в случае, если он побежит... Должен побежать: он слаб после заклятий и держится, похоже, только на каком-то эликсире. И как маг он себя исчерпал.

Побежит или нет? Нет, не побежит: осколки чести и самолюбие не позволят бежать повторно.

Но он сам загнал себя в ловушку, не взяв оружия и доспехов. Хотя — я его понимал: зачем лишние хлопоты, если все можно сделать чужими руками?

На хараштийской стороне его приказов ждали семь аграбанцев. И еще один был прямо передо мной, выставив окровавленный кинжал, которым недавно резал зомби из гильдий. На смуглом лице полнейшее равнодушие. Жизнь так жизнь. Смерть так смерть. Как видно, фатализм аграбанцы впитывали с молоком матери и ремнем отца. Хо, мне бы такой склад ума...

Шаг и еще шаг.

Тут я почувствовал жжение в правом боку и остановился, чтобы посмотреть, как обстоят со мной дела.

Дела обстояли хреново.

Видите ли, под эльфийский рыжий плащ я натянул доспех, но, в общем, сделал это зря, ибо драчка с охраной моста не состоялась, а от серпов чирвалов нагрудник помогал примерно так же, как шелковые панталоны — от сифилиса. Я мог бы выйти против недоэльфов в одном исподнем — с тем же результатом.

Золотой серп чирвала рассек славную эльфийскую накидку и человеческие доспехи. Горячий кровавой родник пробился в моем правом боку. Он бурлил и густел на глазах, с края накидки срывались тягучие капли.

Похоже, серьезная рана.

С печенью не шутят, это скажет вам всякий выпивоха. «Точно!», — подтвердит убийца, работающий с ножами. Ножик в печени обеспечит стойкий результат. Там, знаете ли, проходит воротная вена.

Кажется, я умирал.

Смешно.

Я поднял взгляд.

Фрей смотрел из-за плеча аграбанца налитым глазом. Дураком он не был и верно оценил мою рану. На страшной, расчерченной кровью роже появилась довольная ухмылка. Смертоносец кивнул и отдал телохранителю краткий приказ. Тот взмахнул кинжалом, устремляясь вперед...

— Треньк!

Рядом пропела тетива. Аграбанец опрокинулся на спину со стрелой в горле.

Имоен возникла сбоку. Злая гримаса на заплаканном лице, ободранные коленки. Быстро набросила еще одну стрелу, наспех вырезанную из чирвала. На меня пахнуло ихором: сладкая дурманящая волна...

— Мастер Фатик, я застрелю его!

— Нет, — прохрипел я. — Назад! Держи под прицелом мост. Я... сам.

— Но...

— Держи мост! Всем назад!

Шаг и еще шаг.

Брезгливо перешагнуть недоэльфа...

Картинка перед глазами подернулась красной пленкой. Я моргнул, разгоняя туман.

Фрей смотрел на меня в упор.

А вот хрен, сам убью тебя, молча сказал я. Надо совершить что-то значимое... перед смертью.

Где-то сбоку тарахтела Крессинда. Что-то гундосил Олник. Голоса Монго, Скареди и, кажется, Альбо сплетались в неясный гул.

— Всем назад! — еще раз крикнул я.

Шаг и еще шаг. Мир сдвинулся до узкого коридора, в конце которого — имперский смертоносец. Между нами десять ярдов... Я убью его запросто, ага, и плевать, что руки у него пустые. Сам виноват, что не взял с собой оружия.

Фрей метнулся вбок и с хрустом выдрал из когтистых лап мертвого чирвала серп, пиная костяшки недоэльфа каблуком сапога.

Шаг и еще шаг. Я побежал.

Он встретил мою атаку движением, не лишенным изящества, подставил под второй удар костяное древко серпа. Я полагал, что меч Гхашш развалит древко, но клинок лишь звонко по нему щелкнул; болезненная вибрация передалась в кисть. Фрей оскалился и сделал выпад, целя в шею. Я отвел удар и атаковал, намереваясь пластануть

правым клинком по залысой от ожога башке смертоносца. Он быстро парировал, действуя проклятой рукоятью серпа с необычайной ловкостью. Однако магия выпила его силы. Я начал теснить его. Он пытался, не отрывая от меня взгляда.

— Выдолбишь... себе... могилку... в этом... камне... — между атаками пообещал я. — Серпом тебе по...

Он молча и умело отражал мои атаки. Я не мог пока даже его зацепить. А он, похоже, ждал, пока я вконец не ослабею от потери крови.

Шаг и еще шаг. Он начал прихрамывать. А мое время истекало. Коридор перед глазами норовил завернуться в цветную спираль. Я озлился, прикусил губу, чувствуя, как пропитывается кровью одежда.

Я загнал его на мост. Пропасть далеко разносила гул шагов и звон ударов.

Здесь он заговорил.

— Ты, — сказал он.

— Я, — сказал я.

— Дурак, — сказал он.

— Не исключено, — сказал я, пытаясь достать его в горло.

— Все с вами кончено, — сказал он. Скругленное лезвие серпа отбило солнечный луч мне в глаза.

— И с тобой, — сказал я. — Кончено. Будет. Сейчас.

— Дядюшка! — вдруг проблеял Олник за моей спиной. — Ты жив, дядюшка! Дядюшка, слушай, вытягивай мост, вытягивай мост, иначе Фатик набьет тебя соломой через зад!

Я хмыкнул. Фрей не повел и бровью — единственной, что уцелела после ожога.

— Дурак, — процедил он. Губы его запеклись. — Болван несчастный.

— Ага, — сказал я, чувствуя, как слабеют мои ноги.

— Не будет больше Альянса...

— Ага.

— Если наследник умрет.

— Сейчас... с тобой разберусь, — сказал я.

Со стороны наверняка казалось, что мы рубимся в полусне, настолько были измотаны оба. Один от заклятий, второй — от потери крови. Но второй был умирающим варваром, который знал, что доведет дело до конца.

Я загнал его на стальную секцию моста. Низкий парпет... Густой туман на дне Дул-Меркарин... И где-то там, в тумане, рыдает от голода младенец шаграутта.

Главное — не смотреть вниз.

Секция дрогнула. Я усилил натиск и почти загнал Фрея на край, оскальзываясь на собственной крови.

— Крути, дядюшка! — заорал благим матом Олник. — Крути что есть духу, их там много!

Их?

Я рискнул бросить взгляд за плечо смертоносца. Через скальный коридор на площадку выезжали конники. Впереди трое: два красноглазых альбиноса в серой, будто сотканной из паутины броне — смертоносцы Внешнего Круга, собратья Фрея. Поправка — покойника Фрея. Меж ними ехало огромное существо в матовой стальной маске, изображавшей равнодушный ко всему человеческий лик. Белые длинные волосы, черные латы, тяжелый конь. Внутренний Круг прибыл по наши души.

За ними виднелись люди в доспехах. Много людей.

— Крути, плевал я на твою больную спину!

— Ядрена вошь, да делайте же, что вам Олник сказал! Крутите, или я пожалуйюсь вашим Жрицам Рассудка! Больше никогда никакого пива!

Крак! Стальной язык моста соскочил с ложементя.

Умница Крессинда, верная мотивация!

— Наследник! — вскрикнул Фрей и разразился лающим смехом. — Гродар... хо-о-о... прибыл? Но я это сделал! Я убил!..

На миг он потерял концентрацию, опустил руки с серпом, и тут-то я исхитрился поддеть его на меч. Добавил сбоку по руке. Третий удар нанес в открытую грудь. Фрей упал на колени.

Смертоносцы умирают страшно. Помните, я говорил вам это, когда гостил у Митризена? Или не говорил? Значит, теперь вы будете знать.

Он взвыл, по лицу прошла судорога, словно кожа хотела отлипнуть от плоти. Демонская сущность покидала его тело и душу. Фрей раскрыл рот и... повалился на мост, извиваясь змеей, пытаясь ползти по-змеиному...

Ну нет. По гладкой поверхности змее не проползти.

Прореха между половинами моста быстро увеличилась. Я заглянул в сизую пропасть и отшатнулся, стал посередине секции, глядя на умирающего смертоносца. Белые волосы Фрея посерели. Он захрипел, и мне показалось, что над его телом на миг-два сгустилось багровое облачко — сгустилось и пропало.

Он начал елозить руками по вороненому железу.

— Го... государь!

Смертоносцы направились к мосту. Сколько времени пройдет, прежде чем они перешагнут Правдивых Магов, встанут на ложемент и сплетут свои чары?

Плывать... Мир закручивался в цветную спираль, ноги слабели. Нет, не плывать, Фатик! На тебе — отряд, твои эльфы, Виджи! Соберись! Ну же! Вы успеете уйти!

Но я медлил.

— Госуда-а-арь...

— Нет здесь Вортигена.

Но он смотрел на меня.

Красный глаз поблек, кожа стала изжелта-серой. Взгляд... Ему было адски больно, но в эти последние мгновения жизни, когда демонская сущность покинула его, он стал... человеком.

— Спасибо... — прохрипел он.

Я склонил голову набок, чувствуя себя так, будто меня пропустили через молотилку. Бок онемел. Скверный признак. Когда онемение дойдет до сердца, я умру.

— Спаси... бо... го... госуда... — прохрипел он, растягивая рот с видимым трудом, как после апоплексического удара. — Гродар сам будет творить чары... У вас... Я знаю... что

сплетет... Ты считай... триста ударов сердца... Уйдите за гребень... Торопись, беги! Не верь эльфам! Не верь эльфам!

Триста ударов сердца. Быстрых? Замедленных? Кто его знает. Мои ноги сами понесли меня с моста.

— Если бы вы знали, как это больно и страшно... — жалобно произнес Фрей мне в спину.

После чего умер.

Двести девяносто.

Мое сердце заголошно колотилось.

Успеем?

Если вы полагаете, что смертельно раненный герой после убийства врага обязательно должен упасть рядом бездыханным, вы ошибаетесь. Собрав волю в кулак, смертельно раненный герой может вполне резво передвигаться и натворить еще много всяких дел, если ему, конечно, не отрубили ноги или, скажем, голову (хотя, полагаю, даже с отрубленной головой герой может некоторое время бегать, как та курица по двору).

Например, герой может совершить героическое отступление вместе с друзьями.

Очень быстрое, стремительное отступление.

Иначе говоря, драпать.

Двести восемьдесят.

— Олник, магия, уходим! — крикнул я, пробегая мимо развалин башни.

— А дядь...

— Пересидит в подвале! Быстрее, недоделок, или нас прихлопнут!

Двести шестьдесят.

От резкой слабости я упал на колени. Крессинда приподняла меня:

— Мастер Фатик!

— Магия... Помогите Виджи... Двести тридцать ударов сердца, Крессинда! Монго! Ты, стихоплет... на тебе Альбо! Имоен, ты с принцем... Яханный фонарь, *торопитесь быстро!*

— Но мастер... у вас кровь...

— Исполнять!

Двести двадцать три...

Смертоносцы уже шли по мосту, перешагивая Правдивых Магов. Существо в равнодушной маске — Гродар, впереди; пальцы его рук, затянутые в черные перчатки, плели вязь заклятия. Какой-то Маг в пестрой хламиде, шатаясь, привстал перед смертоносцем. Гродар отпихнул его локтем, а правый телохранитель быстрым движением, словно стряхивал пыль с парапета, швырнул несчастного в пропасть.

Двести...

Я посмотрел через плечо.

Черный язык моста медленно втягивался на сторону Фрайтора. Дядюшка Ойкни, кажется, сполна оценил угрозу Крессинды.

Тело Фрея скорчилось на движущемся краю моста. Жалкая тряпичная кукла...

Смертоносцы достигли ложементов, сбросив, а вернее — лениво стряхнув в пропасть еще двух Магов. В глазных прорезах маски Гродара клубилась густо-алая тьма.

Но теперь между нами пролегла пропасть шириной в пять ярдов.

Не перепрыгнуть даже смертоносцу, и уж тем более смертоносцу в тяжелых доспехах.

Мы заковыляли к воротам. Олник забежал вперед и отбросил засов, потянул за скобу, открывая левую воротину.

Сто восемьдесят.

Чем дальше ты от творящего магию, тем безопаснее... Но если Гродар призовет шаграутта?

Сто пятьдесят...

«Торопись! Беги!» — густым набатом звучал в моей голове голос Фрея.

А если Гродар попробует выдвинуть мост? Надеюсь, Самофрел додумается сунуть лом в шестеренки.

Крессинда несла на плечах Виджи — легко, как пушинку. Имоен волочила принца, тоже не слишком напрягаясь,

а Олник и Монго, покраснев от натуги, тащили грузного Альбо. Скареди хромал сам, опираясь на огрызок меча.

Сто тридцать.

Мы выбрались на дорогу, и я посмотрел вниз. Труп Фрея был уже у фрайторской секции моста. Рядом выблискивал серп. Бывший смертоносец уперся сапогом в каменный поребрик и медленно сползал в пропасть, поскольку дядюшка Ойкни продолжал энергично крутить ворот, вытягивая стальную пластину моста из-под тела альбиноса. Вороненый край моста исчез из-под головы Фрея. Затем в пропасть свесились его руки. Еще три удара сердца — и тело Фрея кувыркнулось в бездну вместе с золотым серпом.

«Если бы вы знали, как это больно и страшно...»

Гритт! Перед смертью он снова стал человеком.

Но я не испытывал к нему жалости.

Сто...

Дырка тебе от бублика, а не шаграутт, подумал я. Этот демон — тупой младенец, его нужно науськать на цель, а чтобы это сделать, нужно, как минимум, эту цель видеть. А мы сейчас достигнем гребня, перейдем его — и поминай, как звали.

С глаз долой, из сердца вон — о да!

Ну а ты, Фатик, сколько прoderжишься ты?

Девяносто.

Чирвалы? Хо, пока они проснутся, мы будем уже далеко. И с ними, очевидно, та же история — они тупы и должны видеть цель. Ну а кругом горный лес, есть где затеряться, а у чирвалов слишком мало времени, чтобы нас искать — срок их жизни, равно как и срок жизни шаграутта в нашем мире ограничен. И — вот оно! — Фрей *знал*, каким заклятием Гродар по нам врежет. Раз он сказал отступить за гребень, значит, заклятие будет из тех, *взрывных*, что хорошо умеют творить смертоносцы. Выходит, главное для нас — уйти как можно дальше. «Дело в том, что затраты магической энергии вырастают в зависимости от расстояния до объекта, к которому прилагаются

силы мага. Закон *обратного квадрата* и прочая заумь». Помните, я это уже говорил?

Уйти как можно дальше?

Но тебе какое до этого дело, Фатик? Ведь ты...

Заткнись, сказал я себе.

Семьдесят.

Мои ноги отяжелели. Холод уже поднимался к сердцу.

Пятьдесят.

У гребня я оглянулся, разогнал перед глазами кровавую мусть. Равнодушная личина Гродара блестела на солнце. Он держал нас взглядом, не переставая двигать пальцами. Скальная площадка на хараштийской стороне была заполнена народом. Кажется, я увидел капитана Керрита и еще парочку рыл из стражи. И — вот сюрприз так сюрприз! — рядом с Керритом отирались митриZENовы орги, а сам седовласый эльф, привстав, внимательно смотрел на нас из лаковой коляски.

Будь я вот настолечко здоровее, я бы помахал ему рукой.

Мы достигли гребня, за которым дорога, петляя, уходила вниз меж деревьев.

Двадцать.

Успели. Я успел. Спас. Вытащил. Теперь они могут... и без меня...

Тут я остановился, посмотрел назад, протяжно вздохнул и осел на камни.

Дела мои обстояли относительно неплохо. Если учесть, что я пропустил смертельный удар и истекал кровью, но все еще был жив.

Литературно-художественное издание

Евгений
ШЕПЕЛЬСКИЙ

ИМЕЮ ТОПОР — ГОТОВ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ

Ответственный редактор *А. Сидорович*

Корректор *Л. Комарова*

Верстка *Н. Байдаковой*

Подписано в печать 04.12.2012

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура Петербург.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 15,7.

Тираж 4 540 экз. Заказ № 4286136

Издательский дом «Ленинград»

191025, Санкт-Петербург,

ул. Колокольная, д. 8, лит. А, пом. 8-Н

Тел.: (812) 714-44-70, факс: (812) 571-26-25

E-mail: fancon@yandex.ru

www.lenizdat.org

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в филиале «НИЖПОЛИГРАФ»,

ОАО «Первая образцовая типография»

603950, г. Нижний Новгород, ГСП-123, ул. Варварская, 32.

Издательский дом «Ленинград»
представляет новую серию

Ерофей ТРОФИМОВ
Андрей ЗЕМЛЯНОЙ

ОТРАБОТАННЫЙ МАТЕРИАЛ

На этой планете нет промышленности и прогресса. Это странный, холодный мир, где неугодные граждане и списанные бойцы спецподразделений живут, а точнее, выживают, как могут. Но даже на этом насквозь промёрзшем куске камня, несущемся по своей орбите, он, забытый, брошенный на произвол судьбы, продолжает оставаться самим собой. Разведчиком. Тем, кто первым высаживался на открытые планеты и первым сталкивался с неизвестными цивилизациями.

Ленинград
издательский дом

Издательский дом «Ленинград»
представляет новую серию

От войны нельзя уйти, она последует за тобой повсюду. Отлежав после ранения положенный срок в госпитале, Влад приехал домой, решив никогда больше не возвращаться в «стреляющие горы». Но человек предполагает, а боги решают. Влад и оглянуться не успел, как очутился в другом мире, где жизнь человеческая вообще ничего не стоит, ибо Император людей отдал власть над своими подданными и их имуществом гоблинам и троллям.

Ленинград
издательский дом

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Над самым ухом слышались «банг! банг!» арбалетов, но моему амоку было наплевать. Я превратился в жнеца, в смертельный вихрь, в грозу с двумя разящими молниями. Смертные вскрики Охотников звучали для меня райской музыкой. Я убивал стремительно, разил наповал одним ударом, перепрыгивал тела, чтобы добраться до живых врагов. Один из «бродяг» запустил в меня арбалетом, другой извлек кинжал, третий попытался ретироваться к дальней группе Охотников. Я убил всех троих за три мгновения, достав последнего в спину между лопаток. Двое Охотников решились атаковать меня с боков. Я уложил их почти одновременно, различив блеск ужаса в их глазах. Да, добренький варвар Фатик, простой торговец женскими корсетами, посмешище крутых парней Харашты, и вдруг озверел. Вот и все. Раненых нет. Мой амок пропал.

Ленинград
издательский дом

ISBN 978-5-516-00016-4

9 785516 000164